

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4(1)
2022

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- М.А. Аствацатурова, Д.С. Чекменев, И.Н. Колесников, Е.В. Давыдова** — Исторические условия и факторы трансформации системы взаимодействия власти и общества в России в конце XX — начале XXI в.... 4
- Ван Сюй** — Эволюция китайско-советского сотрудничества в сфере культуры в годы Второй мировой войны 17
- Ю.В. Шахин, Т.П. Разбеглова, О.А. Мирошников** — Первая неудача социалистического югославизма (литературная полемика 1956—1957 гг. о едином югославском критерии)..... 32
- Т. Аббасов** — О развитии политической ситуации на Ближнем Востоке в контексте американских доктрин и приоритетов администрации Дж. Буша-старшего... 45

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- В.В. Синиченко** — К вопросу о попытках приобретения вооружения из латиноамериканских стран для русской армии в годы Первой мировой войны 57
- С.В. Воробьев, С.С. Воробьев, Т.В. Епифанова, Т.В. Каширина** — «Неравнозначный обмен» в истории России: от слухов и домыслов — к анализу достоверных документов 64
- Р.Р. Валеева-Хакимова, Р.И. Гузаеров** — Формирование оси Лондон — Анкара — Токио и ее влияние на современные международные отношения..... 76

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ.

- В.К. Грошева** — Коренизация и украинизация работников милиции Украинской Советской Социалистической Республики в 20-е гг. XX в. 86

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

Д.Н. Мансур, В.В. Скориков, М.А. Молчанова, И.В. Шведова — История экономического развития Китая с начала правления династии Мин до начала проведения политики реформ и открытости.....	94
А.С. Арчугова, А.А. Воболевич, М.-Н.Л. Вагнер — Российско-китайские отношения в контексте политического кризиса на Украине 2013—2014 гг. на страницах китайской газеты «Жэньминь жибао».....	103

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

А.В. Володько — Из истории русского зарубежья. Иван Иванович Остромысленский: выдающийся вклад в мировую науку	113
И.В. Корнилова, А.З. Нигамаев, А.М. Рафиков — Судьбы казанского искусства советской эпохи.....	124

НАРОДЫ РОССИИ

М.Я. Мирзабеков, М.К. Нагиева — Проблемы подготовки женских педагогических кадров в 1950-е — 1960-е гг.: гендерный аспект.....	133

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

Ю.А. Бирюкова — Соборное движение в русском православии в период революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.)	142

ИСТОРИЯ И ПРАВО

Н.Э. Мартыненко — Неполнота и недостатки уголовного закона и советы Николая Степановича Таганцева по их преодолению	152
Л.И. Беляева, Ю.В. Трунцевский — О создании и деятельности Государственного института по изучению преступности и преступника.....	158
Нгуен Нгок Киен — Эволюция уголовно-процессуального законодательства Вьетнама с 1945 г. до настоящего времени	167

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

Н.Ф. Шестакова — Стереотипные представления о кельтских народах в британской визуальной культуре середины XVIII — начала XIX в.	178
С. Ахмедова — Литературная среда Баку в период его нахождения в составе Российской империи	189
С.А. Черкашина, П.Ю. Гурушкин, Ю.Г. Бабаева — Русско-китайские культурные контакты на Северо-Востоке Китая в первой половине XX в.	194

ИСТОРИОГРАФИЯ

В.Н. Шайдуров, В.А. Ломанов — Немцы Северо-Запада (1918—1939 гг.): историографический аспект 207

А.А. Чемшит, Е.В. Скребец, Д.А. Чемшит, О.С. Стаценко — Имперский феномен в контексте геополитики: западноевропейская историография 222

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А.Л. Чупин, Т.М. Воротынцева, В.Л. Абрамов, В.Я. Пищик — К вопросу о структуре научной коммуникации 237

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ И DATA SCIENCE

С.И. Белов — Серия видеоигр «Метро 2033» как ресурс политики памяти: позиционирование и эффективность продвижения образов прошлого 252

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

В.А. Бердинских — Русское крестьянство и устная история 264

СООБЩЕНИЯ

З.А. Арсаханова, Т.Г. Гилядов, И.В. Афанасьев, Ш.Х. Сунатуллаева — Взаимосвязь торговли и миграции в истории мировой экономики 269

А.А. Бисултанова, Д.С. Пономарёв, В.А. Ельшин, О.В. Чумакова — Историко-правовое формирование транснациональных корпораций в целях развития человеческого капитала 275

О.Е. Вороничев, Т.Е. Демидова, А.А. Прядехо, А.П. Тонких, М.А. Худякова — Концептуальные структуры развития стратегий глобализации высшей школы 282

Исторические условия и факторы трансформации системы взаимодействия власти и общества в России в конце XX — начале XXI в.

М. А. Аствацатурова, Д. С. Чекменев, И. Н. Колесников, Е. В. Давыдова

Аннотация. В статье выделяются и конкретизируются исторические условия и факторы трансформации, которую претерпела система взаимодействия власти и общества в России в конце XX — начале XXI в. Данные детерминанты имеют экономическую, политическую и собственно управленческую природу. Выделяются соответствующие трансформационные этапы: этап демократического транзита (1991—1999 гг.), этап режимной консолидации (1999—2008 гг.), этап политической модернизации (2008—2012 гг.), этап политико-доктринальной и политико-управленческой инерционализации на основе разумного консерватизма (с 2012 г.) — с обобщением их системных характеристик. Определяются основные тенденции и перспективы развития системы взаимодействия власти и общества.

Ключевые слова: взаимодействие власти и общества, политический транзит, политическая модернизация, гражданское общество, гражданское участие, публичная политика.

Abstract. The article highlights and concretizes the historical conditions and factors of transformation that the regime of interaction between government and society in Russia underwent at the end of the 20th — beginning of the 21st century. These determinants have an economic, political and managerial nature. The corresponding transformational stages are distinguished: the stage of democratic transit (1991—1999), the stage of regime consolidation (1999—2008), the stage of political modernization (2008—2012), the stage of political-doctrinal and political-managerial inertia based on reasonable conservatism (since 2012) — with a generalization of their system characteristics. The main trends and prospects for the development of the system of interaction between government and society are determined.

Key words: interaction between government and society, political transit, political modernization, civil society, civic participation, public policy.

Система взаимодействия власти и общества в процессе осуществления политического демократического транзита трансформируется вместе с общественно-политической системой и ее институтами. В этой связи представляется целесообразным обращение к тезису Т. Болла о том, что трансформация режима взаимодействия власти и общества имеет, в частности, историческую детерминированность ¹.

Во-первых, в трансформации режима взаимодействия власти и общества в России мы выделяем следующие этапы:

- этап демократического транзита (1991—1999 гг.);
- этап режимной консолидации (1999—2008 гг.);
- этап политической модернизации (2008—2012 гг.);
- современный этап политико-доктринальной и политико-управленческой инерционализации на основе разумного консерватизма (с 2012 г.).

Во-вторых, конкретными историческими условиями трансформации режима взаимодействия власти и общества в России выступают:

- политико-институциональные;
- экономико-структурные;
- информационно-коммуникативные;
- ценностно-культурные.

Политико-институциональные условия одновременно диалектически отражают и выражают уровень демократичности политической системы. Например, к подобным условиям относятся наличие и степень влияния институтов гражданского общества, а также наличие и устойчивость публичной политики. Двумя важнейшими условиями, определяющими трансформацию режима взаимодействия власти и общества в России, являются политический демократический транзит и последовавшая за ним политическая модернизация.

Политический демократический транзит в отношении политических режимов представляет собой процесс перехода от автократического государства к государству демократического типа. Его результатом является модернизированный политический режим, отличающийся более эффективным и устойчивым состоянием и в то же время способный к реформированию и эволюции. Демократический политический транзит, по преоб-

Аствацатурова Майя Арташеговна — доктор политических наук, профессор, директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований Пятигорского государственного университета. E-mail: maya.astv@gmail.com; *Чекменев Дмитрий Сергеевич* — доктор политических наук, доцент, профессор кафедры Креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета. E-mail: tchekmenev@gmail.com; *Колесников Илья Николаевич* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры Креативно-инновационного управления и права, доцент кафедры Исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Давыдова Елена Владиславовна* — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры Креативно-инновационного управления и права Пятигорского государственного университета. E-mail: elen.davidova2012@yandex.ru.

Astvatsaturova Maya A. — doctor of political sciences, professor, director of the Scientific and educational center for political and ethnopolitical studies of Pyatigorsk State University. E-mail: maya.astv@gmail.com; *Chekmenev Dmitry S.* — doctor of political sciences, associate professor, professor of the department of Creative and innovation management and law of the Pyatigorsk State University. E-mail: tchekmenev@gmail.com; *Kolesnikov Ilya N.* — PhD (History), associate professor, associate professor of the department of Creative and innovation management and law, associate professor of the department of Historical and socio-philosophical disciplines, oriental studies and theology of the Pyatigorsk State University. E-mail: in_kolesnikov@mail.ru; *Davydova Elena V.* — PhD (Pedagogy), associate professor, associate professor of the department of Creative and innovation management and law of the Pyatigorsk State University. E-mail: elen.davidova2012@yandex.ru.

ладающим оценкам исследователей, завершился в России к концу 1990-х гг., когда сформировались стабильные институты власти и управления, равно как и институты партогенеза и гражданского общества.

Политическая модернизация как условие трансформации режима взаимодействия власти и общества заключается в совершенствовании и дальнейшем развитии созданных демократических институтов. Особо это касается процессуальных аспектов функционирования уже созданных институтов. Политическая модернизация также выступает условием трансформации режима взаимодействия власти и общества в России. Здесь следует подчеркнуть, что политическая система, сложившаяся в России после распада СССР, не включала механизмов прямого гражданского участия в общественно-политической жизни — формы подобного участия фактически ограничивались выборами и референдумом, при этом за гражданами также закреплялись политические права при ограниченности институциональных форм их реализации.

При этом закономерно, что в ходе последовавшей в 2000-х гг. политической модернизации были созданы институциональные формы участия граждан в разработке и имплементации важнейших политико-управленческих решений, проведено структурирование политических партий, некоммерческих организаций общественно-политической направленности, создана система комплексного (хотя и фрагментированного) взаимодействия власти и общества ².

Значимым политико-институциональным условием формирования демократической политической системы является построение комплексных механизмов взаимодействия власти и общества. На современном этапе развития российской политической системы проблема заключается в том, что созданные и институционально оформленные механизмы взаимодействия власти и общества для эффективного функционирования требуют активного гражданского участия, которое проявляется не всегда ³. Здесь стоит подчеркнуть, что в общем плане политическая культура современного российского общества практически не выходит за рамки историко-традиционного гражданского менталитета россиян. Он характеризуется выраженным министералитетом, смысл которого состоит в признании приоритетов государства над интересами общества и наполнение которого весьма консервативно ⁴.

Применительно к современной ситуации в России следует отметить, что, несмотря на имеющиеся сложности, ключевые институты гражданского общества принимают деятельное участие в обеспечении дальнейшего развития демократической системы. Убедительным подтверждением тому являются:

- участие гражданских активистов (экспертов) в осуществлении общественного контроля в сфере административного управления;
- включение гражданских представителей в нормотворческий процесс;
- активизация общественных организаций и общественных лидеров в информационно-коммуникационном интернет-пространстве общественно-политического содержания;
- участие институтов гражданского общества в разработке важнейших политико-управленческих решений ⁵.

Следующими историческими предпосылками трансформации режима взаимодействия власти и общества в России нами были определены экономико-структурные условия, в качестве которых выступают: уровень материального благополучия населения, доля сектора услуг, уровень валового внутреннего продукта, уровень бедности. Отправной точкой здесь является то, что для формирования и последующего эффективного развития системы взаимодействия власти и общества необходимы переход и развитие постиндустриальной экономической системы.

В России экономические показатели, достигнутые в 2000-х гг., соответствуют показателям, характеризующим постиндустриальную экономику. Так, доля услуг уже на начало 2000-х гг. составляла более 60%. Достаточность экономико-структурных условий отражается также в экономических показателях уровня развития информационного общества в стране. В частности, в 2017 г. доля хозяйствующих субъектов сферы промышленного производства и услуг, которые внедряют технологические инновации, составила 7,5% ⁶.

В качестве информационно-коммуникативных условий, определяющих трансформацию режима взаимодействия власти и общества в России, выступает формирование и дальнейшее развитие новых каналов информационно-коммуникативного взаимодействия органов публичной власти и общества. Показательными примерами таких каналов являются страницы в социальных сетях, личные блоги, личные сайты современных политиков. Они обеспечивают расширение их электоральной базы, формирование общественного мнения, трансляцию идей, упрочение и повышение эффективности их позиций в информационном пространстве, а также популяризацию имиджа и т. д.

Ценностно-культурные условия трансформации системы взаимодействия власти и общества в России определяют мировоззренческий и — в более широком смысле — культурный контекст данного процесса. Здесь имеет значение определение реестра и смысла демократических ценностей не только в их универсальном понимании, но и в приемлемости для выстраивания режима взаимодействия государства и общества.

К демократическим ценностям относятся: запрос общества на реализацию прав и свобод; гражданская активность; толерантность; гуманистическая и гуманитарная консолидация, самоорганизация и самоуправление граждан, свободный политический и социальный выбор и т. д. Имеющиеся социологические данные свидетельствуют о том, что для большинства российских граждан свобода (в том числе свобода политического характера) и возможность самореализации представляют ценность. Кроме того, в российском обществе поддерживаются такие ценности демократического характера, как политический плюрализм, свобода частной жизни, а также свобода передвижения ⁷.

В целом можно сделать вывод, что в России сформировались практически все необходимые условия для создания системы взаимодействия власти и общества, которые характеризуются рядом особенностей. Данные специфические условия сводятся, прежде всего, к сильной институционализации «сверху» формального толка механизмов взаимодействия власти и общества, при этом реальное гражданское участие «снизу» носит относительно слабый характер.

Перейдем к обобщению исторических факторов, влияющих на процесс трансформации системы взаимодействия власти и общества в современной России. Они конкретизированы нами на основе транзитных факторов, выделяемых в научно-практической литературе ⁸. При этом мы разделяем их на внешние и внутренние.

К внутренним факторам мы относим политико-экономическую и общую социальную ситуацию в стране, относительно низкую востребованность демократических ценностей, расширенную практику прямого административного управления, системную слабость оппозиции и ее слабую социальную поддержку.

К внешним факторам мы причисляем особенности динамики международных отношений, в которые включена Россия, а также их контекст.

Политико-экономическая и общая социальная ситуация. Содержательно данный фактор означает взаимосвязь и взаимообусловленность экономических, политических и социальных преобразований. К тому же политическая система, как и социальная сфера, в ряде случаев сталкивается с проблемами экономического характера, среди которых показательны экономический кризис 2008 г. и политико-экономические проблемы, относящиеся к периоду после 2014 г.

Низкая востребованность демократических ценностей. Содержательно данный фактор означает, что в России, несмотря на реализованный политический транзит и проведенную политическую модернизацию, востребованность демократических ценностей в обществе остается на невысоком уровне. Другой содержательный элемент данного фактора — это проявление авторитарных и автократических тенденций в практике публичного управления. При известных негативных проекциях этих тенденций мы признаем, что данный фактор имеет и конструктивные проявления — он в определенном смысле опосредовал возможность общественной консолидации вокруг национального лидера, в роли которого выступил президент России В.В. Путин.

Расширенная практика прямого административного управления. Содержательно данный фактор означает систематическое использование методов прямого административного воздействия для решения политико-административных задач. В основе такого воздействия лежат усиленная персонификация властных субъектов, слабость демократических институтов, ограниченное (фрагментированное) гражданское участие ⁹. Именно в связи с этими практиками в политико-управленческом дискурсном обороте появились такие определения, как «ручное управление», «дирижистское управление», «верхушечные решения», которые означают прямое административное вмешательство в управленческие процессы со стороны руководителя (лидера), что обеспечивает реализацию его политической воли ¹⁰.

Системная слабость оппозиции и ее низкая социальная поддержка. Этот фактор заключается в отсутствии реальной оппозиции — как идейно-программной, так и организационно-деятельностной. К тому же сам термин «оппозиция» постепенно приобрел отрицательные коннотации. При этом очевидно, что при демократическом политическом режиме оппозиция должна наличествовать и эффективно функционировать в публичной политике для обеспечения политического плюрализма, который сам по

себе становится фактором обеспечения общественно-политической стабильности. Подобная ситуация привела к формированию «системной оппозиции», представителями которой являются парламентские партии ЛДПР, КПРФ, «Новые люди» и «Справедливая Россия».

Рассмотрим содержание каждого из выделенных этапов трансформации режима взаимодействия власти и общества в России.

Этап демократического транзита (1991—1999 г.) характеризуется либерализацией политической системы, которая была инициирована и осуществлена первым президентом России Б.Н. Ельциным. На этом этапе были созданы институциональные основы для формирования системы взаимодействия власти и общества. Следует отметить, что после 1991 г. в российской политике основными игроками начинают выступать различные элитные группы ¹¹. Подобная трансформация взаимодействия власти и общества обеспечила достижение определенной стабильности — органы исполнительной власти полностью определяли ситуацию, а общество было отстранено от практики принятия решений.

Особенности развития общественно-политической и экономической ситуации в стране привели к тому, что ко второй половине 1993 г. в России стало очевидным развитие глубокого, разноуровневого политического кризиса ¹².

Для устранения институциональных основ политического кризиса с обеспечением доминирующего положения собственно президентской власти Б.Н. Ельциным 21 сентября 1993 г. был издан президентский указ «О поэтапной конституционной реформе» ¹³. В этом акте было объявлено о роспуске Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ, а также определено, что 12 декабря 1993 г. будут проведены референдум по принятию новой Конституции РФ и выборы в двухпалатное Федеральное собрание — новый парламент страны. В качестве ответной реакции X Съездом народных депутатов России было принято постановление, в соответствии с которым действия Б.Н. Ельцина определялись как «государственный переворот», и принято решение об отстранении его от власти, а исполняющим обязанности президента Российской Федерации был назначен вице-президент А. Руцкой. Эти процессы проходили на фоне массовых выступлений и нарушений правопорядка. Апогеем этих событий стали события в г. Москве 3—4 октября 1993 г., когда вслед за массовыми столкновениями и штурмом Верховного совета РФ были арестованы лидеры оппозиции, противостоявшей президенту России Б.Н. Ельцину.

Здесь представляется целесообразным отметить особенности отношения населения России к этим событиям. Результаты опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) ¹⁴, говорят о крайней противоречивости отношения населения к событиям осени 1993 г.: половина населения — 49,8% опрошенных — положительно оценивала действия, в то же время 23,1% опрошенных — негативно, а 27,1% вовсе затруднились ответить.

Относительно особенностей взаимодействия власти и общества в рассматриваемый период можно сделать следующий вывод. Во-первых, это взаимодействие осуществлялось в условиях идеологической поляризации общества, во-вторых, при этом преобладала в целом негативная

оценка осуществлявшихся социально-экономических и политических преобразований, что порождало атмосферу гражданского недоверия к системе органов власти и управления.

Недоверие между властью и обществом, негативная оценка предпринимаемых властью политико-управленческих усилий на практике проявились на референдуме в апреле 1993 г. и еще более ярко — на выборах в Государственную думу 12 декабря 1993 г., результаты которых имели, очевидно, протестный характер.

В целом выделенные особенности продолжали развиваться и в период с 1994 до первой половины 1998 г. Так, нарастали недоверие населения к власти и неприятие проводимого ею общественно-политического курса. В то же время отмечается действие фактора массового терпения, выполнявшего стабилизирующую роль даже в очень тяжелой общественно-политической и социально-экономической обстановке.

Существенным фактором практики взаимодействия власти и общества на рассматриваемом этапе явилась негативная оценка обществом и его отдельными активистами действий властей по решению комплекса проблем¹⁵, связанных с событиями в Чеченской Республике¹⁶.

Значимым результатом практики взаимодействия власти и общества на рассматриваемом этапе стало формирование более или менее четко фиксируемой общественной интенции на усиление позиций власти в общественно-политической, экономической и социальной сферах¹⁷. При этом эта власть должна была быть способной реально повысить уровень жизни населения и обеспечить реализацию национально-государственных интересов.

На рассматриваемом этапе развития системы взаимодействия власти и общества значимым представляется период второй половины 1998—1999 г., который имеет следующие важные особенности.

Прежде всего, недоверие общества по отношению к государственным, общественным и политическим институтам продолжало усиливаться, что было связано с тяжелой социально-экономической ситуацией. Затем, с сентября 1999 г., формируется выраженная поддержка нового председателя Правительства России В.В. Путина, который до момента своего назначения оставался довольно слабо известным в публичной политике. Эта новая фигура на фоне своих предшественников сразу стала ассоциироваться у населения с реализацией множества ожиданий.

Таким образом, в целом этап демократического транзита (1991—1999 гг.) связан с формированием исходных институированных условий, прежде всего правового характера, необходимых для формирования системы взаимодействия власти и общества¹⁸. На этом этапе имеет место массовое институирование политических и общественных субъектов, вовлеченных в процесс взаимодействия власти и общества. Причем их структурирование носит в большой мере ситуативный характер — их место и позиционирование в рассматриваемой практике четко не определено, а появление часто ситуативно. Важно отметить, что в практике взаимодействия власти и общества на данном этапе очевидно просматриваются несколько центров влияния как политического, так и общественного толка. Они формулируют диаметрально противоположные проекции предполагаемого общественно-политического развития. Это позволяет

нам говорить о слабой консолидации системы взаимодействия власти и общества на рассматриваемом этапе — черте, которая будет принципиально меняться на следующих этапах ее развития и функционирования.

Этап режимной консолидации (1999—2008 гг.) характеризуется формированием президентом России В.В. Путиным нового политического вектора, направленного на централизацию и консолидацию политической системы с усилением федерального уровня публичной власти. Следует отметить, что поступательное усиление власти как субъекта общественно-политических отношений равным образом распространялось и на остальные подсистемы общества. Данный вектор, очевидно, охватывал и систему взаимодействия власти и общества.

Прежде всего, отмечается усиление административно-политического влияния президентской власти¹⁹. Опора президента России В.В. Путина на политическую партию «Единая Россия» и использование имевшейся расстановки сил в Государственной думе могут быть рассмотрены и как формирование подконтрольных президенту структур в системе законодательной власти. В то же время подобная конструкция выступала основой для политической консолидации, в рамках которой были обеспечены политическая стабильность и дальнейшая модернизация общественно-политической сферы страны.

Очевидно, что такая ситуация актуализировала проблему выбора между демократией и автократией в практике взаимодействия власти и общества. Здесь следует отметить, что в российском обществе на рассматриваемом этапе проявлялся запрос и формировалась тенденция к наведению порядка, которая имела как автократические, так и авторитарные детерминанты. В то же время отдельные реальные проявления авторитаризма в обществе осуждались — в целом поддерживались политические права гражданина.

Большое значение для дальнейшего развития практики взаимодействия власти и общества имел вопрос, связанный с определением смыслового содержания предстоящих реформ. В этом отношении в обществе имел место явный консервативный настрой, связанный с опытом реформ 1990-х гг., при этом отмечалась не менее выраженная готовность к ним.

На данном этапе формируется принципиально важная особенность системы взаимодействия власти и общества в России — образование преобладающего большинства граждан, которые выступали в качестве более или менее последовательных сторонников проводимого президентом России В.В. Путиным общественно-политического курса. Реформаторские интенции вновь получили достаточно широкую социальную поддержку. Это, соответственно, привело к качественным изменениям практики взаимодействия власти и общества начала 2000-х гг. по сравнению с периодом 1990-х гг. Однако мы не можем говорить, что данная поддержка носила однозначный характер по отношению к конкретному содержанию и способам достижения поставленных целей.

Именно к этому этапу мы относим начало формирования современной системы взаимодействия власти и общества, фактически здесь происходит ее целенаправленная институционализация. На этом же этапе политическим режимом была достигнута консолидация, системными признаками которой являются:

- 1) наличие системы демократических институтов, например, института выборов;
- 2) наличие политико-управленческих вопросов, принятие решений по которым относится к прерогативе представителей правящей политической элиты;
- 3) использование гражданских свобод большей частью для обеспечения электоральной конкуренции, выступающей основой для достижения легитимации действий политического режима;
- 4) создание четко функционирующей «вертикали власти», обеспечивающей расширение полномочий органов публичной власти;
- 5) выстраивание системы эффективного государственного контроля за общественными организациями, которая предусматривает формирование механизмов целенаправленного создания и структурирования их деятельности ²⁰.

Рассмотрим эти признаки подробнее.

1. Наличие системы демократических институтов. Так, институт выборов представляет собой важнейшую регулярно используемую форму гражданского участия в общественно-политических процессах. При этом на рассматриваемом этапе создаются новые формы взаимодействия власти и общества, например, предварительные выборы в системе определения кандидатов от политической партии «Единая Россия».

Мы отмечаем, что сама система взаимодействия власти и общества ориентирована на создание и внедрение новых форм этого взаимодействия, которые могли бы максимально широко охватить изменения информационно-коммуникативных процессов.

2. Наличие политико-управленческих вопросов, принятие решений по которым относится к прерогативе представителей правящей политической элиты. В начале рассматриваемого этапа данный признак имел регулярные проявления, однако постепенно сфера его действия сокращается, что мы связываем с интенсификацией практики взаимодействия власти и общества, причем деятельность гражданских активистов начинает все больше коррелировать с интенциями власти.

3. Гражданские свободы реализуются по большей части для обеспечения электоральной конкуренции, выступающей основой для достижения легитимации действий политического режима. Для рассматриваемого этапа была характерна эта черта, проявлявшаяся, в частности, в образовании целой серии молодежных организаций в 2004—2005 гг. Во многом усиление внимания со стороны органов публичной власти к молодежи и осознание необходимости управления ее политической активностью было вызвано угрозами, связанными с возможностью политического использования молодежи как особой социальной группы ²¹.

Подобное формирование общественного сектора, осуществляемое органами власти и управления, было связано, прежде всего, с необходимостью структурирования электоральных процессов и обеспечения легитимности принимаемых политико-управленческих решений.

4. Создание четко функционирующей «вертикали власти», обеспечивающей расширение полномочий органов публичной власти. Этот признак в практике взаимодействия власти и общества проявился в том, что ведущим субъектом являются соответствующие органы публичной вла-

сти в их иерархической соподчиненности. Их вертикальное взаимодействие полностью детерминирует взаимодействие власти и общества.

5. Выстраивание системы эффективного государственного контроля за общественными организациями. В контексте рассматриваемого вопроса принципиальное значение имеет то, что усиление государственного контроля сопровождалось целенаправленным формированием круга общественных организаций, которые включались в практику взаимодействия власти и общества.

Подчеркнем, что ряд исследователей²² отмечает дистанцирование общества от политики, характерное для рассматриваемого периода по сравнению с 1990-ми гг. Тем не менее для проявления системной гражданской активности, для обеспечения взаимодействия власти и общества были созданы институциональные условия для участия в политической жизни²³. Такая трансформация в первое время снизила гражданскую активность, но по мере интенсивного вовлечения общества во взаимодействие с властью данная активность вновь увеличилась, при этом стала осуществляться в «системных» формах (показательным примером здесь является Общероссийский народный фронт). В то же время имевшиеся «несистемные» проявления гражданской активности продолжали отмечаться, но их количество поступательно снижалось на фоне улучшения социально-экономической ситуации. Постепенно подобные проявления были вытеснены из фокуса общественного внимания и утратили значение для системы взаимодействия власти и общества.

Таким образом, этап режимной консолидации (1999—2008 гг.) характеризуется созданием системы взаимодействия власти и общества, в которой органы публичной власти играют определяющую роль. Гражданская активность системно поощряется и направляется.

Этап политической модернизации (2008—2012 гг.) связан с президентством Д. А. Медведева. В этот период функционировала созданная к 2008 г. система взаимодействия власти и общества. Важнейшей отличительной чертой данного этапа является интенсификация политической модернизации, что было связано с политическим курсом президента. Также имело значение то, что выстроенная политическая система с заметно ограниченным гражданским участием оказалась в кризисе и фактически с 2010 г. начинает осуществляться политическая реформа, направленная на либерализацию и демократизацию законодательства, регулирующего отдельные политические отношения.

Для данного этапа характерно подключение общественности к процессу публичного принятия важнейших политико-управленческих решений, показательными примером может служить публичное обсуждение проектов федеральных законов о полиции, об образовании и т.д. Вместе с тем на фоне данных процессов общественно-политическая ситуация к парламентским и президентским выборам 2011—2012 гг. радикально обострилась. Важно, что подобное обострение произошло в том числе и в силу непроявленности лидерских качеств президента России Д. А. Медведева, что указывает на очевидную системную необходимость в сильном национальном лидере. Другим важным обстоятельством, характеризующим политический кризис 2011—2012 гг., стало то, что его движущей силой выступила внесистемная оппозиция. Именно данная

активность, которая в определенный момент приобрела деструктивный характер, послужила своеобразным толчком для дальнейшего реформирования сложившейся системы взаимодействия власти и общества ²⁴.

Таким образом, этап политической модернизации (2008—2012 гг.) характеризуется реальным использованием системы взаимодействия власти и общества в практике принятия значимых политико-управленческих решений. Одновременно данная система носила очевидно дифференцированный (избирательный) характер, заключающийся в вовлечении во взаимодействие ограниченного круга общественных организаций и активистов при усечении возможностей для активности «снизу» и активности, основанной на иных общественно-политических ценностях. В целом это породило необходимость совершенствования системы взаимодействия власти и общества, предусматривающего возможности для проявления разнообразной политической активности при сохранении доминирования «лояльного» общественного сектора.

Следующий этап развития системы взаимодействия власти и общества — этап политико-доктринальной и политико-управленческой инерционализации на основе разумного консерватизма (с 2012 г.). Начало этого этапа связано, прежде всего, с кризисом политической системы, результатом которого стало протестное движение 2011 г., и последующей политической реформой, а также с началом «второго первого» президентского срока В. В. Путина. Важность данного этапа заключается в осуществлении политической реформы, нормативно упрощающей регистрацию и деятельность политических партий, а также утверждающей возврат к прямым выборам глав субъектов Российской Федерации. В этой связи мы можем констатировать, что произошло расширение практики взаимодействия власти и общества, что проявилось, в частности, в интенсификации участия общественных организаций и активистов в публичном обсуждении важнейших политико-управленческих решений.

Таким образом, современный период развития системы взаимодействия власти и общества характеризуется, во-первых, обязательным реальным вовлечением общественности в публичный процесс разработки, принятия и имплементации общественно значимых, резонансных политико-управленческих решений, что выступает значимым условием обеспечения их легитимности. Во-вторых, существенно расширяются формы взаимодействия власти и общества, причем активно используются, наряду с институированными, неинституированные его формы. В-третьих, система взаимодействия власти и общества имеет в значительной мере управляемый характер, при том что интегрированные общественные организации и субъекты самостоятельно проявляют активность. При этом подобная ситуация системно актуализирует вопрос об уровне подготовки соответствующих управленческих кадров ²⁵. Наконец, в публичной политике остается оппозиционная часть несистемного характера, однако ее влияние в обществе радикально снижено. Однако системная оппозиция имеет определенное влияние.

В заключение представляется целесообразным определить тенденции, характеризующие динамику взаимодействия власти и общества. Во-первых, встроенные в данное взаимодействие общественные организации и активисты будут проявлять все большую самостоятельность,

при этом их поддержка власти по стратегическим вопросам не будет ослабевать. Во-вторых, практика взаимодействия власти и общества будет расширяться и углубляться, охватывая все более широкие слои населения. В-третьих, существуют реальные вызовы, без ответа на которые выстроенная система может испытывать значительные кризисные воздействия (сменяемость власти, более эффективная кадровая политика, борьба с коррупцией, диалог с оппозицией, достижение широкого социального компромисса и т.д.). В-четвертых, форматы взаимодействия власти и граждан, государства и общества в силу содержательных и функциональных свойств политической культуры и политического поведения граждан будут и в дальнейшем определяться «сверху» — государством как приоритетным субъектом политической системы. В-пятых, предполагаемой тенденцией форматизации системы взаимной государственно-гражданской ответственности будет дальнейшая вертикализация власти и персонификация в лице президента Российской Федерации.

Примечания

1. BALL T. Transforming Political Discourse: Political Theory and Critical Conceptual History. Oxford, UK — NY. 1988, p. 7—8.
2. АСТВАЦАТУРОВА М.А., ЧЕКМЕНЕВ Д.С. Методология и контент элитологического дискурса в контексте региональной общественно-политической конъюнктуры. — Философия элитологии: Сб. трудов Первого Всероссийского элитологического конгресса с международным участием. Т. 3 / Науч. ред. проф. А.М. Старостин. Ростов н/Д. 2013, с. 248—256.
3. ИГНАТЬЕВ Н.П. Институционализация диалога власти и гражданского общества в современной России: проблемы, перспективы. — Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Сер.: Гуманитарные науки. Т. 151. № 1, с. 135.
4. Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции российского государства. М. 2012.
5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualizatsiya-ponyatiya-publichnaya-politika>
6. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/figure/anketa1-4.html
7. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov/
8. МЕЛЬВИЛЬ А.Ю. Демократические транзиты, транзитологические теории и посткоммунистическая Россия. — Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-сост. А.Д. Воскресенский. М. 2000, с. 3.
9. АВДОНИН В.С. К вопросу о характере авторитаризма в современной России. — Публичная политика. 2018. Т. 2. № 1, с. 76—95.
10. ЕПИФАНОВ А.С. Партийная система современной России как инструмент воспроизводства основных компонентов политического режима. — Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2015. № 2 (6), с. 126—132.
11. ГЕЛЬМАН В.Я. «Transition» по-русски: концепции переходного периода и политическая трансформация в России (1989—1996). — Общественные науки и современность (ОНС). № 4. 1997, с. 70.
12. Россия реформирующаяся / Под ред. Л.М. Дробижевой. М. 2002.
13. Указ Президента РФ от 21 сентября 1993 г. № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
14. Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения: Информ. бюллетень. М. 1993. № 8, с. 31—32.
15. АСТВАЦАТУРОВА М.А. Взаимодействие общества и власти в укреплении стабильного и гражданского согласия на Северном Кавказе. — Единство и многообразие России: М-лы Комиссии Общественной палаты Российской Федерации по вопросам толерантности и свободы совести / Под ред. В.А. Тишкова. М. 2007, с. 156—161.

16. KLYCHNIKOV Y. Y. From the History of the Formation of the Russian North Caucasus in the Second Half of the 16th-18th Centuries. Pyatigorsk. 2008. (in Russian)
17. Россия в изменяющемся мире / Под ред. В. А. Гусейнова. М. 2008.
18. КРАСИН Ю. А. Метаморфозы российской реформации: Политологические сюжеты. М. 2009.
19. Российские реформы: взгляд из 2017 года: Коллективная монография / Под ред. А. Ю. Сунгурова. СПб. 2018.
20. ВАРФОЛОМЕЕВ М. А. Специфика функционирования политических систем в моделях демократического транзита. — Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика. 2012. Т. 21. № 1 (120), с. 229.
21. СОЛОВЬЕВА Е. А. Феномен интернет-аддикции молодежи в контексте угроз информационной безопасности РФ. — Социотехнические и гуманитарные аспекты информационной безопасности: М-лы Всероссийской научно-практической конференции. Пятигорск. 2019, с. 312—320.
22. КРОТКОВ В. О. Сравнительный анализ реформаторских практик в современной России. — Власть. 2009. № 12, с. 45—47.
23. АСТВАЦАТУРОВА М. А., ГОРБУНОВ А. П. Российская гражданская идентичность: идеи и практики политики, управления, образования. Пятигорск. 2019.
24. ERMAKOV V. P., KLYCHNIKOV Y. Y., LAZARYAN S. S., MILYAEVA L. I. Political and Socio-Cultural Principles of the Formation of the Russian Imperial Identity in the Conditions of the North Caucasus Realia in the First Half of 20th Century: The Russian Imperial Identity and the North Caucasus. — Man in India. 2017. Vol. 97. Iss. 6, p. 10.
25. ЕФИМОВА Е. В. Перспективные способности и качества российской управленческой элиты XXI века. — Вестник Пятигорского государственного университета. 2019. № 1, с. 233—235.

Эволюция китайско-советского сотрудничества в сфере культуры в годы Второй мировой войны

Ван Сюй

Аннотация. В статье исследуется проблема китайско-советского сотрудничества в сфере культуры в годы Второй мировой войны, начало которой автор, вслед за рядом современных исследователей, связывает с захватом Японией Маньчжурии (1931). Отмечается, что в рамках периода, благодаря усилиям прогрессивной общественности Китая и СССР, несмотря на реакционную политику Гоминьдана и объективные трудности военной эпохи, межкультурное взаимодействие двух стран неуклонно расширялось. Особое значение автор придает широкому распространению в Китае переводов произведений русской и советской литературы. Также отмечен серьезный прогресс межкультурных контактов в сферах живописи, графики, театрального искусства, кинематографа и т. д.

Ключевые слова: китайско-советское сотрудничество, Вторая мировая война, антияпонская война, Китайская Республика, СССР, социалистический реализм.

Abstract. The article examines the problem of the Chinese-Soviet cooperation in the field of culture during the Second World War, the beginning of which the author, following a number of modern researchers, connects with the capture of Manchuria by Japan (1931). It is noted that within the period, thanks to the efforts of the progressive public of China and the USSR, despite the reactionary policy of the Kuomintang and the objective difficulties of the war era, the intercultural interaction between the two countries has steadily expanded, covering more and more new areas. The author attaches particular importance to the widespread dissemination in China of translations of works of Russian and Soviet literature. Along with this, a serious progress was noted in intercultural contacts in the fields of painting, graphics, theatrical art, cinema, etc.

Key words: Sino-Soviet cooperation, World War II, Anti-Japanese war, Republic of China, USSR, Chinese revolutionary culture, socialist realism.

С момента зарождения древнейших цивилизаций и на протяжении всей истории человечества межкультурный обмен выступал главной движущей силой эволюции человеческого сообщества. Он помогал представителям разных регионов планеты, различных рас и этносов общаться друг с другом, понимать друг друга, учиться друг у друга. Как показывает исторический опыт, попытки создания замкнутых сообществ, самоизоляции отдельных народов всегда имели своим следствием их отстава-

Ван Сюй — кандидат социологических наук, пост-докторант факультета русского языка Института иностранных языков Нанкинского университета (КНР). E-mail: info@helry.com.

Wang Xu — PhD in Sociology, postdoctoral student of the Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, Nanjing University (People's Republic of China). E-mail: info@helry.com.

ние в развитии, застой, а то и прямой регресс и деградацию. Это убедительно доказывает, что взаимодействие между народами, организация межкультурного обмена, стремление освоить все лучшее из зарубежного опыта — важнейший источник развития, определяющий общий прогресс как отдельных народов, так и человеческой цивилизации в целом. Для современного Китая межкультурный обмен стал одним из способов китайской нации учиться у развитых стран, развивать таланты, укреплять государство.

В отмеченном контексте несомненный интерес представляет собой история китайско-советского взаимодействия в сфере культуры, при всей своей неоднозначности оказавшего важное влияние на становление и успешное развитие современного китайского социума, во многом определившего нынешний облик «страны победившего социализма», демонстрирующей выдающиеся достижения в самых разных сферах. Стремление к активизации двустороннего сотрудничества на принципиально новых — последовательно антиколониальных — принципах позволило заложить для него прочные основы уже в 1920-е — 1940-е гг., когда перед Китаем стояла задача преодоления раздробленности и освобождения от колониального ига.

В силу специфики периода особый интерес для обеих стран тогда представляло, прежде всего, взаимодействие в сфере политической культуры, что начиная с 1920-х гг. обусловило неуклонный рост значения политической составляющей в межкультурном сотрудничестве. Активное содействие РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерна становлению Коммунистической партии Китая, тесные контакты с Гоминьданом, его лидером доктором Сунь Ятсеном, учение которого В.И. Ленин еще в 1912 г. назвал «платформой великой китайской демократии» (Сунь «рассуждает буквально как русский») ¹, превратили СССР 1920-х гг. в настоящую кузницу кадров для китайской революции, надежда на которую была особенно сильной после поражения в 1923 г. революционной волны в Европе. Не удивительно, что в Москве тогда обучались многие видные китайские революционеры ².

Заметим, что расширение двусторонних контактов в данной сфере активно отстаивал и доктор Сунь, обращавшийся к этой теме даже на смертном одре и поручавший «моей партии поддерживать постоянные связи с вами. Я лелею твердую надежду, что ваша поддержка моей страны останется неизменной» ³. В рамках расширения сотрудничества в Москве в 1925 г. учредили Университет трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (1925—1930), учащиеся которого осваивали не только военное дело, но и искусство владения словом. Как отмечал Шэн Юэ, «студенты должны были “владеть пером”, чтобы успешно вести политическую работу и влиять на массы, и “владеть мечом”, чтобы руководить военными кампаниями» ⁴.

Но к 1930-м гг. все это осталось в прошлом. Поражение широко освещавшейся в советской печати ⁵ революции 1927 г. в Китае и завершение Великой революции в России ⁶ радикально изменили общеполитическую ситуацию. Идея мировой революции для СССР утратила прежнее значение, а его отношения с Китайской Республики к концу 1920-х гг. стали предельно конфликтными. Прямую конфронтацию ослабила лишь начав-

шаяся японская агрессия в Манчжурии (1931), как все чаще подчеркивают международные исследователи, для Китая фактически означавшая вступление в эпоху Второй мировой войны ⁷. В этих непростых условиях стремление руководства Китая и СССР к политическому компромиссу, помимо военно-технического и экономического сотрудничества, актуализировало в первую очередь именно двусторонние культурные связи. Впрочем, следует учитывать, что последние существенно деформировала наступившая в Китае полоса антикоммунистической гоминьдановской реакции.

Как кузница политических кадров, СССР сохранял теперь значение скорее уже не столько для отцов, сколько для детей. В 1930-х — 1940-х гг. основатели и первые лидеры КПК упорно трудились, чтобы ниспровергнуть старую систему и построить новое справедливое общество. При этом около 80 их детей отправились в Советский Союз, где поступили в Ивановский интернациональный детский дом. Они долгие годы жили и учились в далекой стране и в дальнейшем стали знатоками русского языка и русской культуры. Что касается отцов, то они теперь были ограничены в контактах с Москвой. Хотя эти контакты все же продолжались, главным образом на межпартийном уровне КПК и ВКП(б). Так, в 1928 г. в Москве проходил Шестой национальный съезд Коммунистической партии Китая, делегаты которого, чтобы избежать «белого террора», конспиративно следовали по «красной полосе» движения через Маньчжурию, и ныне хранящую воспоминания о революционной дружбе Китая и Советского Союза и революционной культуре, питавшейся китайско-советскими контактами ⁸.

Что касается межгосударственного уровня, то основной акцент в сфере гуманитарного взаимодействия с 1930-х гг. явно сместился именно в область культуры. Необходимость его активизации в начале рассматриваемого периода, когда китайско-советский обмен практически отсутствовал, а знания о соседних народах и их культуре были крайне поверхностными, на наш взгляд, была более чем очевидной. В частности, в советских кинофильмах той эпохи собирательный образ китайцев был откровенно серым, унылым, скучным. Китайцы выглядели как невежественная, лишенная жизненных сил нация. Например, в советском фильме «Голубой экспресс» (1929) заполнявшие вагон китайцы выглядят как совершенно безликая и бесформенная масса.

Конечно, ментальность народов существенно различалась. Тогда мышление китайцев находилось под сильным влиянием традиционных конфуцианских догм, а сами они были более замкнуты и не столь общительны, как советские люди. Однако восстановление в 1930-х гг. межгосударственных контактов объективно требовало пересмотра упрощенно-схематичного взгляда друг на друга. Это было тем более важно, что после вторжения Японии в Манчжурию СССР встал на сторону Китая. С началом Войны сопротивления Японии (1937) Советский Союз начал оказывать Китаю большую помощь как финансовыми, материальными (в том числе военными) и людскими ресурсами, так и путем формирования соответствующего общественного мнения (в том числе на международной арене). Чтобы усилить сопротивление Китая, советское правительство неоднократно предоставляло ему ссуды для закупок оружия и других

материалов, необходимых для войны с агрессором. СССР также направил военных советников и авиационные группы добровольцев для непосредственного участия в Войне сопротивления китайского народа против Японии⁹. В то же время советские газеты и радиостанции выразили солидарность с китайским народом, безоговорочно осудив японскую империалистическую агрессию¹⁰.

В этих условиях китайско-советские контакты в сфере культуры постепенно расширялись, все более дополняя и корректируя ту культурную миссию, которую ранее объективно выполняла в Китае, особенно в Харбине, российская эмиграция. Это было тем более важно, что в 1930-е гг. в связи с японской агрессией в Маньчжурии, а затем и в Центральном Китае начался «процесс постепенного затухания харбинского русского культурного очага»¹¹.

Активизация межкультурного взаимодействия открыла новый важный этап, способствовав восстановлению взаимопонимания двух стран. Китайско-советский межкультурный обмен начался со сферы художественного творчества. В 1930-е гг. он оказался заметным прежде всего в области литературы и искусства, где громко заявила о себе целая плеяда блестящих китайских мыслителей и художников, не просто увлекшихся русской и советской культурой, но прямо поставивших задачу «учиться у СССР».

Несмотря на то что после 1927 г. передовые деятели культуры в Китае подверглись гонениям и зачастую находились на полуподпольном и даже подпольном положении, их усилиями был совершен подлинный переворот в общественном сознании. И решающую роль здесь сыграло обращение к русской и советской литературе, переводы которой стали делом жизни многих видных деятелей в Китае¹². По свидетельству выдающегося классика китайской литературы, признанного родоначальника нового литературного языка «байхуа», под влиянием октябрьских событий 1917 г. в России передовая молодежь в поисках «произведений, призывающих к борьбе» «нашла русскую литературу», которая стала для нее «учителем и другом»¹³.

В 1930-е гг. в стране издавались уже десятки произведений как дореволюционных (А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, В.Г. Белинский, В.Г. Короленко и пр.), так и советских авторов (А.М. Горький, А.С. Серафимович, А.А. Фадеев, Ф.В. Гладков и др.)¹⁴ Как метко заметил Го Можо, уже в 1930-е гг. «постепенно русская литература стала господствующей как по количеству переводов, так и по своему влиянию»¹⁵.

В этой связи особо отметим большой вклад, внесенный в развитие китайско-советского культурного сотрудничества Лу Синем, много сделавшим для ознакомления китайского читателя с русской литературой. Обратившись к переводам русских литературных произведений еще в предреволюционную эпоху (Н.В. Гоголь, Л.Н. Андреев, В.М. Гаршин и пр.), он существенно расширил эту работу в 1920-е — 1930-е гг. Писатель, формально не являвшийся членом КПК, но открыто симпатизировавший коммунистам, не только стал переводчиком и популяризатором произведений российских писателей («Мертвые души» Н.В. Гоголя и пр.), но и организатором и руководителем «Лиги левых писателей» — 中國左翼作家聯盟, «Чжунго цзои цзоця льяньмэн» (1930), после прошедшей

в Харькове 5—15 ноября 1930 г. II Конференции Международного объединения революционных писателей (МОРП) ставшей китайской секцией этой организации. В свою очередь, советские писатели придавали контактам со своими китайскими коллегами, особенно связанными с КПК, чрезвычайно большое значение. К примеру, А. М. Горький, еще в 1912 г. в письме Сунь Ятсену назвавший китайских революционеров «братьями по духу» и «товарищами по намерениям»¹⁶, в непростое для КПК время прямо поздравил всех революционных писателей с победой китайской Красной армии над Гоминьданом¹⁷.

В качестве друга, издателя, а нередко и наставника Лу Синь активно способствовал деятельности китайских переводчиков с русского, среди которых были многие видные литераторы и общественные деятели. К примеру, его другом и единомышленником был отошедший от активной политической работы бывший генеральный секретарь ЦК КПК Цюй Цюбо, с которым они совместно перевели роман А. Серафимовича «Железный поток». Лу Синь активно поддерживал и разработанный Цюй Цюбо с группой литераторов во время их пребывания в СССР проект китайской алфавитной письменности¹⁸. В то же время с конца 1920-х гг. собственные произведения писателя становятся известными советскому массовому читателю¹⁹.

Примечательно, что, будучи уникально одаренным и разносторонним человеком, Лу Синь, по существу, дал толчок настоящей моде на советскую графику, которая возникла в Китае в 1930-х гг. Активно привлекая к оформлению издававшихся им произведений советских графиков, ведя переписку с М. Алексеевым, С. Пожарским, Л. Мочаловым, рядом других художников (в основном ленинградцев), он собрал вполне представительную коллекцию их работ. В начале 1930-х гг. в целях их экспозиции он трижды проводил выставки в Шанхае, издал альбомы репродукций «Извлечение яшмы» (1934) и «Советская графика» (1936)²⁰, заинтересовав творчеством советских графиков многих современников, в том числе видных художников. В итоге советская графика стала настоящим знаменем передовой китайской молодежи и приобрела столь большое значение, что гоминьдановцы порой арестовывали человека даже за простую принадлежность к обществу граверов²¹.

В целом следует признать, что существенный рост взаимного интереса к опыту современных школ живописи стал одним из наиболее очевидных достижений двустороннего сотрудничества в сфере культуры с 1930-х гг. И это было логично. Развитие китайской живописи с начала XX в., особенно с 1920-х — 1930-х гг., в решающей степени определялось освоением богатейшей европейской традиции, прежде всего ее новейших течений — импрессионизма, постимпрессионизма, экспрессионизма и пр. В период поздней династии Цин и ранней Китайской Республики молодые китайские художники, направленные для обучения в Европу, активно изучали западное искусство во Франции, Италии, Германии и других западных странах (а также в Японии), в которых со второй половины XIX в. развернулся масштабный пересмотр базовых художественных концепций, где серьезным корректировкам и трансформациям подвергались фундаментальные основы художественного творчества. Именно эти художественные концепции уже в начале XX в. создали современ-

ное искусство как особое мировосприятие, отражение новой философии творчества. При этом китайская живопись, во многом под влиянием европейских течений в живописи, также переживала процессы оформления нового культурного движения «Четвертое мая», которое радикально изменило привычное художественное пространство на основе синтеза старого и нового, китайского и западного, а также экспериментов с формами имыслеобразами.

Серьезную подготовку в ведущих европейских центрах (а частично и в Японии) получили все отцы-основатели современной китайской живописи, великие художники и педагоги — «четыре великих президента Академии художеств» Сюй Бэйхун (декан художественного факультета Пекинского университета, в КНР — ректор Национальной (Пекинской) художественной академии и председатель Всекитайской ассоциации деятелей литературы и искусства), Лю Хайсу (Шанхайская школа изящных искусств), Янь Вэньлянь (Художественная академия Сучжоу) и Линь Фэнмянь (Национальная школа изящных искусств Ханчжоу). Каждый из них был не просто великим художником, но и подлинным революционером. Создавая свои произведения, они органично сочетали язык современной западной живописи с традиционной китайской живописью²².

К примеру, бунтарь и ниспровергатель устаревших канонов, пионер работы с обнаженной натурой, один из создателей первой китайской академии изящных искусств Лю Хайсу (1896—1994) в то же время с сыновним почтением относился к китайской художественной традиции, отражая в своих произведениях традиционные эстетические ценности. Испытавший большое влияние импрессионистов представитель прагматизма Ян Вэньлянь (1893—1988), внесший колоссальный вклад в разработку теории цвета, одновременно последовательно и успешно развивал традиции китайской живописи, что очевидно при обращении к его удивительным по богатству красок и философской мысли пейзажам. Как следствие, эти смелые эксперименты придали мощный импульс развитию в Китае художественного дизайна²³. Крупным новатором, способствовавшим становлению школы китайской масляной живописи, был и исколесивший всю Европу Линь Фэнмянь (1900—1991) — первый директор Национальной (Китайской) академии искусств (1928).

Вполне естественно, что революционным направлениям китайской живописи был интересен опыт первой страны социализма. Это создало условия для перехода к творческому обмену с СССР. Особая роль в его развитии принадлежала выдающемуся художнику, педагогу, организатору творческой жизни Сюй Бэйхуну (1895—1953), который, оставаясь в основном в рамках школы реалистической живописи, создал целый ряд интригующих работ, основанных на традиционной китайской живописи и в то же время интегрированных в западный мир формальных методов академической живописи²⁴. Работавший в жанрах «цветы-птицы», «люди», писавший акварели, картины маслом, тушью, в 1934 г. Сюй Бэйхун, отчасти под влиянием Лу Синя, стал первым крупным китайским художником, посетившим с выставкой СССР²⁵. Интересно, что когда советская сторона направила приглашение об организации соответствующей выставки в СССР (в 1933 г. она с успехом прошла по всей Европе), он отказался в пользу этого предложения от выставок в Англии

и Греции²⁶. При этом Сюй Бэйхун, как и в Европу, привез в СССР не столько свои собственные картины, сколько представительный ряд художественных произведений, характеризовавших эволюцию культуры Китая начиная с глубокой древности. На выставке китайской живописи в Государственном историческом музее в Москве (май — июль 1934 г.), директором которой он являлся и которую посетили почти 15 тыс. чел., экспонировалось более 330 произведений²⁷.

Интересно, что в рамках выставки Сюй Бэйхун непосредственно продемонстрировал свое искусство, нарисовав по просьбе членов выставочного комитета лошадь. Мастер использовал китайскую тушь и акварель, применив методы перспективы и анатомии, принятые в западной живописи. В итоге зрители были просто очарованы картиной, а легендарный герой гражданской войны маршал С. М. Буденный, выразивший желание приобрести шедевр, получил его от художника в подарок²⁸.

После окончания московской выставки картина была размещена в Государственном Эрмитаже в Ленинграде, где также привлекла многочисленную советскую публику и произвела фурор.

За время пребывания в СССР выдающийся китайский художник буквально влюбился в русскую и советскую живопись. Его восхищение увиденным (в том числе достижениями социалистического реализма) было неопишимо. Вернувшись в Китай, Сюй Бэйхун активно знакомил соотечественников с реалистическим искусством СССР, вел переписку и обмен произведениями с советскими художниками и музеями. Превратившись в активного пропагандиста реализма, мастер искренне сокрушался, что в Китае «и советская живопись, и графика, и скульптура пока еще малоизвестны»²⁹. При этом он считал, что «китайские художники действительно слишком невнимательны к общественной проблематике, и никто не пишет о простых людях». Сюй Бэйхун писал: «Масштабы Российской Академии Художеств огромны, а оборудование у нее изысканное, не меньше, чем у Британской, Французской, Итальянской и Немецкой конфедераций»³⁰. Проявляя большой интерес к советскому реализму, мастер стремился теоретически осмыслить его художественное значение. К примеру, в 1936 г. он написал предисловие к изданию «Истории советского искусства»³¹, а также стал автором ряда других работ. Знакомство с русской и советской живописью, безусловно, способствовало внедрению этим выдающимся художником реалистических творческих приемов в Китае.

В свою очередь, в СССР наблюдался колоссальный интерес и к творчеству Сюй Бэйхуна, и к работам других китайских мастеров. При этом большой интерес советский зритель проявлял также к традиционной китайской живописи, о чем, в частности, красноречиво свидетельствует популярность в СССР творчества Ци Байши (1864—1957) — выдающегося мастера живописи гохуа (в 1956 г. — лауреат Международной премии Мира; в 1958 г. в память о нем в СССР была выпущена почтовая марка)³².

Мы подробно остановились на поездке Сюй Бэйхуна в СССР, поскольку этот визит имел огромное значение для сближения двух стран. На наш взгляд, его непосредственным следствием стал, прежде всего, общий рост популярности СССР в Китае, что среди прочего привело к созданию в октябре 1935 г. Китайско-советского культурного общества (КСКО), не-

смотря на объективные трудности гоминьдановской эпохи, приобретавшего все большее влияние на культурные процессы в Китае. В то же время поездка Сюй Бэйхуна в СССР способствовала развитию двусторонних контактов и в других сферах культурной жизни, в частности активизации сотрудничества Советского Союза и Китая в области театра.

В целом к 1930-м гг. в Китае уже имели определенные представления о российском и советском театральном искусстве. В 1920-е гг. в Китае ставились пьесы Н.В. Гоголя («Ревизор»), А.П. Чехова («Вишневый сад»), А.Н. Островского («Гроза») и т.д. Популярность здесь приобрели новейшие произведения советских драматургов — Вс. Иванова («Броненосец 14—69»), С.М. Третьякова («Рычи, Китай») и т.д. При этом знакомство советского зрителя с китайским театром было явно недостаточным. Представления такого рода, хотя и вызывали большой интерес в СССР (к примеру, успешная постановка в 1931 г. в Большом театре балета «Красный маковый опиум») ³³, были единичными.

В этом смысле знаковым событием в истории советско-китайского культурного обмена, а также в истории распространения китайской оперы за рубежом следует считать гастроли в Советском Союзе в 1935 г. труппы выдающегося мастера пекинской оперы Мэй Ланьфана. Заметим, что в то время в Китае было немало известных оперных исполнителей. Поэтому, задаваясь вопросом о том, почему именно Мэй Ланьфан получил приглашение посетить СССР, чтобы продемонстрировать свое искусство и представить советскому зрителю феномен китайской оперы, исследователи полагают, что свою роль здесь сыграл личный актерский опыт мастера, имевшего практику успешных гастролей за рубежом. Известно, что он дважды выступал в Японии — в 1919 и 1924 гг., а также в Соединенных Штатах в 1930 г., причем каждый раз добивался сенсационного эффекта и был хорошо принят публикой и драматургами ³⁴. Эти выступления не только имели колоссальный успех, но и во многом изменили известное предубеждение зарубежного зрителя перед китайской оперой, способствовали развитию теории и практики мирового драматического искусства. На наш взгляд, немаловажное значение здесь имел и тот факт, что Мэй Ланьфан принадлежал к кругу друзей Сюй Бэйхуна.

Подчеркнем, что еще до того, как мастер прибыл в Советский Союз, профессиональное советское театральное сообщество уже высоко ценило и искусство китайской оперы, и самого Мэй Ланьфана. Поэтому советские театралы проявили большой интерес к его постановкам. Гастроли 1935 г. в СССР прошли весьма успешно. Представления Пекинской оперы, сочетавшие в себе диалог, пение и физически сложные приемы, стали в глазах советских театральных деятелей выражением истинного духа традиционной китайской оперы и по-настоящему поразили их ³⁵. Высоко оценили искусство мастера выдающиеся советские драматурги. Театрализованное представление труппы Мэй Ланьфана заставило советских художников глубоко задуматься о взаимосвязи между формой искусства и содержанием. Так, по мнению В.Э. Мейерхольда, искусство Мэй Ланьфана являлось чрезвычайно ценным для выработки новых путей развития советской драмы, поскольку помогало «тем советским театральным деятелям, которые перешли от натурализма или хабиутализма к реализму, понять, как китайская драма решает проблему реализма в искусстве. Это

будет иметь большое влияние на наши будущие исследования о том, как достичь цели соцреализма»³⁶.

Прямым продолжением контактов в области драматического искусства стало участие китайской делегации (режиссер Чжоу Тяньюнь и актриса Ху Ди) в работе Советского кинофестиваля в Москве — первого международного кинофестиваля, проведенного в СССР (21 февраля — 1 марта 1935 г.), где были представлены и китайские фильмы — «Песня рыбака» режиссера Цай Чушэна (первая в истории награда китайских кинофильмов на международных фестивалях) и «Близняшки»³⁷.

Характеризуя двусторонние контакты в сфере кинематографа, необходимо отметить, что советские фильмы (документальный фильм о Ленине 1924 г., «Броненосец “Потемкин”» С. Эйзенштейна 1925 г.) появились в Китае относительно поздно — в то время, когда там уже абсолютно доминировала продукция западных кинокомпаний. Ее влияние в 1930-е гг. испытали на себе и местные китайские фильмы. На этом фоне советское кино — картины «Потомок Чингис-хана» В.И. Пудовкина, «Путевка в жизнь» Н.В. Экка, «Встречный» Ф.М. Эрлера и С.И. Юткевича и др.³⁸ — стало яркой альтернативой Голливуду. После возобновления дипломатических отношений между странами в 1930-е гг. советские фильмы получили возможность проката в Китае и быстро завоевали популярность, прежде всего в передовых кругах — среди думающего, подготовленного зрителя. Так, по воспоминаниям жены Лу Синя — Сюй Гуан-пин, мастер, не любивший Голливуд и с удовольствием смотревший лишь Чарли Чаплина, «из советских фильмов не пропускал ни одного». Особенно впечатлен он был картиной «Чапаев» братьев Васильевых, премьеры которой состоялась в Китае в 1935 г.³⁹

Советские фильмы в 1930-е — 1940-е гг. не только расширили спектр культурной жизни Китая, открыв находившимся в тяжелом положении людям новые формы отдыха, но и оказали значительное влияние на направление развития китайского кинематографа. Рост популярности советских фильмов в Китае вывел китайскую публику из плена Голливуда. Благодаря их влиянию, китайские зрители обращались к идеям прогресса, а китайские фильмы менялись к лучшему. Гэ Ихун отмечал: «Художественное содержание китайских фильмов постепенно отходит от имитации, от доминирования европейских и американских фильмов и, как правило, становится таким же, как и в советских фильмах»⁴⁰. И главная причина, по которой последние стали распространяться в Китае, заключалась в том, что характер и функции советских фильмов отвечали потребностям социального развития Китая.

В целом, говоря о китайско-советском и китайско-русском взаимодействии в сфере культуры, следует признать, что оно принесло богатые плоды в самых различных сферах. Причем свой вклад сюда внесли и государства, и прогрессивная общественность, и отдельные энтузиасты. Нельзя не вспомнить, к примеру, о той роли, которую сыграли в развитии китайской школы вокала русские педагоги (музыкальная школа имени Глазунова в Харбине, Шанхайское государственное училище и пр.). При этом в общем ряду замечательных певцов и преподавателей особое место занял бывший солист Мариинского театра Владимир Григорьевич Шушлин (1894—1978), по оценке композитора Хэ Лутина, — «основа-

тель школы академического пения в Китае»⁴¹, в 1920—1940 гг. подготовивший плеяду выдающихся китайских певцов.

Общественно-политические аспекты сотрудничества СССР и Китайской Республики в сфере культуры особенно ярко обозначились с началом в 1937 г. антияпонской войны китайского народа. Эта война, с одной стороны, обусловила значительное расширение двусторонних контактов по ранее наметившимся векторам, с другой — усилила их ориентацию на решение задач военного времени, в условиях которого особенно востребованными оказались темы героической борьбы за свободу и независимость. В частности, большое значение в это время приобрела деятельность реорганизованного в 1939 г. Общества культурных связей с СССР, наладившего выпуск специализированного журнала по проблемам двустороннего сотрудничества в сфере культуры — «Советско-китайская культура» (10 октября 1940 г. журнал опубликовал специальный выпуск «Война сопротивления»).

В сфере литературы отмечался большой интерес китайцев к эпическим произведениям, соответствовавшим эпичности событий, которые разворачивались в самом Китае. К примеру, Го Можо перевел в это время роман Л. Толстого «Война и мир», Чжао Сюнь и Хуан Ижень — вторую книгу «Тихого Дона», Ли Бо — первую книгу «Поднятой целины». В свою очередь, китайские театры играли советскую классику, отдавая предпочтение революционной героике и ленинской теме: «Человек с ружьем», «Ленин в 1918 г.» и пр. Все большую популярность завоевывали современные произведения («Фронт» А. Е. Корнейчука, «Слава» В. М. Гусева и пр.). Выросшими на советской гравюре художниками (Гу Юань, Янь Хань и др.) создавались агитплакаты наподобие советских «Окон РОСТА».

Популярность у китайского зрителя приобретал советский кинематограф. Как «политические» фильмы, советские картины существенно отличались от «коммерческих» фильмов, доминировавших до начала антияпонской войны, предлагая актуальные идеологические конструкты и демонстрируя отчетливую инструментальную рациональность. Фактически советское кино, распространявшееся в Китае с 1936 по 1945 г., не только расширяло взаимные контакты, но и способствовало формированию специфической «советско-китайской культуры»⁴². Обладая мощным духовным зарядом, оно выполняло важную миссию создания культурной атмосферы для формирования новых общественных отношений. В частности, советские документальные фильмы поражали китайцев удивительными успехами СССР. Но не только в СССР, а в любом уголке мира любой, кто принимал правду и свет, мог получить импульс движения к новой жизни. Например, хотя китайские кинозрители лично не бывали в СССР, они могли оценить темпы и прогресс общественного развития по содержанию советских фильмов⁴³. Важно также учесть советское влияние на технику китайского кинематографа. Как отмечал Ся Ян, «в то время китайские фильмы, говоря проще, теоретически извлекли уроки из технического опыта Советского Союза и Соединенных Штатов»⁴⁴.

Проникновение советской культуры в Китай сыграло исключительно важную роль в формировании культуры революционной, особенно в развитии коммунистической красной культуры в период Яньань, олицетво-

рением которой стала созданная в Яньани в начале 1938 г. Академия искусств имени Лу Синя. В 1938 г. ЦК КПК принял программные Уставные основания Академии художеств имени Лу Синя в Яньани, составленные Шаковым и подписанные Мао Цзэдуном, Чжоу Эньлаем, Линь Боцюй, Сюй Тэли, Фанву, Ай Сыци и Чжоу Ян. В документе, в частности, отмечалось: «Драма, музыка, искусство являются мощным оружием пропаганды, агитации и организации масс. Художники — это необходимая сила для нынешней войны сопротивления. Поэтому возвращение художественных кадров для войны сопротивления является задачей, которую в настоящее время нельзя откладывать». Учредив подготовительный комитет Академии художеств, Центральный комитет КПК решил назвать ее именем Лу Синя: «Это не только в память о нашем великом наставнике, но также и выражение нашей приверженности тому пути, который он проложил, шагнув далеко вперед»⁴⁵.

Следует подчеркнуть, что в лице Академии в Яньани был создан мощный культурный центр, включавший отделения литературы, театра, музыки и изобразительного искусства. Здесь работала целая плеяда ярких деятелей культуры, к примеру выдающийся композитор Си Синхай (с 1940 г. жил в Москве, где были написаны и исполнены многие его произведения), первый крупный искусствовед-коммунист Ху Ман, приехавший в Академию после учебы в Советском Союзе, театральные деятели Чжоу Ян, Хэ Цифан, Чжан Гэн и др. Тщательно изучая советский опыт, организаторы Академии, педагоги и учащиеся много внимания уделяли революционным формам и прямой агитации. Вместе с тем здесь создавались и крупные произведения «на все времена», к примеру выдающаяся опера «Седая девушка».

В целом во время Второй мировой войны Яньань не только являлся политическим центром Коммунистической партии Китая на северо-западе, но и превратился в центр распространения советской литературы и искусства. Мощным оружием для пропаганды достижений советской культуры при этом стали, прежде всего, партийная печать, газеты и периодические издания, учрежденные КПК в Яньани. Среди них особо отметим «Ежедневную газету освобождения» («Цзефан жибао») ⁴⁶. Как орган Центрального комитета Коммунистической партии Китая, помимо освещения военных успехов СССР, издание сосредоточилось на пропаганде советской культуры, литературы, науки. В период Яньань практически любое литературное и художественное произведение несло на себе отпечаток национальной войны сопротивления, а также впитывало дух русско-советской культуры. Антифашистская война Советского Союза воодушевляла китайский народ. Посредством широкомасштабных пропагандистских отчетов о советских культурных достижениях КПК в этот период продемонстрировала важность культуры для партии и страны в целом. Газета «Синьхуа Дэйли», несомненно, сыграла ключевую роль в пропаганде советских культурных достижений и выдающихся деятелей культуры. В частности, она систематически публиковала материалы, приуроченные к годовщинам их рождения или смерти (к примеру, статьи «Советский мемориал драматурга Станиславского» от 3 сентября 1938 г., «Советский Союз чтит память великого поэта-революционера Маяковского, выставки пройдут по всей стране» и т. д.) ⁴⁷

Таким образом, в период Яньань пропаганда советской культуры была целенаправленной и разносторонней. КПК популяризировала достижения советской культуры, в том числе марксистско-ленинского наследия. Чтобы максимизировать текущий пропагандистский эффект, партия применяла соответствующие методы пропаганды. Во-первых, использовались основные средства массовой информации. Во-вторых, китайские литературоведы и искусствоведы участвовали в переводе и популяризации советских литературных произведений. В-третьих, велась адаптированная к советскому опыту подготовка кадров в Академии искусств имени Лу Синя. Наконец, в целях укрепления диалога и обмена делалась ставка на различные организации, например Советско-китайское культурное объединение ⁴⁸.

В период Яньань несомненную пользу для развития двусторонних контактов принесли визиты китайских культурных знаменитостей в Советский Союз, а также поездки в Китай советских деятелей культуры.

Исключительный интерес в этом плане представляет длительная командировка в Китай знаменитого советского кинорежиссера, оператора и документалиста Р.Л. Кармена (1938—1949), целью которой являлась подготовка текущих материалов для советских газет, а также съемок фильма о войне Китая против Японии. За время работы в Китае Роман Кармен проехал более 25 тыс. км по 11 провинциям — фотографировал бои и жизнь фронтовиков в провинциях Хубэй и Хунань, снимал антияпонское драматическое представление молодежной литературно-художественной группы «Синьань», созданной КПК в 1935 г. в Гуанси, освещал действия антияпонских партизан и т.д. В мае 1939 г. режиссеру также удалось организовать съемки киноматериалов в Яньани и приграничной зоне Шэньси-Ганьсу-Нинся, ставших затем важной частью двух документальных фильмов: «Китай в битве» (1939) и «В Китае» (1941) о Войне сопротивления. Наряду с этим, художник, встречавшийся с видными деятелями КПК, в том числе с Мао Цзэдуном, написал статьи «Китай борется» и «Встреча с Мао Цзэдуном» для газеты «Известия» и книгу «Один год в Китае» (1941), которые получили широкую мировую известность. В контексте этой поездки для общего понимания отношения КПК к опыту СССР интересно отметить, что в беседе с режиссером Мао Цзэдуном, в частности, заявил, что в Китай надо приезжать не на месяц и даже не на год. Советскому Союзу, по его мнению, следовало бы отправить 20 молодых писателей и художников в Китай, чтобы они присоединились к Восьмой армии, учили китайский язык, жили в китайских домах, питались китайской едой, носили китайскую одежду и оставались там 40 лет. ⁴⁹

Разумеется, в годы антияпонской войны продолжалось культурное взаимодействие СССР с центральным правительством Китая, расширившееся после начала Тихоокеанской войны, когда в мире сформировался международный антифашистский единый фронт, в котором Китай и Советский Союз были союзниками. Чтобы победить общего врага, гомиьдановское и советское правительства проводили политику, направленную на укрепление дружественных отношений, способствовавших культурному обмену. В ряде случаев им удалось реализовать весьма крупные проекты. В этой связи можно отметить выставку китай-

ского изобразительного искусства в Москве и Ленинграде (1940—1941), на которой демонстрировались экспонаты как советских, так и китайских (около 1 тыс.) музеев. К июню 1941 г. ее посетили около 100 тыс. чел. (была эвакуирована из Ленинграда, когда кольцо блокады сжалось).

Эта большая работа не прошла бесследно. Нападение фашистской Германии на СССР и начало Великой Отечественной войны китайский народ и деятели культуры встретили как друзья Советского Союза. Уже в первые месяцы войны более 700 видных китайских деятелей культуры направили в СССР послания с выражением поддержки и солидарности. А во время празднования 24-й годовщины Октября в Чунцине (ноябрь 1941 г.) под посланием СССР от деятелей культуры Китая стояло более 31 тыс. подписей⁵⁰. Наиболее последовательно данную политику, безусловно, проводила КПК. Так, 26 октября 1941 г. в Яньани открылся антифашистский съезд народов Востока (130 представителей от 18 народов), призвавший усилить борьбу с японцами, оказав тем самым помощь СССР. В 1942 г. о великом значении опыта СССР в программной статье к 25-летию Октября вновь писал Мао Цзэдун⁵¹.

Общие задачи борьбы с фашизмом сплотили китайский и советский народ. Несмотря на известную русофобию Гоминьдана, они, в частности, обусловили большую популярность в Китае «военных» произведений советских писателей, драматургов, поэтов, композиторов, художников и т. д.

Подводя итоги, необходимо признать, что период Второй мировой войны стал временем постепенного и неуклонного расширения взаимодействия Китая и СССР в сфере культуры. Первоначально крайне ограниченные, эпизодические контакты, осложнявшиеся реакционной политикой Гоминьдана, все больше крепились. 1930-е — 1940-е гг. были ознаменованы благотворным влиянием советского и русского искусства на современное китайское искусство. От преимущественно стихийного культурного влияния российской эмиграции через организацию взаимных визитов, посещений, гастролей, выставок, проведение большой работы по переводу литературных произведений и т. д. стороны перешли к разностороннему взаимодействию на межгосударственном и общественном уровнях, неуклонно расширяя свои знания о культуре друг друга. Диалог между китайской и советской культурой того времени, в конце концов, начал формировать своего рода «советско-китайскую культуру».

Примечания

Статья выполнена в рамках проекта Национального фонда социальных наук КНР 2021 г. «Исследование произведений Юрия Лотмана и их перевод на китайский язык» (№ 21&ZD284).

The article was prepared as part of the 2021 project of the National Social Science Foundation of the People's Republic of China "Research of the works of Yuri Lotman and their translation into Chinese" (No. 21&ZD284).

1. ЛЕНИН В.И. Демократия и народничество в Китае. — Полн. собр. соч. М. 1968. Т. 21, с. 400.
2. ШЭН ЮЭ. Университет имени Сунь Ятсена в Москве и китайская революция: Воспоминания / Пер. с англ. Л.И. Головачёвой и В.Ц. Головачёва. М. 2009.
3. Там же, с. 26
4. Там же, с. 75.

5. ТУРИЦЫН И.В. Власть и пресса в Советской России: проблема взаимоотношений и взаимовлияния в 20-е годы. М. 1998.
6. ЕГО ЖЕ. Великая российская революция 1905—1927 гг.: от исторических клише — к новому пониманию феномена. — Современная научная мысль, 2017. № 6, с. 30—39.
7. ВАН СЮЙ, ДИН И. Российско-китайская дружба сквозь призму публикаций печатных СМИ о Второй мировой войне. В кн.: Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее: М-лы международной научной конференции (г. Москва, 4 июля 2019 г.). М. 2019, с. 143.
8. ЛЮ ХУНМЭЙ. Статистика старой истории. — Таможня Китая. 2009. № 7, с. 2 (на кит. яз.).
9. CHEN QIANPING. Sino-Soviet Barter Trade during the Anti-Japanese War. В кн.: Отношения между Россией и Китаем: прошлое, настоящее, будущее..., с. 37—42.
10. СЯН ЦИН. Советский Союз и китайская революция М. 1994 (на кит. яз.).
11. ЛЮ ХАО. Культурно-исторические условия формирования русской диаспоры в Харбине. В кн.: Россия и Китай: взаимодействие культур. Пекин — Элиста. 2010, с. 96.
12. ГЭ БАО-ЦЮАНЬ. Русская литература в Китае до и после «4 мая». — Мировая литература. 1956. № 6 (на кит. яз.).
13. ПОЗДНЕЕВА Л.Д. Лу Синь. М. 1957, с. 71—73.
14. ФёдорЕНКО Н.Т. Советская литература в Китае. — Октябрь. 1953. № 5.
15. ПОЗДНЕЕВА Л.Д. Ук. соч., с. 229.
16. Известия. 1937. 18 июня.
17. ЦВЕТКО А.С. Советско-китайские культурные связи: Исторический очерк. М. 1974, с. 17.
18. ПОЗДНЕЕВА Л.Д. Ук. соч., с. 225—226.
19. ЛУ СИНЬ. Собрание сочинений. Т. 1—4. М. 1954—1956.
20. ПОСТРЕЛОВА Т.А. Творчество Сюй Бэйхуна и китайская художественная культура XX в. М. 1987, с. 95.
21. Там же, с. 231.
22. ЧЖАН ЛИ. Анализ гастрольной выставки Сюй Бэйхуна в Европе в 1933—1934 гг. — Журнал изящных искусств. 2015. № 3, с. 9 (на кит. яз.).
23. ЧЖАО СЫЮЙ. Сравнительное исследование мыслей и работ Лю Хайсу, Сюй Бэйхуна и Янь Вэньляна. — Журнал Университета Сучжоу: Инженерное издание. 2004. № 6, с. 3 (на кит. яз.).
24. ВАН ЮЙ. О творческой инициативе Сюй Бэйхуна. — Красота и времена: Эстетика. Ч. 2. 2017. № 9, с. 2 (на кит. яз.).
25. ЛЕВИНА Л.М. Сюй Бэй-хун. М. 1957; ВИНОГРАДОВА Н. Сюй Бэйхун. М. 1980.
26. ПОСТРЕЛОВА Т.А. Ук. соч., с. 44—58.
27. Там же, с. 65.
28. ЛУ ЧЖАНЬШАНЬ. Краткая история искусства Мастера Сюй Бэйхана. — Вопросы литературы и истории. 2003. № 09, с. 54—60 (на кит. яз.).
29. ПОСТРЕЛОВА Т.А. Ук. соч., с. 94.
30. ТЯНЬ БАОГО. Китайско-советский культурный обмен в 1930-е годы. — Архив Китайской Республики. 2000. № 2, с. 83—88 (на кит. яз.).
31. СИ ЦЗИНЧЖИ. История русского советского искусства. М. 2000 (на кит. яз.).
32. ЗАВАДСКАЯ Е.В. Ци Байши. М. 1982.
33. МАЛЯВИН В.В. Китайская цивилизация. М. 2002, с. 551.
34. ШУАЙ ВЭЙ. Сравнительное исследование визитов Мэй Ланьфана в Японию, Соединенные Штаты и Советский Союз. — Искусствоведение: Сб. 2014. № 1, с. 25 (на кит. яз.).
35. ЯН СЮЛИН. С точки зрения «Да Гун Бао», три ключевые фигуры во время визита Мэй Ланьфана в Советский Союз — Ге Гунчжэнь, Ци Рушань и Чжан Пэнчунь. — Драматическая литература. 2020. № 8, с. 7 (на кит. яз.).
36. ЛИ МИНЧЖЭН. Мэй Ланьфан и Мейерхольд. — Китайская Пекинская опера. 1992. № 3, с. 2 (на кит. яз.); ЖЭНЬ ЖУН. Связь между тремя документами художественной критики Мэй Ланьфана Мейерхольдом и историческими фактами. — Серия исследований китайских древних новелл. 2016. № 1, с. 8 (на кит. яз.).
37. МАЛЯВИН В.В. Ук. соч. с. 555.

38. ЧЭН ЦЗИ-ХУА. Первые советские кинофильмы в Китае и их влияния. — Дружба. 1958. № 45, с. 30.
39. ПОЗДНЕЕВА Л. Д. Ук. соч., с. 268.
40. ЯО ВЭЙ. Русская вокальная школа и ее роль в профессиональном музыкальном образовании современного Китая. В кн.: Россия и Китай: взаимодействие культур..., с. 169—170.
41. ЧЖАО ХУНФАНЬ. Гэ Ихун: пионер новой китайской теории драмы. — Биографическая литература. 2019. № 10, с. 14. (на кит. яз.).
42. ЧЖАН ХАЙЯНЬ. Влияние советских фильмов на китайские фильмы: по материалам журнала «Советско-китайская культура». — Вестник института заочного образования Сычуаньских кадров. 2011. № 2, с. 4 (на кит. яз.).
43. ЛЯН ШЭНЬСЮ. Взлеты и падения советских фильмов в Китае. — Стиль века. 2008. № 1, с. 25—27 (на кит. яз.).
44. СЯ ЯНЬ. Ся Янь рассказывает о фильмах. — Китайское издательство фильмов, Пекин, 1993 (на кит. яз.).
45. Колыбель революционной литературы и искусства. — Академия искусств им. Лусиня в Яньани. Китайская национальная выставка. 2021. № 03, с. 35—39.
46. ВАН ЦЗИН. История «Ежедневной газеты освобождения» («Цзефан Дейли») в Яньане. М. 1998 (на кит. яз.).
47. Синьхуа Дейли. 1938. 3 сентября; 1940. 12 апреля.
48. ХУН ЖЭНЬЦИН. Распространение и влияние советской историографии в период Яньань. — Исследования по историографии. 2012. № 4, с. 8 (на кит. яз.).
49. ВАН ГОЮЙ. Красная поездка советского фотографа Романа Кармена в Яньань. — Архивный мир. 2013, с. 31—34; ЧЖУ АНЬПИН. Кармен: Антияпонская война иностранных кинематографистов в Китае. — Биография знаменитостей. 2016. № 1, с. 67—71.
50. ЦВЕТКО А. С. Ук. соч., с. 21—22.
51. КАПИЦА М. С. Советско-китайские отношения в 1931—1945 гг. М. 1956, с. 94—104.

Первая неудача социалистического югославизма (литературная полемика 1956—1957 гг. о едином югославском критерии)

Ю. В. Шахин, Т. П. Разбеглова, О. А. Мирошников

Аннотация. Во второй половине 1940-х — 1950-е гг. в Югославии происходили два противоположных процесса: консолидация наций и их перемешивание. У одних культурных и политических деятелей это вызывало страх ассимиляции, а у других, наоборот, стремление к созданию новой этнической нации. Партийное руководство Югославии отрицало возможность образования югославской нации, но поддерживало процессы культурного сближения, опираясь на соответствующие группы интеллигенции. Эта попытка натолкнулась на сопротивление в Словении, которое приобрело характер литературной полемики по поводу единого югославского критерия в культуре. Poleмика не вызвала широкого резонанса в общественном мнении, однако на нее обратили внимание ведущие югославские политики.

Ключевые слова: Югославия, культурная интеграция, литературная полемика, этнические процессы, общественное мнение, идеологическая борьба, единый югославский критерий.

Abstract. In the second half of the 1940s—1950s there were two opposite processes in Yugoslavia: the consolidation of nations and their mixing. For some cultural and political figures, this situation aroused fear of assimilation, while for others, on the contrary, the desire to create a new ethnic nation. The party leadership of Yugoslavia denied the possibility that Yugoslav nation should be formed, but supported the processes of cultural rapprochement, relying on the corresponding groups of the intelligentsia. This attempt met with resistance in Slovenia, which took on the character of a literary polemic over a unified Yugoslav criterion in culture. The need to introduce such a criterion was defended by the The controversy did not cause a wide resonance in public opinion, but the leading Yugoslav politicians drew attention to it.

Key words: Yugoslavia, cultural integration, literary polemic, ethnic processes, public opinion, ideological struggle, unified Yugoslavian criterion.

Середина 1950-х — начало 1960-х гг. — важный переломный период в этнических процессах, протекавших в Югославии. Внешне в это время не происходило никаких потрясений на национальной почве, но именно тогда были разработаны долговременные принципы этнокультурной политики и приобрела окончательный вид официальная концепция социалистического югославизма. В их становлении большую роль сыграли литературные дискуссии 1956—1957 и 1961—1962 гг. Вторая из них не-

однократно привлекала внимание ученых, а вот первая не вызвала значительного резонанса ни в общественном мнении Югославии, ни в научном мире: ее затрагивают лишь две работы словенских историков¹, а также беглая характеристика Ю. В. Шахина. Но отсутствие резонанса не отменяет важности ее последствий. Настоящая статья призвана показать значение литературной полемики 1956—1957 гг. в общем контексте этнокультурной политики того времени.

Югославия во второй половине 1940-х — 1950-е гг. стала зоной бурных этнических процессов. Прежде всего, основные народы страны получили свою национальную государственность и возможность беспрепятственного национального развития, развернулись процессы целенаправленного национального строительства, у некоторых народов — впервые в их истории. Например, македонцы оформились как нация только в составе Югославии. Но наравне с процессом консолидации наций развернулся процесс их перемешивания, сближения, выработки общего самосознания и культуры. Этот процесс имел два уровня: политический и собственно культурный. У народов Югославии закреплялась общая политическая идентичность, а помимо этого, шла ломка этнических перегородок. Последний аспект сближения охватил разные регионы Югославии в различной степени. В меньшей мере он затронул жителей Словении, а более всего охватил население, говорившее на штокавском диалекте сербскохорватского языка, и дальше всего продвинулся в Боснии и Герцеговине. Среди носителей сербскохорватского языка важнейшим этническим разграничителем выступала религия и связанные с ней особенности быта, к тому же в глубинных районах Динарского нагорья часть населения еще не обладала жесткой национальной идентичностью. Но в рассматриваемые годы в Югославии развернулись индустриализация, урбанизация и секуляризация культуры. Волны трудовых мигрантов перемещались из сел в города, перемешивались, бросали свои религиозные привычки. В этих группах населения не просто формировалась новая культура, но и зарождалась новая этничность. Возникла реальная возможность складывания югославской нации не только в политическом, но

Шахин Юрий Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры «История» института общественных наук и международных отношений ФГБОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: y-v-shahin@yandex.ru; *Разбеглова Татьяна Павловна* — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». E-mail: philosophy_kgu@mail.ru; *Мирошников Олег Анатольевич* — доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиала) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского». E-mail: mirtannen@gmail.com.

Shakhin Yuri V. — candidate of historical sciences, assistant professor of the Department “History” of the Institute of Social Sciences and Foreign Relations Sevastopol State University. E-mail: y-v-shahin@yandex.ru; *Razbeglova Tatiana P.* — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of History and Philosophy of the Humanitarian Pedagogical Academy (Branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. E-mail: philosophy_kgu@mail.ru; *Miroshnikov Oleg A.* — doctor of philosophy, professor of the Department of History and Philosophy of the Humanitarian Pedagogical Academy (branch) of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. E-mail: mirtannen@gmail.com.

и в этническом смысле, что, однако, противоречило официальным взглядам на югославизм правившей в стране коммунистической партии.

Сила объективных процессов консолидации югославской нации была такова, что в 1950-е гг. многие культурные и общественно-политические деятели испытывали тягу к интеграции, вплоть до этнического слияния народов Югославии. В Боснии уже в 1956 г. на местах появилось неофициальное мнение о ненужности республик как отжившей формы, сопровождаемое появлением некоего югославского национализма². В докладе председателя идеологической комиссии ЦК Союза коммунистов Югославии Петра Стамболича в декабре 1961 г. отмечалось, что за образование югославской нации выступало большинство участников дискуссии, прошедшей в ЦК Народной молодежи Югославии, аналогичные взгляды проскальзывали «в дискуссиях о национальном самоопределении мусульман, в разговорах с активистами на местах, в текстах и концепциях ряда культурных и научных работников». В качестве примеров он упомянул мнение писателя Г. Крклеца о культурной интеграции, югославский критерий в искусстве, «некоторые позиции и трактовки в “Истории народов Югославии”»³. А писатели-модернисты, группировавшиеся вокруг журнала «Дело», как выразился Стамболич, вообще отрицали «республиканскую национальность»⁴.

Разумеется, это была крайность, но объективное этническое сближение порождало и другую крайность — все более враждебное настроение у поборников самостоятельного национального строительства. Источники середины 1950-х гг. косвенно указывают на его наличие. Так, на заседании идеологической комиссии в мае 1956 г. отмечалось, что в отношении к школьной реформе есть меньшинство, состоящее как из деятелей культуры, так и политиков, которое настаивает на сохранении значительных различий в республиканских образовательных программах; в боснийских средствах массовой информации выражается тревога по поводу создания югославского национализма; на почве местничества и неравномерности экономического развития развивается вид национализма, классифицируемый как шовинизм, причем он «захватывает все больше наших кадров»⁵. А в выписке того же заседания отмечается, что боязнь шагов по сближению встречается даже у коммунистов⁶. Добавим к этому постоянные призывы Стамболича воздерживаться от искусственного форсирования культурных процессов.

Несмотря на эти две крайности, процессы культурного сближения народов Югославии стихийно пробивали себе дорогу. Появились и группы интеллигенции, которые прокладывали им путь. Их существование, как известно, является необходимым условием формирования нации. Наиболее последовательные сторонники культурного сближения, разумеется, далеко не полностью выступавшие при этом за создание югославской нации, обнаружились тогда в среде филологов и писателей. В 1954 г. было заключено Новосадское соглашение о едином сербскохорватском языке, которое увенчалось изданием кодифицированного правописания в 1959 г.⁷ Некоторой активностью в вопросах углубления югославской культурной интеграции отличалось руководство Союза писателей Югославии. Уже в 1952—1953 гг. знаменитый хорватский писатель Мирослав Крлежа пытался преодолеть культурную замкнутость в национальных

границах и утвердить концепт «югославской социалистической литературы», однако его усилия тогда не получили поддержки, отчасти из-за конфликта с сербскими писателями ⁸. В ноябре 1954 г. в Союзе писателей прошел дискуссионный пленум по проблемам единства и универсальности в югославской литературе ⁹. В 1955 г. на четвертом съезде в г. Охриде часть членов Союза писателей высказалась за введение единого югославского критерия в литературе ¹⁰.

Какова была связь культурных деятелей и политиков в этих деликатных национальных вопросах? Коммунистическая партия Югославии в начале 1950-х гг. взяла курс на демократизацию и на VI съезде в 1952 г. сменила название на Союз коммунистов Югославии. Вместе с переименованием она попыталась изменить методы взаимодействия с творческой интеллигенцией. В знаменитых решениях VI съезда СКЮ указывалось, что партия будет действовать не методом принуждения, а силой убеждения, выступая как наиболее сознательный фактор, который уверяет других членов общества в своей правоте и ведет их за собой ¹¹. Указанные методы были реализованы. О новом отношении к литературным дискуссиям Б. Докнич пишет: «В эти дискуссии партия больше не вмешивалась напрямую, а влияла на работу журналов через своих людей и всегда реагировала, если было нужно» ¹². Существенно расширились рамки свободы творчества: главным требованием стало социалистическое содержание произведений литературы и искусства, а не способ его выражения. В литературе развернулась борьба разных стилей: в частности, писатели, писавшие на сербскохорватском языке, в начале 1950-х гг. разделились на реалистов и модернистов. Обе группы нашли поддержку у сербского партийного руководства. Для их самовыражения Стамболич, возглавлявший тогда ЦК Союза коммунистов Сербии, помог основать два литературных журнала: отныне модернисты группировались вокруг «Дела», а реалисты — вокруг «Современника». Историк В. Глишич считает, что это было ловкое изобретение, позволившее партии вмешиваться в литературные дискуссии, оставаясь за кулисами, и одновременно держать литературную полемику в партийных рамках, потому что обе группировки писателей состояли из членов партии ¹³.

Насколько можно судить по имеющимся данным, руководство СКЮ придерживалось идеей социалистического югославизма, поддерживало инициативы по сближению народов Югославии, но в первой половине 1950-х гг. не прикладывало к этому целенаправленных усилий. За это время партийное влияние прослеживается в немногих интеграционных инициативах: в 1954 г. были учреждены межуниверситетская конференция и Вече культурно-просветительских обществ Югославии, а также начата подготовка к школьной реформе. Положение принципиально изменилось в 1956 г. С этого времени прилагались систематические усилия по сближению, унификации и централизации культурной жизни.

Толчком к повороту в культурной политике стал социально-экономический кризис 1955—1956 гг. Для выхода из него союзная бюрократия взяла курс на усиление центрального контроля за хозяйственной деятельностью, чтобы повысить ее управляемость и степень координации. Эти организационные принципы были распространены на управление наукой, культурой, искусством и литературой. Для проведе-

ния кампании по углублению культурной интеграции страны и развитию общей югославской культуры в 1956—1957 гг. был выдвинут ряд практических предложений: создать новые совещательные органы для осуществления единой культурной политики во всем государстве, усилить центральные функции Веча культурно-просветительских обществ Югославии, не замыкать массовую культурно-просветительскую деятельность в республиканских рамках. Связь с экономической политикой довольно прозрачно прослеживается в мотивации соответствующих союзных инициатив: там тоже на первое место выдвигалась идея экономии бюджетных средств и повышения рентабельности¹⁴. Однако это не был прямой возврат к эпохе административно-бюрократического управления. Во-первых, унификация правил осуществлялась через издание новых союзных законов; во-вторых, координация возлагалась не на чиновников, а на общественные объединения заинтересованных субъектов деятельности, которые приобретали административные полномочия.

Курс на централизацию во всех сферах общественной жизни задал VI пленум ЦК СКЮ, состоявшийся 13—14 марта 1956 г., а в культурной политике его возвестила реорганизованная комиссия по идеологической работе ЦК СКЮ. 2 апреля Исполком ЦК СКЮ учредил в ее составе постоянный секретариат из пяти человек, а председателем назначил уже упоминавшегося Петра Стамболича¹⁵. Импульс новой культурной политике комиссия дала на своем заседании 8—9 мая 1956 г. Там Стамболич выступил с докладом «О дальнейшем укреплении единства народов Югославии». Он приветствовал наличные тенденции и призвал их укрепить.

Об этом исторически важном заседании мы можем судить по двум источникам. Сохранились краткая выписка из протокола с итоговыми решениями и стенограмма, которая отчасти является подробным протоколом. Отдельные сведения выписки не получили отражения в стенограмме и наоборот, потому необходимо использовать оба источника. Их анализ позволяет выделить три важнейших смысловых блока. Во-первых, это общие принципы культурной политики. В самом начале своего выступления Стамболич напомнил, что народы Югославии объединились в единое государство из-за общих интересов, суть которых заключается в обеспечении национальной независимости. Также происходит сближение народов Югославии на социалистической основе, но это сближение не приведет к созданию югославской нации, поскольку все нации в стране уже сформировались и сложились, а социалистическое развитие приведет к их отмиранию. Стамболич многократно подчеркивал, что сближение народов Югославии не нужно форсировать политическими методами, нельзя забегать вперед и искусственно подталкивать процесс¹⁶. В протоколе к этим оценкам добавлены мысли, что в образовании и культуре будет все больше явлений общегославского характера, что в отношениях народов Югославии главное — это равноправие, а культурная близость — второстепенное обстоятельство и что на пути культурного сближения не надо форсировать шаги, для которых нет почвы, но нельзя и опираться только на самых сознательных активистов¹⁷. Изложенная Стамболичем концепция ранее уже присутствовала в выступлениях других партийных лидеров Югославии и составляет суть социалистического югославизма.

Второй момент: доклад содержит мотивацию для изменений в партийной политике. Стамболич пытался объяснить перемены реакцией на инициативы снизу: «Сейчас существуют тенденция и настроение к культурному сближению наших народов. Появляется реакция на регионализм и республиканскую закукленность у различных обществ и организаций и появляется без какого-либо нашего вмешательства»¹⁸. Хотя Стамболич всячески подчеркивал значение инициатив снизу, при критическом рассмотрении их оказывается совсем немного. Он уверял, что особенно активны союзы писателей, художников и музыкантов. Также прошло совещание общественных организаций с предложением создать культурное вече Югославии. Но потом из стенограммы выясняется, что музыканты в вопросах сближения неактивны, а с писателями до заседания комиссии проводились консультации¹⁹. Из других источников следует, что у художников также не обошлось без партийного фактора: требования по «формированию единой югославской изобразительной культуры» прозвучали в апреле 1956 г. на встрече художников-коммунистов²⁰. В выписке низовые объединительные инициативы представлены более развернуто, но и более анонимно: «Иницируются конференции по объединениям, анкеты в печати, дискуссия о языке и т.п. Имеется позитивная тенденция отдельных организаций как можно больше объединиться в югославских рамках»²¹. Таким образом, инициативы по сближению были спорадичны, а доклад Стамболича, наоборот, носил всеохватывающий характер. Это значит, что инициатива исходила сверху, от партии, хотя и опиралась на известную поддержку снизу, от творческих деятелей.

Третий блок — это перечень конкретных мер по культурному сближению, которые предложил Стамболич. Прежде всего, допустимо сотрудничество, которое охватывает не все республики, а только некоторые, необходимо искать решения по конкретным республикам, а не в рамках ФНРЮ в целом²² (в версии протокола, отправленной в Словению, специально подчеркивалось, что следует учитывать три языковых пространства (словенское, сербскохорватское и македонское) и осуществлять отдельную координацию для Сербии, Хорватии, Боснии и Черногории²³). Затем нужно укрепить центральные органы массовых политических и профессиональных организаций, при этом ослабить республиканские и усилить местные, то же самое сделать в отношении республиканской прессы, а в целях экономии средств создать общую программу на радио и централизовать производство фильмов²⁴. В выписке по этому поводу содержатся такие планы: усилить координацию республиканских союзов и объединений, в том числе на общегославском уровне, укрепить общегославский центр молодежной организации и поменять характер ее республиканских центров²⁵. Наконец в стенограмме и выписке зафиксированы установки на укрепление югославского политического центра, выходящие за рамки проблем культуры и общественных организаций.

В качестве официальных решений итоги заседания идеологической комиссии не были опубликованы. Для реализации своих планов она предпочла использовать уже апробированные косвенные методы воздействия на культурные процессы и действовать через сторонников своей линии в массовых организациях и творческих союзах, поэтому первыми проводниками новой культурной политики стали сами культурные деятели.

При этом между ними был введен еще один посредник — Социалистический союз трудового народа Югославии: в рамках взятого курса при Союзном комитете этой массовой организации была создана Комиссия общественных организаций. Она и вела в дальнейшем необходимую работу по активизации централизаторских инициатив в общественных организациях. Таким образом, курс на культурное сближение народов Югославии, взятый в 1956 г., не был подкреплён официальным авторитетом партии. Как представляется, эта тактика способствовала первой неудаче в реализации принципов социалистического югославизма.

Поскольку противники культурного сближения не были нейтрализованы публичной партийной установкой, они могли открыто саботировать этот курс, а он действительно столкнулся с сопротивлением. Его возглавили словенские литераторы, что не удивительно: на заседании идеологической комиссии представители республик специально характеризовали свои национальные проблемы и самая плохая ситуация была отмечена в Словении и среди албанцев Македонии. Противодействие приняло вид литературной дискуссии.

Одним из первых на новые партийные установки отозвалось руководство Союза писателей Югославии. Оно решило провести осенью 1956 г. очередной пленум, где первым пунктом повестки дня поставило обсуждение «национально югославского единства в нашей литературе»²⁶, а в июле 1956 г., сразу после этого решения, известный сербский литературный критик Зоран Мишич написал тезисы о едином югославском критерии в литературе. Их опубликовал на первых страницах модернистский журнал «Дело». Хотя Мишич выражал свои собственные убеждения, нет сомнения, что за ним стояли Стамболич и идеологическая комиссия ЦК СКЮ. С этого и началась публичная дискуссия.

Из всех опубликованных в литературных изданиях материалов дискуссии нам сейчас доступна только статья Д. Шеги. Однако в архивном фонде Йосипа Броза Тито нами был обнаружен реферативный обзор этой полемики, подготовленный специально для президента Югославии и раскрывающий позиции всех ее участников. Из сопоставления со статьей Шеги видно, что обзор лишен тенденциозности и вполне применим для целей нашего исследования.

Мишич подошел к вопросу комплексно и затронул многообразные проблемы югославской литературы. Его тезисы носят двоякий характер: это не только разработка свежих партийных установок, но и чисто литературная полемика, содержащая выпады модерниста против реалистов. Во-первых, Мишич обратил внимание на дефицит современной проблематики, в частности, за 12 лет, прошедших после войны, не появилось ни одного романа о современной югославской жизни. Во-вторых, он отметил дефицит городской тематики: «Неестественно, что страна, которая индустриализуется и строит социализм, не имеет городской литературы»²⁷. Среди писателей, разрабатывающих сельскую тематику, преобладает враждебное отношение к городу. В-третьих, в «консервативно-региональной литературе» доминирует мелкобуржуазное мировоззрение, а патриархальную этику пытаются выдать за коммунистическую. Этим тенденциям Мишич противопоставляет югославизм, основу которого он в полном соответствии с высказываниями Стамболича видит в социали-

стической идеологии: «Социалистическая идеология и этика представляют единственный долговременный залог югославизма и единственную надежную защиту от узкореспубликанских, местнических и шовинистических тенденций»²⁸. В-четвертых, Мишич заявляет, что отсутствует единый литературный язык, потому что в сербскохорватском языке низкая унификация норм, процветают регионализм и провинциализм. В-пятых, писатели игнорируют достижения психологической науки, шаблонно применяют теорию типичного и т.п. В-шестых, существует консерватизм в идеях и средствах выражения, который с необходимостью подпитывает республиканскую замкнутость и партикуляризм. В-седьмых, средний культурный уровень югославских писателей довольно низок и необходимо работать над его повышением. В этой связи Мишич отмечает: «Истинный югославский писатель тот, кто обращается ко всему человечеству, а не только к соседям и ближайшей родне, как это имеет место в нашей региональной литературе»²⁹. Следует воспринимать все веяния в мире, откуда бы они ни шли, не бояться культурных контактов, преодолеть так называемую искусственную непереваемость «нашей литературы». В этой связи Мишич проходится по борьбе писателей реалистов за национальную чистоту литературы. В-восьмых, Мишич призывает к критическому пересмотру существующего культурного наследия, включая фольклор, к поиску там прогрессивной линии и ее творческому развитию, выявлению универсальных, общегославских качеств. Свои тезисы Мишич завершает утверждением о тактике, которое вполне соответствует установкам партии. К созданию «интегральной югославской культуры» нельзя прийти никакими административно-организационными мерами, а только путем спонтанной активности писателей-единомышленников³⁰.

Мишичу резко возразил в октябре литературный и театральный критик Драго Шега. Он был главным редактором словенского литературного журнала «Наша содобност», потому выразил не только свою личную позицию. Референт Тито охарактеризовал ее как острую реакцию редакции. Не исключено, что Шега, публикуя свой ответ Мишичу, заручился предварительным согласием кого-то из словенских партийных идеологов. Во всяком случае, в 1961 г., когда Шега вновь предоставил страницы своего журнала для полемики по вопросам югославизма, он предварительно проконсультировался с главой правительства Словении Борисом Крайгером³¹. У нас пока нет доказательств подобного совещания в 1956 г., но устоявшаяся практика партийного контроля над литературной жизнью делает такое предположение весьма вероятным.

Мишич поднял многочисленные проблемы югославской литературы, но Шега абстрагировался от них и обрушился исключительно на обнаруженную им угрозу словенской национальной культуре. Мишич несколько раз упомянул интегральную югославскую культуру, и на этом основании Шега написал, что его тезисы происходят «из обветшалого идейного гардероба режимов, правивших после шестого января», имея в виду политику интегрального югославизма, которая проводилась после государственного переворота 6 января 1929 г.³² Нападая на региональные критерии, Мишич, по мнению Шеги, предлагает им региональную замену, так как югославский критерий тоже региональный, а прогрессивный писатель должен руководствоваться общечеловеческими критериями. Поэтому

не должно быть ни югославского, ни словенского, ни хорватского, ни сербского критерия, а югославский критерий — выдумка узкой группы литературных единомышленников Мишича. Шега либо имел за спиной поддержку, либо просто не знал, что покушается на линию партии, ведь на заседании идеологической комиссии Стамболич красноречиво бросил: «Велика роль печати в создании широкого югославского критерия»³³.

Далее Шега упрекнул Мишича, что он игнорирует исторически сложившиеся в Югославии культуры (словенскую, сербскую, хорватскую, македонскую), потому что ни разу не упомянул, что Югославия — многонациональное государство, и ни один из ее народов не назвал по имени, а ставя проблему единого литературного языка, Мишич отождествляет его с сербскохорватским, тем самым отрицая словенский и македонский, что лишь подтверждает его приверженность интегральному югославизму. «Словенская, хорватская, сербская и также македонская культура существуют и, как все другие национальные культуры в мире, в своих высших достижениях универсальные и общечеловеческие», — напоминает Шега³⁴. Наконец, Шега уточняет трактовку югославизма. Соглашаясь, что теперь в его основе лежат социалистическая идеология и этика, он провозглашает, что современный югославизм — это больше, чем югославское понятие. В связи с борьбой за социализм, гуманизм и демократию он приобрел универсальный общечеловеческий характер.

В ответной статье Мишич возмутился, что его взгляды приравнивают к интегральному югославизму, потому что «всякому, кто умеет читать, ясно, что большинство «инкриминируемых» позиций (о едином литературном языке, регионализме, неравенстве культурных уровней и т.д.) относится в первую очередь к острым проблемам сербскохорватского литературного и языкового пространства», а словенский и македонский языки он не упомянул просто потому, что плохо знает проблематику этих языковых сред³⁵.

Возражая Шеге, Мишич изменил свои позиции, в частности заявил, что не считает югославский критерий ни эстетическим, ни национальным — это лишь средство, чтобы преодолеть регионализм и сделать югославскую литературу современной. Далее он перешел в наступление и указал, что необходимо выяснить «является ли югославизм «прогрессивным общественно-политическим понятием», как его мыслит Шега, или «также и литературно-культурным»; надо ли строить отношения между национальными литературами исключительно в духе интернационализма и социалистического равноправия или также и в духе братства и единства; нужно ли единое общегославское культурное движение или же движение к обособлению, изоляции и замыканию национальных литератур.

Затем Мишич показал, что, прикрываясь защитой словенского культурного пространства, Шега на практике ведет к ориентации на все другие культурные пространства, кроме югославского. Мишич заявил, что принципы федеративного устройства Югославии нельзя механически переносить в область литературы и культуры, которая не позволяет строго размежеваться по государственным границам. Он осудил практику, когда национальные характеристики писателя используются как средство его продвижения по национальному или региональному ключу в ущерб качеству произведений.

Если не существует югославского критерия, то нет югославской культуры и югославской литературы. «Следовательно, можно вполне прекрасно духовно общаться с миром и напрямую из Любляны, Белграда или Цетинья, без югославского посредничества, поскольку югославизм — “общественно-политическое понятие”, а не культурное. Нужно, однако, заметить, — завершает Мишич, — что помимо этой государственной и духовная легитимация что-то значит, и они не должны противопоставляться»³⁶. Затем универсальное и общечеловеческое должно быть наполнено каким-нибудь содержанием, иначе это будет голая абстракция. Таким содержанием в «наших условиях» выступает югославизм. Свой ответ Мишич завершает язвительным замечанием: «Мне неясно, — заверяет он, — как то имя, которое обозначает сумму нашего общественного и духовного прогресса, может поставить под угрозу язык, культуру и национальное равноправие того самого народа, которому оно охраняет границы и обеспечивает существование»³⁷.

В реферативном обзоре также приводятся мнения, высказанные тремя другими писателями по поводу тезисов Мишича. Прежде всего, это сербский писатель Эрих Кош, опубликовавший статью в журнале реалистов «Современник», претендовавшем на статус общегославского издания. Он предложил разделить культурно-политическую и эстетическую стороны проблемы. Суть первой — сближение, синтез или интеграция национальных культур Югославии, и это очень актуальные и необходимые вещи, но им не уделяется должного внимания, и преобладает тенденция к обособлению национальных литератур, особенно после начала децентрализации. Даже различия между сербским и хорватским литературным языком, вопреки всем усилиям, не уменьшаются, а растут. Причины Кош усматривает в сохранении враждебного влияния буржуазно-националистической интеллигенции, которая все еще участвует в югославской общественной жизни, и в недостаточной активности общественных организаций³⁸. А вот в формировании эстетического югославского критерия Кош видит угрозу административного навязывания вкусов одной группы всем остальным, что приведет к обеднению литературы.

В боснийской газете «Ослободьжене» хорватский писатель Густав Крклец поддержал мнение Шеги, что югославский критерий — это провинциализм, но только на одну ступень выше. В центральной молодежной газете «Младост» писатель Душан Матич выразил непонимание предложений Мишича и поддержал Шегу в том, что литература должна руководствоваться универсальным критерием.

Собственно, на этом обзор, подготовленный для Тито, завершается. Он не охватил все критические отзывы. Так, в январе 1957 г. словенский литературный критик Боян Штих предположил, что существует связь пренебрежительного отношения Мишича к региональным диалектам и его югославского критерия с плохим переводом на словенский язык одного из изданий по истории Народно-освободительной войны³⁹, но в обзоре эти колкости не нашли отражения.

Обзор не содержит никаких выводов и предложений, нет на нем и пометок Тито. Но можно с уверенностью считать, что по югославскому критерию на высшем партийном уровне было принято решение. Обзор был составлен 21 января 1957 г., а уже в февральском номере «Савре-

меника» дискуссия закончилась публикацией подборки высказываний из различных журналов насчет единого югославского критерия. Подборка завершалась словами словенского писателя и партийно-государственного деятеля Йосипа Видмара, который был в тот момент председателем Союза писателей Югославии, «что в искусстве должен иметь силу критерий качества и ничего более»⁴⁰. Видмар занял сторону Шеги. Таким образом, словенская контратака на попытку углубить югославскую интеграцию в сфере культуры увенчалась успехом, и это была первая неудача в реализации политики социалистического югославизма. Хотя у нас нет прямых сведений, как победила эта точка зрения, она выражала не просто консолидированное мнение авторитетных писателей, но и новую партийную линию. Об этом ярко свидетельствуют более поздние источники: спустя пять лет, в декабре 1961 г., Стамболич отмежевывался от единого югославского критерия как от ошибочной централизаторской идеи, хотя ранее сам же ее и продвигал, а ведущий партийный теоретик Эдвард Кардель в апреле 1962 г. возмущался: «Что такое югославские критерии? Существуют общечеловеческие критерии, не существует никакого отдельного югославского критерия в культуре»⁴¹. Известно, что Кардель поддерживал личные связи с Видмаром⁴², поэтому их единая позиция не являлась случайным совпадением.

Литературная полемика о югославском критерии активизировала дискуссии о национальном вопросе в высшем руководстве партии. Из дневников сербского писателя Добрицы Чосича, который был в то время членом ЦК СКЮ, мы знаем, что 11 февраля 1957 г. на встрече с Тито по поводу подготовки новой партийной программы возникла идея включить туда национальный вопрос. В тот же день Чосич обсуждал национальный вопрос и концепцию югославизма с Карделем⁴³. Все эти дискуссии хронологически связаны с подготовкой обзора полемики Мишича и Шеги для Тито и ее завершением вердиктом Видмара. Более того, именно в это время Кардель решил переиздать свою старую работу «Развитие словенского национального вопроса» и написал ко второму изданию обширное предисловие, где уточнил официальное видение социалистического югославизма, впервые изложив его в систематизированном виде (работу над предисловием он завершил в апреле 1957 г.). Для единого югославского критерия в этом изложении места не нашлось⁴⁴.

Для словенских литераторов ниспровержение югославского критерия в культуре стало постоянной задачей, они зорко следили за малейшими попытками его возрождения. В феврале 1958 г. словенский поэт Матей Бор критиковал сербского художника и искусствоведа Милодрага Протича, указав, что югославская литература не является органическим целым⁴⁵. А в декабре 1961 г. литературовед Душан Пирьевец обрушился на Чосича с пространной критикой югославского критерия в культуре, хотя Чосич лишь мельком упомянул, что он за югославское утверждение всего качественного в культуре, независимо от языка народа, на котором это произведение создано⁴⁶. В сущности, Чосич повторил формулировку Видмара, добавив лишь югославские рамки, и этого добавления оказалось достаточно для нападков из Словении. Между тем без югославского критерия, осознается он или формируется стихийно, культурное единство Югославии становилось невозможным. Б. Докнич полагает, что общая

югославская культура все же сложилась к 1970-м гг., но по описанию ее составляющих хорошо видно, что этот результат был достигнут исключительно путем стихийного развития ⁴⁷.

Для достижения культурного сближения косвенные методы подталкивания объективных процессов в тогдашних исторических условиях оказались малоэффективными. Отсутствие четко выраженной публичной партийной позиции позволило противникам нанести контрудар и добиться успеха. Возможно, для этого была предпосылка — отсутствие однозначных взглядов на национальные процессы в самом высшем партийном руководстве, но это не утверждение, а лишь предположение, так как по этому вопросу достоверных сведений мы пока не обнаружили.

Литературной полемике о едином югославском критерии в культуре не повезло. В отличие от более поздней литературной полемики о югославизме Чосича и Пирьевца, она не вызвала резонанса у современников. Возможно, виной тому были исторические условия. Пик полемики пришелся на время бурных международных событий — Суэцкий кризис, восстание в Венгрии и резкое охлаждение советско-югославских отношений. Лидеры СКЮ обратили внимание на полемику сразу, как только эта полоса прошла, но в общественном мнении этого не случилось. Между тем эта малозаметная полемика оказала ощутимое влияние на интеграционные процессы в югославской культуре. Политика культурного сближения на основе социалистического югославизма впервые столкнулась с такой принципиальной неудачей, как провал единого югославского критерия в культуре. Разумеется, эта неудача не носила фатального или исторически необратимого характера. Курс на культурное сближение во второй половине 1950-х гг. более или менее успешно продолжался, но это был провозвестник будущих, более глубоких, проблем.

Примечания

1. GABRIČ A. Socialistična kulturna revolucija: slovenska kulturna politika 1953—1962. Ljubljana. 1995; REŽEK M. „Jugoslovanstvo“ in mednacionalni odnosi v Jugoslaviji v petdesetih letih 20. stoletja. — Prispевki za novejšo zgodovino. 2005. № 2, s. 133—145.
2. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507. ЦК СКЈ. VIII: Идеолошка комисија. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. Л. 97, 100.
3. Ibid. Кутија 9. Предмет II/2-b-161: Zapisnik sa sastanka komisije za ideološki rad CK SKJ sa predsednicima komisija CK republika, koji je održan 26.XII.1961. Л. 6.
4. Ibid. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 47—48.
5. Ibid. Л. 38—39, 44, 97, 100.
6. Ibid. ЦК СКЈ. VIII: Идеолошка комисија. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Izvod iz zapisnika sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ. Л. 110.
7. DOKNIĆ B. Kulturna politika Jugoslavije: 1946—1963. Beograd. 2013, s. 201.
8. ПЕКОВИЋ Р. Паралелна страна историје. Београд. 2009, с. 25, 27.
9. GABRIČ A. Op. cit., s. 320.
10. REŽEK M. Op. cit., s. 136.
11. REZOLUCIJA VI kongresa o zadacima i ulozu Saveza komunista Jugoslavije. — Jugoslavija, 1918—1984: Zbirka dokumenata. Beograd. 1985, s. 874.
12. DOKNIĆ B. Op. cit., s. 200.
13. GLIŠIĆ V. Susreti i razgovori: prilozi za biografiju Petra Stambolića. Beograd. 2010, s. 29—30, 143.

14. GABRIČ A. Op. cit., s. 130, 310—311, 327, 343.
15. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507: ЦК СКЈ. III/66: Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane na Brionima 2 aprila 1956. godine, s. 122.
16. Ibid. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 35—36, 53.
17. Ibid. Izvod iz zapisnika... Л. 110.
18. Ibid. Stenografske beleške... Л. 46.
19. Ibid. Л. 47—49, 98.
20. DOKNIĆ B. Op. cit., s. 266; ŠEGA D. Kriterij in resničnost. — Naša sodobnost. 1956. № 10, s. 958.
21. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Izvod iz zapisnika... Л. 111—111об.
22. Ibid. Stenografske beleške... Л. 54, 104.
23. GABRIČ A. Op. cit., s. 318.
24. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 50—52.
25. Ibid. Izvod iz zapisnika... Л. 112.
26. ŠEGA D. Op. cit., s. 958.
27. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 837. Кабинет председника републике. Предмет II-4-a/4: Informacija o napisu književnog kritičara Zorana Mišića „Za jedinstveni jugoslovenski kriterij”. Л. 2.
28. Ibid. Л. 2—3.
29. Ibid. Л. 4.
30. Ibid. Л. 6.
31. GABRIČ A. Op. cit., s. 346.
32. ŠEGA D. Op. cit., s. 957.
33. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507. VIII. Кутија 5. Предмет II/2-b-87: Stenografske beleške... Л. 50.
34. ŠEGA D. Op. cit., s. 960.
35. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 837. Предмет II-4-a/4. Л. 8.
36. Ibid. Л. 12.
37. Ibidem.
38. Ibid. Л. 13.
39. GABRIČ A. Op. cit., s. 323.
40. REŽEK M. Op. cit., s. 136.
41. АРХИВ ЈУГОСЛАВИЈЕ. Фонд 507. VIII. Кутија 9. Предмет II/2-b-161. Л. 6; ЋОСИЋ Д. Пишчеви записи. 1951—1968. Београд — Нови Сад. 2000, с. 221.
42. GLIŠIĆ V. Op. cit., s. 99.
43. ЋОСИЋ Д. Наведено дело, с. 123
44. KARDELJ E. Razvoj slovenačkog nacionalnog pitanja. Beograd. 1958, s. 37—54.
45. GABRIČ A. Op. cit., s. 323—324.
46. ČOSIĆ D. O sodobnem nesodobnem nacionalizmu. — Naša sodobnost. 1961. № 12, s. 1102; PIRJEVEC D. Slovenstvo, jugoslavanstvo in socializem. — Naša sodobnost. 1961. № 12, s. 1126—1129.
47. DOKNIĆ B. Op. cit., s. 258.

О развитии политической ситуации на Ближнем Востоке в контексте американских доктрин и приоритетов администрации Дж. Буша-старшего

Т. Аббасов

Аннотация. Аннексия Ираком Кувейта в ночь с 1 на 2 августа 1990 г. и последовавшая за этим 17 января 1991 г. операция международной коалиции стран во главе с США «Буря в пустыне» радикально изменили внутривосточную ситуацию в регионе Ближнего Востока, сделав официальный Вашингтон доминирующей силой в зоне Залива. После победоносного завершения иракской операции президент США Джордж Буш-старший, выступая 11 сентября 1991 г. в Конгрессе страны, объявил о наступлении «нового мирового порядка». Откровенно проамериканская политическая позиция российского лидера Бориса Ельцина также однозначно свидетельствовала об установлении однополярного мира.

Ключевые слова: США, Ближний Восток, политический кризис, военный союз, внешнеполитическая позиция, вооруженный конфликт.

Abstract. The annexation of Kuwait by Iraq on the night of August 1—2, 1990 and the ensuing operation of the international coalition of countries led by the United States «Desert Storm» on 17 January, 1991 radically altered the entire interval political situation in the Middle East region having made official Washington the dominant power in the Gulf region. After the victorious completion of the Iraqi operation the USA president George H.W. Bush speaking in the United States Congress on 11 September, 1991 announced about the advent of a «new political order». The openly pro-American political position of Russian leader Boris Yeltsin also unequivocally testified to the establishment of a unipolar world.

Key words: USA, Middle East, political crisis, military alliance, foreign-policy position, armed conflict.

В геополитическом отношении территория Ближнего и Среднего Востока в годы «холодной войны» была ареной противоборства США и СССР. Используя так называемую «стратегию анаконды», разработанную в свое время видными американскими геополитиками Альфредом Мэхэном¹ и Николасом Спайкменом², Вашингтон стремился отсечь от Хартленда прилегающие к нему моря и береговые территории «внутреннего полумесяца» и свести на нет выходы России к морям, отбросив ее от Индийского океана (здесь было бы уместно отметить бывшего американ-

ского дипломата Джорджа Кеннана³, «архитектора» «холодной войны», идеолога «политики сдерживания»).

Большая часть внешнеполитических доктрин США послевоенного периода относилась именно к этому региону. Так, доктрина Трумэна (12 марта 1947 г.) коснулась преддверия Ближнего Востока — Греции и Турции, которым предлагалась помощь, чтобы спасти от «международного коммунизма»⁴. Это стало одним из ключевых событий начала «холодной войны». Американский журналист Уолтер Липпман, раскрывая цели этой доктрины, писал: «Мы выбрали Грецию и Турцию не потому, что они особенно нуждаются в помощи, и не потому, что они являются блестящими образцами демократии, но потому, что они представляют собой стратегические ворота, ведущие в Черное море и к сердцу Советского Союза»⁵.

С момента провозглашения доктрины Трумэна и особенно после образования Организации Североатлантического договора США стремились создать на Ближнем и Среднем Востоке антирусскую коалицию по типу НАТО, используя Турцию в качестве главного агента в этом регионе. В 1951 г. создать такую организацию им не удалось из-за противодействия Египта, где тогда уже начали проявляться антизападные (в особенности антианглийские) тенденции. План 1951 г. предполагал создание Оборонительной организации для Среднего Востока — MEDO (Middle East Defense Organization), которая включала бы Египет и базу в районе Суэцкого канала. Тогда западные державы (инициатором выступала Великобритания) решили создать организацию, которая объединила бы группу дружественных неарабских стран так называемого «северного пояса», расположенных вдоль границ бывшего СССР. Главная ставка при этом была вновь сделана на официальную Анкару, которая 4 апреля 1954 г. подписала договор с Пакистаном, после чего США заключили соглашения об американской военной помощи с Ираком (21 апреля) и Пакистаном (10 мая). И наконец, 24 февраля 1955 г. Турция и Ирак подписывают Багдадский военный пакт, который заложил основу так называемой Организации Центрального договора — CENTO (Central Treaty Organization), к которой 5 апреля 1955 г. присоединилась Великобритания, в сентябре Пакистан, а в октябре — Иран. Это имело продолжение в образе Организации договора Юго-Восточной Азии — SEATO (South East Asia Treaty Organization), созданной в 1954 г. и включавшей США, Англию, Францию, Австралию, Новую Зеландию, Филиппины, Таиланд и Пакистан. Однако серьезная брешь в оборонной региональной стратегии официального Вашингтона образовалась уже в 1958 г. в результате выхода из CENTO Ирака, что было связано с приходом к власти сил, отказавшихся от союза с Западом (в дальнейшем серьезным ударом стала исламская революция в Иране и последующий выход Ирана из органи-

Аббасов Тариэль Намик оглы — доктор философии по истории, и.о. доцента кафедры новой и современной истории стран Европы и Америки Бакинского государственного университета. E-mail: tariel.abbasov@rambler.ru.

Abbasov Tariel — doctor of philosophy in history, acting assistant professor at the Department of the new and modern history of European and American countries at Baku State University. E-mail: tariel.abbasov@rambler.ru.

зации в марте 1979 г., в результате чего в августе того же года CENTO прекратила свою деятельность) ⁶.

Несмотря на определенные успехи в ближневосточной политике официального Вашингтона в первое послевоенное десятилетие, США в этот период открыто не заявляли о своих притязаниях в регионе Ближнего Востока. Свои действия они были вынуждены координировать с официальным Лондоном, который и являлся главным инициатором создания Багдадского пакта (кстати, США так и не вошли в состав центральных органов CENTO, они лишь приняли участие в деятельности комитетов по вопросам экономики). Исходя из этого можно констатировать, что в то время шло скрытое англо-американское соперничество, в котором главной целью Белого дома было «покончить с имперской ролью Великобритании и одновременно эксплуатировать остатки британского влияния для создания на Ближнем и Среднем Востоке структуры сдерживания» ⁷. Это соперничество достигло кульминации в период Суэцкого кризиса 1956 г., когда открытое американское противодействие блокировало военную кампанию Великобритании и Франции, которые совместно с Израилем пытались захватить Суэцкий канал, незадолго до того национализированный Египтом, а также свергнуть египетского лидера Гамаль Абдель Насера. Столь смелый поступок президента Дуайта Эйзенхауэра (США в первый и последний раз выступили против своих ближайших союзников) означал для Великобритании, что она более не в состоянии контролировать политическую ситуацию на Ближнем Востоке. Таким образом, англо-американское соперничество в регионе завершилось победой официального Вашингтона ⁸.

5 января 1957 г. президент Д. Эйзенхауэр (1953—1961) обратился со специальным посланием к Конгрессу, в котором подробно изложил намерения правящих кругов США в отношении Ближнего Востока. В начале выступления он отметил, что Ближний Восток достиг критической стадии в своей истории, что в прошлом многие нации там не обладали полной самостоятельностью, а большей властью в этом регионе пользовались другие государства, и безопасность ближневосточного региона в значительной степени основывалась на их мощи. Однако после окончания Первой мировой войны, с точки зрения Эйзенхауэра, там отмечалась эволюция к самоуправлению и независимости. Глава Белого дома обвинял СССР в стремлении добиться господства на Ближнем Востоке, пытаясь убедить членов Конгресса, что в данном регионе образовался «вакуум сил», который Соединенные Штаты должны заполнить ⁹. Президент Эйзенхауэр как будто предвосхищал будущее, когда писал, что «экономика Европы фатально зависит от ближневосточной нефти, и если источники поставки будут полностью перекрыты, то Соединенные Штаты столкнутся с большими трудностями» ¹⁰. Обосновывая свою политику, глава Белого дома говорил о том, что Ближний Восток является воротами между Европой и Африкой, а Суэцкий канал дает возможность нациям развивать торговлю, что немаловажно, так как эти страны должны поддерживать процветающую экономику ¹¹.

Доктрина Эйзенхауэра могла разрешить и целый ряд политических задач. Она фактически явилась отражением теории сдерживания, предусматривавшей противостояние советской экспансии в любом регионе ¹².

Американские правящие круги понимали, что СССР не пойдет на грубые военные действия в регионе Ближнего Востока, но может использовать в своих интересах «антизападную ориентацию ультранационалистических элементов, чтобы изгнать из ближневосточных стран иностранцев и их собственность»¹³.

Еще одной политической целью доктрины Эйзенхауэра была поддержка Израиля, поскольку во время Суэцкого кризиса США поддержали Египет, который к тому времени «политически окреп», а Гамаль Абдель Насер стал бесспорным лидером всех прогрессивных сил арабского мира. После провозглашения доктрины американский посол, видимо, получив инструктаж из Белого дома, даже изменил тон в разговорах с египетским лидером. Когда Г.А. Насер сказал ему, что он «стремится улучшить отношения с США», американский посол «от имени Президента Эйзенхауэра» ответил: «Пока вы, египетское правительство, близки к Советскому Союзу, мы не можем пойти ни на помощь вам, ни на улучшение наших отношений»¹⁴. Политической целью доктрины являлось также поднятие престижа Багдадского пакта, заметно подорванного Великобританией. Госдепартамент США опубликовал заявление, в котором Соединенные Штаты попытались показать себя единственными защитниками интересов пакта, что было продемонстрировано в марте 1957 г., когда США официально объявили о своем вступлении в военный комитет пакта¹⁵.

Кроме того, доктрина Эйзенхауэра была направлена на ослабление соперников из числа союзников США. Госсекретарь Дж.Ф. Даллес, давая объяснения по поводу доктрины в Комиссии Конгресса 15 января 1957 г., заявил, что доктрина предварительно не была согласована с Великобританией и Францией и что США не намерены привлекать их к сотрудничеству при осуществлении программы экономической помощи на Ближнем Востоке¹⁶. Доктрина, которая обсуждалась как политическими и военными деятелями в Совете Национальной Безопасности (СНБ) и Объединенном Комитете Начальников Штабов (ОКНШ), так и видными американскими учеными, отвечала запросам элиты американского общества¹⁷. Она получила большинство голосов в Конгрессе: из 435 его членов и 100 сенаторов против были только 61 и 19 соответственно. Доктрина была ратифицирована Конгрессом 9 марта 1957 г. Она отражала решимость Соединенных Штатов стать лидирующей силой на Ближнем Востоке, причем исходила из того, что уход Великобритании из региона создал вакуум, который США должны были заполнить, чтобы его не заполнил СССР¹⁸.

Согласно одобренной Сенатом резолюции, состоявшей из шести пунктов, президент США получал право предоставлять странам Ближнего Востока военную и экономическую помощь и использовать по своему усмотрению американские вооруженные силы в этом регионе. Под предлогом защиты независимости стран Ближнего Востока это давало возможность задействовать вооруженные силы «для оказания помощи любой стране или группе стран, нуждающихся в ней, против вооруженной агрессии со стороны какой-либо страны, контролируемой международным коммунизмом»¹⁹. Для вооруженного вмешательства США необходимо было обращение правительства данной страны к правительству Соединенных Штатов с просьбой о помощи. Согласно резолюции, дважды

в год президент США должен был отчитываться перед Конгрессом о своих действиях.

Фактически американское правительство использовало доктрину Эйзенхауэра только дважды: первый раз в апреле 1957 г., когда официальный Вашингтон отправил помощь Иордании и выдвинул туда из восточного Средиземноморья свой Шестой флот для оказания поддержки королю Хусейну, над которым нависла угроза государственного переворота, а второй раз — в июле 1958 г., когда США высадили своих морских пехотинцев в Ливане в целях защиты проамериканского правительства Камилы Шамуна перед лицом набиравшей силу гражданской войны. И хотя американская интервенция в Ливане способствовала замораживанию на некоторое время внутриливанского конфликта, она так и не смогла удержать у власти правительство К. Шамуна, в результате чего новое правительство Рашида Караме не только потребовало от Белого дома вывести свои войска с ливанской территории, но и заявило в декабре 1958 г., что Ливан не считает себя более связанным с «доктриной Эйзенхауэра»²⁰. После ухода Эйзенхауэра с поста президента в январе 1961 г. Соединенные Штаты более не обращались к его доктрине (было очевидно, что она потерпела фиаско).

Пришедшая ему на смену администрация Джона Кеннеди (1961—1963) оказалась более умеренной в отношении националистических режимов Ближнего Востока. Кардинальных изменений в ближневосточной политике новой американской администрации за короткий срок пребывания Кеннеди у власти (он был убит во время предвыборной поездки по стране 22 ноября 1963 г.) практически не наблюдалось. В дальнейшем уже президент США Ричард Никсон (1969—1974) 25 июля 1969 г., находясь на острове Гуам, выступил с новой внешнеполитической доктриной²¹, на содержание которой непосредственно повлиял провал политики США во Вьетнаме: «Соединенные Штаты обеспечат щит на случай, если одна из ядерных держав будет угрожать свободе союзной нам нации или нации, чье выживание жизненно важно с точки зрения нашей безопасности». В случае неядерной агрессии Соединенные Штаты «позаботятся о нации, испытывающей непосредственную угрозу, и примут на себя основную ответственность по обеспечению живой силы для организации обороны»²². Таким образом, доктрина Никсона выражала отказ от прямой американской военной интервенции, провозглашая политику опоры на своих региональных союзников для защиты высших интересов США. В случае с Ближним Востоком подобными союзниками на тот период были Иран и Израиль.

Вместе с тем ряд политических событий конца 1970-х гг., а именно советская интервенция в Афганистане (1979 г.) и исламская революция в Иране (1979 г.), лишившая США одного из главных их союзников на Ближнем Востоке, заставили официальный Вашингтон кардинальным образом изменить свою внешнюю политику в регионе Ближнего и Среднего Востока. Крайнюю обеспокоенность у находившегося во главе Белого дома президента США Джимми Картера (1977—1981) вызывал тот факт, что пламя «холодной войны» могло перекинуться и на Персидский залив с его бесценной нефтью. И доктрина Картера вновь возвращалась к идее прямого вооруженного вмешательства США, причем основное внима-

ние Белого дома теперь было сосредоточено на богатых нефтью районах Персидского залива и Аравийского полуострова. Не случайно президент Дж. Картер открыто заявил, что «попытка любого иностранного государства взять под контроль район Персидского залива будет расценена как угроза жизненным интересам США», причем подобное вмешательство «будет отражено всеми возможными мерами, вплоть до применения военной силы»²³. Следует подчеркнуть, что именно доктрина Картера заложила теоретические основы для будущей интервенции вооруженных сил США во время войны в Персидском заливе 1991 г.

На новых президентских выборах в США в 1980 г. победа досталась кандидату-республиканцу Рональду Рейгану (1981—1989). Следует заметить, что, с внешнеполитической точки зрения, поражение демократов на выборах 1980 г. имело совершенно иную причину, нежели в 1968 г. Если в том году избиратели отстранили демократов по причине поражения во Вьетнаме, то в 1980 г. американцы отказали в избрании на второй срок демократу Джимми Картеру по причине его «мягкотелости». Картер в своей внешней политике выдвигал на первое место дипломатию, «мягкую силу», санкции, права человека. Неоконсерваторы во главе с республиканцем Рейганом обвиняли демократов в «попустительстве» СССР, потере Анголы, Мозамбика и Эфиопии в Африке, Никарагуа в Латинской Америке. К тому же, как известно, тема так называемого «вьетнамского синдрома», приглушившая на несколько лет веру американской нации в универсальность ее ценностей и приемлемость либеральной демократии для всех стран мира, нанесла серьезный удар по фактору «американской исключительности» как главной составляющей национального самосознания и общественного мнения страны. Ослаблению «вьетнамского синдрома» и возрождению доверия к военной силе в массовом сознании способствовал ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. Наряду с этим, согласно опросу общественного мнения в США, ослабление «вьетнамского синдрома» произошло именно в период президентства Рейгана. Тема «советской угрозы», необходимости перелома в «холодной войне» стала центральной в его предвыборной риторике. Личность этого политика сыграла важнейшую роль в изменении общественного мнения и возрождении идеологемы «американской исключительности»²⁴.

Военный конфликт, внезапно вспыхнувший в сентябре 1980 г. между Тегераном и Багдадом (операция иракской армии «Кадисия Саддама» против Ирана оказалась авантюрой, длившейся восемь лет и стоившей Ираку полмиллиона только убитых, не говоря о раненых, о колоссальных затратах и об образовании внешней задолженности на сумму 80 млрд долл.)²⁵, был весьма своевременно использован новой американской администрацией, целенаправленно предотвратившей любые попытки противоборствующих сторон восстановить свои былые региональные политические позиции. Расколовшая на два враждебных лагеря страны Ближнего и Среднего Востока война (мы это наблюдали на примере позиции стран — членов ЛАГ)²⁶ привела к ослаблению экономического потенциала как Ирана, так и Ирака, что явилось наглядным свидетельством целенаправленной и успешной реализации официальным Вашингтоном в отношении последних так называемой политики двойного сдерживания.

Придя к власти, президент Р. Рейган незамедлительно объявил СССР «империей зла», поставил целью победу в «холодной войне» и предложил программу резкого наращивания военных расходов, качественного перевооружения США. Разведывательные службы силовых структур приводили расчеты, свидетельствовавшие о том, что СССР экономически неуклонно слабел и отставал от США, и появилась реальная возможность измотать его в гонке вооружений, нанеся противнику номер один решающий удар. Все военные программы президента Рейгана, включая размещение средств противоракетной обороны в космосе (программа «Звездных войн»), были одобрены американским правящим классом. Общественное мнение страны прониклось антисоветизмом, одобряя борьбу с СССР во всех регионах, в первую очередь в Европе, как приоритетную внешнеполитическую цель. Официальный Вашингтон стал размещать ядерные ракеты среднего и ближнего радиуса действия в европейских странах НАТО. Советский Союз вступил в переговоры с Соединенными Штатами, однако любые компромиссы категорически отвергались. В результате в 1983 г. официальная Москва вышла из переговорного процесса. Наряду с этим, США восстановили подход с позиции силы к «периферии», в первую очередь в отношении отклонявшихся от североамериканской модели странах Латинской Америки.

Приход к власти в СССР в марте 1985 г. Михаила Горбачёва, открыто предложившего перестройку внутренней и внешней политики СССР, оказал непосредственное влияние на ход развития советско-американского соперничества. Это означало отказ от классового подхода, признание чрезмерного «перенапряжения» СССР в ядерном и глобальном соперничестве с США, готовность идти на компромиссы и уступки. Р. Рейган, приняв вызов М. Горбачёва, начал выработать собственные правила игры в перестройке мировой политики. Отсутствие желаемых результатов на внутривнутриполитическом поле вкупе с нереализованной «обновленной моделью социализма», главными составляющими которой являлись политическая демократизация и социалистический рынок, свидетельствовали о крахе горбачевской политики перестройки. В результате на этой волне стала активно набирать силу либерально-радикальная оппозиция, лидером которой был Борис Ельцин, одержавший в июне 1991 г. на президентских выборах в России убедительную победу. Таким образом, перестройка мировой политики, охватившая период с 1985 по 1991 г., ознаменовала завершение «холодной войны». Когда в конце 1980-х гг. политическое руководство СССР предоставило союзникам по восточноевропейскому блоку возможность свободного выбора между социализмом и либеральным капитализмом, они выбрали капитализм²⁷. Как известно, в ходе советско-американской встречи на Мальте в 1989 г. руководство СССР согласилось признать право стран Варшавского договора развиваться по несоциалистическому пути. И уже в декабре 1996 г. на сессии Совета НАТО в Мадриде было решено начать расширение Североатлантического альянса на восток с включением в него бывших социалистических государств²⁸. Таким образом, можно смело утверждать, что в результате компромиссов и уступок, главным образом со стороны СССР, произошло утверждение Соединенных Штатов в качестве единственной сверхдержавы.

На рубеже 1980-х — 1990-х гг. и президент Рональд Рейган, и новый глава Белого дома Джордж Буш-старший (1989—1993) на словах оценивали исход «холодной войны» как успех всего человечества без победителей и проигравших. Однако после распада СССР в 1991 г. выяснилось, что такая оценка имела тактический характер и предназначалась для того, чтобы не раздражать советского оппонента, но при этом вести с ним политическую игру в целях приобретения выгод для официального Вашингтона. Уже в 1992 г., во время президентской избирательной кампании, Джордж Буш-старший предъявил американскому обществу «козырную карту»: «Мы одержали победу в холодной войне»²⁹.

Следует заметить, что это утверждение стало общим местом в американской внешнеполитической идеологии и убеждением большинства граждан США. Для политического руководства США и американских правящих кругов в целом отсюда вытекали два важных вывода: первое — прежний миропорядок, в котором делили мир США и СССР, исчез, и поэтому нужно формировать основы «нового миропорядка»; второе — США по праву победителя и потому, что они стали единственным мировым лидером, принадлежит руководящая роль в «формулировании и выстраивании нового миропорядка». Не случайно после победоносного завершения операции «Буря в пустыне» президент Дж. Буш-старший объявил о наступлении «нового мирового порядка» (этот термин был пущен в международный политический оборот исключительно им). По горькой иронии, этот термин прозвучал в выступлении главы американской администрации в Конгрессе США 11 сентября 1991 г.³⁰ В этот день ровно десятилетие спустя устанавливаемый американцами «новый мировой порядок» дал о себе знать беспрецедентными в мировой истории терактами.

Как отмечает руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, профессор МГИМО МИД Владимир Согрин, «претензии США на роль Римской империи периода после холодной войны были одобрены американским политическим классом и стали успешно навязываться общественному мнению; опросы в США наглядно продемонстрировали, что американцы в период горбачевской перестройки и в годы президентства Б. Ельцина перестали видеть в СССР, а затем и в России, главную угрозу и рассматривали завершение холодной войны как ликвидацию реального социализма и всемирную победу США»³¹.

С одобрения политического руководства СССР, США, возглавив международную коалицию, нанесли поражение Ираку (в 1990 г. началась подготовительная операция «Щит в пустыне», целью которой была переброска войск в район Персидского залива, их подготовка к боевым действиям, а также разведка)³² и установили безраздельное влияние в регионе Ближнего Востока (для отражения иракской агрессии под эгидой США были образованы межнациональные силы, включавшие военные части США, Франции, Великобритании, Египта, Сирии и ряда других государств, общая численность которых уже к январю 1991 г. достигла 780 тыс. чел., в том числе 540 тыс. американцев)³³. Все это дало основание президенту США Дж. Бушу-старшему весной 1991 г. прямо заявить: «Мы избавились от “вьетнамского синдрома” раз и навсегда». Опросы

общественного мнения в СССР, начавшиеся в период горбачевской перестройки, показывали, что советские люди испытывали к США нарастающую симпатию, не имели комплекса неполноценности по поводу утраты Советским Союзом статуса сверхдержавы, были лояльны в отношении официального Вашингтона. Большинство россиян поддерживали президента Ельцина, занявшего откровенно проамериканскую позицию и повторяющего, как мантру, утверждение о цивилизованной, по американской модели, общности России и США ³⁴.

Таким образом, аннексия Ираком Кувейта (в ночь с 1 на 2 августа 1990 г.) и последовавшая за этим операция «Буря в пустыне» (17 января 1991 г.) радикально изменили внутривосточную ситуацию в регионе, сделав США доминирующей державой в зоне Персидского залива. Между тем следует заметить, что, несмотря на всю свою стратегическую значимость, зона Залива никогда не была ареной глобального противостояния между СССР и США в рамках «холодной войны». Тесный характер двусторонних отношений с Ираком не позволял официальной Москве претендовать на проникновение в ближневосточный регион. В то же время, хотя американское влияние было преобладающим среди государств региона (кроме того, США составляли стратегический альянс с Ираном и Саудовской Аравией), официальный Вашингтон не располагал здесь столь широким присутствием вооруженных сил.

Ключевым фактором для стран Персидского залива было желание обеспечить некоторый уровень американской защиты от различных местных угроз, исходивших от радикальных арабских стран (таких, как Ирак после 1958 г., Сирия и Египет в период правления Насера), Ирана после 1978 г., а также от внутренних переворотов, и в то же время нежелание провоцировать свой народ и все те же радикальные государства слишком тесным союзом с официальным Вашингтоном. Эта арабская стратегия срабатывала в течение многих лет. Однако вторжение Ирака в Кувейт заставило арабские страны Залива более серьезно задуматься о своей безопасности. И то обстоятельство, что страны Залива предприняли беспрецедентные действия, пригласив на свою территорию вооруженные силы иностранных государств в целях отражения иракской угрозы, служило наглядным подтверждением того, что они сами были не в состоянии защитить себя от внешних угроз без помощи извне. Уже после окончания войны в Заливе страны ССАГЗ (Саудовская Аравия, Кувейт, Катар, Бахрейн, ОАЭ и Оман) попытались создать в этой зоне «арабскую систему безопасности» посредством размещения крупных египетских и сирийских вооруженных сил, однако в связи с решением Египта вывести свои войска из региона Персидского залива в мае 1991 г. и в силу целого ряда других причин эти попытки не увенчались успехом ³⁵. В этих условиях официальный Вашингтон становился единственным «защитником» стран Залива. В итоге последние заключили соглашение с США, взявшими на себя обеспечение их безопасности. Фактически это соглашение легитимизировало постоянное присутствие американских вооруженных сил в зоне Залива.

Наряду с иракской проблематикой, другим направлением внешней политики администрации президента Дж. Буша-старшего в регионе Ближнего и Среднего Востока являлось создание необходимых предпосылок

для начала многостороннего переговорного процесса между участниками арабо-израильского военного противостояния. Следует подчеркнуть, что внимание, которое привлекал к себе со стороны мирового сообщества конфликтующий Ближний Восток, и ничтожное к тому времени влияние СССР, а также последствия кувейтского кризиса способствовали утверждению в регионе с начала 1990-х гг. почти монопольного доминирования дипломатии США. Таким образом, ближневосточный конфликт вступил в новую стадию своего развития — многосторонние переговоры по достижению мира в регионе. И хотя данное направление ближневосточной стратегии официального Вашингтона оказалось не столь перспективным, определенные позитивные подвижки все же имелись.

Так, уже на прошедшей с 30 октября по 3 ноября 1991 г. Мадридской мирной конференции было положено начало мирному переговорному процессу на Ближнем Востоке. Хотя переговоры проходили под патронажем США и России, институт российско-американского сопредседательства на мирной конференции оказался на руку прежде всего американской стороне, которая была последовательна и настойчива в проведении не согласованного, а самостоятельного курса в вопросах ближневосточного урегулирования, будучи уверенной в безусловном согласии сопредседателя со всеми своими политическими и дипломатическими инициативами. Российско-американское сопредседательствование на мирной конференции, по сути, превратилось в удобную для США политическую ширму для прикрытия закулисных маневров Белого дома. Наряду с этим, американская сторона столкнулась с весьма серьезными трудностями в деле разрешения всех аспектов ближневосточного кризиса, включая палестинскую проблему, на чисто американских условиях. Эти трудности носили как объективный характер (не вписывающиеся в американские планы намерения сторон в конфликте, например стремление Израиля сохранить под своим единоличным суверенитетом Иерусалим или намерение Сирии вернуть под свою юрисдикцию Голанские высоты), так и субъективный (сохранявшаяся разница в подходе к различным аспектам урегулирования, проявлявшаяся Конгрессом, Госдепартаментом, Советом по вопросам национальной безопасности и Белым домом). Главное же препятствие на пути к миру «по-американски» официальным Вашингтоном все же было преодолено. Этим препятствием долгое время считалась позиция премьер-министра Израиля И. Шамира по вопросу строительства израильских поселений на оккупированных территориях и ухода Израиля с этих территорий, obstructionизм израильского лидера в деле поисков сбалансированного решения палестинской проблемы. Поражение возглавляемого И. Шамиром блока «Ликуд» на очередных парламентских выборах в Израиле было воспринято в Вашингтоне с нескрываемым облегчением³⁶.

Таким образом, попытки официального Вашингтона растопить лед в сложном узле ближневосточных противоречий в целом так и не увенчались успехом. Как известно, эта миссия оказалась более успешной во внешнеполитической деятельности уже следующей американской администрации, пришедшей к власти в результате очередных президентских выборов в ноябре 1992 г., победу на которых одержал кандидат от Демократической партии США Билл Клинтон.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что после обеспечения своего военного присутствия в зоне Персидского залива важнейшими внешнеполитическими задачами администрации президента США Дж. Буша-старшего в ближневосточном регионе стали:

- обеспечение фактора политической стабильности режимов Саудовской Аравии и остальных богатых нефтью государств Персидского залива. Следует заметить, что уже к концу 1990-х гг. в зоне Персидского залива находилось более 10 тыс. военнослужащих США, 65 тыс. гражданских специалистов были заняты обслуживанием военных объектов;
- сдерживание стран-изгоев, в первую очередь таких, как Иран и Ирак. Если в рамках доктрины президента Дж. Буша-старшего американская администрация в целях политико-экономической изоляции Тегерана в числе приоритетов определила намерения создать в регионе «новую систему безопасности» с участием стран ССАГЗ, то принятые под давлением Белого дома Советом Безопасности ООН резолюция № 661 (август 1990 г.)³⁷, накладывавшая торговое эмбарго на Ирак, и резолюция № 687 (1991 г.)³⁸, требовавшая от Ирака свернуть все программы по разработке неконвенционального оружия и уничтожения ОМП, явились наглядным свидетельством этой политики «двойного сдерживания»;
- завершение арабо-израильского военного противостояния и создание необходимых предпосылок для начала многостороннего переговорного процесса между всеми конфликтующими сторонами для достижения мира в регионе.

Примечания

1. МЭХЭН А.Т. Влияние морской силы на историю. 1660—1783. СПб. 2002; ЕГО ЖЕ. Влияние морской силы на французскую революцию и империю. 1793—1812: В 2 т. СПб. 2003.
2. SPYKMAN N. America's Strategy in World Politics: United States and the Balance of Power. — American Political Science Review. 1942. Vol. 36. Iss. 5, p. 956—958; IBID. The Geography of the Peace. NY. 1944.
3. КЕННАН Д. Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М. 2002.
4. БЕЛОУСОВА К.А. Доктрина Эйзенхауэра и интервенция в Ливан в 1958 году. — Новая и новейшая история. 2018. № 5, с. 76.
5. ГРОМЫКО А.А., ЗЕМСКОВ И.И., ЗОРИН В.А., СЕМЁНОВ\$1В.С., ХАРЛАМОВ М.А. История дипломатии. Т. 5. М. 1974, с. 250.
6. ИСМАЙЛОВ М. Ближний Восток в аспекте современной мировой политики. Баку. 2002, с. 12.
7. КИССИНДЖЕР Г. Дипломатия. М. 1997, с. 474.
8. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 13—14.
9. БЕЛОУСОВА К.А. Ук. соч., с. 77.
10. The Eisenhower Diaries / Ed. by R. H. Ferrell. NY. 1981, p. 319.
11. Special Message to the Congress on the Situation in the Middle East, 5 January 1957. — Public Papers of President Eisenhower. Washington. 1957, p. 7—8.
12. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 14.
13. Foreign Relations of the United States. Washington. 1950, p. 240—241.
14. ПРИМАКОВ Е.М. Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). М. 2006, с. 97.
15. U.S. Department of State Bulletin. Washington. 1956, p. 918.
16. БЕЛОУСОВА К.А. Ук. соч., с. 78.

17. EISENHOWER D. Mandate for Change 1953—1956. NY. 1963, p. 137, 171, 237.
18. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 14.
19. U.S. Department of State Documents. American Foreign Policy: Current Documents. Washington. 1957, p. 784—798.
20. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 15.
21. СОГРИН В.В. «Вьетнамский синдром» США: урок истории? — Новая и новейшая история. 2018. № 4, с. 115.
22. КИССИНДЖЕР Г. Ук. соч., с. 643.
23. ГРЕНВИЛЛ Д. История XX века. Люди. События. Факты. М. 1999, с. 767.
24. СОГРИН В.В. Ук. соч., с. 117.
25. МИРСКИЙ Г.И. Исламизм, транснациональный терроризм и ближневосточные конфликты. М. 2008, с. 89.
26. ЖДАНОВ Н.В. Исламская концепция миропорядка. М. 2002, с. 159—160.
27. СОГРИН В.В. Ук. соч., с. 118.
28. ПОДЛЕСНЫЙ П. Т. Политика США в меняющемся мире. М. 2004, с. 33.
29. СОГРИН В.В. Ук. соч., с. 119.
30. ВАВИЛОВ А.И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран: опыт критического анализа. М. 2009, с. 11.
31. СОГРИН В.В. Ук. соч., с. 119.
32. ГЛАЗУНОВА Е.Н. Государственный переворот 1953 года в Иране и современные американо-иранские отношения (по материалам научной дискуссии в США). М. 2017. № 5, с. 88.
33. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 18.
34. СОГРИН В.В. Почему Россия и США не понимают друг друга. — Новая и новейшая история. 2017. № 2, с. 87.
35. ИСМАЙЛОВ М. Ук. соч., с. 18.
36. ПЫРЛИН Е.Д. Трудный и долгий путь к миру: взгляд из Москвы на проблему ближневосточного урегулирования. М. 2002, с. 355—356.
37. URL: <https://ru.freejournal.org>
38. URL: <https://online.zakon.kz>

К вопросу о попытках приобретения вооружения из латиноамериканских стран для русской армии в годы Первой мировой войны

В. В. Синиченко

Аннотация. Статья посвящена вопросам организации поставок вооружения из-за границы в Российскую империю в годы Первой мировой войны. В 1915 г. российская армия испытывала недостаток в военном оснащении своей многомиллионной мобилизованной армии. Довоенного запаса в 5 млн винтовок системы «Мосин» не хватило для ведения длительных боевых действий, поэтому военные власти были вынуждены до завершения военной мобилизации промышленности прибегнуть к массовым закупкам стрелкового оружия за границей — как у союзников, так и в нейтральных странах. Однако ряд нейтральных стран Латинской Америки (Бразилия, Аргентина) отказали России в военном снабжении, несмотря на все усилия военных и дипломатов Российской империи.

Ключевые слова: Российская империя, Бразилия, Аргентина, Чили, военные поставки, винтовки, Первая мировая война, Особое совещание.

Abstract. The article is devoted to the issues of organizing the supply of weapons from abroad to the Russian Empire during the First World War. In 1915, the Russian army lacked military equipment for its multimillion-dollar mobilized army. The pre-war reserve of 5 million Mosin rifles was not enough to conduct long-term hostilities. Therefore, the Russian military authorities were forced to resort to mass purchases of small arms abroad from both allies and neutral countries before the completion of the military mobilization of industry. However, a number of neutral Latin American countries (Brazil, Argentina) refused Russia military supplies, despite all the efforts made by the military and diplomats of the Russian empire.

Key words: Russian Empire, Brazil, Argentina, Chile, military supplies, rifles, World War I, Special Meeting.

Первая мировая война поставила перед правительством России вопрос о военно-экономической мобилизации всего хозяйственного комплекса страны¹.

В целом следует подчеркнуть, что проводившиеся правительством на начальном этапе войны мероприятия были недостаточными. Результатом нерешительности и непоследовательности российского правительства в деле перевода всей экономики на военные рельсы стало то, что уже к концу 1914 г. русская армия столкнулась с кризисом вооружения,

который начал оказывать серьезное негативное влияние на ход военных операций ².

Первой реакцией российского Военного министерства на возникший кризис была организация закупок необходимого вооружения за границей. Япония, США, Канада взяли заказы на изготовление для России винтовок и их поставку в 1916 г. Франция и Италия в 1915 г. решили поставить Российской империи сотни тысяч винтовок (устаревшего образца) из своих arsenалов.

Однако, помимо союзников, российское правительство обратило внимание на рынки нейтральных стран и попыталось в 1915 г. приобрести у них вооружение. Об одной из таких попыток и пойдет речь в настоящей статье.

Уже 7 февраля 1915 г., как свидетельствует секретная телеграмма поверенного в делах в Буэнос-Айресе в российский МИД, руководству Главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства России (ГАУ ведало поставками вооружения из-за границы. — В.С.) предлагалось приобрести 35 тыс. чилийских винтовок австрийской системы «Манлихер». Кроме того, поверенный в делах отмечал, что бразильский военный агент будто бы предложил ему приобрести 100 тыс. бразильских винтовок системы «Маузер». Однако военный агент уклонился от вопроса о цене и патронах к винтовкам, поэтому поверенный предлагал заказать патроны к означенным винтовкам на фабриках США по цене 38 долл. за 1 000 шт.

«То же лицо, — доносил русский дипломат, — предлагает здесь: миллион башмаков французских типа по 15 шиллингов пара с погрузкой и 500 000 сапог, 20 000 седел и уздечек и любое количество артиллерийских упряжек английского образца. Англичане и французы покупают здесь огромное число всякого снаряжения через посредство прибывших сюда собственных агентов за исключением оружия, в котором аргентинцы решительно отказывают» ³.

13 мая 1915 г. было учреждено Особое совещание для объединения мероприятий по обеспечению действующей армии предметами боевого и материального снабжения во главе с военным министром ⁴.

Согласно закону от 17 августа 1915 г., на Особое совещание возлагалось управление закупками военной техники и военного снаряжения за границей ⁵.

18 августа 1915 г. от Особого совещания начальнику ГАУ поступила информация о возможности заказа винтовок в Бразилии. Председатель Особого совещания выражал согласие на покупку 500 тыс. ружей системы «Маузер» в Бразилии и просил начальника ГАУ послать телеграмму начальнику закупочной комиссии в Америке генерал-майору А. В. Сапо-

Синиченко Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела исследования стратегических проблем управления НИЦ Академии управления МВД России. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

Sinichenko Vladimir V. — doctor of historical sciences, professor, chief researcher of the Department of Research on Strategic Problems of Management of the Research Center of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: v.v.sinichenko@bk.ru.

жникову (руководил деятельностью Русского заготовительного комитета в США в 1915—1916 гг. — В.С.) с просьбой командировать в Рио-де-Жанейро «...несколько надежных и знакомых с оружием лиц с целью:

- 1) Вскрывать ящики на выбор, проверить наличие в них винтовок;
- 2) Осмотреть эти винтовки по качеству и состоянию;
- 3) Для осмотра выдать удостоверение местному агенту в том, что столько-то винтовок принято;
- 4) Наблюдать за погрузкой принятых винтовок на пароход через Панаму (Панамский канал) во Владивосток» ⁶.

В тот же день, 18 августа, председатель Особого совещания также обратился к министру финансов России с просьбой экстренно выделить средства на покупку винтовок в Бразилии по цене 79 долл. за штуку с патронами. Планировалось осуществить покупку путем использования открытого для России кредита в Лондоне. Перечислением денежных средств поставщику винтовок должно было заняться Парижское отделение Международного банка ⁷.

Однако уже 22 августа 1915 г. начальник ГАУ Военного министерства России был информирован по линии МИДа (секретная телеграмма посла в Париже), что еще 15 августа российский посланник в Бразилии П.В. Максимов прервал переговоры с бразильским предпринимателем Банамом из-за просьбы английского правительства, которое не получило доказательств серьезности намерений Банама от своего посланника в Рио-де-Жанейро ⁸. Однако помощник военного министра 29 августа 1915 г. сообщил в МИД России, что необходимо направить дипломатическому представителю России в Бразилии информацию о том, что военным ведомством заключен контракт через Парижское отделение Международного банка на покупку ружей в Рио-де-Жанейро у фирмы «Бранхан и К». Контракт был подписан 27 августа и предполагал начало работы приемщиков с 11 сентября 1915 г. Так как к этому сроку военные приемщики из Нью-Йорка не успевали, российское Военное министерство просило, чтобы кто-то из дипломатических представителей России в Бразилии принял на себя функции временного приемщика, «...дабы не дать повода к требованию с нас неустойки» ⁹.

Началась переписка между военным и дипломатическим ведомствами по поводу поспешно заключенного контракта.

Дипломатическое ведомство указывало на нецелесообразность заключения сделки. Отмечалось, что 17 сентября 1915 г. британский главнокомандующий лорд Китченер сообщил российскому послу в Лондоне, что, по его мнению, «...агенты, которые считают, что бразильские ружья у них в руках и которые делают предложение не могут его выполнить. Правительство Англии, озабоченное тем, чтобы достать ружья русскому правительству, спросило через своего посла в Бразилии может ли бразильское правительство уступить ружья. Ответ был отрицательный несмотря на то, что правительство Бразилии желало бы получить поддержку английского правительства для того, чтобы получить заем и (начать) продажу кофе в Англии, ибо немецкие рынки закрыты вследствие блокады союзными флотами. При этих обстоятельствах оно (английское правительство) сомневается в добросовестности агентов». Вывод российского

посла в Лондоне после этого сообщения был краток: если контракт с бразильскими бизнесменами не был подписан, заключать договор не стоит ¹⁰.

Весьма любопытную информацию представил в Особое совещание начальник закупочной комиссии русской армии в Великобритании генерал Э.К. Гермониус. 8 сентября 1915 г. он сообщил военному министру, что, согласно справкам, собранным конфиденциально, в Бразилии действительно находится известное количество ружей системы «Маузер». Эти ружья попали туда из австрийских арсеналов, где были признаны браком ¹¹.

Тем не менее 9 сентября 1915 г. полковник Хатунцев и браковщик — инженер Дмитриев отправились из США (где располагался офис генерала А.В. Сапожникова) в Бразилию пароходом, который прибыл на место (в Рио-де-Жанейро) 20 сентября. Все необходимые инструкции им были даны. На текущие расходы генерал-майор А.В. Сапожников выдал полковнику Хатунцеву аванс в 4 тыс. долл.

Однако Сапожников на основании «случайно полученных сведений» информировал Военное министерство и коллег, что «...более ста тысяч винтовок для покупки в Бразилии быть не может» ¹².

Тем не менее механизм реализации военного контракта уже был запущен, и поэтому помощник военного министра 16 сентября 1915 г. докладывал Особому совещанию: «один пароход Добровольного флота “Вологда” уже находится в пути и прибудет в Рио-де-Жанейро около пятого октября. Второй пароход следует из Англии. Об изложенном прошу телеграфировать нашему посланнику Максимову» ¹³.

17 сентября 1915 г. помощник военного министра уже напрямую обратился к министру иностранных дел России с просьбой срочно телеграфировать российскому посланнику в Рио-де-Жанейро, чтобы до приемки ружей он убедился в том, что Банам имеет разрешение на вывоз оружия за границу, и в случае затруднений в этом отношении необходимо было попытаться добиться этого разрешения. По окончании приемки посланник и военные приемщики обязаны были телеграфировать в Париж для проведения оплаты ¹⁴.

С 14 сентября 1915 г. в МИД России поступали сведения от российского посланника в Бразилии. Он информировал, что Банам, уверявший месяц тому назад, что сам может сдать и вывезти ружья, еще не имеет на это разрешения от своего правительства. Тем не менее предприниматель уверял, что разрешение будет получено, подписывался под этими обещаниями и чуть ли не ежедневно вводил в заблуждение П.В. Максимова ¹⁵.

В конце концов, видя, что заключенный между российским правительством и компанией контракт о продаже русскому правительству 500 тыс. винтовок с патронами не может быть реализован, разнервничавшийся Максимов заболел и поручил приемку Е.Ф. Штейну — секретарю российской миссии и поверенному в делах в Аргентине. Тот был срочно вызван из Буэнос-Айреса и 21 сентября прибыл в Рио-де-Жанейро.

Однако 22 сентября приемка винтовок не состоялась, так как представитель компании Банам заявил, что не имеет необходимого документа на вывоз оружия от бразильского правительства.

Тем временем 25 сентября 1915 г. МИД России был уведомлен французским правительством, что подписанный договор является фикцией,

так как «...никаких ружей для продажи ни в Испании, ни в Бразилии нет»¹⁶.

Приемку бразильских винтовок перенесли с 22 сентября на 8 октября.

В назначенный срок передача также не состоялась, и Банам дал письменное обещание провести сделку 18 октября. 18 октября 1915 г. в Рио-де-Жанейро прибыло русское транспортное судно «Вологда»¹⁷.

Секретная телеграмма посланника в Рио-де-Жанейро от 11 октября 1915 г. позволяет сделать вывод, что, устав от обещаний Банама, оправившийся от болезни П. В. Максимов прекратил секретную сторону операции и напрямую обратился в МИД Бразилии.

«На мой вопрос, решило ли правительство в принципе продавать оружие, — доносил посланник, — мне было сообщено, что Президент республики до сих пор не уполномочил своих министров заниматься этим делом. Одновременно мне было дано понять, что ответ этот не исключает возможности продажи оружия в будущем. По-видимому, Банам заручился только обещаниями отдельных лиц, что ружья будут проданы»¹⁸.

Тем временем в Особое совещание поступило донесение от генерала Э. К. Гермониуса от 11 октября 1915 г. В нем говорилось, что английское правительство готово было уступить российскому правительству 200 тыс. аргентинских ружей, которые в случае проведения сделки подлежали сдаче в Буэнос-Айресе военному приемщику полковнику Хатунцеву. Гермониус рекомендовал военному ведомству ввиду несостоявшейся сделки в Бразилии послать стоявший в Рио-де-Жанейро пароход Добровольного флота «Вологда» с полковником Хатунцевым в Аргентину¹⁹.

Помощник российского военного министра, обрадованный таким поворотом дела, просил Э. К. Гермониуса выяснить, в какой стадии находятся переговоры о покупке ружей, и в случае их окончания испросить разрешения английского правительства на переход парохода «Вологда» из Рио-де-Жанейро в Буэнос-Айрес и на последующее его конвоирование в Россию с военным грузом английскими военными судами²⁰.

Но уже 14 октября 1915 г. посланник в Рио-де-Жанейро докладывал министру иностранных дел: «На основании категорического заявления, сделанного Штейну Аргентинским МИД, могу заверить, что Аргентина не продает никому своего оружия. Военное министерство, по-видимому, снова вводится в заблуждение»²¹.

Секретная телеграмма посланника в Рио-де-Жанейро от 17 октября 1915 г. содержала сведения, что сделка с Банамом состояться не может. Он решил продать ружья, только надеясь их приобрести, чего не смог сделать. Бразильское правительство никогда не имело с ним дел и не желало их иметь.

Тем не менее, отмечал посланник Максимов, «...представляется случай начать серьезное дело при содействии французского посланника и лично известного нам обоим доверенного лица военного министра. Ружья могут быть наши, если нам удастся склонить Португалию купить их за наш счет... Военный министр Бразилии сам указал на Португалию, где уже готовится почва. Очевидно, что участие России в этом деле должно оставаться тайной»²².

Однако и покупка оружия через мнимого нейтрального приобретателя не была реализована. 2 ноября 1915 г. Банам наконец окончательно

сообщил российской стороне, что не смог устроить соглашение боливийского правительства о покупке винтовок с бразильским и поэтому отказывается от исполнения ранее заключенного договора ²³.

Тогда 4 ноября 1915 г. Максимов при личном свидании с министром иностранных дел Бразилии спросил, намерено ли бразильское правительство продать винтовки какой-нибудь нейтральной стране. В ответ на запрос правительство Бразилии официально ответило, что не будет продавать винтовки, так как это подрывает обороноспособность страны. 9 ноября 1915 г. П. В. Максимов вновь заболел и передал дела Е. Ф. Штейну ²⁴.

В отличие от П. В. Максимова, поверенный в делах в Аргентине начал дело со сбора информации. Он выяснил, что в Бразилии на военных складах хранятся 300 тыс. винтовок, патроны же к ним разряжены и находятся на складах без пороха. В арсеналах Аргентины 200 тыс. винтовок, но там нет финансового кризиса, в отличие от Бразилии, что снижает потребность Буэнос-Айреса в продаже вооружения. В Республике Чили на складах находится 100 тыс. винтовок. Однако вряд ли Чили продаст вооружение, если его не продаст Аргентина, поскольку эти республики «...воинственные и нацелены друг против друга» ²⁵.

К этому времени пароход «Вологда», как отмечал русский дипломат, три недели стоял без дела в Рио-де-Жанейро, а транспорт «Омск» было решено развернуть в пути, отправив командиру корабля соответствующее радиосообщение ²⁶.

Чтобы вояж русского судна в Латинскую Америку не был напрасным, военным министром было решено направить «Вологду» в Буэнос-Айрес, а «Омск» — в Нью-Йорк. «Омск» должен был заняться тем, чем и раньше — доставкой вооружения и снаряжения из США и Канады в Россию, а в Аргентине решили закупить партию в 30 тыс. ружей без патронов ²⁷.

Однако попытка Е. Ф. Штейна добиться в «родной» для него Аргентине приобретения винтовок также провалилась.

12 ноября 1915 г. он был вынужден сообщить в Петроград, что аргентинский «...министр иностранных дел категорически заявил мне, что Президент республики решительно высказался против продажи оружия кому бы то ни было. В виду сего всякая надежда на заключение должна быть временно отставлена» ²⁸.

Е. Ф. Штейн вновь направился в Бразилию, надеясь уговорить бразильское правительство, но и там 24 ноября 1915 г. ему опять ответили, что продажа винтовок не может состояться, так как это вызовет политические осложнения во взаимоотношениях Бразилии и Германии.

1 декабря 1915 г. генерал-майор А. В. Сапожников затребовал своих сотрудников, проживавших в Рио-де-Жанейро, обратно в США, и 14 декабря военные приемщики отбыли из Латинской Америки обратно в Нью-Йорк. Так провалилась российская операция по покупке винтовок в странах Латинской Америки в годы Первой мировой войны.

Примечания

1. ШИГАЛИН Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну (1914—1918 гг.). М. 1956, с. 48.
2. ДАНИЛОВ Н.А. Экономика и подготовка к войне. М. — Л. 1926, с. 98.
3. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. МИД. Канцелярия. Война, оп. 473, д. 70. Южная Америка, л. 2.
4. Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства (Особое совещание по обороне государства). 1915—1918: В 3 т. Т. 1. 1915 / Рос. ист. о-во, Фед. архив. агентство, Рос. гос. военно-ист. архив, Ин-т рос. истории РАН, Рос. полит. энциклопедия, сост. А.П. Корелин, А.С. Грузинов, М.К. Шацилло. М. 2013, с. 37.
5. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА), ф. 369, оп. 1, д. 28, л. 8.
6. Там же, д. 83, л. 1.
7. Там же, л. 2.
8. Там же, л. 12.
9. Там же, л. 34.
10. Там же, л. 79.
11. Там же, л. 94.
12. Там же, л. 113.
13. Там же, л. 98.
14. Там же, л. 107.
15. Там же, л. 117.
16. Там же, л. 139.
17. Там же, л. 194.
18. Там же, л. 168.
19. АВПРИ, ф. МИД. Канцелярия. Война, оп. 473, д. 70. Южная Америка, л. 22.
20. Там же, л. 24.
21. Там же, л. 26.
22. РГВИА, ф. 369, оп. 1, д. 83, л. 173.
23. Там же, л. 194.
24. Там же, л. 195.
25. Там же, л. 196—197.
26. Там же, л. 168.
27. Там же, л. 169.
28. Там же, л. 183.

«Неравнозначный обмен» в истории России: от слухов и домыслов — к анализу достоверных документов

С. В. Воробьев, С. С. Воробьев, Т. В. Епифанова,
Т. В. Каширина

Аннотация. В статье на основе архивных документов представлено авторское осмысление обмена дипломатами и гражданами СССР и Германии в июне—августе 1941 г. Оцениваются состояние и стиль управления должностных лиц и органов государственной власти по защите жизни и интересов граждан, оказавшихся на территории Германии и ее союзников в первые дни Великой Отечественной войны. Изложены хронология событий и материалы достоверной картины обмена представителями дипкорпуса и иных граждан СССР и Германии с формулированием исторических уроков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, обмен дипломатов, НКВД, приемщики, Венская конвенция о дипломатических сношениях, история международных отношений.

Abstract. The article presents the authors' understanding of the exchange of diplomats and citizens of the USSR and Germany in June — August 1941 on the basis of archival documents. The state and style of management of officials and public authorities to protect the life and interests of citizens who found themselves on the territory of Germany and its allies in the first days of the Great Patriotic War are assessed. The chronology of events and materials of a reliable picture of the exchange of representatives of the diplomatic corps and other citizens of the USSR and Germany with the formulation of historical lessons are presented.

Key words: The Great Patriotic War, the exchange of diplomats, the People's Commissariat for Foreign Affairs, the receptionists, the Vienna Convention on Diplomatic Relations, the history of international relations.

«Реальность такова, что сегодня мы действительно столкнулись с сознательным искажением истории Второй мировой войны, Великой Отечественной войны и их результатов, которые впоследствии стали определять судьбу послевоенного мироустройства»¹

В последнее десятилетие появилось достаточно много публикаций, посвященных одной из сложных, но достаточно закрытых тем истории международных отношений — обмену советских и немецких дипломатов, а также советских граждан в начальный период Великой Отече-

ственной войны — июнь — август 1941 г. В 2020 г. в цикле «Загадки века» вышел фильм Сергея Медведева об этом удивительном, по меркам военного времени, событии, названном «первой моральной победой российской дипломатии»². Практически во всех публикациях представлены отдельные аспекты этой темы или версии обмена советских дипломатов и иных граждан, находившихся на территории Германии и ее союзников, на немецких дипломатов и граждан, проживавших на территории нашей страны. При этом практически во всех публикациях присутствует либо незавершенность, либо недосказанность в раскрытии проблематики этого важного исторического события. Казалось бы, говорить об успехе на дипломатическом поприще с непримиримым врагом — фашистской Германией в тот момент, когда массово гибли советские люди, уничтожалась инфраструктура страны и захватывалась территория, не вполне корректно. Однако история, являясь наукой беспристрастной, обязывает помнить людей, совершивших этот обмен в сложнейших условиях международной обстановки и внешней агрессии. Не умаляя достоинств уже проведенных исследований исторического обмена, мы представили отличный от имеющихся подход к объективной оценке тех далеких событий.

В работе мы опирались на достоверные материалы Архива внешней политики РФ для представления документально подтвержденных событий того времени и исключения домыслов и субъективно существующих версий обмена советских и германских дипломатов, а также граждан Германии и СССР.

В конце 1930-х гг. были утрачены старые политико-правовые основы международного поведения, что породило невиданный цинизм всех участников международных отношений: «Война создала новую ситуацию в отношениях между странами. Она внесла в эти отношения атмосферу тревоги и неуверенности»³. В те годы официально обозначен-

Воробьев Сергей Владимирович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». E-mail: 352147@gmail.com; *Воробьев Сергей Сергеевич* — директор учебного корпуса ОЧУ ВО «Международный юридический институт». E-mail: 4036235@gmail.com; *Епифанова Татьяна Валерьевна* — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры международных отношений ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». E-mail: etyjana@rambler.ru; *Каширина Татьяна Владиславовна* — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации». E-mail: kashirina73@mail.ru.

Vorobiev Sergey V. — doctor of historical sciences, professor, professor of the Department of International Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”. E-mail: 352147@gmail.com; *Vorobiev Sergey S.* — director of the educational building of the “International Law Institute”. E-mail: 4036235@gmail.com; *Epifanova Tatyana V.* — candidate of historical sciences, associate professor, associate professor of the department of International Relations of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: etyjana@rambler.ru; *Kashirina Tatyana V.* — doctor of historical sciences, professor, professor of the department of International Relations of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation”. E-mail: kashirina73@mail.ru.

ными задачами внешней политики нашей страны являлись: проведение и впредь политики мира и укрепления деловых связей со всеми странами (в том числе с Германией); соблюдение осторожности с невозможностью втягивания в конфликты нашей страны «провокаторами войны, привыкшими загребать жар чужими руками»⁴. Уже в конце 1940 г. советскому правительству стало ясно, что ничего реального Советский Союз от сотрудничества с Германией не получит. А в условиях, когда в Москву поступало все больше информации о переброске немецких войск на восток, у И. В. Сталина оставалась только одна цель и возможность — «максимально отодвигать столкновение, ослабляя постоянное напряжение, усиливать темпы перевооружения Красной Армии»⁵.

Оценка военно-политической и стратегической обстановки в предвоенные месяцы позволяет усомниться в наличии осознания высшим советским политическим руководством реальности близкой угрозы агрессии в отношении СССР со стороны фашистской Германии летом 1941 г. Параллельно с предупреждениями о подготовке Германии к нападению на СССР проводилась массированная кампания по дезинформации, развернутая нацистскими спецслужбами⁶. Даже запрет перехода границы и установление ограничения ударов авиации вглубь германской территории 100—150 км в соответствии с директивой № 2 Советского Генерального штаба утром 22 июня 1941 г., отправленной в войска уже после получения информации о нападении, свидетельствует о том, что Сталин все еще не верил в начало «большой войны»⁷.

Открывшиеся за более чем 80-летний период данные и документы свидетельствуют, что советскому руководству поступала информация из различных источников по поводу возможного нападения Германии на СССР. Тем не менее в этом вопросе много неясного: готова ли была страна к войне? Могла ли Красная армия отразить агрессию с менее тяжелыми последствиями и потерями? Как следовало себя вести в условиях соблюдения межгосударственных обязательств Пакта о ненападении 1939 г.?

Оценка состояния взаимоотношений СССР и Германии в те дни может быть подтверждена не только увещеваниями о дружбе сотрудников германского посольства в Москве и нашими заверениями в «глубоком дружественном нейтралитете по отношению к Германии»⁸. На территории Германии в момент начала войны находилось значительное количество наших граждан, в том числе руководителей высокого ранга, таких, например, как заместитель наркома боеприпасов Матвей Владимирович Бушмелев⁹. Предвестниками активной подготовки к войне следовало бы считать большое количество нарушений воздушной границы СССР германскими самолетами. Так, только за период с 27 марта по 18 апреля 1941 г. было зафиксировано 80 подобных нарушений. В приложении к ноте советского правительства по этому поводу от 21 апреля 1941 г. письменный перечень нарушений советской границы занимает 11 страниц¹⁰. К таким же признакам надвигающейся войны следовало бы отнести и сворачивание деятельности представительств Германии и выезд их сотрудников из СССР. Так, 2 апреля 1941 г. поверенный в делах Германии в СССР Типпельскирх в телефонном разговоре с заведующим Центрально-Европейским отделом НКВД СССР В. Н. Павловым обсуждал вопрос о выезде в Германию не-

мецкой миссии из Таллинна ¹¹. 8 апреля 1941 г. 1-й секретарь германского посольства Греппер обратился к заместителю заведующего отделом Е.С. Гармашу по вопросу о возвращении членов дипмиссии Германии из Японии через территорию СССР ¹². Однако передача шифра метеосводки о погоде на территории СССР с 1 по 31 июля 1941 г., всего за два дня до нападения на нашу страну — 20 июня 1941 г. германской метеорологической службе ¹³, когда сотрудники германского посольства в Москве уже начали уничтожение секретных документов, не укладывается ни в какое понимание состояния настороженности советского высшего руководства. Фактически агрессору были переданы данные для облегчения этой агрессии.

Поведение сотрудников германского посольства, с которыми общался при его посещении 23 июня 1941 г. заведующий Центрально-Европейским отделом НКВД СССР В. Павлов, «производивших впечатление подавленных и испуганных людей» ¹⁴, было таковым не потому, что они оказались шокированы «событиями, которые так внезапно развернулись, и они здесь в Москве не виновны» ¹⁵. Такое состояние определялось скорее моральной виной за то, что они уже знали о начале агрессии и приняли меры к реализации германского плана обмена дипломатов, переданного через сотрудника посольства Вальтера — секретаря германского посольства в Москве, который прибыл из Берлина за восемь дней до нападения на СССР ¹⁶.

Германские дипломаты готовы были согласиться на любые условия обмена, обозначенные советской стороной. Не случайно германский посол Вернер фон дер Шуленбург в беседе с В. Павловым заверил, что к «персоналу советского посольства и торгпредства будет проявлено самое благожелательное отношение. Персонал будет размещен в специально отведенном хорошем отеле Берлина. Будут обеспечены меры к выезду в СССР всего состава торгпредства и посольства в количестве 325 человек. Будет разрешено также выехать соответствующему количеству приемщиков в количестве 700 человек ¹⁷. Эти слова посла подтверждают, что о нападении на СССР сотрудники германского посольства были оповещены ранее 22 июня 1941 г. Приемщиками в то время называли сотрудников, командированных от соответствующих наркоматов на территорию Германии и других иностранных государств и занимавшихся приемом оборудования и иных материальных средств в соответствии с заключенными контрактами.

Исследование международных норм свидетельствует, что правовое оформление иммунитета дипломатических сотрудников было закреплено намного позже анализируемых событий Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 г. А в конце 1930-х — начале 1940-х гг. статус дипломатических работников основывался лишь на международных обычаях, сформировавшихся со времен Средневековья. В международной практике было не принято передавать другой стороне всех ее граждан в случае начала войны. И тем не менее, по мнению Шуленбурга, в той же беседе было предложено считать приемщиков не просто гражданами, а командированными, поскольку «их нельзя считать частными лицами» (приемщики — также сотрудники торгпредства) ¹⁸. В свою очередь, посольство Германии попросило у СССР разрешить выезд 70 германским гражданам — представителям немецких фирм в Ленинграде, 30 гражда-

нам Германии, которые 22 июня были задержаны на Ярославском вокзале при попытке покинуть Москву, 32 германским гражданам, следовавшим в транссибирском экспрессе и еще «некоторым германским гражданам». Посол Шуленбург заверил, что будет ходатайствовать об обмене 150—160 граждан Германии на 700 советских приемщиков¹⁹.

Как показал анализ доступных авторам архивных документов, забота Шуленбурга о собственной жизни и жизнях своих сотрудников и предопределила подход в решении об обмене советских и германских дипломатов по принципу «всех на всех».

С началом агрессии фашистской Германии против СССР 22 июня 1941 г. была запущена процедура приема представительства и защиты интересов стран, участвовавших в войне против нашей страны. Так, 24 июня болгарская миссия уведомила НКВД о защите ею интересов Германии, а 25 июня — о защите ею интересов Венгрии и Румынии. 26 июня японская миссия уведомила НКВД СССР о защите ею интересов Италии. 27 июня шведская миссия уведомила НКВД о защите ею интересов Финляндии и Словакии²⁰. С 24 июня 1941 г. в результате проведенной работы НКВД СССР и документального подтверждения соответствующей нотой интересы нашей страны в Германии стала представлять Швеция²¹.

Подготовка к обмену дипломатическими сотрудниками и гражданами СССР и Германии, находившимися на территории воюющих государств, осуществлялась в течение первых двух недель после 22 июня 1941 г. Активная фаза обмена была реализована через территорию нейтральной Турции, хотя к 27 июня 1941 г. НКВД была получена нота болгарской миссии с предложением проведения обмена через Турцию или Иран²². Советское правительство выбрало Турцию, о чем Меморандумом от 29 июня 1941 г. сообщила шведская миссия, которая была представителем СССР в процедуре обмена²³.

Пунктами обмена были установлены: приграничный г. Ленинанкан (г. Гюмри, Армянская ССР) на советско-турецкой границе и Свиленград на болгаро-турецкой границе²⁴. Дата обмена была согласована в этот же день — 29 июня 1941 г. А 30 июня дата обмена была уточнена и установлена на 5 июля 1941 г. через взаимный обмен нотами шведской и болгарской миссий²⁵. Попытка изменить место и дату обмена гражданами СССР и Германии и дипломатическими представителями стран с турецко-болгарской на сербско-болгарскую границу в ст. Бела Паланка, предпринятая немецкой стороной, не встретила согласия, и к 7 июля окончательно определился вариант обмена — только в оговоренных местах, через Ленинанкан — Свиленград²⁶.

С первых часов Великой Отечественной войны под руководством первого заместителя наркома иностранных дел А.Я. Вышинского была организована работа по сбору информации о дипломатических сотрудниках и иных советских гражданах, оказавшихся на территории государств, оккупированных фашистской Германией или ее союзниками. Эта работа шла одновременно с решением стратегических задач внешнеполитического ведомства по организации отпора врагу, установлению взаимодействия с союзными государствами, поддержавшими СССР в борьбе с фашистской Германией. НКВД в эти часы и дни отстаивал жизнь каждого советского человека, выполнявшего свой долг на территории иностран-

ных государств. Данные о дипломатических сотрудниках и иных советских гражданах, возвращенных с чужих территорий домой, собранные сотрудниками НКВД и иных ведомств, принимавших в этом участие, в источниках разнятся. В представленном исследовании авторами представлена собственная оценка описываемых событий.

В справке, подготовленной и переданной А. Я. Вышинскому старшим референтом секретариата заместителя народного комиссара иностранных дел М. Г. Грибановым, по состоянию на 8 июля картина согласования процедуры обмена выглядела следующим образом ²⁷:

Справка «По вопросу об обмене дипломатическими представителями по состоянию на 8.07.41» (Правка синим карандашом: «все на 9 часов утра 10.07.41 в Ленинанке»)

Страны	Достигнуто ли соглашение об обмене	Количество обмениваемых	Место нахождения	Пункт и дата обмена	Примечание
СССР\ Румыния	Есть 8.07.	70\16	Выехали из Румынии 6.07.	Ленинанкан и Свиленград 8.07.	
СССР\ Венгрия	Есть	53\13 (4 человека венгерской миссии выехали через Германию и попали в зону б. д.)	Выехали из Венгрии 8.07.	-«- 10.07	Румынские, словацкие и венгерские подданные выехали из Мичуринска 4.07.41
СССР\ Словакия	Есть	53\5	Выехали из Братиславы 8.07	-«- 10.07	
СССР\ Финляндия	Окончательного нет	161(178 по данным Ф.) \25	Наши в Хельсинки\ в пути в Ленинанкан	?	
СССР\ Германия	Есть	1062\250+ транзитники выясняются	979 прибыли в Свиленград	-«- дата уточняется	В Германии задержано 28 пароходов. Вопрос о возвращении моряков еще не ставился
СССР\ Италия	Нет	166/29	В пути	-«- 08.07	

К 26 июня 1941 г. в НКВД были собраны данные о сотрудниках, находившихся на территории Германии, ее союзников и оккупированных

территориях, поступившие от 13 наркоматов. Всего за границей, по данным представленных справок, находилось 1062 чел. В архивных делах списки этих сотрудников и командированных занимают 71 лист ²⁸.

В соответствии с достигнутым соглашением подлежали обязательному обмену следующие категории граждан:

1. Граждане СССР:

- сотрудники советского посольства в Берлине и консульств в Вене, Праге, Кенигсберге и Париже;
- сотрудники торгпредства в Берлине;
- работники, командированные НК ВТ и другими наркоматами в Германию, Бельгию, Норвегию, Париж и Голландию;
- корреспонденты ТАСС в Берлине, Осло, Париже и Брюсселе.

2. Германские граждане:

- сотрудники посольства в Москве, консульства в Ленинграде, Владивостоке и Батуми;
- представители германских фирм и учреждений;
- корреспонденты германских газет;
- транзитные пассажиры, интернированные в пути через СССР.

Как свидетельствуют архивные документы, доступные авторам, полный список обмениваемых германской стороной так и не был представлен. О немецких гражданах представлялись данные по частям и по пунктам обмена (г. Ленинанкан, ст. Гродеково, ст. Отпор) при участии советских органов НКВД ²⁹.

Уполномоченный НКВД СССР Васюков на советско-турецкой границе взаимодействовал по вопросам обмена советских и германских граждан с представителями турецкого МИД Арифом Мардином, а с 21 июля — Джилалом Дзиялем ³⁰. Согласно его докладу, обмен был начат в 8.00 13 июля 1941 г., когда советские граждане (первая партия), эвакуируемые из Германии, Венгрии, Румынии и Словакии, были переданы на турецкую территорию в г. Свиленграде. После подтверждения этой информации с нашей территории на территорию Турции были впущены в 13 вагонах 272 иностранца (237 немцев, 13 венгров, 17 румын и 5 словаков) ³¹. Обмен информацией при передаче граждан обеспечивался радиосвязью турецких вооруженных сил.

В Ленинанкан первая партия советских граждан прибыла 16 июля, вторая — 19 июля 1941 г. Прибытие следующих партий советских граждан отмечено в документах 22, 25, 26, 27 и 31 июля 1941 г. Всего в СССР к 31 июля вернулись 1566 чел. ³² Однако в ноте болгарской миссии от 6 июля 1941 г. была указана совершенно иная численность — 979 чел., участвовавших в обмене «всех на всех». Это 36 дипломатов, 93 сотрудника миссий, 19 экстерриториальных торговых служащих, 163 члена консульств в Кенигсберге, Вене, Париже и сотрудников ТАСС и частных лиц — 668 чел. ³³

20 и 27 июля сотрудников наших посольств и торговых представительств, прибывших на территорию СССР, направляли поездами вглубь страны — в Казань, а сотрудников Наркомвнешторга — в г. Чембур Пензенской области ³⁴. Посол СССР в Германии В.Г. Деканозов вместе с Кобуловым и Лавреньевым 18 июля 1941 г. проследовали самолетом из Ленинанкана в Тбилиси, предполагая прибыть в Москву 19 июля в 15.00 ³⁵.

Отдельно следовало бы выделить отношение к обмениваемым с советской и германской сторон. Уже представленные в иных публикациях воспоминания непосредственных участников тех событий свидетельствуют о том, что никакого выполнения обещаний, данных германской стороной по поводу обращения с обмениваемыми советскими гражданами, не было. Никаких «лучших гостиниц» и «благожелательного отношения» они не увидели. Наоборот: неуважительное или даже жестокое обращение с ними со стороны германских представителей власти проявлялось повсеместно и на всех уровнях и этапах обмена.

Так, гестаповская охрана не разрешала переходить из вагона в вагон при следовании к месту обмена. Физическое воздействие с демонстрацией угрозы применения оружия для наведения порядка присутствовало до пересечения турецкой границы. Только через сутки, 3 июля, можно было получить кофе или бульон. А 6 июля вообще никто ничего не получал. Всех сотрудников торгпредства отправили в концлагерь после стоянки на ст. Ниш. Кроме того, постоянно проводились беседы для выяснения желания советских граждан остаться и не ехать в СССР. Распространялись провокационные слухи о том, что бои идут уже под Москвой. Прогулки были организованы только в Нише и Свиленграде. Строжайше запрещалась покупка немецких газет. Личные вещи можно было взять только сотрудникам посольства и генконсульства. Да и у тех они изымались без всякой компенсации.

Массовые случаи уничтожения и изъятия вещей у наших граждан нашли симметричное предложение преданию огласке в печати фактов подлого и грабительского обращения гитлеровских властей с нашими сотрудниками в Германии. В переписке упоминается предложение «ущемления» четырех немцев, оставшихся в Ленинанкане, так как «наших обобрали, даже ручные часы изъяли»³⁶.

Архивные документы, доступные авторам, не позволяют подтвердить или опровергнуть реализацию этого предложения.

Германские представители вели себя как хозяева в домах наших сотрудников и зданиях представительств, что являлось попранием экстерриториальности зданий советских представительств в Кенигсберге, Париже, Вене и Праге³⁷.

Из-за отсутствия связи в первые дни после нападения на СССР фашистской Германии в рамках процедуры обмена сотрудниками НКВД и германского посольства обсуждались вопросы, связанные со сдачей оружия, таможенным досмотром багажа, вывозом «сотрудниками посольства личных денег в долларах и другой валюте»³⁸. Было принято решение о сдаче всего имевшегося у сотрудников посольств оружия и согласован вывоз на территорию Турции валюты и иных ценностей на основе взаимности³⁹.

В соответствии с договоренностями валюта и другие ценности в сумме 130 тыс. 318 руб. 60 коп., изъятые в германском посольстве, были сданы на хранение в Финотдел НКГБ СССР. Там же, в здании германского посольства в Москве, переданного на поручительство послу Ирана, 15 июля было изъято дополнительно ценностей и валюты на сумму 64417 руб. 52 коп.⁴⁰

Объем вывозимых сотрудниками германских представительств ценностей, был далеко не равнозначен объему имущества, вывозимого со-

ветскими представителями. Только при прохождении границы на ст. Отпор в Манчжурии у немцев были изъяты 49 часов, 74 кольца, 32 брошки и уборов-игл, 28 браслетов, 9 пар запонок и серег, 12 цепочек и коле, 7 табакерок, 8 пудрениц и шкатулок для драгоценностей, 69 серебряных ложек, золотой карандаш, жемчуг, 3 пишущих машинки, 2 фильмо-вых аппарата, 6 фотоаппаратов, 4 прибора для определения света, 2 бинокля и 1 барометр⁴¹.

Кроме того, переданные на турецкую территорию представители немецкой, венгерской, румынской и словацкой дипмиссий сдали в таможенную Ленинанакана 314701 руб. для передачи дипмиссиям, представлявшим их интересы в Москве⁴².

Архивные документы свидетельствуют, что и в августе 1941 г. продолжалась работа по обмену гражданами. Доказательством этому может служить информация о том, что 18 августа 1941 г. 60 советских женщин и детей были переданы на турецкую территорию. А 19 августа туда же перешли 12 финских женщин и детей. 22 августа 52 чел. с парохода «Сванетия» и 15 граждан СССР, в том числе два дипкурьера, прибыли в Ленинанакан⁴³.

Данные по обмену советских моряков, находившихся на наших кораблях в портах Германии и ее союзников по состоянию на 22 июня 1941 г., в источниках разнятся. Есть лишь документальное подтверждение в соответствии с нотой НКВД от 23 августа 1941 г. о том, что на момент начала войны с фашистской Германией на советских судах в германских портах и портах ее союзников находилось 792 моряка⁴⁴. Только в портах Германии были задержаны 28 советских пароходов. А к обмену из 373 чел. с 12 якобы «разысканных» пароходов были представлены всего 60 в обмен на 33 члена экипажа германского парохода «Клаус Риксерс»⁴⁵.

Судьба остальных советских граждан, оказавшихся в столь драматичной ситуации, является предметом дальнейшего архивного поиска в целях увековечения их памяти.

Авторская оценка «неравнозначного обмена» советских и германских граждан в первые месяцы Великой Отечественной войны, основанная на анализе достоверных архивных документов, позволяет представить доказательную базу и устранить различные домыслы и слухи о датах, способах, месте, времени обмена, численности обмениваемых граждан, стиле управленческой деятельности, прежде всего советского внешнеполитического ведомства, в таком сложнейшем вопросе, как забота о сохранении жизни каждого советского человека в условиях фашистской агрессии. Это не просто авторская оценка — это один из путей защиты чистоты истории нашего народа и сохранения традиций международного взаимодействия, несмотря ни на что.

Выводы из представленного исследования можно сформулировать следующим образом. Во-первых, война — это всегда новая нестандартная ситуация в жизни общества и государства, подвергшегося агрессии, влияющая абсолютно на всех — от органов высшей государственной власти до обычных граждан. Нестандартность ситуации перед началом Великой Отечественной войны усиливалась упованием на незыблемость межгосударственных соглашений и уверенностью в своих силах. Положение усугубляли субъективная оценка предвоенной ситуации высшим руко-

водством СССР и неверие в преданность советских людей, приверженных национальным интересам, за что И. В. Сталин попросил публичного прощения у советского народа 24 июня 1945 г. Во-вторых, успех неравнозначного обмена стал фактически результатом заранее продуманного германским МИДом способа спасения своих граждан (представителей дипкорпуса и германских компаний). Однако советское внешнеполитическое ведомство в сложнейших условиях начавшейся фашистской агрессии смогло навязать свою позицию с максимальным охватом категорий и численности обмениваемых советских граждан. В-третьих, исходя из доступных авторам архивных документов, только за период с 22 июня по 31 июля 1941 г. на территорию СССР было возвращено 1 566 чел. Основной обязательный обмен был проведен через территорию Турции с прибытием советских граждан двумя партиями в Ленинакан 16 и 19 июля 1941 г. — меньше, чем через месяц после начала вторжения фашистской Германии на нашу территорию. С возвращением 19 июля 1941 г. советского посла в Германии В. Г. Деканозова в Москву практически закончились официально оговоренные на уровне болгарской и шведской миссий мероприятия по обмену. В августе 1941 г. на советскую территорию через территорию Турции прибыли еще 129 советских граждан, включая двух дипкурьеров. Таким образом, всего в течение июня — августа 1941 г. на родину было возвращено 1 695 советских дипломатических сотрудников и обычных граждан в обмен на 444 чел. — дипломатических работников и обычных граждан Германии, Италии, Финляндии, Словакии, Венгрии и Румынии. В-четвертых, полученный НКВД СССР в первые месяцы войны опыт позволил и в дальнейшем, в том числе благодаря структурным изменениям самого ведомства, продолжить политику навязывания своей воли странам, находящимся в «пороговом» состоянии по отношению к участию в войне на той или иной стороне. Это касалось и Турции, и Японии, и иных субъектов международных отношений.

Историческими уроками можно назвать следующие. Во-первых, сложность и непредсказуемость современной системы международных отношений требует от нашей страны, высшего политического руководства, Министерства иностранных дел перестройки нашей внешней политики на активный наступательный лад в целях отстаивания наших национальных интересов, вне зависимости от внешней санкционной деятельности. Это позволит нам избавиться от синдрома окружения⁴⁶. Во-вторых, для решения важного внешнеполитического вопроса необходимо участие одного из первых лиц страны, как это было в период разрешения Карибского кризиса 1962 г. с участием Н. С. Хрущёва, или реализации неравного обмена гражданами со страной-агрессором, фактически врагом, как это произошло с фашистской Германией. Эта задача была решена под руководством одного из первых лиц советского НКВД — зам. наркома А. Я. Вышинского. В-третьих, как раньше, так и сейчас в большинстве стран современного мира для объединения нации, объяснения сложной внутривнутриполитической, экономической и социальной обстановки проводится кампания по поиску внешнего врага. Для всей человеческой цивилизации в конце второго — начале третьего десятилетия XXI в. таким врагом стала пандемия новой коронавирусной инфекции. Но и этого для некоторых субъектов международного взаимодействия оказалось недо-

статочно. Так, государства объединенного Запада, как они назвали себя еще в 1954 г., отказывая СССР во вступлении в НАТО, бывшие советские Прибалтийские республики, Грузия и Украина идут сегодня по этой «скользкой дорожке». Они обозначили в своих доктринальных документах Россию как агрессора или как главную угрозу своему существованию. Примером исторического обмена наши дипломаты доказали, что наша страна может и должна защищать жизнь и интересы своих граждан даже в самые суровые дни военных испытаний. Сохранение такой исторической памяти — прямой путь к отстаиванию нашей страной и российским обществом национальных интересов во всех сферах. Сценарное моделирование развития международной среды на среднесрочную перспективу показало, что только отечественная наука и российское самобытное образование могут составлять основу такого сохранения.

Примечания

1. См.: Проблемы национальной стратегии. 2011. № 4, с. 7.
2. URL: <http://www.rxtv.ru/tv-zagadki-veka-s-sergeem-medvedevym-obmen-diplomatami-63760595/>
3. Великая Отечественная война 1941—1945 годов: В 12 т. Т. 8: Внешняя политика и дипломатия Советского Союза в годы войны. М. 2014, с. 35.
4. Системная история международных отношений. 1918—2000 гг.: В 4 т. Т. 2: Документы 1910—1940 гг. М. 2000, с. 165.
5. ЧУБАРЬЯН А. О. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 г. М. 2008, с. 328.
6. Великая Отечественная война 1941—1945 годов..., с. 113.
7. URL: https://mil.ru/winner_may/history/more.htm?id=10638542@cmsArticle
8. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 24, д. 5, папка 105, т. 2, л. 1.
9. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 91, папка 116, л. 1—2.
10. Там же, ф. 082, оп. 24, д. 3, папка 105, л. 103, л. 106—117.
11. Там же, д. 5, папка 105, т. 2, л. 5.
12. Там же, л. 6.
13. Там же, л. 242.
14. Там же, д. 5, папка 105, т. 2, л. 248.
15. Там же, л. 244.
16. Там же.
17. Там же.
18. Там же, д. 5, папка 105, т. 2, л. 245.
19. Там же.
20. Там же, ф. Секретариата Зам. Наркома А. Я. Вышинского, оп. 2, д. 34, папка 10, л. 1.
21. Там же, папка 10, справка от 31.07.1941 ст. референта отдела Балканских стран Генкина, л. 108.
22. Там же.
23. Там же.
24. Там же, л. 37.
25. Там же, л. 109.
26. Там же, л. 112.
27. Там же, ф. Секретариат Зам. Наркома А. Я. Вышинского, оп. 2, д. 34, папка 10, л. 2—3.
28. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 91, папка 116, л. 1—82.
29. Там же, л. 35, 37.
30. Там же, ф. Секретариата Зам. Наркома А. Я. Вышинского, оп. 2, д. 86, папка 14, л. 23.
31. Там же, л. 11.

32. Там же, л. 36.
33. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 91, папка 116, л. 11.
34. Там же, ф. Секретариата Зам. Наркома А. Я. Вышинского, оп. 2, д. 86, папка 14, л. 27, 52.
35. Там же, л. 35.
36. Там же, л. 20.
37. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 17, папка 107, л. 50—51.
38. Там же, ф. 082, оп. 24, д. 5, папка 105, т. 2, л. 246.
39. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 17, папка 107, л. 13.
40. Там же, л. 42—45; л. 16—19.
41. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 91, папка 116, л. 130.
42. Там же, ф. Секретариат Зам. Наркома А. Я. Вышинского, оп. 2, Д. 86, папка 14, л. 13—14.
43. Там же, л. 46—47.
44. Там же, ф. «Реферантура по Германии», оп. 24, д. 91, папка 116, л. 139.
45. Там же, л. 127—128.
46. ВОРОБЬЕВ С. В. Ялта-1945: от войны к миру: опыт и уроки достижения национального интереса. — Обозреватель. 2020. № 3, с. 57.

Формирование оси Лондон — Анкара — Токио и ее влияние на современные международные отношения

Р.Р. Валеева-Хакимова, Р.И. Гузаеров

Аннотация. Современная международная система характеризуется высокой динамичностью, ростом влияния региональных лидеров в ходе перехода к полицентричной структуре международных отношений. Глобальные изменения политической среды ведут к перераспределению баланса сил во всех сферах. Рост влияния одних государств вызывает ответную реакцию других. Авторы исследуют феномен формирования оси Лондон — Анкара — Токио. Особое внимание уделяется анализу причин и предпосылок сближения государств. Указывается, что каждая из стран оси имеет тесные связи с КНР, но руководители стран отчетливо понимают необходимость противостояния китайскому влиянию. Делается вывод, что ось находится на начальной стадии формирования, поэтому тема требует дальнейшего изучения.

Ключевые слова: Великобритания, Турция, Япония, Китай, британская концепция Индо-Тихоокеанского региона, региональная безопасность.

Abstract. The modern international system is characterized by high dynamism, the growing influence of regional leaders during the transition to a polycentric structure of international relations. Global changes in the political environment lead to a redistribution of the balance of power in all spheres. The growing influence of some states causes a response from others. The authors investigate the phenomenon of the formation of the London — Ankara — Tokyo axis. Special attention is paid to the analysis of the reasons and prerequisites for the rapprochement of states. It is indicated that each of the axis countries has close ties with the PRC, but the leaders of the countries clearly understand the need to resist Chinese influence. It is concluded that the axis is at the initial stage of formation, so the topic requires further study.

Key words: Great Britain, Turkey, Japan, China, British concept of Indo-Pacific region, regional security.

Возвышение Китая до статуса мировой державы привело к глубоким изменениям в международных отношениях и заставило многие региональные и мировые державы задуматься о дальнейшей стратегии и действиях Пекина, особенно в вопросах безопасности и обороны. Стратегия Си Цзиньпина о развитии социализма с китайской спецификой вместе с построением процветающего общества, поощрением экономического роста и реформированием экологического общества также поставила четкие цели по созданию мощных вооруженных сил и модернизации национальной обороны и военно-промышленного комплекса Китая к 2035 г. Укрепление военного потенциала КНР, увеличение напряженности в Южно-

Китайском море, стремление Пекина выйти на один уровень с США и Россией по уровню стратегического и наступательного вооружения неизбежно приведут к изменениям в системах региональной и международной безопасности. Для противостояния «китайской угрозе» некоторые страны начинают объединяться в союзы. Одним из них является, на наш взгляд, формирующаяся ось Лондон — Анкара — Токио. Становление союза обусловлено рядом факторов: стремлением турецкой элиты превратить свою страну в великую державу; необходимостью поиска Японией новых союзников для противостояния с Китаем; поиском Великобританией своего места в международной системе после выхода из ЕС.

Последний тезис получил подтверждение в обнародованной в марте 2021 г. новой внешнеполитической стратегии Великобритании: «Глобальная Британия в эпоху повышенной конкуренции. Комплексный обзор обороны, развития и внешней политики»¹. В процитированном документе Азиатско-Тихоокеанский регион называется Индо-Тихоокеанским и представляется одним из ключевых направлений внешней политики Великобритании. Его авторы акцентируют внимание на резком повороте в сторону развития широкомасштабных и разноплановых отношений со странами Восточной Азии, указывая на необходимость «приоритезации дипломатических усилий, особенно в нашем крене в сторону Индо-Тихоокеанского региона»². В матрице приоритетов данный регион стоит на шестом месте после «особых отношений» с США; европейских стран как внутри, так и вне ЕС; Турции, с которой планируются совместные мероприятия по подготовке к вызовам в области обороны и безопасности в рамках НАТО; России как «угрозы» для безопасности Лондона; Австралии, Канады и Новой Зеландии по вопросам безопасности, разведки, обороны, в том числе в рамках инициативы «Пяти глаз»; и Содружества наций³. Однако, помимо перечисления среди приоритетных векторов политики, сотрудничество со странами АТР выделено в отдельный параграф «Индо-Тихоокеанский крен: рамки взаимодействия», в котором детально прописаны направления и специальные программы для расширения присутствия Великобритании в регионе⁴. Этот акцент отличает данный вектор внешней политики Великобритании от остальных, что свидетельствует о новом приоритете в британской стратегии.

В указанном документе словосочетание «Индо-Тихоокеанский регион» употребляется 31 раз. Для сравнения: США — 19 раз (The United States, the US, American), Франция — 12 (France, French), Германия — 8 (Germany, German), Британское содружество — 9 раз, что подтверждает

Валеева-Хакимова Римма Рафаэлевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, старший научный сотрудник НОЦ «Ресурсный центр “Всемирное культурное наследие”» К(П)ФУ. E-mail: RiRValeeva@kpfu.ru; *Гузаеров Разиль Илшатович* — магистр, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД РФ. E-mail: guzaerov99@bk.ru.

Valeeva-Khakimova Rimma R. — PhD (History), senior lecturer at the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy, senior scientific worker at the Resource Centre “World Cultural Heritage”, Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: RiRValeeva@kpfu.ru; *Guzaerov Razil I.* — masters’ degree, Department of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University). E-mail: guzaerov99@bk.ru.

выход данного региона на передовые позиции в британской внешней политике после Брекзита. Основной упор делается на «усиление коллективной безопасности с союзниками по всему миру», в том числе с Японией и Турцией, с «новым акцентом на Индо-Тихоокеанском регионе», ввиду тех «вызовов», которые, благодаря Китаю, появляются перед Соединенным Королевством⁵.

Изменения в отношении КНР четко прослеживаются при сравнении обозначенной концепции с документом 2018 г., в котором подчеркивается роль Китая как одного из важнейших торгово-экономических партнеров Великобритании⁶. В нем Лондон не раз выражал большие ожидания от реализации китайской инициативы «Один пояс, один путь», отмечая, что страны сотрудничают в решении глобальных проблем как в двустороннем формате, так и в рамках международных институтов. Тон меморандума 2018 г. свидетельствует о том, что Великобритания придерживалась достаточно мягкой риторики по отношению к КНР, что было связано с британской зависимостью от китайского импорта, поскольку Пекин занимал третье место в списке торговых партнеров Лондона⁷.

В документе 2021 г. Китай уже рассматривается как угроза национальной безопасности Великобритании, и говорится о необходимости противостояния с ним и важности «улучшить способность отвечать на тот постоянный вызов, который он бросает безопасности, процветанию и ценностям» Великобритании и ее «союзников и партнеров»⁸. Особый интерес представляет пункт об укреплении безопасности и обороны в стране и за рубежом. Великобритания стремится расширить свои возможности по обнаружению, пресечению, защите и сдерживанию угроз, с которыми она может столкнуться, в том числе в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Лондон переходит к более жесткой политике в ответ на меняющуюся глобальную среду безопасности, усиление конкуренции и расширение государственных и негосударственных угроз. Эти тезисы указывают на то, что Лондон считает Китай главным источником нестабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Такой вывод подтверждает частое упоминание Китая (29 раз, включая Южно-Китайское море), тогда как другой «постоянный конкурент» и «угроза британской безопасности» — Россия — 14 раз, Северная Корея — 5 раз, что свидетельствует о центральном месте КНР в концепции национальной безопасности Лондона в «Индо-Тихоокеанском крене»⁹.

В настоящее время по инициативе Б. Джонсона правительство разрабатывает план «Проект защиты», чтобы справиться с критической зависимостью от китайских товаров¹⁰. Кроме того, в диалоге Лондона и Пекина существует несколько проблемных точек: запрет деятельности китайской компании Huawei, давление на Китай по вопросу Гонконга, а также желание Лондона усилить свое присутствие в АТР перебросом авианосной группы на постоянную дислокацию. Последнее вызывает особенно резкую реакцию со стороны Пекина¹¹. Укрепление Великобритании в регионе рассматривается Китаем как проявление неокOLONИализма. Так, по заявлению Джао Лиджиан, официального представителя МИД КНР, Соединенное Королевство проявляет «колониальное мышление», заняв позицию поддержки граждан Гонконга и предложив принять миллионы жителей провинции в Великобритании¹².

Тем не менее Соединенное Королевство ставит целью усилить свои позиции в области национальной безопасности и укрепления военного потенциала, а также расширения космической программы к 2030 г., что, на наш взгляд, является ответом на стратегию Си Цзиньпина по построению мощных вооруженных сил и модернизации национальной обороны и военно-промышленного комплекса КНР к 2035 г., детальный план которой нашел отражение в Белой книге «Национальная оборона Китая в новую эру»¹³. Учитывая, что последняя является реакцией на несколько ключевых внешнеполитических документов США (Концепцию национальной безопасности 2017 г., Стратегию национальной обороны 2018 г., совместные отчеты министра обороны и Разведывательного управления Министерства обороны о китайской военной мощи), свидетельствовавших о смещении американских приоритетов от борьбы с терроризмом и экстремизмом к соперничеству с РФ и Китаем и возможного противостояния с ними, сегодня мы можем наблюдать цепочку событий, постепенно ведущих к изменениям в современных международных отношениях, которые в перспективе повлияют на системы региональной и глобальной безопасности.

Возвращаясь к Великобритании и принимая во внимание важность АТР для британской торговли, стоит отметить необходимость для Лондона защиты права свободного судоходства, которому угрожают многие конфликтные точки в регионе. При этом Соединенное Королевство продолжает подчеркивать важность торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества, а также координации усилий с Китаем по вопросу изменения климата.

Стратегия «Глобальная Британия» довольно абстрактна, что, на наш взгляд, сделано намеренно, поскольку неоднозначные определения дают больше пространства для маневра. По мнению авторитетного издания «Дипломат», у Лондона нет ни экономических, ни военных средств для осуществления всех своих планов, а дальнейшая стратегия проецирования собственного влияния на регионы требует тщательного анализа¹⁴. Эти факторы заставляют Великобританию искать партнеров для совместной работы.

Теперь перейдем к месту и роли Турции в формирующейся оси. Для Соединенного Королевства самый простой способ распространить свое влияние на Азиатско-Тихоокеанский регион — действовать через региональных лидеров, а также страны, имеющие крепкие связи с государствами рассматриваемого региона. Одной из первых стран, с которой Лондон укрепил отношения после выхода из ЕС, стала Турция, стремящаяся к лидерству не только на Ближнем Востоке, но и в регионе Южной Азии. Об активном развитии двустороннего сотрудничества свидетельствует интенсификация встреч лиц, принимающих решения: визит Р. Т. Эрдогана и ряда турецких министров в Лондон в рамках саммита НАТО в 2019 г.; ответные визиты в Турцию министра торговли Л. Фокса, начальника Генерального штаба Соединенного Королевства Н. Картера и министра внутренних дел С. Джавида. В 2020 г. Турцию посетили министр иностранных дел Великобритании Д. Рааб и министр обороны Б. Уоллес. Регулярно проходят телефонные разговоры глав государств и министров, а форум Turkish British Tatlidil служит площадкой для постоянного контакта¹⁵.

Также важным показателем смены внешнеполитических ориентиров Лондона и смещения приоритетов в сторону АТР является назначение на пост главы МИ-6 Р. Мура, политического директора МИД, бывшего посла Великобритании в Турции, родившегося в Ливии и служившего дипломатическим сотрудником в Пакистане, Вьетнаме и Малайзии. Р. Мур имеет большой опыт работы в дипломатической и разведывательной сферах, а также в области разработки политического курса. Его деятельность имела особое значение для Турции: именно Великобритания стала голосом поддержки Анкары в ЕС после попытки переворота в июле 2016 г. В подтверждение своих намерений по расширению сотрудничества Лондон организовал визит главы МИД Великобритании Б. Джонсона в Анкару¹⁶. Не случайно Турция стала одной из первых стран, с которой Великобритания подписала торговое соглашение после выхода из состава объединенной Европы 31 декабря 2020 г.¹⁷ Кроме того, между странами действует ряд соглашений, направленных на расширение военного сотрудничества в различных направлениях: от военных учений до ведения разведки¹⁸. Сразу после своего назначения в МИ-6 Р. Мур провел несколько встреч с первыми лицами Турции, что является важным показателем новой роли Турции во внешнеполитической стратегии Великобритании.

Турция играет особую роль в рассматриваемой оси. Отношения Анкары и Пекина можно охарактеризовать как противоречивые. С одной стороны, Турция является важным звеном китайского проекта «Один пояс, один путь»: железнодорожные сети из Средней Азии и Ирана должны идти в Турцию, а оттуда — в Европу. К тому же Турция хочет быть бенефициаром проекта, предвкушая многомиллиардные инвестиции в свою инфраструктуру. С другой стороны, Пекин и Анкара — прямые конкуренты в мировой экономике, особенно за рынки сбыта продукции легкой промышленности в странах Европы, Африки и Ближнего Востока.

Р.Т. Эрдоган, стремящийся повысить политический вес своей страны на международной арене, создает Турции имидж защитника и лидера всего тюркского (и мусульманского) мира. Пакистано-турецкие отношения, согласно коммюнике 2016 г., позиционирующиеся как «стратегическое партнерство», являются одним из примеров покровительства Турции мусульманскому народу. Поддержка Анкарой позиции Исламабада по проведению плебисцита под эгидой ООН по самоопределению народа Кашмира и членства страны в группе ядерных поставщиков имеют далекоидущие цели объединения групп стран под эгидой Турции. Практическим воплощением этих стремлений являются, в частности, совместные военные учения Турции и ее союзников. Например, состоявшиеся в сентябре 2021 г. учения спецназа Азербайджана, Пакистана и Турции имели целью продемонстрировать высокий уровень отношений между тремя странами, углубить взаимодействие для обеспечения безопасности в регионе, а также дать определенный международный посыл для стран региона и международного сообщества. По мнению эксперта департамента массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве РФ Г. Мирзаряна, учения подчеркивают тесные отношения, которые установились между Пакистаном, Турцией и Азербайджаном: «Государства показывают нам, что у них сложился чуть ли

не исламский триумvirат, который будет решать совместные проблемы в регионе»¹⁹. Это демонстрация силы, которая может оказать влияние на ситуацию в соседних регионах. Поддержка Турцией Азербайджана во Второй карабахской войне отчетливо продемонстрировала желание Анкары закрепиться в этом регионе с последующим расширением своего влияния в Центральной Азии. Более того, по мнению В. Аваткова, это показатель стремления создать новую подсистему международных отношений — тюркского мира²⁰.

Положение мусульманского населения в Синьцзян-Уйгурском автономном районе может стать фактором активной деятельности со стороны Турции, что Великобритания и Япония используют для дискредитации Китая на международной арене, поддержав действия Анкары. Международное давление на Пекин может стать причиной некоторых уступок с его стороны. К сожалению, Турция не публикует государственные документы для общего доступа, в том числе стратегии национальной безопасности, и у нас нет возможности ознакомиться с официальной позицией Анкары по определенным вопросам, поэтому в плане изучения внешней политики Турции мы можем опираться лишь на анализ деятельности государственных органов²¹.

Что касается уйгурского вопроса, то в 2019 г. официальный представитель МИД Турции обвинил Китай в репрессиях против мусульманского населения²². Тон заявления Р. Эрдогана на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу отличался сдержанностью. Он отметил, что «в рамках территориальной целостности Турции мы верим в необходимость больших усилий в вопросе прав уйгур»²³. Однако по состоянию на январь 2022 г. других заявлений официальные власти по этому поводу не делали. В первую очередь, это связано с пандемией и связанными с ней ухудшением ситуации в социальной сфере, области здравоохранения и большими экономическими проблемами, которые переживает Турция в настоящий момент. Но история неоднократно доказывала, что турецкая элита может в корне изменить свое отношение к тому или иному вопросу. С углублением британо-турецких отношений Анкара может снова начать публично осуждать китайские власти. Давление на Китай в вопросе прав человека становится новой тенденцией в международных отношениях. Свидетельством тому являются принятые западными державами коллективные санкции против высокопоставленных китайских чиновников, причастных к массовому интернированию мусульман-уйгур в провинции Синьцзян²⁴. Принятие столь радикальных мер впервые за последние 30 лет говорит о стремлении западных стран всеми возможными методами замедлить геополитическое укрепление Китая. Турция так или иначе сильно связана с западным миром, поэтому, на наш взгляд, может присоединиться к коллективным санкциям против Китая.

К тому же во внешней политике Турции важную роль играет идеологический фактор. В рамках пантюркистского проекта уйгурский вопрос становится важным в турецко-китайских отношениях. Отсюда и появление в последнее время сообщений оппозиционных политиков, назвавших подавление уйгурских восстаний «массовым убийством»²⁵. Официальный ответ МИД Китая вынудил МИД Турции вызвать посла Китая для разъяснения ситуации²⁶.

Таким образом, поскольку на внутренней арене при Р.Т. Эрдогане четко прослеживается тенденция конкурентной борьбы среди турецкой элиты, то неоосманизм во внешней политике, стремление стать региональным лидером на Ближнем Востоке и одной из сильнейших великих держав вкпе со сложностями во внутривосточной ситуации вынуждают президента Турецкой Республики лавировать как с целью получить политические дивиденды внутри страны, так с целью создавать союзы с различными странами для реализации своих внешнеполитических планов. В этом ключе активное сотрудничество Китая с Ираном и Саудовской Аравией может подтолкнуть Турцию к сотрудничеству с блоком заинтересованных стран в противовес Пекину. Тем более что существуют примеры образовавшихся блоков в целях противодействия «китайской угрозе». Так, в 2021 г. был создан альянс AUKUS, состоящий из США, Великобритании и Австралии, заявивший о себе как об оборонительном блоке, направленном против потенциальной китайской угрозы.

Замыкает «треугольник» Япония — лидер по инвестициям в инфраструктурные проекты в Юго-Восточной Азии, который, с одной стороны, представляет большой интерес для Лондона ввиду потенциальных совместных проектов, дающих Королевству экономические преференции, и вызывает стремление включить эту страну в антикитайскую ось, а с другой — сам заинтересован в данном союзе в целях противостояния усиливающемуся экономическому и военному влиянию КНР в регионе. Экономическая экспансия позволяет Пекину оказывать политическое влияние на соседние с Японией страны. А более широкое участие Лондона в хозяйственной жизни АТР способно было бы снизить удельный экономический вес Китая в регионе, в том числе в экономике самой Японии.

Для достижения своих целей в азиатском регионе, изложенных в новой стратегии, Великобритания сосредоточивает свою деятельность в девяти областях. Одна из них включает развитие культурного сотрудничества, в том числе с Японией, в качестве бонуса к уже активно развивающимся торговым отношениям²⁷. Но отношения между двумя странами выходят далеко за рамки культурного сотрудничества. Британский флот направил ударную группу авианосцев во главе с флагманским кораблем ВМС Великобритании *Queen Elizabeth* в воды Японии, в августе 2021 г. были проведены совместные военно-морские учения²⁸. Отправка самого мощного корабля британского флота на фоне растущего влияния Китая в Индо-Тихоокеанском регионе (согласно британской терминологии) свидетельствует о серьезных намерениях британских властей противостоять китайской угрозе. Нетипичное для Великобритании движение ВМС свидетельствует об усилении амбиций Лондона.

Конечно, Великобритания, на наш взгляд, будет играть ведущую роль в рассматриваемой оси, но Токио и Анкара также не чужды друг другу. МИД Турции описывает двусторонние отношения как стратегическое партнерство, указывая на быстрое развитие отношений²⁹. В 2013 г. стороны подписали Совместную декларацию об установлении стратегического партнерства между Японией и Турецкой Республикой³⁰. Соглашение предусматривает интенсификацию двусторонних отношений в политической, экономической, культурной и других областях. Декларация является символом перехода отношений на качественно новый уровень.

Государства начали работать в тандеме и в третьих странах. Так, Турция способствует выходу японских компаний на рынки стран Центральной Азии. Именно через турецкие фирмы Япония реализует свои проекты в регионе ³¹. Учитывая сложности и застой в экономике отдельных центральноазиатских государств, существует очевидная потребность в этом виде сотрудничества. В перспективе эта модель взаимодействия Турции и Японии может быть перенесена на другие регионы — Ближний Восток и Африку, где они будут составлять конкуренцию в том числе Китаю. Отношения стран имеют твердую почву для активного развития, вплоть до заключения соглашения о свободной торговле, переговоры по которому были запущены в 2014 г. ³²

С 2020 г. между странами действует соглашение о сотрудничестве в области технологий, происходит системное расширение взаимодействия во многих областях. Кроме того, заместитель министра обороны Турции А. Каваклыоглу, прошедший обучение в Японии, и министр иностранных дел М. Чавушоглу, владеющий японским языком, возглавлявший парламентскую группу дружбы с Японией, кавалер Ордена Восходящего Солнца, могут выступить в роли коммуникаторов в двусторонних отношениях.

Таким образом, объединение на почве противодействия Китаю может дать дополнительный импульс турецко-японским отношениям, и, несмотря на имеющиеся сложности в диалоге, связанные с разницей в подходах к территориальным спорам между Японией и КНР, Японией и Южной Кореей, к проблемам беженцев из Сирии и некоторым другим, потенциальное изменение статус-кво в японо-китайских отношениях, на наш взгляд, смягчит риторику Токио.

В целом судьба оси Лондон — Анкара — Токио зависит от лидеров Великобритании, Турции и Японии и международной конъюнктуры, но на данный момент многие факторы говорят о создании коалиции, заинтересованной в ослаблении Китая.

Таким образом, существуют очевидные предпосылки к формированию оси Лондон — Анкара — Токио. Соединенное Королевство и Япония рассматривают политику Китая как вызов для своей безопасности, но действуют при этом осторожно. Так, с одной стороны, Лондон налаживает сотрудничество с Пекином по линии торговли, инвестиций, всемирного потепления, решения глобальных проблем, с другой — начинает принимать все возможные меры, чтобы адаптироваться и справиться с растущим влиянием Китая, считая его системным противником настолько, что Королевство должно быть готово ко всем угрозам, которые несет сотрудничество с Пекином. Вместе с созданием оборонительного блока AUKUS Великобритания стремится наладить отношения с Турцией и Японией для формирования своеобразной политико-экономической оси, направленной на повышение своего влияния в Индо-Тихоокеанском регионе. Токио имеет целью снижение удельного веса КНР в экономике и политике региона и, учитывая оспаривание принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао) и потенциальные угрозы для региональной безопасности, готов для расширения взаимодействия с Лондоном и Анкарой. Турция, позиционирующая себя как лидер тюркского и мусульманского мира, открыта к сотрудничеству с блоком заинтересованных стран в про-

тивовес Пекину ввиду активного взаимодействия Китая с Ираном и Саудовской Аравией — основными конкурентами Анкары за региональное лидерство на Ближнем Востоке.

Данный союз не является гласным и находится, по нашему мнению, на стадии формирования. Так, потенциальные союзники Лондона по данной оси Япония и Турция упоминаются в стратегии внешней политики Великобритании пять и один раз соответственно. Однако расширение сотрудничества стран как на двусторонней основе, так и в рамках различных инициатив, а также стремление каждой усилить свою роль в качестве региональных или мировых держав свидетельствуют о продолжении координации усилий трех стран, что скажется на изменениях в международных отношениях как на региональном, так и на мировом уровнях.

Государства складывающейся оси постепенно решают проблемы, долгое время препятствовавшие развитию отношений между ними. Методично углубляя взаимодействие, Великобритания, Турция и Япония ищут новые точки соприкосновения. Следующим этапом развития оси станет согласование позиций по особо важным вопросам, вызывающим интерес всех сторон. Сейчас один из таких вопросов — противодействие Китаю, чье геополитическое усиление несет потенциальные угрозы для всех стран формирующегося союза.

Примечания

1. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf
2. Ibid., p. 60.
3. Ibid., p. 60—63.
4. Ibid., p. 66—67.
5. Ibid., p. 22, 72.
6. URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm201719/cmselect/cmfaff/780/78008.htm#_idTextAnchor035
7. URL: <https://www.bifa.org/news/articles/2020/may/uk-too-dependent-on-china-for-critical-goods>
8. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf, p. 22.
9. Ibid., p. 17.
10. URL: https://m.gazeta.ru/politics/2020/05/22_a_13092649.shtml
11. URL: <https://thediplomat.com/2020/11/can-the-uk-achieve-its-naval-ambitions-in-the-indo-pacific/>
12. URL: <https://www.heraldscotland.com/news/18493902.war-words-breaks-hong-kong-china-accuses-uk-adopting-colonial-mentality/>
13. URL: http://www.xinhuanet.com/english/download/Xi_Jinping's_report_at_19th_CPC_National_Congress.pdf; URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/201907/24/content_WS5d3941ddc6d08408f502283d.html
14. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/global-britain-the-uk-in-the-indo-pacific/>
15. URL: <http://www.mfa.gov.tr/turkiye-ingiltere-siyasi-iliskileri.tr.mfa>
16. URL: <https://www.ft.com/content/d2a48031-7615-482f-91c0-7c1bebad823e>
17. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/948974/ccs1220795234-uk-turkey-trade-agreement-text.pdf
18. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2018/06/20180630-5.pdf>

19. URL: <https://www.gazeta.ru/army/2021/09/15/13987826.shtml?updated>.
20. АВАТКОВ В. Турецкая республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018. М. 2019, с. 12.
21. ЕГО ЖЕ. Постсоветское пространство и Турция: итоги 30 лет. — Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 5, с. 162—176.
22. URL: <https://vz.ru/world/2019/2/12/963673.html>
23. URL: <https://www.tccb.gov.tr/konusmalar/353/130649/bm-76-genel-kurulu-nda-yaptiklari-konusma>
24. URL: <https://www.theguardian.com/world/2021/mar/22/china-responds-to-eu-uk-sanctions-over-ughurs-human-rights>
25. URL: <http://www.diken.com.tr/yavasin-dogu-turkistan-mesaji-cin-elciligini-kizdirdi/>
26. URL: <https://www.aa.com.tr/ru/%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F/%D0%BC%D0%B8%D0%B4-%D1%82%D1%83%D1%80%D1%86%D0%B8%D0%B8-%D0%B2%D1%8B%D0%B7%D0%B2%D0%B0%D0%BB-%D0%BF%D0%BE-%D1%81%D0%BB%D0%B0-%D0%BA%D0%BD%D1%80/2200218>
27. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/975077/Global_Britain_in_a_Competitive_Age-the_Integrated_Review_of_Security_Defence_Development_and_Foreign_Policy.pdf, p. 67.
28. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12327683>
29. URL: <https://www.mfa.gov.tr/turkiye-japonya-siyasi-iliskileri.tr.mfa>
30. Japan and Turkey in the International Community: Cooperation and Potential. — Center for Middle Eastern Strategic Studies. 2014, p. 10—12.
31. ИВАНОВА И.И., ЛЕДОВСКАЯ О.А. Турция и Япония: партнерство набирает силу. — Восточная аналитика. 2016. № 1, с. 71—86.
32. URL: <https://aric.adb.org/fta/japan-turkey-economic-partnership-agreement>

Коренизация и украинизация работников милиции Украинской Советской Социалистической Республики в 20-е гг. XX в.

В. К. Грошева

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы национальной политики, осуществлявшейся Советским государством в 1920-е гг. В частности, раскрываются проблемы украинизации работников милиции в русскоязычных регионах УССР.

Ключевые слова: коренизация, украинизация, милиция, УССР, государственность, национальность, русский язык.

Abstract. The article deals with the problems of national policy, emissions of the Soviet Union in the 20s of the 20th century. Particularly, the questions of the police workers' "Ukrainization" in Russian speaking regions of the republic are covered.

Key words: Soviet «localization policy», Ukrainization, police, USSR, state system, nationality, Russian.

В 1920-е гг. правительство Советской Украины, выполняя решения Российской Коммунистической партии (большевиков) о перестройке национальной политики и внедрении курса коренизации, осуществляет активную украинизацию сотрудников партийного и государственного аппарата, в том числе работников органов внутренних дел, на всей территории республики.

Официальной точкой отсчета политики коренизации стал XII съезд РКП(б) в апреле 1923 г., на котором были приняты важные решения о перестройке национальной работы в стране. Украинизация становится региональной формой коренизации, наряду с белорусизацией и т. п.

Языковая политика в рамках коренизации в СССР проходила под лозунгом развития всех народов и языков и являлась производной советского государственного устройства. С одной стороны, она утверждала принципы равноправия этносов в советской федерации, с другой — подчеркивала необходимость межэтнической коммуникации

Грошева Виктория Константиновна — кандидат юридических наук, доцент, докторант Академии управления МВД России. E-mail: vik-groshevaya@mail.ru.

Groshevaya Victoria K. — candidate of law, assistant professor, doctoral student at Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: vik-groshevaya@mail.ru.

в полиэтнической социокультурной среде в рамках единого Союза Советских Социалистических Республик.

В УССР большевики активно проводили политику коренизации, которая осуществлялась как украинизация. Как замечает Е. Ю. Борисенко, «большевистское руководство стремилось продемонстрировать свое внимание к национальному вопросу путем создания образцовых советских республик, которые привлекали бы симпатии пролетарских масс населения за рубежом»¹.

На Украине политика украинизации проводилась в целях укрепления советской государственности. Такая политика была направлена на подготовку и выдвижение кадров коренной национальности, а также на учет национальных факторов при формировании партийного и государственного аппарата.

Украинские национальные правительства, возникшие после распада Российской империи и существовавшие до установления советской власти на Украине, употребляли термин «украинизация» для обозначения процессов возвращения народа к родному языку и культуре, к своим историческим традициям и, главное, к созданию собственной государственности. Украинизация, которую проводили национальные правительства, являлась одной из составляющих цели, к которой они стремились в своей деятельности. За короткий период власти национальных правительств украинский стал языком законодательства, администрации, войска и собраний².

При советской власти украинизация первоначально охватила систему народного образования, где проводилось активное внедрение украинского языка. При этом следует заметить, что в рассматриваемый период украинцев далеко не всегда причисляли к «национальным меньшинствам»,

в связи с чем они не всегда включались в процесс коренизации³.

На протяжении 1920-х гг. происходит украинизация всех звеньев партийно-советского аппарата управления, а также правоохранительных и судебных органов.

Вопросы организационно-правового становления и развития органов милиции УССР 1920-х гг., в том числе в контексте осуществления политики украинизации, исследовали П. П. Михайленко, А. М. Бандурка, А. И. Рогожин, В. А. Довбня, В. Н. Алтуев, О. К. Михеева, В. А. Савченко, С. В. Васильев, С. И. Власенко, Д. В. Галкин, В. А. Греченко, И. Д. Коцан, И. В. Павловская,

С. А. Черниченко и др. Вместе с тем в научной литературе вопрос коренизации и украинизации милиции в данный период рассмотрен недостаточно.

Нормативно-правовым актом, определявшим процесс коренизации милиции, являлся Декрет ВУЦИК и СНК УССР от 1 августа 1923 г. «О мерах обеспечения равноправия языков и о содействии развитию Украинского языка»⁴. В Декрете отмечалось, что за время существования советской власти на Украине проделана большая работа по развитию украинской культуры и образования, но это не смогло устранить установившегося в результате векового гнета неравенства. Считая ближайшей задачей правительства в области национальной культуры унич-

тожение этого неравенства, указывалось: «Та же самая задача диктует Советской власти еще и необходимость укрепления тесного союза Рабочих и Крестьян, и еще большего приближения государственного аппарата к нуждам, к быту и языку украинского народа. Для этого требуется усилить украинизацию всего государственного аппарата».

В Декрете говорилось, что в настоящих условиях русский язык, перестав быть средством угнетения привилегированных классов, является, наоборот, средством приобщения украинской культуры к высоко развитой и имеющей мировое значение русской культуре. Поэтому необходимость знания русского языка, который является средством общения с народами всего Союза, обязательно сохранится для служащих и в будущем. Однако рабоче-крестьянское правительство признает необходимым сосредоточить внимание государства на распространении украинского языка.

Признававшегося до сих пор формального равенства между двумя наиболее распространенными на Украине языками, украинским и русским, недостаточно. Вследствие относительно слабого развития украинской школы, отсутствия необходимых учебных пособий и подготовленного персонала фактически преобладает русский язык.

Согласно ч. IV Декрета, никто из граждан, не владевших обоими наиболее распространенными языками, не мог быть принят на службу в государственное учреждение. Зачисление на госслужбу лиц, не владевших украинским языком, допускалось для вновь поступающих исключительно с особого разрешения в каждом случае и с обязательством изучить украинский язык в течение шести месяцев со дня поступления на службу.

На службу в милицию и уголовный розыск не принимались лица, не владевшие обоими языками (украинским и русским), независимо от их специальности.

Народному комиссариату продовольствия УССР было поручено организовать для обучения сотрудников советских учреждений украинскому языку курсы двух типов: краткосрочные — продолжительностью обучения не более трех месяцев и долгосрочные — для квалифицированных работников, с учебным периодом до девяти месяцев.

Всем начальникам губернских управлений рабоче-крестьянской советской милиции и уголовного розыска было приказано организовать своими средствами курсы обучения личного состава украинскому языку.

Приказом по милиции и уголовному розыску УССР от 7 сентября 1923 г. № 57 была объявлена программа испытания лиц, поступающих на службу в милицию. Она включала проверку знания русского и украинского языков, а именно умение читать и писать, а также устно и письменно передать содержание прочитанного ⁵.

В целях проверки знаний и определения пригодности к милицмейской службе лиц, прибывавших в Главное управление милиции и уголовного розыска, приказом по милиции и уголовному розыску УССР от 4 сентября 1923 г. № 55 была назначена постоянная аттестационная комиссия под председательством помощника начальника милиции и уголовного розыска республики. В состав комиссии входили главполитинспектор, эксперт по определению знания украинского языка ⁶.

В докладе Главного управления милиции и уголовного розыска республики «О состоянии и деятельности Милиции Украины за 1923 год» в процентном отношении контингент сотрудников милиции разделялся следующим образом: украинцы — 55%, русские — 33%, другие национальности — 12%. Таким образом, 45% личного состава были не украинцами. По состоянию на второе полугодие 1923 г. знали украинский язык 47% работников милиции, из них хорошо знали только 11%, плохо — 36%. Следовательно, вовсе не владели украинским языком 53% работников ⁸.

Позже ВУЦИК и СНК УССР признали достижения украинизации советского аппарата недостаточными и в развитие и дополнение своего постановления от 1 августа 1923 г. издали новое — «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата» от 30 апреля 1925 г. В постановлении указывалось, что «работа по украинизации советского аппарата протекала, во-первых: в тяжелых условиях неизжитого еще наследия превалирования русско-буржуазной и мелко-буржуазной культуры над украинской, являющейся до сих пор преимущественно только достоянием крестьянства, во-вторых: в условиях недостатка денежных средств и культурных сил для обучения украинскому языку сотрудников советских учреждений, и в-третьих: в условиях достаточного обновления советского аппарата за счет привлечения новых украинских элементов, что, вместе взятое, явилось основной причиной непроведения всего плана работ в установленный постановлением срок» ⁹.

Делопроизводство во всех государственных учреждениях и государственных торгово-промышленных предприятиях, расположенных на территории УССР, должно было вестись преимущественно на украинском языке с постепенным переходом их на полное украинское делопроизводство по мере обучения сотрудников этих учреждений украинскому языку и привлечения новых сотрудников, знающих украинский язык. Полностью украинизация должна была быть закончена до 1 января 1926 г.

В каждом центральном ведомстве были созданы комиссии по проверке украинизации.

На органы Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции УССР была возложена обязанность обследовать учреждения и подведомственные им предприятия в целях проверки украинизации их аппарата. Осуществлялась проверка каждого сотрудника, которая была возложена на аттестационную комиссию и на руководителей учреждений с предоставлением им права увольнения сотрудников, обнаруживших недостаточное знание украинского языка.

В постановлении ВУЦИК и СНК УССР от 30 апреля 1925 г. «О мерах срочного проведения полной украинизации советского аппарата» указывалось, что «сотрудники государственных учреждений и государственных торгово-промышленных предприятий, у которых замечено будет отрицательное отношение к украинизации, выражающееся в том, что за истекший период они не принимали никаких мер к изучению украинского языка, могут быть администрацией этих учреждений и предприятий уволены без выдачи выходного пособия... Сотрудники, уволенные за незнание украинского языка, могут быть вновь приняты на службу лишь после того, как они достаточно усвоят украинский язык».

На заседании коллегии НКВД 15 июня 1925 г. было принято решение о немедленном переводе аппарата на украинский язык. Все сотрудники должны были заняться изучением украинского языка; прием на работу сотрудников, которые не владели украинским языком, прекращался.

10 ноября 1925 г. был издан приказ НКВД УССР «Об украинизации милиции», который предписывал прекратить прием на службу сотрудников, не владеющих полностью украинским языком, отступая от этого только в случае безусловной необходимости и уведомляя об этом окружную комиссию в деле украинизации при окружном исполкоме; во время сокращения штатов в первую очередь увольнять лиц, не владеющих украинским языком; следить за тем, чтоб все сотрудники, которые владеют украинским языком, разговаривали во время исполнения обязанностей исключительно на этом языке ¹¹.

В русскоязычных городах юга УССР украинизация проводилась без учета особенностей национального состава населения и культурных традиций. Не учитывалось то обстоятельство, что в этих регионах большинство населения не знало украинского языка. Так, в 1925 г. при проверке учреждений г. Одессы из 7 тыс. работников отличное и хорошее знание украинского языка было определено только у 260, удовлетворительное — у 530. Около 90% одесситов вообще не знали украинского языка. Такое же положение было и в других крупных городах юга УССР: Екатеринославле (Днепропетровске), Зиновьевске (Кировограде), Юзовке (Донецке), Луганске, Запорожье, Николаеве ¹¹.

Соответственно, и среди работников милиции показатель владения украинским языком был достаточно низким.

В 1926 г. СНК УССР издал сборник декретов и директив «Українізація радянських установ (Декрети, інструкції і матеріали)». В тексте «Положення про забезпечення рівноправності мов і про сприяння розвитку української культури» декларировалось, что госслужащие обязаны были целиком перейти на украинский язык или же уйти с должностей ¹².

В указанный период местные руководители правоохранительных органов УССР внедряли принцип приема на работу лиц, знающих украинский язык, независимо от их национальности. Политика коренизации в этом случае сыграла свою роль: среди работников правоохранительных органов Украины постепенно увеличилось количество украинцев. Так, в 1928 г. их было 62,7%, в 1929 г. — 64,8%. Но, например, в Донбассе этот процесс проходил медленнее. В городах учреждения с трудом переходили на украинский язык делопроизводства. Милиционеров заставляли посещать вечерние курсы украинского языка под страхом увольнения. Наблюдались случаи, когда на запросы из центра, которые были написаны по-украински, городские органы милиции или не реагировали вообще, или отвечали не по существу ¹³.

Чтобы дать правильную оценку изложенному, необходимо обратиться к истории.

Как отмечал академик А. Н. Сахаров, можно согласиться с абсолютно бесспорным фактом, что у украинского и русского народов общая древнерусская государственность. И Москва, и Киев находились в составе этого большого древнерусского государства. В дальнейшем

судьбы и украинского, и российского народа складывались тяжело, и в течение столетий на Украине и в России шло медленное, тяжелое, противоречивое возрождение этой государственности ¹⁴.

Президент России В.В. Путин отмечает: «“Коренизация”», безусловно, сыграла большую роль в развитии и укреплении украинской культуры, языка, идентичности. Вместе с тем под видом борьбы с так называемым русским великодержавным шовинизмом украинизация зачастую навязывалась тем, кто себя украинцем не считал. Именно советская национальная политика — вместо большой русской нации, триединого народа, состоявшего из великороссов, малороссов и белорусов, — закрепила на государственном уровне положение о трех отдельных славянских народах: русском, украинском и белорусском» ¹⁵.

Н.И. Ульянов в работе «Происхождение украинского сепаратизма» отмечал, что культурный и духовный раскол между малороссийским и русским народами начался с «правописа»: «В течение тысячи лет, малороссы и все славяне, за исключением католицизированных поляков и чехов, пользовались кириллицей. Лингвистами давно признано, что это лучшая из азбук мира, наиболее совершенно передающая фонетику славянской речи. Ни одному малороссу в голову не приходило жаловаться на несоответствие ее букв звукам малороссийского говора. Не было жалоб и на типографский “гражданский” шрифт, вошедший в обиход со времени Петра Великого» ¹⁶. Автор отмечает также, что большим достижением считалось добиться видоизменения хоть одной или двух букв и сделать их не похожими на буквы русского алфавита. Практически стоял вопрос о создании нового языка.

«Формальный украинский национализм победил при поддержке внешних сил и обстоятельств, лежавших за пределами самостийнического движения и за пределами украинской жизни вообще. Первая мировая война и большевицкая революция — вот волшебные слоны, на которых ему удалось въехать в историю. Все самые смелые желания сбылись, как в сказке: национально-государственная территория, национальное правительство, национальные школы, университеты, академии, своя печать, а тот литературный язык, против которого было столько возражений на Украине, сделан не только книжным и школьным, но государственным» ¹⁶. Однако ни у простого народа, ни у интеллигенции не спросили, на каком языке они желают учиться и писать. Украинский язык был предписан верховной властью.

Согласимся с мнением, которое высказывает Е.Ю. Борисенок, что путем проведения украинизации руководство УССР старалось превратить украинский язык в основное средство коммуникации в республике. Однако достичь этого было трудно, в связи с тем что устойчивые позиции русского языка и культуры, особенно в крупных промышленных центрах УССР, поставили вопрос о границах и методах коренизации, то есть, с одной стороны, насколько необходимо применять коренизацию в отношении ассимилированных слоев населения, а с другой — какие права должны быть у русского населения в связи с проведением коренизации в национальных республиках ¹⁷.

Документы свидетельствуют, что политика коренизации, которая приобрела на территории УССР форму украинизации, осуществлялась

Советским государством в 1920-е гг. в русскоязычных регионах УССР и в отношении работников милиции и была воспринята крайне негативно. Правительство считало своей задачей «приближение государственного аппарата к нуждам, быту и языку украинского народа», что было реализовано путем усиления «украинизации» всего государственного аппарата, навязывания украинского языка и вытеснения русского из официально-делового оборота. При этом власть совершенно не учитывала этническую и лингвистическую характеристики населения юго-востока УССР с преобладанием русскоязычных представителей, особенно среди городских жителей. Горожане юго-восточных регионов УССР, в том числе служащие государственных органов и работники милиции, не были готовы к таким кардинальным и противоречивым мерам, меняющим этническое самосознание и культурный код личности.

Для сотрудников милиции воздействие политики украинизации имело негативные последствия, поскольку на первый план выдвигались не профессиональные качества, а этническая принадлежность и знание украинского языка. Насажение украинского языка в органах внутренних дел происходило под страхом санкций, вплоть до увольнения. Характерно, что под лозунгами об укреплении украинской культуры, языка, идентичности и борьбы с так называемым «русским великодержавным шовинизмом» украинизация навязывалась лицам, которые украинцами себя не считали.

Следует констатировать, что проведенная в 1920-е гг. на территории УССР украинизация во многом определила культурный и духовный раскол между украинским и русским народами, породив предпосылки для их отделения и обособления от единого восточнославянского этноса.

Примечания

1. БОРИСЕНКО Е. Ю. Языковая политика УССР в условиях коренизации. — Славянский альманах. 2017. № 1—2, с. 146.
2. БОНДАРЧУК П., ДАНИЛЕНКО В., СФІМЕНКО Г. Політика коренізації в радянській Україні (1920—1930-і рр.): Науково-допоміжний бібліографічний покажчик. Київ. 2003, с. 6.
3. ВАСИЛЬЕВ И. Ю. Украинизация и коренизация: различие и сходство программ. — Исторический формат. 2016. № 2, с. 186.
4. Донецкий государственный архив, ф. Р-2365, оп. 1, ед. хр. 1, л. 62, 63, 63об., 64.
5. Там же, л. 82, 82об.
6. Там же, л. 85.
7. Там же, оп. 2, ед. хр. 1, л. 46об.
8. ДОВБНЯ В. А. Правові засади проведення українізації органів НКВД Української ССР (20-і рр. ХХ ст.). — Південноукраїнський правничий часопис. 2012. № 3, с. 212.
9. Донецкий государственный архив. Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства Украины. № 55, от 31 декабря 1924 г., с. 12—15.
10. ГРЕЧЕНКО В. А. Українізація міліції УСРР у 1920-ті роки. — Право і безпека. 2016. № 3 (62), с. 19.
11. САВЧЕНКО В. А. Проблемы первой компании коренизации и украинизации на Юге УССР (1923—1930 гг.). — Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2014. № 1 (5), с. 16.

12. Фёдоровский Ю.Р. Первая Советская украинизация Луганщины. — Культурный ландшафт регионов. 2020. Т. 2. № 1, с. 97.
13. Міхєєва О.К. Основні напрямки та засоби вирішення кадрового питання в правоохоронних установах Донбасу в роки НЕПУ. — Нові сторінки історії Донбасу. Кн. 6. 1998, с. 115.
14. Сахаров А.Н. Вступительное слово. — История русско-украинских отношений в XVII—XVIII веках (К 350-летию Переяславской Рады) / Институт российской истории РАН: Бюллетень. Вып. 2. М. 2006, с. 5.
15. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>
16. Ульянов Н.И. Происхождение украинского сепаратизма. М. 1996, с. 241—243, 268—269.
17. Борисенко Е.Ю. Ук. соч., с. 152.

История экономического развития Китая с начала правления династии Мин до начала проведения политики реформ и открытости

Д. Н. Мансур, В. В. Скориков, М. А. Молчанова,
И. В. Шведова

Аннотация. В статье рассматривается историко-экономическое развитие Китая начиная с правления династии Мин и до начала проведения политики реформ и открытости. Авторы исследовали основные экономические периоды в истории Китая, а также предпосылки к возникновению феномена экономического чуда.

Ключевые слова: история экономики Китая, Китайская республика, династия Мин, династия Цин, Коммунистическая партия Китая (КПК).

Abstract. The article examines the historical and economic development of China from the reign of the Ming Dynasty to the beginning of the policy of reform and openness. The authors studied the main economic periods in the history of China, as well as the prerequisites for the emergence of the phenomenon of an economic miracle.

Key words: Chinese economic history, Republic of China, Ming dynasty, Qing dynasty, Chinese Communist Party (CCP).

Китай во все времена являлся развитой страной и важным игроком на мировом рынке. Во времена правления династии Мин страна превосходила по уровню технологического развития многие европейские государства. Этот период по праву считается одним из «золотых веков» Китая. Страна отходила от феодализма и постепенно переходила к мануфактурному производству, тем самым стимулируя зарождения новых производственных отношений и торговли. Период правления династии Мин ознаменован возвращением к политике приватизации — государство передало в руки частных торговцев и глав мануфактур производство соли и чая, что позволило им стать двигателем промышленности. Династия Мин уделяла достаточное внимание коммерции и торговле, способствуя строительству каналов и сухопутных торговых путей. Были сняты ограничения, наложенные предыдущей династией, что позволило Китаю интегрироваться в систему мировой торговли, стать неотъемлемым звеном в цепи торговых отношений от Европы до Японии.

В середине XVII в. Маньчжурская империя захватила Китай, находившийся под властью империи Мин, и привела к власти новую династию — Цин, в годы правления которой былой рассвет Китая сменился упадком, вызванным консервативными методами ведения политики во всех сферах. Акцент был сделан на укрепление феодального строя, закрытие страны, введение лицензий для крупных торговых предприятий, что привело к отставанию темпов роста китайской экономики от показателей Европы. Династия Цин ограничивала торговцев и контрабандистов из Великобритании и сдерживала иностранное влияние внутри страны. В XIX в. напряжение в отношениях Китая с западными странами, в частности с Великобританией, нарастало. Это привело к иностранной интервенции на территорию Китая в виде Первой и Второй опиумных войн. Первая опиумная война окончилась подписанием униженного для Китая Нанкинского договора, по которому страна обязана была выплачивать контрибуцию в размере около 21 млн долл., открывала порты для иностранной торговли, а также уступала Гонконг Англии. Это стало ударом по экономическому и социальному строю Китая. Население страдало от болезней и наркозависимости, что привело к попыткам китайского правительства ограничить влияние западных держав на свою внутреннюю политику. Естественно, западные страны не были готовы уступать. Это вызвало Вторую опиумную войну, в ходе которой Франция и Великобритания пытались еще больше расширить свои торговые преференции и проникнуть внутрь страны. Результатом Второй опиумной войны стало подписание Пекинских договоров, которые предусматривали выплату еще одной контрибуции, торговые уступки, а также разрешение на использование китайцев в качестве рабской рабочей силы на территориях колоний Запада.

Западные страны были не единственными игроками на мировой арене, кто рассматривал Китай как выгодную площадку собственного развития. В конце XIX в. свой взор на страну обратила Япония. В тот момент в вассальной зависимости от Китая находилась Корея, которая и стала целью Японии. Совершив ряд продуманных шагов, восточный сосед Китая ввел свои войска на территорию вассальной Кореи, поддержал правительственный переворот, перехватив управление страной.

Мансур Дария Нумман — ассистент кафедры иностранных языков ФГСН РУДН. E-mail: dariyamansur@gmail.com; *Скориков Владислав Виталиевич* — студент 4-го курса бакалавриата кафедры теории и истории международных отношений по направлению международные отношения ФГСН РУДН. E-mail: vlad.skorikov@inbox.ru; *Молчанова Мария Андреевна* — старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института РУДН. E-mail: masha013@mail.ru; *Шведова Ирина Викторовна* — старший преподаватель кафедры иностранных языков медицинского института РУДН. E-mail: schwedowa@yandex.ru.

Mansur Dariya N. — assistant professor of the department of Foreign languages, faculty of Humanities and social sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: dariyamansur@gmail.com; *Skorikov Vladislav V.* — 4th year student of the Department of Theory and History of International Relations in the direction of international relations, faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: vlad.skorikov@inbox.ru; *Molchanova Maria A.* — senior lecturer of the Department of Foreign Languages, Institute of Medicine, People's Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: masha013@mail.ru; *Shvedova Irina V.* — senior lecturer of the Department of Foreign Languages, Institute of Medicine, People's Friendship University of Russia (RUDN-University). E-mail: schwedowa@yandex.ru.

Результатом этих действий стала Японо-цинская война, закончившаяся подписанием Симоносекского договора, по которому Китай вновь был вынужден идти на значительные экономические уступки, открывать порты для торговли японских коммерсантов, разрешал Японии строить на своей территории мануфактурные предприятия и ввозить туда различное оборудование. Китай также должен был выплатить большую контрибуцию и признать независимость Кореи. Все эти шаги стали мощным подспорьем в деле проникновения иностранного капитала в Китай, а также положили начало периоду, известному в истории как «тройственная интервенция».

Подписание Симоносекского договора не только затронуло экономические интересы Китая, но также было воспринято как удар по интересам держав, которые на тот момент имели обширные экономические связи с династией Цин. Германия, Франция и Россия потребовали от Японии отказа от экспансии в районе Ляодунского полуострова, так как это угрожало их национальным и экономическим интересам. Япония на тот момент была не в силах противостоять сразу трем державам и была вынуждена вывести свои войска с данной территории в обмен на дополнительную контрибуцию со стороны Китая.

Как можно заметить, в этот период Китай стал своего рода плацдармом, где столкнулись интересы держав. С одной стороны, Англия и Франция, борющиеся за влияние на торговые сделки Китая, с другой — Россия, которой необходимо было укреплять дальние рубежи страны для сохранения территориальной ценности и развития удаленных от столицы регионов, наконец, с третьей — Япония, активно проявлявшая свои экспансионистские настроения. Все это негативно сказывалось как на социальной, так и на экономической жизни Китая. Кроме того, внутри китайского государственного аппарата также шла борьба за власть: отстранение императора Гуансюя, перехват власти Цыси, а затем смерть обоих и провозглашение нового и последнего императора Пу И, которому на момент восхождения на престол было всего два года. Все это в итоге привело к высокому уровню напряженности в обществе и началу Синьхайской революции.

Эта революция стала поворотным моментом во всей социально-экономической истории Китая. Распалась последняя китайская династия и было провозглашено новое государство — Китайская республика, внутри которого также шла борьба за влияние между милитаристами во главе с Юань Шикаем и образованным Гоминьданом во главе с Сунь Ятсеном, будущим «отцом» китайской нации. В результате этой борьбы победу одержали милитаристы и страна погрузилась в еще больший хаос. Центральное пекинское правительство не контролировало территорию государства полностью, страна находилась в состоянии политической раздробленности, а на местах большую власть имели военные губернаторы. Проведение реформ с начала XIX в. не дало никаких результатов, экономика страны находилась в бедственном положении, рост ВВП не мог составить конкуренцию западным державам и долгое время оставался на уровне 500 долларов на душу населения (табл. 1). Все это требовало немедленных действий от небезразличных к судьбе Китая граждан. Такие граждане нашлись в Гоминьдане — том самом, что составлял конкуренцию милитаристам в период после провозглашения Китайской республики.

Показатели экономического роста Китая (1914—1977 гг.)¹

Показатели	1914— 1918 гг.	1931— 1936 гг.	1952— 1957 гг.	1972— 1977 гг.
ВВП, млрд юаней в ценах 1933 г.	24,26	29,13	37,97	102,52
Количество населения, млн чел.	440,0	500,0	602,0	897,0
ВВП на душу населения, юаней в ценах 1933 г.	55,1	58,3	63,1	114,2
Среднегодовые темпы прироста, %	1914/1918— 1931/1936 гг.	1931/1936— 1952/1957 гг.	1952/1957— 1972/1977 гг.	
ВВП	1,08	1,27	5,00	
Население	0,75	0,89	2,00	
ВВП на душу населения	0,33	0,38	3,00	
Секторная структура экономики, %	1914— 1918 гг.	1931— 1936 гг.	1952— 1957 гг.	1972— 1977 гг.
Сельское хозяйство	65,9	62,9	53,6	33,0
Промышленность	16,2	18,9	18,5	39,0
Услуги	17,9	18,2	27,9	28,0
Доля инвестиций в ВВП	—	5,0	16,0	20,0—23,0

В начале становления Китайской республики страна была охвачена борьбой за власть, что препятствовало ее дальнейшему экономическому развитию. С приходом к власти Чан Кайши и наступлением так называемого «нанкинского десятилетия» экономика Китая начала стабилизироваться, правительству удалось сформировать национальный бюджет, обеспечить стабильные налоговые поступления, стимулировать развитие важной для жизни страны инфраструктуры.

Темпы развития промышленности ускорились после начала Первой мировой войны, так как на мировом рынке возрос спрос на китайскую продукцию, а импорт в страну резко сократился. В период «нанкинского десятилетия» правительство проводило политику протекционизма, для защиты внутреннего рынка вводились высокие таможенные пошлины. 1928 г. был ознаменован созданием Центрального банка без привлечения частных средств и иностранного капитала. В 1930-е гг. прошла денежная реформа: банкам запрещалось производить денежные средства, право на эмиссию осталось лишь у Центрального банка страны. Эта реформа улучшила ситуацию на финансовом рынке Китая и способствовала стабилизации национальной валюты. В Китае также создавались синдикаты, которые регулировали цены и квоты на производство. Государство контролировало добычу и сбыт природных ископаемых. В тот же период была объявлена реорганизация деревень, что включало строительство новых школ, закупку новой аграрной техники, предоставление сельского кредита, ограничение арендной платы, установление правового регулирования взаимоотношений между землевладельцем и арендодателем. К сожалению

нию, данные меры не привели к быстрому росту аграрной промышленности, но этот период все равно оказался благоприятным для крестьянства.

«Нанкинское десятилетие» экономического процветания закончилось вторжением Японии на территорию Китая в 1937 г. Война подорвала экономику страны, было уничтожено огромное количество промышленных объектов и жизненно важной инфраструктуры. Во время военных действий производственные мощности работали всего на 20% от довоенного уровня. В связи с многочисленными жертвами среди мирного населения экономическое развитие Китая на ближайшие 10 лет замедлилось. Все эти факторы привели к усилению государственного контроля над промышленным сектором, регулированию правительством уровня цен.

За время существования Китайской республики наблюдался приток иностранных инвестиций в страну. Основными странами-инвесторами до начала Первой мировой войны являлись Россия, Германия и Великобритания, позже — Япония и Англия. Эти инвестиции стимулировали развитие промышленности в стране.

За время антияпонской войны экономика Китая понесла колоссальные потери. Вся жизненно необходимая инфраструктура страны, такая как электроснабжение, транспорт, промышленность, связь, была практически полностью уничтожена. Послевоенный кризис, слабое правительство под руководством Чан Кайши, коррупция и гиперинфляция привели к массовым протестам по всей стране. Население активно поддерживало коммунистов. Результатом стал приход к власти коммунистической партии. 1 октября 1949 г. была создана Китайская Народная Республика.

Китай постепенно восстанавливался после войны. Коммунисты во главе с Мао Цзэдуном провели ряд экономических реформ, направленных на восстановление производства, укрепление валюты и восстановление крестьянских хозяйств, уничтоженных во время войны. В 1950 г. был подписан Закон о земельной реформе². В период с 1949 по 1952 г. правительство провело национализацию производства и банковского сектора в целях снижения влияния иностранного капитала. Развитие экономики страны планировалось на пять лет. Первая пятилетка проходила с 1953 по 1957 г. Ее целью было создание необходимой экономической базы, инфраструктуры и производства. Основная задача этого периода заключалась в восстановлении экономической активности. Результатом первой пятилетки стало улучшение экономических показателей страны, особенно в областях, на которые был сделан упор. В тяжелой и легкой промышленности была проведена модернизация производственных мощностей, стране удалось нарастить промышленный потенциал и создать новую инфраструктуру. После проведенной политики коллективизации также наблюдался рост (около 4%) в сфере сельского хозяйства, однако данный факт беспокоил китайские власти, так как, по их мнению, этот рост был недостаточным. Результатом первой пятилетки стал большой разрыв в развитии промышленного и аграрного секторов экономики Китая, что явилось лейтмотивом планирования следующей пятилетки. Однако первая пятилетка не дала ожидаемых результатов, в том числе вследствие идеологических расхождений КПК и КПСС.

В 1958 г. правительство Китая приняло решение отказаться от политики пятилетнего планирования развития экономики. На VIII съезде Ком-

мунистической партии Китая было заявлено о переходе к новой политике, которая получила название политики «трех красных знамен». В нее входили такие понятия, как генеральная линия, «большой скачок» и народные коммуны, благодаря которым страна должна была в кратчайшие сроки построить коммунизм³. Основной задачей стало «догнать и перегнать» страны Европы и Северной Америки, нарастить производство товаров тяжелой промышленности путем введения завышенных плановых показателей по предприятиям, а также благодаря работе кустарных производств в виде домашних плавилен. Цель была достигнута, однако произведенная в кустарных масштабах продукция во многом не соответствовала стандартам и была непригодна для эксплуатации. В связи с ухудшением отношений между советской и китайской партиями из КНР были отозваны все советские экономисты, что негативно отразилось на планировании экономики.

В 1958—1960 гг. были созданы коммуны, в которые входили по 20—30 кооперативов, им были переданы права собственности и возможность самостоятельно развиваться. Руководство страны рассчитывало на увеличение промышленных мощностей и рост темпов производства. Страна отказалась от политики планирования в пользу моментальных, непродуманных решений, продиктованных политической ситуацией. В связи с нереальным желанием достичь высоких экономических показателей и неправильным ведением экономической политики в стране начали случаться аварии на производстве, выпускалась продукция низкого качества.

Принимая во внимание эти факты, можно сделать вывод, что политика «большого скачка» оказалась неудачным решением китайских властей и негативно повлияла на экономическую ситуацию в стране, что привело к кризису. Наблюдалось снижение показателей аграрного сектора в связи с плохими природными условиями. Это вызвало голод в сельскохозяйственных регионах, а также снижение численности населения. Наблюдалось повышение уровня смертности примерно на 2,5% (рис. 1). Это побудило правительство бросить все усилия на импорт сельскохозяйственной продукции, отказаться от политики «большого скачка» и начать разрабатывать новые экономические цели для преодоления экономического кризиса.

Рис. 1. Демографическая ситуация в Китае в 1949—2017 гг.⁴

Правительство КНР приняло решение вернуться к политике планирования экономического развития и государственного контроля в 1961 г. Ключевой целью новой политики стало возрождение аграрного сектора, который находился в критическом состоянии. Для этого были снижены налоги на сельское хозяйство, увеличены цены на аграрную продукцию и проводились закупки иностранной техники в целях повышения эффективности производственного сектора. Результатом этих мер стало возвращение экономики на стабильный путь развития, удалось добиться роста производства сельскохозяйственной продукции и тяжелой промышленности. Для повышения экономических показателей правительство отказалось от самостоятельных коммун, вернув кооперативы, и начало стимулировать крестьянские хозяйства и промышленные производства с помощью материального вознаграждения. С 1961 по 1962 г. были сделаны шаги к возвращению индивидуального хозяйства, что подразумевало самостоятельное ведение учета прибыли и убытков и взятие на себя ответственности за риски, связанные с данной деятельностью. Политика «большого скачка» привела к тотальной реорганизации коммунистической партии и массовым репрессиям.

После возвращения экономики на докризисный уровень правительство обратило внимание на культурное развитие страны. Начало «культурной революции» совпало с «кампанией самокритики» и «покаяния». Цель «культурной революции» заключалась в том, чтобы сделать идеологию марксизма-ленинизма убеждением каждого гражданина страны. При Мао было создано атомное и термоядерное оружие. «Культурная революция» оказала огромное влияние на экономическое развитие Китая. Принятые с 1966 по 1976 г. меры, например вмешательство революционных комитетов в деятельность заводов, фабрик, высших учебных заведений, аресты и высылка профессиональных кадров, сильно ударили по квалификационной составляющей рабочей силы, что, естественно, негативно отразилось на экономическом развитии, привело к нехватке высокообразованных кадров, закрытию учебных заведений и стагнации сельскохозяйственного производства. Параллельно с «культурной революцией» в стране развивалась ксенофобия, что создало негативный образ иностранных продуктов среди китайского населения и привело к сокращению импорта.

После окончания «культурной революции» в историко-экономическом развитии Китая наступил новый, «оздоровительный» этап. Государство проводило политику возвращения высококвалифицированных кадров в страну для поднятия уровня экономического развития благодаря привлекательным условиям труда. Широкое распространение получило открытие университетов, шла активизация международной торговой деятельности. В страну привлекали зарубежные инвестиции — в основном в сферах тяжелой и химической промышленности. Большую роль в стабилизации экономического развития того времени сыграл премьер-министр Чжоу Эньлай, разработавший концепцию четырех модернизаций, которая заключалась в необходимости перехода на полную механизацию производства и полную модернизацию всей экономической системы Китая. Однако первоначально политика модернизации Чжоу Эньлая и Дзен Сяопина не встретила должного отклика, так как в политических кругах КПК

грянул кризис. Мао Цзэдун испытывал трудности со здоровьем, у власти находилась так называемая «группировка четырех», которая раскритиковала политику модернизации, высказывалась против централизованного управления и не поддержала использование иностранных технологий. Подобные действия привели к ухудшению экономической ситуации в стране, что послужило поводом к аресту членов группировки. Вместе с ликвидацией «группировки четырех» стабилизировалась экономическая ситуация в стране.

В 1976 г. руководство Китая отложило в сторону революционную политику и классовую борьбу и взялось за поднятие экономического уровня. Экономическое развитие стало основным приоритетом даже на более высоком уровне, чем в 1950-е гг. Те, кто взял в свои руки рычаги экономической политики после 1978 г., были настроены на реформы. Большинство этих лидеров подверглось репрессиям в период «культурной революции». Тогда экономические показатели Китая в течение двух десятилетий отставали от показателей их восточноазиатских соседей.

Ключом к стабилизации экономической ситуации в стране и повышению уровня жизни населения было увеличение производства. Система централизованного бюрократического контроля над экономикой в советском стиле оказалась эффективной в мобилизации капитала и затрат труда. Но мобилизованный капитал должен был постоянно и быстро расти для поддержания темпов роста ВВП от 4 до 5% в год, что соответствовало темпам роста на душу населения от 2 до 3%. Споры о том, как должны проводиться экономические реформы, велись активно, но большинство участников разделяли общее представление о природе существовавших проблем. Централизованное планирование привело к неправильному распределению как инвестиционных товаров, так и текущих затрат. Чрезмерный контроль из центра вместе с ограничениями на использование материальных стимулов любого рода ослабили энергию и энтузиазм рабочих, управляющих и фермеров.

Реформирование экономической системы в сельской местности предшествовало реформе городской, отчасти потому, что задача в селе была проще, а отчасти потому, что многие из ранее описанных условий, необходимых для хорошо функционирующего рынка, уже существовали до начала реформ. Похоже, что никто в правительстве Китая не осознавал, насколько далеко зайдет этот процесс. После Третьего пленума, состоявшегося в декабре 1978 г., началась сельская реформа. Цель ее заключалась в увеличении материального вознаграждения крестьянских хозяйств. Первым шагом стало создание «свободных рынков», которое было осуществлено в 1979 г. Ограниченные свободные рынки, как указывалось выше, существовали в Китае на протяжении всего периода коллективного земледелия (1956—1982), за исключением времени, последовавшего за первоначальным образованием народных коммун. Их основная функция заключалась в том, чтобы обеспечивать сбыт товаров, произведенных фермерами, работавшими в свободное время и на своем приусадебном участке. Приусадебные участки с 7% пахотных земель коллектива сами по себе были компромиссом. Зерно и основные товарные культуры, за редким исключением, выращивались на коллективных землях и продавались государству отчасти потому, что задача выращи-

ния и сбора урожая зерна была подчинена коллективному управлению и надзору. Государственный контроль над поставками и сбытом зерна также рассматривался как критически важный для поддержания городского продовольственного снабжения.

Ограничение частного свиноводства и овощеводства неизбежно вело к резкому падению производства и сбыта этих продуктов. Такие падения произошли в 1955—1956 и 1958—1960 гг.

Формально пятилетние и годовые планы как на национальном, так и на провинциальном уровнях в течение 1960-х и 1970-х гг. продолжали составляться. На практике в период «культурной революции» существовало множество факторов, препятствовавших любым попыткам систематического планирования. Посредством какого-то механизма затраты результаты и их распределение между предприятиями координировались таким образом, чтобы избежать хаоса в период «большого скачка», и эта координация не была достигнута через возрожденный рыночный механизм⁵. Китай в промышленной сфере оставался бюрократической командной системой, ценообразование также регулировалось государством. Уровень сбережений и инвестиций вне сельскохозяйственного сектора во многом определялся государственным бюджетом. Предприятия почти не обладали автономией и были, по сути, лишь нижним слоем бюрократической иерархии. В 1978 г., после окончания периода политической нестабильности, страна вернулась к экономическому росту.

С завершением эпохи Мао Цзэдуна начался период новых преобразований, известный как политика реформ и открытости.

Примечания

1. MAYERS R. H. The Chinese Economy. Past and Present. Belmont. 1980, p. 19.
2. МАКАРОВА Е. П., ЧЖУ ЦИНЬ ЯНЬ. Земельная реформа в Китае. — Вестник РУДН. Сер.: Агрономия и животноводство. 2010. № 4.
3. НЕПОМНИН О. Е. История Китая: XX век. М. 2011, с. 514.
4. На основе данных Национального статистического бюро Китая (National Bureau of Statistics of China). URL: <http://www.stats.gov.cn/>
5. YOUNG A. The Razor's Edge: Distortions and Incremental Reform in the People's Republic of China. — Quarterly Journal of Economics. 2000. № 4.

Российско-китайские отношения в контексте политического кризиса на Украине 2013—2014 гг. на страницах китайской газеты «Жэньминь жибао»

А. С. Арчугова, А. А. Воболевич, М.-Н.Л. Вагнер

Аннотация. С начала обострения кризиса на Украине отношения между США, странами ЕС, Россией и Китаем стали одним из наиболее значимых явлений международной политической жизни. Чтобы нивелировать последствия международной изоляции России, президент В.В. Путин ускорил процесс «разворота в сторону Азии», на что Китай отреагировал положительно. Российско-китайские отношения продолжают постоянно углубляться. В статье рассматривается взаимодействие России и Китая в контексте кризиса на Украине в 2013—2014 гг., которое нашло отражение на страницах главной газеты Китая «Жэньминь жибао».

Ключевые слова: Россия, КНР, российско-китайские отношения, украинский кризис, «Жэньминь жибао».

Abstract. Since the beginning of the crisis in Ukraine, relations between the United States, EU countries, Russia and China have become one of the most significant phenomena in international political life. In order to neutralize the consequences of Russia's international isolation, the president Vladimir Putin accelerated the "Asia pivot" process, to which China reacted positively. Russian-Chinese relations continue to deepen constantly. This article discusses the interaction between Russia and China in the context of the crisis in Ukraine in the period of 2013—2014 and how it was reflected on the pages of China's main newspaper "People's Daily".

Key words: Russia, PRC, Sino-Russian relations, Ukraine crisis, "People's Daily".

В конце 2013 г. по инициативе украинского правительства был организован процесс подготовки к заключению соглашения об ассоциации с Евросоюзом, что спровоцировало самый серьезный политический кризис с момента обретения Украиной независимости. Новая политическая власть сделала явный акцент на сотрудничестве с Западом, что усилило противоречие между востоком и западом страны и вызвало ряд серьезных последствий, таких как территориальные потери, национальное разделение, гражданская война и падение экономики страны. В 2014 г. США и ЕС активно подключились к конфликту на Украине, а после смены власти оказали экономическую и политическую поддержку новому

правительству. России пришлось отказаться от идеи реинтеграции бывших советских республик. Украинский кризис привел к крупнейшей конфронтации между мировыми державами со времен «холодной войны». Западные санкции оказали колоссальное влияние как на российскую, так и на мировую экономику.

Исторически сложилось так, что Украина неоднократно становилась ареной противостояния великих держав. После окончания «холодной войны» вследствие своего особого геостратегического положения Украина не оставалась вне соперничества между Россией и США. Противоречия внутреннего развития и дисбаланс внешней политики Украины привели российско-украинские отношения к череде взлетов и падений. Фактически за первое десятилетие после распада СССР Украина так и не смогла определиться с внешнеполитическими приоритетами, повороту в сторону Запада мешала экономическая зависимость Украины от России. Правительство Виктора Ющенко, пришедшее к власти после «оранжевой революции» в 2004 г., проводило политику отчуждения от России и сближения с Западом. За годы правления Виктора Ющенко внешняя политика Украины приобрела ярко выраженный антироссийский характер. Весной 2010 г. новоизбранный президент Украины Виктор Янукович внес существенные коррективы в политику в отношении России и успешно продвигал «добрососедство, дружбу и сотрудничество» как лейтмотив развития российско-украинских отношений. Однако позитивные сдвиги в отношениях между Россией и Украиной были прерваны решением Украины об ассоциации с ЕС и создании зоны свободной торговли. Соглашение должно было быть подписано на саммите в Вильнюсе в ноябре 2013 г., но неожиданный отказ Януковича подписать соглашение за неделю до саммита привел к противоречию между «прозападными» и «пророссийскими» политическими силами в стране. Конфликт вылился в массовые митинги на Майдане и привел к вмешательству США и стран Запада во внутривнутриполитические дела страны. После волны протестов В. Янукович был отстранен от власти и отношения между Россией и Украиной резко обострились.

Вспышка украинского кризиса стала результатом совокупного воздействия различных факторов как на Украине, так и за рубежом. Что ка-

Арчугова Анна Сергеевна — ассистент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН). E-mail: archugova-as@rudn.ru; *Воболевич Алёна Александровна* — старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН). E-mail: salekh-aa@rudn.ru; *Вагнер Моника-Наталья Лауренсовна* — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов (РУДН). E-mail: vagner-ml@rudn.ru.

Archugova Anna S. — assistant at the Department of Foreign Languages, Faculty of the Humanities and Social Sciences, People's Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: archugova-as@rudn.ru; *Vobolevich Alena A.* — senior teacher at the Department of Foreign Languages, Faculty of the Humanities and Social Sciences, People's Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: salekh-aa@rudn.ru; *Wagner Monica-Nataliia L.* — candidate of historical sciences, associate professor at the Department of Foreign Languages, Faculty of the Humanities and Social Sciences, People's Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: vagner-ml@rudn.ru.

сается внешних факторов, то украинский кризис — это неизбежный результат геополитической игры России и США.

По мере обострения украинского кризиса отношения между Россией, Украиной и Западом перешли в состояние серьезного конфликта, что оказало влияние на систему международных отношений. На фоне развития украинского кризиса, многочисленных санкций США и ЕС российское руководство предприняло новый и более амбициозный поворот в сторону Китая. Стратегическая цель заключалась не только в углублении политических отношений, но и в переориентации российской экономики на Восток. Россия ускорила процесс укрепления экономических, торговых и политических отношений со странами Азиатско-Тихоокеанского региона и в первую очередь с главным партнером — Китаем. Всесторонние контакты России с Китаем начались до присоединения Крыма и введения западных санкций, но они усилились после украинского кризиса. Сближение ускорило реализацию проектов, которые обсуждались десятилетиями. В мае 2014 г. В. В. Путин посетил саммит Совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии. Во время этого визита президент России и председатель Китая Си Цзиньпин подписали газовое соглашение на сумму 400 млрд долл. Кроме того, страны согласовали проект о валютных свопах в национальной валюте, что ослабило их зависимость от доллара США в двустороннем обмене.

Изначально сближение Москвы с Пекином на Западе было встречено скептически. По мнению большинства европейских исследователей, в нынешних международных экономических отношениях существует риск того, что укрепление российско-китайского экономического и торгового сотрудничества втянет Китай в «экономическое болото» России и Россия станет стратегически негативным активом страны. Кроме того, высказывались предположения, что сама Россия не в состоянии полностью повернуться на Восток, так как слишком привязана к западным рынкам¹. Правда, по мере ускорения темпов развития всестороннего сотрудничества России с Китаем мнение западных экспертов менялось, сближение России и Китая стало рассматриваться как потенциальная угроза геостратегическим интересам Европы².

Как воспринимает китайское научное сообщество и китайские СМИ российско-китайское сотрудничество сегодня и является ли оно ловушкой или стратегической возможностью для обеих стран? Советник департамента Европы и Азии МИД КНР Пу Янфань прокомментировала политику Китая по вопросу украинского кризиса 16 иероглифами: полная независимость, призыв к миру и содействие проведению переговоров, концентрация на личных интересах, поиск преимуществ и избегание недостатков³. После украинского кризиса многие страны выразили желание развивать отношения с Китаем, что, по мнению Пу Янфань, открывает новые возможности для китайской дипломатии. Задача китайской стороны — поддержать относительный баланс и содействовать политическому урегулированию кризиса.

Ли Фэнлинь, бывший посол Китая в России, директор Института социального развития стран Европы и Азии при Исследовательском центре развития Госсовета КНР, выступая в 2014 г. на научном семинаре «Современная ситуация в России», отметил, что после распада СССР

Украина обрела независимость, но так и не смогла создать эффективную систему государственного управления. Комментируя цели России, США и Европы в украинском вопросе, Ли Фэнлинь писал, что основная задача США — «продолжать подливать масла в огонь», чтобы поддержать температуру конфликта, но не разжечь его. Позиция ЕС противоречива, он одновременно боится разрастания конфликта, но не желает отказываться от проделанной на территории Украины работы. Ли Фэнлинь подчеркнул, что в сложившейся ситуации положение России довольно сложное: ни Россия, ни Запад не готовы идти на компромисс, однако для России, вероятно, нет серьезных проблем в том, чтобы продержаться в течение трех-пяти лет, однако экономика страны сильно пострадает. Кроме того, российское общество действительно меняется, общественные настроения и мнения также начинают меняться. Что делать дальше после присоединения Крыма и потери Украины? Этот вопрос стоит перед российской элитой, а также перед Путиным. Это вопрос о будущем развитии России. Она шаг за шагом призывает к миру, но в то же время у России есть собственная опора на случай продолжения гражданской войны на Украине. В целом Ли Фэнлинь пессимистично оценивает перспективы украинского кризиса, полагая, что он превратится в затяжную войну и «перетягивание каната»⁴.

Решение Китая занять нейтральную позицию по украинскому вопросу и не принимать ничью сторону высоко оценивается Ли Фэнлинь. По его мнению, возникшая ситуация — это проблема советского наследия, и она должна быть решена между братскими странами самостоятельно. В представлениях Китая о международной ситуации произошло много изменений. Китай не стремится участвовать в конфликте, полагая, что китайско-российские и китайско-американские отношения не обязательно являются взаимоисключающими.

Отвечая на вопрос о том, какую роль Китай должен играть в украинском кризисе, особенно когда ситуация зашла в тупик, и должен ли он участвовать в какой-либо форме посредничества, Ван Сяньцзюй, бывший заместитель директора Евразийского института социального развития, отметил, что после украинского кризиса ЕЭС, ШОС и БРИКС расширили свой штат, а тенденция западных блоков противостоять «незападным» блокам становится все более очевидной, и Китай не может присоединиться ни к одному из них. В ответ Китай должен сосредоточиться на интересах страны в прилегающих районах, что заключается в поддержании региональной стабильности и развития, и в то же время решительно поддерживать свою независимость и баланс дипломатии. Это чрезвычайно важно для национального имиджа и престижа Китая, а также является основой «мягкой силы» страны⁵.

Должное внимание украинскому кризису уделили и китайские СМИ. Именно СМИ, а в первую очередь главная газета Китая «Жэньминь жибао», которая всегда четко придерживалась единого направления КПК, являются самым достоверным индикатором политического климата в китайском обществе и стратегии, выбранной КПК, по тем или иным вопросам.

С обострением украинского кризиса разногласия между Россией, с одной стороны, и США и Европой, с другой, по украинскому вопросу также углубляются, что может стать возможностью для США и Европы

восстановить двусторонние отношения, так как обе стороны имеют общие интересы по украинскому вопросу, однако перспективы подобного сотрудничества вызывают сомнения у китайской стороны. В интервью «Жэньминь жибао» Чжан Хун, младший научный сотрудник Института России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии социальных наук, отметил, что, во-первых, кризис на Украине заставил ЕС больше полагаться на США и НАТО в военном отношении, вследствие чего США и НАТО увеличили свое военное присутствие в Восточной Европе. Во-вторых, кризис на Украине идеологически сблизил ЕС и США. Однако, как отмечает репортер «Жэньминь жибао», сотрудничество ЕС и США проходит «не так гладко, как ожидалось»: если США ужесточит санкции против России, это неизбежно скажется на собственном энергообеспечении ЕС. Данный аспект делает «и без того слабые двусторонние отношения более переменчивыми». По мнению Чжан Хун «Великобритания, Франция и Германия имеют тесные экономические связи с Россией, и в своих отношениях с Россией они делают упор на диалог и координацию»⁶.

Китайский дипломат, посол Китая в Германии Ши Миндэ написал для «Жэньминь жибао» статью «План Китая по решению проблем международной безопасности», которая была опубликована в феврале 2015 г. В ней посол отмечает, что, столкнувшись со сложной ситуацией в области международной безопасности на фоне украинского вопроса, «Китай продемонстрировал свой имидж защитника международной безопасности, поборника общего развития и строителя международной системы и активно отстаивает общую, всеобъемлющую, совместную и устойчивую концепцию безопасности»⁷. Перед лицом разнообразных и сложных вызовов необходимо решать проблемы безопасности комплексным образом, принимая во внимание исторические и современные реалии, текущие и долгосрочные, внутренние и международные, традиционные и нетрадиционные факторы, а также применять многосторонний и комплексный подход.

27 февраля 2014 г. «Жэньминь жибао» опубликовала статью, в которой отмечалось, что принципы холодной войны «все еще влияют на понимание мира многими людьми, и некоторые люди на Западе все еще полны сопротивления в отношении России»⁸. Автор статьи приходит к выводу, что сложность международных отношений заключается в постоянном сравнении мощностей крупных держав; статья призывает западные страны отказаться от менталитета времен «холодной войны» и взяться за создание нового пространства для сотрудничества: «Разрыв между Западом и Россией может быть устранен постепенно только доверием, накопленным в ходе конкретного сотрудничества»⁹.

Оценивая весь комплекс статей, затрагивающих тему украинского кризиса, необходимо отметить, что Китай не дает каких-либо конкретных оценок поведению России на Украине и не высказывает свое мнение напрямую, сохраняя нейтральную позицию. В то же время очевидна обеспокоенность китайской стороны ухудшением отношений России с Западом и США. Китай признает сложные исторические аспекты ситуации на Украине и остается сторонником дипломатических решений, учитывающих интересы всех вовлеченных сторон.

В отношении отделения Крыма от Украины позиция Китая была расплывчата и неоднозначна. С одной стороны, китайская дипломатия основана на пяти принципах мирного сосуществования: 1) взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета; 2) взаимное ненападение; 3) невмешательство во внутренние дела друг друга; 4) равенство и взаимная выгода; 5) мирное сосуществование. Невмешательство, в частности, является важным принципом внешней политики страны. С точки зрения Китая вмешательство во внутренние дела других стран контрпродуктивно, а готовность США, ЕС и России вмешиваться во внутренние дела других стран вызывает опасения, так как обостряет конфликты не только в Восточной Европе, но и на Ближнем Востоке.

Кроме того, как известно, в Китае много автономных регионов. Если в этих регионах будет проведен настоящий референдум, его результаты могут не способствовать продолжению правления центрального правительства, особенно в Тибете, Синьцзяне и Тайване. Поэтому Китай выступает против изменения статуса регионов посредством референдума.

С другой стороны, Китай признает, что российско-украинские отношения представляют собой сложное переплетение исторических событий, культурных и национальных факторов¹⁰. Вместе с тем, как отмечает в своей статье «Анализ позиции Китая по референдуму в Крыму» эксперт Центра глобальной политики Карнеги-Цинхуа Чжан Лихуа, западные страны, по мнению китайской стороны, используют двойные стандарты в вопросе референдумов. В марте 2014 г. страны Запада выразили несогласие с референдумом в Крыму, что кардинально отличалось от их отношения к аналогичным референдумам в бывших советских республиках. Например, в 1990-х гг. страны Запада поддерживали независимость бывших советских республик Эстонии, Латвии, Литвы, Украины и Грузии. В 2008 г., когда парламент Косова провозгласил его независимость от Сербии, страны Запада оказали ему большую помощь. Чжан Лихуа отмечает: «По мнению Китая, причина, по которой Соединенные Штаты и европейские страны выступают против референдума в Крыму, скорее заключается в обеспечении его большего влияния в Восточной Европе, а не в национальных интересах Украины»¹¹.

Исходя из этих соображений, Китай воздержался при голосовании по резолюции ООН в марте 2014 г. Статьи «Жэньминь жибао» о референдуме и резолюции ООН носят информационный характер, журналисты воздерживаются от анализа позиции Китая по вопросу референдума в Крыму, ограничиваясь общими фразами о том, что Китай подтверждает свою «последовательную позицию» и призывает все стороны «проявлять сдержанность и избегать действий, которые усугубляют конфликты»¹².

При всей неоднозначности позиции относительно действий России на Украине Китай приветствовал политику России, направленную на Восток. Стратегической целью «разворота на Восток» является не столько углубление политических отношений, сколько переориентация российской экономики на Восток в целях снижения своей экономической зависимости от Европейского союза.

Журналисты «Жэньминь жибао», избегая болезненных тем, акцентируют внимание читателей на позитивных сторонах российско-китайского сотрудничества. Так, на страницах газеты часто появляются сообщения

о том, что российско-китайские отношения переживают «лучший период в истории»¹³, подробно освещаются встречи президента России В. В. Путина и председателя Китая Си Цзиньпина¹⁴, важное место занимают статьи об экономических проектах России и Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь»¹⁵.

Первая очная встреча президента России Владимира Путина и председателя Китая Си Цзиньпина после присоединения Крыма состоялась в мае 2014 г. в Шанхае. Журналисты «Жэньминь жибао» особо отметили «дружескую атмосферу» встречи и успехи переговоров. Лидерам двух стран удалось договориться о сотрудничестве в нефтегазовой сфере, атомной энергетике, финансах. Россия выразила поддержку реализации проекта экономического пояса Шелкового пути. «Главы двух государств обменялись подробными мнениями по китайско-российским отношениям, а также по основным международным и региональным вопросам и достигли высокой степени согласия», — писал Ду Шанцзэ, репортер «Жэньминь жибао». Журналист также подчеркнул, что председатель КНР и президент РФ за последний год много раз встречались, связывались по телефону и обменивались письмами, между ними существуют «тесный контакт, высокая степень взаимного доверия и искреннее общение», которые способствуют укреплению двусторонних отношений¹⁶. Во время этого визита был подписан ряд стратегических соглашений (из 46 документов) о сотрудничестве между Россией и Китаем,

Столкнувшись с санкциями со стороны Запада после присоединения Крыма, российская экономика при «развороте на Восток» главным образом сосредоточилась на двух областях — энергетике и военной промышленности. Несомненно, одним из ключевых моментов стало подписание Россией и Китаем 30-летнего соглашения на поставку российского газа по восточному маршруту. В ответ на высказывания западных журналистов о том, что подписанный в условиях санкций контракт «дал Китаю бесплатную поездку»¹⁷, Су Сяохуэй, заместитель директора Института международной стратегии Китайской академии международных исследований, в своем сообщении для «Жэньминь жибао» назвал подобные обвинения «слабыми» и подчеркнул, что сотрудничество между Китаем и Россией в области добычи природного газа является «результатом многолетних переговоров между двумя странами и имеет прочную основу», а двусторонние партнерские отношения — «это не временная мера, а взаимовыгодный и беспроегрышный шаг». Он также подчеркнул, что «у Запада нет причин или права обвинять Китай. Китай всегда выступал против использования санкций как средства разрешения конфликтов. В украинском вопросе Китай требует от всех сторон проявлять сдержанность, избегать обострения конфликтов и преодолевать разногласия по политическим и дипломатическим каналам»¹⁸.

20 мая 2014 г. в рубрике «Очерки посла» газеты «Жэньминь жибао» была опубликована статья «Китайская мечта пожала руку мечте России». В статье, подписанной послом Китая в России (2009—2019 гг.), Ли Хуэй высказал мнение, что сотрудничество двух стран «полно энергии и светлого будущего». Китайская мечта о «великом возрождении китайской нации» и мечта России о «восстановлении своей национальной мощи», по мнению китайского дипломата, «в высшей степени совместимы». Ли

Хуэй подчеркнул, что обмен мнениями на высшем уровне между двумя сторонами происходит «беспрецедентно часто», а практическое сотрудничество «неуклонно развивается»¹⁹. Данные суждения напрямую свидетельствуют также о высоком уровне отношений между двумя странами и личных дружеских отношениях глав двух государств.

В еще одной статье для «Жэньминь жибао» Ли Хуэй писал: «В последние десять лет я был на переднем плане российско-китайских отношений. Я слышал большинство комментариев лидеров двух стран о двусторонних отношениях, о том, что “китайско-российские отношения находятся на самом высоком уровне в истории”. Это действительно истинное изображение китайско-российских отношений». Он также выразил надежду на то, что двустороннее стратегическое сотрудничество РФ и КНР «и дальше будет наполняться новым содержанием», особенно в таких крупных отраслях, как авиация, высокие технологии и военнотехническое сотрудничество²⁰.

В 2015 г. Китай и Россия провели серию торжественных памятных мероприятий по случаю 70-летия Победы во Второй мировой войне и 70-летия победы китайского народа в войне против Японии. Для России победа в Великой Отечественной войне составляет моральную основу идентичности многих россиян. Война против Японии и роль коммунистов в национальном сопротивлении по-прежнему являются одним из столпов легитимности партии. Неудивительно, что лидеры двух стран обменялись визитами по случаю этих торжеств. Стоит отметить, что мероприятия были бойкотированы тогдашним президентом США Барак Обама и другими западными лидерами в знак протеста против присоединения Крыма Россией и растущей активности Китая в Южно-Китайском море. Оба события были освещены на страницах главной газеты Китая²¹. Журналисты высоко оценили первое в истории российско-китайских отношений совместное участие Народно-освободительной армии Китая и российской армии в военных парадах в Москве и в Пекине²². Во время этих встреч главы двух государств договорились увязать реализацию китайского экономического пояса Шелкового пути со строительством российского евразийского экономического союза, а также всесторонне расширить и углубить двустороннее сотрудничество, укрепить партнерство в рамках ШОС, БРИКС и G20.

Еще одна очевидная общая особенность двусторонних отношений заключается в том, что их влияние находится под угрозой сдерживания США и обе страны испытывают глубокое стратегическое недоверие к Соединенным Штатам. Несмотря на то что Китай неоднократно подчеркивал, что сотрудничество между Россией и Китаем не направлено против третьих стран²³, заметно изменение отношения к данному союзу со стороны лидеров западных государств и научного сообщества. Так, свои опасения относительно последствий углубления всестороннего сотрудничества России и Китая высказали президент Франции Эммануэль Макрон и глава МИД Германии Хайко Маас, Агнешка Легуцкая, польский политолог, доктор социальных наук, Мейя Ноувенс, эксперт по Китаю из Международного института стратегических исследований в Лондоне, и др.²⁴

Российско-китайские отношения прошли долгий путь от сотрудничества к конфронтации, а затем снова к партнерству и сейчас вступают

в новый этап всестороннего сотрудничества. Современный мир диктует новые условия взаимодействия для участников международных отношений. Китай и Россия — не исключение, но не следует думать, что это сотрудничество — лишь результат переориентации России на Восток. Между двумя странами долгое время складывалось добрососедское партнерство, развивались активная торговля и совместные экономические проекты. Новые реалии лишь создают необходимую почву для выхода этих отношений на качественно новый уровень, когда партнерство станет более тесным и интегрированным.

Примечания

1. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2016-04-17/moscows-failed-pivot-china>; URL: <https://merics.org/en/analysis/why-closer-russia-china-cooperation-poses-no-direct-threat-europe>; URL: <http://www.ft.com/intl/cms/s/0/cd637c7e-f4a8-11e4-8a42-00144feab7de.html#axzz4AxH2WeWF>; URL: <https://carnegiemoscow.org/2015/02/26/from-greater-europe-to-greater-asia-pub-59192>.
2. URL: https://pism.pl/publications/How_China_and_Russia_Could_Join_Forces_Against_The_European_Union; URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english>; URL: <https://.org/sites/default/files/2020-12/Research%20Report-China%27s%20Rise.pdf>.
3. 总体超脱，劝和促谈，以我为主，趋利避害 [Цзунтичаото, цюаньхэцутань, ивовэйчжу, цюйлибихай] (полная независимость, призыв к миру и содействие проведению переговоров, концентрация на личных интересах, поиск преимуществ и избегание недостатков).
4. URL: <http://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0617/c427682-31162681.html>
5. 梁强 (Лян Цян). 乌克兰危机的前景、影响和中国的应对 [Укэлань вэйцзи дэ цянънцзин, инсян хэ чжунго дэ индуй] (Перспективы и влияние украинского кризиса и ответ Китая). — 俄罗斯东欧中亚研究 [Элосы дунъюо чжунъя яньцзю] (Центр по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии). 2015, с. 89—91.
6. 美欧欲借乌克兰危机修补关系(国际视点) [Мэйюу юйцзе укэлань вэйцзи сюбу гуаньси (Гоцзи шидянь)] (США и Европа хотят использовать украинский кризис для восстановления отношений (международная перспектива)). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 22 апреля.
7. 应对国际安全挑战的中国方案 [Индуй гоцзи аньцюань тяочжань дэ чжунго фанъань] (Китайский проект преодоления проблем международной безопасности). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2015. 16 февраля.
8. 冷战思维，该翻篇儿了 [Лэнчжань сывэй, гай фаньпяньэр лэ] (Необходимо покончить с менталитетом холодной войны). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 27 февраля.
9. Там же.
10. URL: <https://carnegieendowment.org/2015/04/01/zh-pub-59635>
11. URL: <https://carnegieendowment.org/2015/04/01/zh-pub-59635>
12. 俄杜马批准克里米亚入俄条约 [Э дума пичжунь кэлимия жу э тяююэ] (Госдума РФ ратифицировала договор о принятии Крыма в состав России). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 21 марта.
13. 为世界和平稳定注入正能量 [Вэй шицзе хэпин вэньдин чжужу чжэньнэнян] (Внести позитивную энергию в мир и стабильность во всем мире). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2015. 5 мая.
14. 普京访华五大成果助力中俄关系高水平发展 [Пуцзин фанхуа уда чэнго чжули чжунгэ гуаньси гаошуйпин фачжань] (Пять основных достижений визита Путина в Китай, способствующих развитию китайско-российских отношений на высоком уровне). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2016. 27 июня; 习近平同俄罗斯总统普京会谈 [Си Цзиньпин тун элосы цзунтун Пуцзин хуэйтань] (Си Цзиньпин провел

- переговоры с президентом России В. Путиным). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2015. 9 мая.
15. 一带一路, 巩固中俄世代友好新纽带 [Идайилу, гунгу чжуньэ шидай юхао синь нюдай] (Инициатива «Один пояс, один путь» укрепит новые узы дружбы между Китаем и Россией). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2017. 30 июня.
 16. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 [Си Цзиньпин тун элосы цзунтун Пуцзин хуэйтань] (Си Цзиньпин провел переговоры с президентом России В. Путиным). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 21 мая.
 17. URL: <https://www.economist.com/europe/2019/11/07/emmanuel-macron-in-his-own-words-english>; URL: <https://merics.org/sites/default/files/2020-12/Research%20Report-China%27s%20Rise.pdf>.
 18. 中俄能源合作升级水到渠成 [Чжуньэ нэньюань хэцзо шэнцзи шуйдао шойчэн] (Расширение китайско-российского сотрудничества в области энергетики). — 人民日报海外版 [Жэньминь жибао хайвайбань] (Зарубежное издание Народной ежедневной газеты). 2014. 4 сентября.
 19. 中国梦“握手”俄罗斯梦 [Чжунго мэн “вошоу” Элосы мэн] (Китайская мечта пожала руку мечте России). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 20 мая.
 20. 中俄经济合作分量重 [Чжуньэ цзинцзи хэцзо фэньляньчжун] (Важные моменты китайско-российского экономического сотрудничества). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 30 августа.
 21. 习近平同俄罗斯总统普京会谈 [Си Цзиньпин тун элосы цзунтун Пуцзин хуэйтань] (Си Цзиньпин провел переговоры с президентом России В. Путиным). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2015. 9 мая.
 22. 习近平会见俄罗斯总统普京 [Си Цзиньпин хуэйцзянь элосы цзунтун Пуцзин] (Си Цзиньпин встретился с президентом России В. Путиным). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2015. 4 сентября.
 23. 中俄关系未来更美好 [Чжуньэ гуаньси вэйлай гэн мэйхао] (Китайско-российские отношения в будущем улучшатся). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2013. 5 августа; 外交部: 中俄安全合作不针对第三国 [Вайцзяобу: чжуньэ аньцюань хэцзо бу чжэньдуй ди са го] (МИД: китайско-российское сотрудничество в области безопасности не нацелено на третьи страны). — 人民日报 [Жэньминь жибао] (Народная ежедневная газета). 2014. 27 ноября.
 24. URL: <https://carnegie.ru/2021/03/19/ru-pub-84128>

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

УДК 93/94(47+73)+325.2

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi26

Из истории русского зарубежья. Иван Иванович Оstromысленский: выдающийся вклад в мировую науку

А. В. Володько

Аннотация. Статья посвящена видному представителю русской диаспоры Нью-Йорка, выдающемуся ученому-химику Ивану Ивановичу Оstromысленскому. Занимаясь исследованиями в области полимеризации и производства синтетического каучука, синтезом бутадиена из этилового спирта и вулканизацией без применения серы, он внес большой вклад в мировую науку. Метод Оstromысленского и сегодня применяется в Китае, Индии и некоторых других странах. В настоящее время, вследствие удорожания нефти и разработки дешевых технологий изготовления этилового спирта из биомассы, интерес ученых к методу Оstromысленского возобновился.

Ключевые слова: ученый, химия, полимерные технологии, синтетический каучук, метод.

Abstract. The article is dedicated to a prominent member of the Russian diaspora in New York, renowned chemist Ivan Ivanovich Ostromyslensky. I. Ostromyslenski's research on polymerisation and synthetic rubber production, synthesis of butadiene from ethyl alcohol and sulphur-free vulcanisation made a major contribution to world science. The Ostromyslensky method is still used today in China, India and some other countries. Now, due to the rise in the cost of oil and the development of cheap technologies for producing ethanol from biomass, there is renewed scientific interest in the Ostromyslensky method.

Key words: scientist, chemistry, polymer technology, synthetic rubber, method.

В 1958 г. в галерее только что созданного в Университете Акрона в США Международного зала славы науки о каучуке появились первые пять портретов ученых, внесших выдающийся вклад в развитие полимерных технологий. Под одним из портретов стоит русское имя — Иван Оstromысленский с кратким пояснением: «...родившийся в России химик, отмеченный за первопроходческие исследования в области полимеризации и производства синтетического каучука, синтез бутадиена из этилового спирта и открытие вулканизации без применения серы»¹. Это стало высшей степенью признания заслуг русского ученого со стороны профессионалов отрасли.

Володько Анна Вячеславовна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН. E-mail: avolodko@inbox.ru.

Volodko Anna V. — PhD (Law), senior researcher at the Institute of World History, RAS. E-mail: avolodko@inbox.ru.

Иван Иванович Остромысленский принадлежал к созвездию блестящих ученых (И. И. Сикорский, В. К. Зворыкин, Г. В. Вернадский, С. П. Тимошенко, А. Н. Прокофьев-Северский, В. Н. Ипатьев, Г. А. Гамов и др.), которые работали в России в начале XX в., но волею судеб обогатили своими знаниями и талантами не только и не столько страну, где они родились, но и вторую родину, куда их занесла волна эмиграции после 1917 г., — в данном случае США.

И. И. Остромысленский родился 27 августа (8 сентября) 1880 г. в Москве, по другим данным — 28 августа (9 сентября) в Орле, в семье потомственного дворянина, жандармского поручика Ивана Ефимовича Остромысленского. В восемь лет Иван потерял отца, что, по мнению историка Елены Зайцевой (Баум), наложило отпечаток на характер будущего химика, придав ему определенную мнительность и нервозность². В 1898 г., после окончания Второго московского кадетского корпуса, он поступил на механическое отделение ИМТУ (Императорского московского технического училища, в настоящее время — Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана). Однако с учебой дело не заладилось: не закончив первый курс, молодой студент был отчислен «за малоуспеваемость». С чем это было связано, мы не знаем, но переживания из-за неудач с учебой вылились у молодого студента в нервную болезнь. Вторая попытка поступления в училище, уже на химическое отделение, закончилось так же — отчислением на тех же основаниях³. Выходом из положения для Остромысленского стало решение отправиться учиться за границу. В 1903 г. он записался сразу в два учебных заведения — в Политехническую школу Карлсруэ и на философский факультет Цюрихского университета⁴. В Цюрихе он провел один семестр, получив серьезнейшую теоретическую подготовку в области химии на отделении математики и естествознания философского факультета, где теорию комплексных химических соединений преподавал будущий нобелевский лауреат Альфред Вернер, а лекции о применении химии в медицине читал другой выходец из Российской империи — профессор Арутюн Абелянц, уже давно работавший в Швейцарии. Забегая вперед, скажем, что, вероятно, именно под их влиянием сформировались главные сферы интересов будущего ученого — наука о полимерах и фармацевтическая химия.

В знаменитом «Политехникуме» Карлсруэ (несмотря на название «школа», по статусу это высшее учебное заведение было приравнено к техническому университету) Остромысленский обучался до 1906 г. Специализация учебного заведения также повлияла на характер его дальнейшей научной деятельности. На химическом факультете основное внимание уделялось практическому применению науки в свете потребностей промышленности. В результате в дальнейшем Остромысленский сочетал теоретические исследования с разработкой реакций и процессов, пригодных для коммерческого использования. В отличие от Москвы, в Карлсруэ И. И. Остромысленский был весьма успешным студентом. Обучение завершилось защитой дипломной работы под научным руководством Макса Леблана. Примерно в это же время Иван Иванович женился. О личной жизни И. И. Остромысленского сведений очень мало, даже имя и фамилия его жены в разных источниках отличаются друг от друга. Так, в воспоминаниях С. В. Рахманинова жена Остромысленского упомина-

ется под именем Ольга Аристарховна ⁵, а Е. Зайцева (Баум) называет ее Юлией Александровной Козловой ⁶. Однако точно известно, что у Ивана Ивановича было двое детей — Татьяна и Георгий.

По окончании курса И.И. Остромысленский вернулся в Россию, имея за плечами отличное образование, диплом инженера-химика и две степени — доктора философии и доктора медицины, полученные в Цюрихском университете. Вскоре он устроился на работу в лабораторию неорганической и физической химии профессора А.П. Сабанеева Московского университета. Уже в 1909 г. Остромысленский получил должность приват-доцента. Одновременно Иван Иванович работал в лаборатории органической и общей химии у Л.А. Чугаева в ИМТУ ⁷. Уже первые публикации молодого ученого привлекли внимание научного сообщества: в частности, за свои работы по теории бензольного кольца он получил престижную премию имени В.П. Мошнина и был принят в Российское физико-химическое общество. Однако стабильной академической карьеры у И.И. Остромысленского не получилось: в 1912 г. из-за разногласий с другим известным химиком — А.Е. Чичибабиным он ушел из МГУ.

В тот момент Ивана Ивановича в первую очередь интересовала проблема, лежавшая как в сфере фундаментальной науки, так и в практической плоскости: он занялся созданием искусственного каучука. Надо сказать, что на тот момент эта идея была весьма популярна. Натуральный эластомер — каучук, получаемый из сока дерева гевеи, был известен и применялся уже давно. Он вырабатывался в промышленных масштабах на плантациях в Бразилии и Юго-Восточной Азии. В начале XX в. спрос на резиновые изделия на мировом рынке резко возрос, прежде всего в связи с распространением автомобилей и велосипедов, а мировые цены на натуральный каучук сильно колебались, и ученые во многих странах задумались над выработкой его искусственного заменителя. В России, где, благодаря традициям, заложенным Д.И. Менделеевым и А.М. Бутлеровым, химическая наука являлась одной из самых передовых в мире, в этом направлении были достигнуты впечатляющие успехи. Работы по получению синтетического каучука (полимера) и его исходных компонентов (мономеров) на основе разных видов сырья вели И.Л. Кондаков в Юрьевском университете (он еще в 1900 г. в лабораторных условиях получил каучукоподобное вещество из диметилбутадиена), С.В. Лебедев и Б.В. Бызов в Петербурге, а также И.И. Остромысленский в Москве. Иван Иванович, как и его коллега Лебедев, выбрал в качестве сырья для получения бутадиена легкодоступный продукт — винный (этиловый) спирт, изготавливаемый из картофеля, который в России выращивается в изобилии. Исследованиями Остромысленского заинтересовалась московская компания «Богатырь», производившая шины и другие резиновые изделия: она приобрела его патенты (тогда они в России назывались «привилегиями»), связанные с каучуком, и пригласила ученого возглавить научную лабораторию. Следует отметить, что, в отличие от того же С.В. Лебедева, Остромысленский, возможно, благодаря подготовке, полученной в Карлсруэ, очень внимательно относился к позиционированию своих изобретений, неизменно оформляя на них патенты в России и за рубежом. Кроме того, Иван Иванович сумел заручиться помощью спонсоров для оснащения лаборатории необходимым оборудованием.

В январе 1912 г. он обратился в ведущий частный фонд поддержки науки — Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений имени Х.С. Леденцова. По результатам экспертизы Общество выделило субсидию, благодаря которой, ученый, в частности, смог сконструировать «лампу Остромысленского» для полимеризации изопрена под действием света ⁸.

В лаборатории «Богатыря» ученому были созданы хорошие условия для работы: в его распоряжении находились современное оборудование и сильная команда заводских химиков, в состав которой входили Ф.Ф. Кошелев, А.Ф. Максимов, С.С. Келбасинский и др. ⁹ Работы велись по целому ряду направлений: получение мономеров, их полимеризация, вулканизация каучука. За короткий период И.И. Остромысленскому удалось сделать целый ряд важнейших открытий. Помимо упомянутого получения и полимеризации изопрена, он разработал метод вулканизации каучука без серы посредством введения различных активаторов и ускорителей вулканизации, что позволяло добиваться различных физико-химических свойств получаемых резин. Он доказал возможность синтеза каучука из бутадиена и хлористого винила, предложил для стабилизации синтезируемого каучука вводить различные органические основания (толуидины и нафтиламины) в качестве антиоксидантов ¹⁰. Кроме того, Остромысленский запатентовал свыше 20 способов получения бутадиена, в частности метод альдольной конденсации ацетальдегида ¹¹, примененный в 1930-х гг. германским химическим концерном «ИГ Фарбен» (он стал основой для производства знаменитого синтетического каучука «буна»). Наиболее значимым вкладом ученого в создание искусственных каучуков стал способ получения бутадиена путем пропускания паров этилового спирта и уксусного альдегида при температуре 440—460° ¹² над оксидом алюминия, получивший в мировой науке название «процесс Остромысленского». На его основе для международного конкурса, организованного в 1914 г. российским Министерством финансов, он предложил метод получения каучука из спирта через бутадиен и продемонстрировал образец резины, изготовленный таким образом. По итогам конкурса Остромысленский получил премию в 90 тыс. руб. и организаторы высказали желание о создании «небольшого опытного завода по выработке каучука указанным процессом из спирта» ¹³. Осуществлению этого замысла помешала начавшаяся Первая мировая война.

Итоги своих изысканий Иван Иванович подвел в книге «Каучук и его аналоги», вышедшей в 1913 г. и ставшей первым отечественным пособием по химии и технологии каучука. В ней Остромысленский дал практически полный обзор научных работ, опубликованных к тому времени по этой теме, уделив особое внимание малодоступной для русского читателя патентной литературе. Он также проанализировал методы очистки диолефинов (дивинила, изопрена, диметилэритрена), полимеризации диолефинов и переработки каучука в технические продукты, описал 16 собственных оригинальных способов получения диолефинов и их полимеризации, имеющих производственное значение ¹⁴.

Важность его трудов для российской науки, да и для страны в целом, трудно переоценить. Американский историк Э. Саттон справедливо отмечает: «На раннем этапе работы в России по синтетическому каучуку

имели огромное значение, и благодаря исследованиям Остромысленского Россия во время Первой мировой войны уж точно не отставала от западных стран, а в области теоретических изысканий, возможно, и опережала их»¹⁵.

Здесь, пожалуй, уместно будет сделать краткое отступление от темы. Как уже упоминалось, одновременно с Остромысленским над получением бутадиена из этилового спирта работал другой российский химик — С.В. Лебедев. Именно его метод впоследствии лег в основу первого в мире масштабного производства синтетического каучука, созданного в СССР. В результате в советских трудах по истории науки «невозвращенец» Остромысленский зачастую оставался «в тени» этого, также выдающегося, ученого. Так, автор научной биографии Лебедева К.Б. Пиотровский, говоря об Остромысленском, отмечает, что его «несомненные заслуги... в развитии теории полимеризации... не в меру перехваляются американской печатью», саму эмиграцию ученого он называет «дезертирством» и утверждает, что в своих изысканиях он опирался на теоретические выводы Лебедева и находился под большим влиянием его исследований. По утверждению Пиотровского, «многие заключения этого талантливого, но неровно работавшего химика при экспериментальной проверке в условиях, которые указывал автор, не подтвердились, ... из его работ приходилось буквально выуживать “рациональные зерна”, тщательно отделяя смелые и оригинальные предположения от экспериментально доказанных и проверенных положений»¹⁶. Остромысленский действительно был увлекающимся ученым, порой торопился с выводами, но вряд ли можно говорить об отделении «злаков от плевел», когда речь идет о двух десятках признанных и зарегистрированных патентов исследователя, многие из которых стали основой реального промышленного производства в Германии и США.

Во многом благодаря тому, что И.И. Остромысленский патентовал свои работы, в том числе и за рубежом, его имя на Западе более известно, чем имя Лебедева. Что же касается «противопоставления» двух ученых, то оно представляется искусственным и политизированным. На деле, как отмечалось в более позднем труде по истории органической химии, между ними существовали тесные дружеские отношения: они обменивались информацией, результатами исследований и даже полученными продуктами. Так, Лебедев был первым, кому Остромысленский сообщил о своем методе, а в одном из писем прямо предлагал ему объединить усилия¹⁷. Что же касается самих процессов Остромысленского и Лебедева, то они основывались на схожих принципах, но различались технологически, и каждый из них имел свои достоинства и недостатки. Так, лебедевский способ получения бутадиена был одностадийным, то есть более простым технически и дешевым, но менее стабильным, так как был связан с двумя различными реакциями, которые протекают одновременно. Выход конечного продукта у него был несколько выше, но сам продукт получался менее качественным (так, синтетический каучук, полученный способом Лебедева, вдвое уступал по прочности натуральному). Остромысленский же разработал двухстадийный процесс, который проходил более гладко и давал более чистый бутадиен, однако был сопряжен с большими капитальными затратами (на оборудование) и эксплуатационными расходами¹⁸.

И не вина Остромысленского, что в годы Первой мировой войны, когда он разработал свой процесс, эта технология не была востребована на родине. В этот период в промышленных масштабах (впрочем, весьма скромных) синтетический метилкаучук (по методу Кондакова) изготавливался только в Германии, лишившейся доступа к натуральному сырью из-за блокады Антанты, однако в мирных условиях этот процесс был абсолютно нерентабелен. У России же проблем с поставками натурального каучука для резиновых изделий не было, и создавать дорогостоящее производство с нуля не имело смысла. Впоследствии же советское правительство, налаживая производство синтетического каучука в связи с той же опасностью экономической блокады, вследствие ограниченности ресурсов и технической базы выбрало более простой и дешевый метод Лебедева.

Но вернемся к биографии И.И. Остромысленского. Синтетический каучук был не единственным направлением его исследований: не меньший интерес у ученого вызывала медицинская химия. В своих теоретических работах по этой тематике он порой давал чрезмерную волю воображению. Например, в книге «Сон у человека и животных», опубликованной в 1918 г., он характеризовал сон как процесс самоотравления организма неким «гипнотоксином» и предлагал лечить его нейтрализующим противоядием, утверждая, что после сокращения потребности в сне «гениальность станет ординарным явлением»¹⁹. Именно в сфере фармакохимии он попробовал себя в роли бизнесмена. На средства, полученные от сотрудничества с «Богатырем», он в 1913 г. открыл собственную фирму «Частная химическая и химико-бактериологическая лаборатория Ивана Остромысленского», где провел иммунохимические исследования по изучению природы антител и антигенов²⁰. Из-за начавшейся вскоре войны Россия оказалась отрезана от импорта немецких лекарств, занимавших большое место на ее фармацевтическом рынке. В результате уже в августе 1914 г. Русское физико-химическое общество провело совещание по вопросу срочного создания новых отечественных производств в области фармацевтики. Остромысленский активно включился в эту работу, создавая и исследуя новые лекарственные препараты для лечения тяжелых инфекционных заболеваний, в частности туберкулеза и проказы²¹.

Революция 1917 г. резко изменила жизнь Остромысленского. Он лишился своей частной лаборатории, да и «Богатырь» был национализирован. Пришлось искать новое место работы. Некоторое время он преподавал в новом университете, созданном в Нижнем Новгороде на базе эвакуированного туда Варшавского технологического института, и организовал там кафедру органической химии²². Вернувшись в Москву, он в 1918—1920 гг. руководил Химико-терапевтической лабораторией в Научном химико-фармацевтическом институте в Москве, где занимался исследованием структуры и свойств немецкого противосифилитического препарата «Сальварсан», затем на его основе разработал метод заводского синтеза отечественного аналога — содержавшего мышьяк препарата под названием «Арсол»²³. Это лекарство, как выяснилось, могло успешно применяться и для лечения малярии и возвратного тифа. В условиях гражданской войны и разрухи, сопровождавшейся вспышками инфекционных и венерических заболеваний, созданная ученым простая технология помогла тысячам людей сохранить жизнь и здоровье. Его заслуги

высоко оценил председатель Ученого совета института А.Е. Чичибабин: «...интереснейшие исследования И.И. Остромысленского о механизме действия сальварсана и применении вместо этого — коллоидального раствора мышьяка — уже этого одного было бы достаточно, чтобы не дать институту погибнуть или ограничить его деятельность существованием на бумаге, без средств и людей»²⁴.

Одновременно Остромысленский пытался продолжать свои исследования в области синтетического каучука в сотрудничестве с новой властью. Так, в 1918 г. он принял участие в совещании Высшего совета народного хозяйства по вопросу синтеза каучука, где для проверки способа И.И. Остромысленского и С.С. Келбасинского (получение дивинила из спирта в смеси с альдегидом) было решено организовать опытную станцию на московском заводе «Богатырь». В конце 1920 г. на станции было налажено производство дивинила, но из-за ошибки в расчетах выход дивинила (бутадиена) оказался ниже заявленного, и от промышленного применения метода решили отказаться²⁵.

Иван Иванович продолжал патентовать свои разработки, в том числе в США. В 1919 г. вышел Декрет об изобретениях, согласно которому, все инновации объявлялись собственностью РСФСР. Это означало, что больше он не сможет получать патенты на свои изобретения. Поэтому осенью 1921 г. Иван Иванович по приглашению Латвийского университета уехал в Ригу преподавателем на два семестра. Там он получил должность приват-доцента и прочитал два курса лекций: по химии каучука и химиотерапевтическим препаратам.

В это время произошло еще одно событие, повлиявшее на жизнь И.И. Остромысленского. После окончания Первой мировой войны мировые цены на натуральный каучук подвергались резким колебаниям, и для их стабилизации британские власти, контролировавшие 75% производства каучука, приняли так называемый «план Стивенсона», предусматривавший ограничение его экспорта. Основным же потребителем каучука являлись США, и в связи с ограничением доступа к натуральному сырью проблема создания синтетического каучука приобрела новую актуальность в глазах американских промышленников. Американские специалисты обратили внимание на работы Остромысленского по вулканизации еще в 1916 г. и по инициативе вице-президента U.S. Rubber Company Эрнеста Хопкинсона пригласили его на работу в эту компанию²⁶. Сам Остромысленский вспоминал: «Я приехал в Нью-Йорк в феврале 1922 года... Фактически я работал в центральной лаборатории, являвшейся как бы мозгом целого ряда заводов и фабрик, разбросанных по Америке»²⁷.

В отличие от многих русских эмигрантов, он не испытал материальных затруднений: залогом благополучия стал солидный багаж патентов и других актуальных разработок, а также годовой контракт с одной из ведущих химических компаний США. И.И. Остромысленскому, при всей его предпринимательской жилке, была, как и многим русским ученым, свойственна скромность, доходившая до застенчивости. При заключении контракта он согласился на жалование в 7 тыс. долл. в год — весьма щедрое, особенно в глазах свежеепеченного эмигранта из СССР (средняя зарплата в США тогда составляла чуть больше 1 400 долл. в год)²⁸, но недостаточно высокое для его должности. Однако перед продлением

контракта на помощь ему пришел новый друг — знаменитый Сергей Васильевич Рахманинов, с которым они встретились в 1922 г. в местечке Локуст-Пойнт под Нью-Йорком, где оба проводили лето. Остромысленский, большой поклонник и тонкий ценитель музыки, сразу нашел с Рахманиновым общий язык, и их связала многолетняя дружба. К юбилею композитора Остромысленский написал очерк, где рассказал и об истории с контрактом: «Сергей Васильевич заявил мне, что я должен получать никак не меньше 12 000 долларов в год (я получал только 7 000). На других условиях я не смею подписывать никаких контрактов. Я был в ужасе. Сергей Васильевич стал проявлять все большую и большую настойчивость, а я упирался, сопротивлялся и робел. Я помню, несколько раз он вызывал по этому делу своего менеджера и куда-то ездил с ним, кажется к президенту компании... Несмотря на мое сопротивление и даже вопреки ему, я стал получать — в конечном итоге вмешательства Сергея Васильевича — вместо 7 000 по 12 000 долларов в год»²⁹.

В U. S. Rubber Company И.И. Остромысленский продолжал и развивал свои исследования в области синтетического каучука. Так, вместе со своим помощником А.Т. Максимовым, тоже русским эмигрантом, он доработал процесс получения синтетического каучука, осуществив и запатентовав эмульсионную полимеризацию бутадиена и стирола³⁰. Помимо производства искусственного каучука, Иван Иванович предложил применять стирол для изготовления небьющихся стекол автомобилей путем его полимеризации между слоями стекол³¹. Одно время, помимо этой компании, он также сотрудничал с Goodyear Tire and Rubber Company, для которой разработал метод получения поливинилхлорида.

В 1925 г. И.И. Остромысленский вместе с несколькими американскими партнерами создал частную фармацевтическую компанию *Ostro Research Laboratory*, в которой занимался изучением лечебного действия препаратов мышьяка, хинина и предложенных им аналогов, исследовал структуру и свойства некоторых растительных масел, эффективно используемых при лечении проказы³², пытался найти не вызывающий привыкания заменитель морфия для лечения аллергических заболеваний. Он также участвовал в создании *Rigidium Company* для производства препаратов пиридиама и пиразолонна, применяемых в химиотерапии. Однако эти предприятия коммерческого успеха не имели, и в 1936 г. ученый прекратил предпринимательскую деятельность³³.

Иван Иванович принимал активное участие в общественной и культурной жизни многочисленной русской диаспоры Нью-Йорка. Так, в 1923 г. он стал одним из учредителей Русской академической группы в США для оказания помощи российским ученым и студентам в получении качественного образования, а также расширения научных контактов с американскими университетами. Благодаря своим трудам в сфере медицинской химии, он в конце 1920-х гг. был принят в Общество русских врачей Нью-Йорка, являлся президентом Национальной лиги американцев русского происхождения. Наконец, совместно с друзьями — С.В. Рахманиновым и сыном Льва Толстого графом Ильей Львовичем — создал «Кружок русской культуры».

В политической деятельности эмиграции И.И. Остромысленский активного участия не принимал. О его политических взглядах мало что из-

вестно: американские исследователи иногда называют его монархистом, но никаких доказательств не приводят. К советской власти он, очевидно, симпатий не питал, но и от активного противостояния воздерживался. Но один случай переполнил чашу его терпения. В 1930 г. в СССР побывал известный индийский гуманист Рабиндранат Тагор, который мало что знал о России, но, как и многие иностранные интеллектуалы в те годы, выступил с восторженными заявлениями об успехах СССР в области образования и развития культуры. Заявления Тагора настолько расходились с советской действительностью, что возмущенный Остромысленский составил открытое письмо в газету *New York Times*. Его имя в России было известно профессионалам, и для придания письму большего веса он уговорил С. В. Рахманинова и И. Л. Толстого также поставить под ним свои подписи³⁴. В письме приводился ряд фактов о репрессиях коммунистического режима и отмечалось: «Восхваляя сомнительные достижения Советов в области педагогики и тщательно избегая любых упоминаний о неопишуемых мучениях, которым Советские подвергают русский народ уже более тринадцати лет, он создает ложное впечатление, будто под благой властью советского режима не совершается никаких преступлений... Своим уклончивым отношением к могильщикам России — коммунистам, своей почти дружественной позицией он оказывает мощную и неоправданную поддержку группе профессиональных убийц. Скрывая от мира правду о России, он наносит, может быть и неосознанно, огромный вред всему населению России, а возможно и миру в целом»³⁵. В СССР эта акция не прошла незамеченной: исполнение произведений Рахманинова на два года оказалось под запретом³⁶.

И. И. Остромысленский, как и многие другие эмигранты, долго не оставлял надежды на то, что ситуация в России изменится, и не подавал заявки на получение американского гражданства. Однако в 1930 г. по прагматическим соображениям он все же стал гражданином США. Сразу же после этого он был приглашен в *Union Carbide Corporation* для налаживания коммерческого производства бутадиена из спирта по его методу, где и проработал последние годы жизни. Здоровье ученого, однако, начало ухудшаться, и 16 января 1939 г. он скончался от стенокардии и атеросклероза. Похоронен ученый на национальном кладбище Лонг-Айленда в округе Саффолк, штат Нью-Йорк.

И. И. Остромысленский совсем немного не дожил до подлинного триумфа своих научных разработок. В начале 1942 г. из-за японской агрессии на Тихом океане США оказались отрезаны от поставок натурального каучука с плантаций в Юго-Восточной Азии. В результате в стране была принята грандиозная программа по развертыванию производства синтетического каучука, сопоставимая по масштабам, пожалуй, с атомным проектом. В отличие от Германии и СССР, в мирное время такой отрасли в Америке не существовало, однако была готовая технология — метод Остромысленского. Да, он был технически сложен и дорог, но правительство не считалось с расходами. Объединенными усилиями консорциума ведущих химических компаний под руководством государства в короткие сроки было построено более 50 предприятий, на которых к концу войны производилось более 800 000 т искусственного каучука в год, причем до 60% этого объема изготавливалось по методу Остромысленского. Более

того, его технологии через США вернулись на родину: в виде поставок американских автомобилей с шинами из искусственного каучука и комплектов оборудования для нескольких заводов, переданных СССР в рамках ленд-лиза³⁷.

После войны от его метода в США отказались: был открыт более дешевый и эффективный способ производства синтетического каучука из нефтепродуктов. Однако он до сих пор применяется в Китае, Индии и некоторых других странах. В начале XXI в. из-за удорожания нефти и разработки дешевой технологии изготовления этилового спирта из биомассы интерес ученых к методу Остромысленского возобновился.

Итог заслугам русского ученого лучше всех подвел американский историк науки и известный ученый-химик Рэймонд Б. Сеймур: «Случись Остромысленскому волей Божией прожить дольше, быть более твердым и напористым, более точным в экспериментах, входить в университетскую корпорацию и дольше проработать либо в СССР, либо в США, он был бы первым кандидатом на Нобелевскую премию по химии»³⁸.

Примечания

1. URL: <https://www.thefreelibrary.com/IRSHF+honors+those+who+have+left+their+mark+on+the+industry.-a08085927>
2. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Русский каучук в Америке: Иван Остромысленский. В кн.: Люди мира. Русское научное зарубежье. М. 2018, с. 94.
3. Там же.
4. Там же, с. 94—95.
5. РАХМАНИНОВ С. В. Литературное наследие: В 3 т. Т. 3. М. 1980, с. 516.
6. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 97.
7. УЛЬЯНКИНА Т. Остромысленский Иван Иванович. В кн.: Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М. 1997, с. 477.
8. URL: https://elementy.ru/nauchno-populyarnaya_biblioteka/432078/Druzya_chelovechestva_ili_Dva_milliona_zolotom_na_rossiyskuyu_nauku
9. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=292927&pg=24>
10. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 98.
11. УЛЬЯНКИНА Т. Ук. соч., с. 477.
12. Там же.
13. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 100.
14. УЛЬЯНКИНА Т. Ук. соч., с. 478.
15. SUTTON ANTONY C. Western Technology and Soviet Economic Development, 1930 to 1945. Stanford. 1971, p. 124.
16. URL: <https://readli.net/chitat-online/?b=292927&pg=24>
17. Главы из истории органической химии. М. 1975, с. 155, 161—162.
18. URL: http://www.zomber.rccu/himiya-monomerov/219_osoby_e_sposoby_obrazovaniya_butadiena_02.php
19. УЛЬЯНКИНА Т. Ук. соч., с. 478.
20. Там же.
21. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 101.
22. Органическая химия. История и взаимосвязь университетов России. — Журнал органической химии. 2017. Т. 53. Вып. 9, с. 1355.
23. УЛЬЯНКИНА Т. Ук. соч., с. 478.
24. Там же, с. 479.
25. URL: <https://www.livelib.ru/book/136032/readpart-istoriya-nauki-i-promyshlennosti-sinteticheskogo-kauchuka-v-sssr-19311990-gg-i-v-garmonov/%7E5>

26. URL: <https://prabook.com/web/iwan.ostromislensky/3763950>
27. URL: <https://drive.google.com/file/d/0BwDwIYWuzOg1TGZQNklNckJBN00/view>
28. URL: https://usa.usembassy.de/etexts/his/e_prices1.htm
29. URL: <https://drive.google.com/file/d/0BwDwIYWuzOg1TGZQNklNckJBN00/view>
30. URL: <https://www.acs.org/content/acs/en/education/whatischemistry/landmarks/syntheticrubber.html>
31. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 103.
32. УЛЬЯНКИНА Т. Ук. соч., с. 479.
33. URL: <https://prabook.com/web/iwan.ostromislensky/3763950>
34. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=67775&p=114
35. Tagore on Russia. The «Circle of Russian Culture» Challenges Some of His Statements. Iwan I. Ostromislensky, Sergei Rachmaninoff, Count Ilya L. Tolstoy. —New York Times. 1931. January 15.
36. URL: http://loveread.ec/read_book.php?id=67775&p=114
37. SUTTON ANTONY C. Op. cit., p. 216.
38. ЗАЙЦЕВА (БАУМ) Е. Ук. соч., с. 94.

Судьбы казанского искусства советской эпохи

И. В. Корнилова, А. З. Нигамаев, А. М. Рафиков

Аннотация. В статье анализируется серия работ доктора филологических наук, профессора Н. М. Валеева, посвященных основным вехам жизненного и творческого пути оригинальных советских художников, выпускников Казанской художественной школы К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой. В исследованиях автора на фоне неповторимого колорита эпохи советского искусства 1910-х — 1970-х гг. уделено внимание малоизвестным событиям казанской жизни, истории Татарской Республики, краеведения. При подготовке статей и монографий Н. М. Валеевым были использованы материалы из архива Русского музея, Государственного архива Республики Татарстан, Научного архива Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ, архива Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, региональные и общероссийские периодические издания, каталоги художественных выставок, театральные афиши. Важную роль в исследованиях играют материалы автобиографического характера, которые помогают понять, в чем К. К. Чеботарёв и А. Г. Платунова видели миссию художника в обществе.

Ключевые слова: монография, искусство, художники, Казанская художественная школа, переписка, Татарстан.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the series of works, published by Professor N. M. Valeev, Doctor of Philology and dedicated to the milestones of life and creative paths of the outstanding Soviet artists, graduates of the Kazan Art School K. K. Chebotarev and A. G. Platonova. The author of the research pays a great attention both to the unique flavor of the Soviet art of the 1910s-1970s and to some small events of Kazan life, history of the Tatar Republic, local history. While working on his articles and monographs N. M. Valeev used material from different sources: the archive of the Russian Museum, the State Archive of the Republic of Tatarstan, the Scientific Archive of the Institute of Language, Literature and Arts, named after G. Ibragimov, of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the archive of the State Museum of Fine Arts of the Republic of Tatarstan, regional and All-Russian periodicals, catalogs of art exhibitions, theater posters. Autobiographical material is of great use in the research, it helps to reveal K. K. Chebotarev's and A. G. Platonova's vision of the artist's mission in society.

Key words: monograph, art, artists, Kazan Art School, correspondence, Tatarstan.

Результаты научных изысканий Наиля Мансуровича Валеева, одного из авторитетных знатоков и исследователей историко-культурной и духовной жизни российской провинции XIX—XX вв., известны не только искусствоведам. Его активная научно-исследовательская и просветительская деятельность в области современной филологии, литературного и исторического краеведения, а также многочисленные работы о казанском и советском искусстве 1910-х — 1970-х гг.¹ существенно обогатили представления современников о культурной жизни Казани советской эпохи.

Публикации Наиля Мансуровича, изданные за несколько последних лет, представляют собой основательные исследования на стыке искусствоведения, истории, источниковедения, книго- и краеведения. В серии статей и монографий на фоне неповторимого колорита эпохи советского искусства 1910-х — 1930-х гг. автором изложены судьбы наиболее ярких выпускников Казанской художественной школы — Константина Константиновича Чеботарёва (1892—1974) и его жены Александры Георгиевны Платуновой (1896—1966). Автор акцентирует внимание на творческом тандеме «Чеботарёв — Платунова», поясняя, что «говорить о наших художниках необходимо именно так..., не разделяя их, поскольку все 52 года совместной жизни они были неразлучны, и сам глава семейства всегда писал так, и никаких других вариантов у него не было»².

Трудно представить, но имена маститых художников, работы которых выставлялись в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее, Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина и др., а также экспонировались за границей, сейчас известны лишь узкому кругу специалистов. Тем более актуален выход в свет публикаций о них.

Концептуально исследования Н. М. Валеева строятся на микроисторическом подходе в сочетании с персональной историей, что дает возможность изучить личность в контексте противоречивой эпохи. Пострелеволюционная духовная атмосфера Казани, несмотря на хаос и неразбериху, была насыщенной и оживленной, отражала борьбу представителей авангардизма в искусстве с зарождавшимся соцреализмом.

Этот тезис находит подтверждение в монографии автора «Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве» (Казань. издательство «Заман», 2016. 440 с.: ил.). Структурно книга разделена на две части. Первая включает собственно обширный очерк о К. К. Чеботарёве и А. Г. Платуновой (с. 5—262); вторая состоит из разнохарактерных приложений. Говоря о первой части издания, следует отметить, что она не имеет стандартной структуры, здесь нет раз-

Корнилова Ирина Валерьевна — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Казанского научного центра Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан, профессор ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет». E-mail: ivkornilova@list.ru; *Нигаматов Альберт Зуфарович* — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет», Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: alnig.07@mail.ru; *Рафиков Азат Миннегаязович* — кандидат исторических наук, доцент ФГБОУ ВО «Набережночелнинский государственный педагогический университет». E-mail: rafazat@yandex.ru.

Kornilova Irina V. — doctor of historical sciences, leading researcher, Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, professors, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. E-mail: ivkornilova@list.ru; *Nigamaev Albert Z.* — PhD (History), assistant professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Elabuga Institute of Kazan (Volga Region) Federal University. E-mail: alnig.07@mail.ru; *Rafikov Azat M.* — PhD (History), assistant professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University. E-mail: rafazat@yandex.ru.

деления на привычные читателю введение, главы, заключение. Вместе с тем такой подход вполне оправдан по ряду причин. Во-первых, само повествование об искусстве и его деятелях требует необычной, творческой канвы изложения материала. С этой точки зрения, вполне логичным представляется также отказ автора от хронологически последовательного описания жизненного пути главных действующих лиц, так как простое жизнеописание, насыщенное массой мелких фактов, могло бы «засушить» тему книги. Во-вторых, в приложениях к монографии присутствует несколько биографических очерков, оставленных современниками о художниках, а также автобиография К.К. Чеботарёва, которые избавляют от необходимости подробного рассказа обо всех вехах жизненного пути Константина Константиновича и Александры Георгиевны.

Поэтому, ничего не говоря о месте рождения художников, их детстве, семье и родственниках, Н.М. Валеев начинает с периода обучения К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой в Казанской художественной школе и одновременно обращается к ряду дискуссионных научных вопросов. В частности, восстанавливает хронологию и определяет количество выставок, в которых художникам удалось принять участие в «казанский» период жизни (до 1926 г.). При этом автор дает довольно четкие характеристики творчества К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой, пишет об их принадлежности к художественным школам и основных направлениях деятельности, что весьма важно для неподготовленных читателей, которые плохо ориентируются в сложных перипетиях становления и развития советского художественного искусства.

В частности, автор констатирует, что К.К. Чеботарёв и А.Г. Платунова являлись лидерами объединения молодых казанских художников «Союз Подсолнечник». В начале 1920-х гг. они стояли у истоков создания Высших свободных художественно-технических мастерских (АРХУМАС) — впоследствии Казанского художественно-технического института и работали в русле одного из течений авангардного искусства — футуризма. Константин Константинович был больше известен как живописец, график и сценограф; Александра Георгиевна — как мастер эскибрисов, станковой, книжной и журнальной графики. Хотя этими направлениями их творчество не ограничивалось.

Ярко заявив о себе в среде творческой молодежи Казани, а также в кругу уже маститых местных художников, К.К. Чеботарёв и А.Г. Платунова в 1926 г. переехали на постоянное место жительства на подмосковную дачу в Новогиреево, где продолжили заниматься любимым делом, и постепенно, не без труда, вошли в круг столичных мастеров. Во второй половине 1920-х гг. работы К.К. Чеботарёва выставлялись в Ленинграде и Москве; А.Г. Платунова сотрудничала с журналами «Жизнь искусства», «Мурзилка», «Красная Нива», «Красная панорама», с «Крестьянской газетой» и др.

В 1930-е — 1940-е гг. в творчестве художников наступил период определенного затишья, хотя они продолжали сотрудничать с рядом театров и периодических изданий. Об этом свидетельствуют скрупулезно собранные Н.М. Валеевым факты упоминаний К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой в прессе того времени, театральные афишах и др.

Довольно плодотворными для Константина Константиновича оказались 1950-е гг. В частности, именно в этот период был подготовлен цикл моноптипий «Любимый город Казань» и ряд других работ. Еще одним важным событием в жизни художников стала персональная выставка работ, прошедшая в 1964 г. в Казани и Йошкар-Оле. К сожалению, она оказалась единственной прижизненной ³.

Константин Константинович ушел из жизни в 1974 г. в возрасте 82 лет, на восемь лет пережив свою супругу. Сразу после его смерти друзьям художника в Москву пришло письмо от дирекции Музея изобразительных искусств ТАССР с просьбой передать в Казань работы художника, связанные с пребыванием в этом городе. Однако сам К. К. Чеботарёв и люди, близко знавшие его, отмечали, что художник «...не отделял свой казанский период от московского. Тем более что, находясь в Москве, он продолжал работать на казанские темы» ⁴. Думается, это важное уточнение для понимания биографии К. К. Чеботарёва, которое должны учитывать ее исследователи в дальнейшем.

Говоря о монографии в целом, следует также отметить, что Н. М. Валеев не ограничивается лишь жизнеописанием и характеристикой творчества Константина Константиновича и Александры Георгиевны. Перед читателем предстает широкий исторический фон эпохи, в которую жили и творили художники. Приводя новые факты, на примере Казанской художественной школы и других учебных заведений автор подробно рассказывает о реформах, проводившихся в сфере образования на начальном этапе советской власти. Довольно глубоко раскрыты также идеологические течения, существовавшие в то время в художественном искусстве. Собственно, именно идейное противостояние между казанскими членами Ассоциации художников революционной России (АХРР) и сторонниками Левого фронта искусств (ЛЕФ), к которым принадлежали К. К. Чеботарёв и А. Г. Платунова, а также наличие многочисленных недоброжелателей и завистников, что, к сожалению, довольно распространено в творческой среде, и стали одной из причин переезда художников в Москву.

В жанре персональной истории представлена целая плеяда учеников К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой, ставших известными художниками, коллег и искусствоведов. Книга насыщена фамилиями, носитель каждой из которых, безусловно, может стать объектом исследования, нацеленного на реконструкцию биографии и творческой деятельности отдельно взятой личности, в том числе «маленького человека», типичного представителя своего времени, а также избранного рода занятий. В результате перед читателем открывается возможность познакомиться с творчеством и непростой судьбой деятелей, внесших заметный вклад в культурную жизнь ТАССР. В их числе искусствоведы А. И. Новицкий, К. И. Сотонин, П. М. Дульский, краеведы Н. Я. Агафонов, П. Е. Корнилов, основоположник новой казанской графики Н. С. Шикалов, не менее талантливый художник И. Н. Плещинский, крупнейший татарский живописец Баки Урманче, побывавший в лагере на Соловецких островах. Говоря о них, Н. М. Валеев справедливо отмечает, что об этих людях «...необходимо писать большие научные исследования, диссертации, монографии, поскольку каждый из них

сделал так много, что невозможно лишь попутно говорить об этом»⁵. Эта мысль находит подтверждение и в других публикациях рассматриваемой серии работ. В частности, содержание статьи «П. Е. Корнилов в заботах о казанском искусстве» позволяет подробно познакомиться с творчеством маститого краеведа и его сотрудничеством с К. К. Чеботарёвым и А. Г. Платуновой⁶.

На страницах книги часто встречаются имена деятелей общероссийского масштаба, судьбы которых переплетались с судьбами К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой. О творчестве Константина Константиновича высоко отзывался Владимир Маяковский. Побывав в Казани в 1928 г., он «уловил» в картине К. К. Чеботарёва «Красная армия»⁷ «образы и ритмы своего “Левого марша”»⁸. В дальнейшем, при личной встрече, Владимир Владимирович очень сожалел, что художник покинул Казань, «...оголив казанский участок фронта»⁹. Полотна К. К. Чеботарёва покупал другой не менее известный писатель — лауреат Сталинской премии Василий Григорьевич Ян¹⁰.

В 1921 г. в Омске состоялась встреча К. К. Чеботарёва и Давида Бурлюка, во время которой последний предлагал своему знакомому эмигрировать из России в США, «на что получил категорический отказ»¹¹. Этот эпизод биографии Константина Константиновича описан Н. М. Валеевым в статье «David Burliuk and his Kazan correspondents», в которой можно найти много новых фактов из жизни известного поэта¹². При упоминании об эмиграции невольно напрашивается сравнение К. К. Чеботарёва с одним из его учителей — казанским художником, получившим общероссийское и мировое признание, Н. И. Фешиным, чьи последние годы жизни прошли в Америке. Персоне Николая Ивановича также уделяется немало внимания в публикациях автора.

В результате перед читателем предстает не сухая биография, а живой портрет К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой на фоне эпохи со свойственными ей достоинствами и недостатками, идеологической спецификой, многочисленными действующими лицами. Дополнить образы художников помогают многие приводимые Н. М. Валеевым интересные факты. В частности, читатель может узнать, что К. К. Чеботарёв обладал феноменальной памятью, на протяжении всей жизни вел и содержал в образцовом порядке домашний архив¹³. Константин Константинович неразлучно прожил со своей супругой 52 года, поэтому, по меткому выражению друга семьи художников Натальи Сегель, «... вместе они наработали 100 трудов лет»¹⁴. Развивая эту мысль, автор, в свою очередь, отмечает, что говорить о художниках правильно именно так — Чеботарёв-Платунова, не разделяя их имен. Понять всю драматичность судеб творческих, ищущих людей, чуждых стремления к наживе, помогает упоминание о том, что К. К. Чеботарёв и А. Г. Платунова долгие годы «...ютились в 12-метровой барачной комнате, без удобств, без денег», часто голодали¹⁵. Очень важным для воссоздания полноценной биографии К. К. Чеботарёва является упоминание о его принудительной мобилизации в армию Колчака в 1919 г., в составе которой он воевал более двух лет, получил ранение, переболел тифом. Именно этим Н. М. Валеев объясняет тот факт, что имя К. К. Чеботарёва долгое время предпочитали замалчивать. Так, государственную пенсию художник

стал получать в возрасте 72 лет, только в 74 года был принят в члены МОСХ и т. д.

Одним из достоинств рассматриваемых публикаций является широкая источниковая база. При подготовке изданий автором были использованы материалы из архива Русского музея, Государственного архива Республики Татарстан, Научного архива Института языка, литературы и искусств им. Г. Ибрагимова АН РТ, архива Государственного музея изобразительных искусств Республики Татарстан, региональные и общероссийские периодические издания, каталоги художественных выставок, театральные афиши. Важную роль в исследованиях играют материалы автобиографического характера, которые помогают понять, в чем К. К. Чеботарёв и А. Г. Платунова видели миссию художника в обществе. В частности, по словам Н. М. Валеева, «Чеботарёв считал, что искусство должно не отображать, а преображать жизнь, воздействовать на зрителей, читателей так, чтобы после просмотра живописного полотна ли, спектакля люди становились лучше и чище»¹⁶. Жизненное кредо Константина Константиновича выражено словами из его автобиографии: «И сейчас убежден (для себя), что умереть все-таки лучше, чем перестать быть художником»¹⁷.

Обращение к материалам биографического характера наводит на еще один важный вопрос: почему долгое время не существовало полного каталога работ К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой? Константин Константинович при жизни вел тетрадь, в которой на 60 страницах перечислил свои работы в период с 1914 по 1964 г., но более поздние картины не вошли в эту рукопись, названную самим автором «Следы. 1914—1964». Усилиями Н. М. Валеева в соавторстве с О. Л. Улемновой эта проблема была решена в рамках публикации издания «Константин Чеботарёв. Александра Платунова. Живопись. Графика. Из музейных и частных собраний»¹⁸.

Монография «Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве» также богато иллюстрирована многочисленными примерами книжной графики и картинами художников, имеются соответствующее аннотации. Помимо этого, перечень иллюстративного материала дополняется фотографиями К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой, сделанными в разные годы, автографами художников, плакатами, афишами, примерами периодической печатной продукции советского времени и др., что, безусловно, украшает книгу.

Отдельное место среди источников, использованных Н. М. Валеевым, занимают отзывы советских искусствоведов на работы К. К. Чеботарёва и А. Г. Платуновой, благодаря которым и удастся объективно оценить творчество художников. При этом Н. М. Валеев не идеализирует персоналии своих исследований, приводя в равной степени как положительные, так и отрицательные рецензии. На их основании автор отмечает, что к моменту отъезда из Казани К. К. Чеботарёва еще несколько преждевременно считать полностью сформировавшимся художником, хотя к этому времени его работа «Завтрак в Суук-Су» была приобретена Русским музеем, картины побывали в ГДР, Чехословакии, Венгрии, Польше. На момент написания «Красной армии» К. К. Чеботарёву было всего 25 лет.

Высокие оценки творчеству Константина Константиновича и Александры Георгиевны были даны в 1930-е — 1960-е гг. В этот период их имена упоминались в столичной периодической печати, а также в работах таких известных искусствоведов, как А.А. Фёдоров-Давыдов, А.А. Сидоров, Э.Э. Голлербах и др. «Платунова и Чеботарёв создали и в высокой мере развили собственную творческую индивидуальность, особенно заметную в их, если можно так назвать, “литературных работах”», — отмечал поэт и литературовед Б.В. Смиренский¹⁹. Заслуживает внимание еще один отзыв, представленный на страницах газеты «Советская культура», где полотна К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой названы «уникальными художественными памятниками первых лет Советского государства»²⁰.

Вместе с тем автор вынужден констатировать, что по ряду перечисленных ранее причин имена художников все же были не так хорошо известны советской публике. «Самое время сегодня воссоздать честь и хвалу музейным работникам, спасшим буквально от гибели многие произведения, приобретавшим их как работы “неизвестных художников” (лишь бы скрыть опальное имя)... Кандинский и Малевич, Петров-Водкин и Фальк, Самохвалов и Штеренберг — трудно исчерпать в перечислении все созвездие первоклассных имен... А рядом — нет, не второклассные, но незаслуженно забытые, недооцененные, задвинутые временем в тень. Даже специалистам мало что говорит, к примеру, имя К. Чеботарёва — художника, работавшего сначала в Казани, потом в Москве. Но каким мастерством, какой яркостью, каким — не побоимся этого слова — совершенством отмечена его картина “Завтрак в Суук-Су”», — писал корреспондент «Литературной газеты» о выставке советского авангарда, прошедшей в стенах Русского музея в 1988 г.²¹

К сожалению, такое положение дел отчасти сохраняется и сегодня. В монографии «Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве» приводится исчерпывающий библиографический обзор, который вместе с тем выглядит несколько разрозненным, так как одна его часть помещена в начало очерка о К.К. Чеботарёве и А.Г. Платуновой, а другая — в конец. Но этот несущественный недостаток не меняет сути проблемы: несмотря на обозначившийся в последнее время рост интереса научной общественности к персоналиям художников, публикаций о них насчитывается не так уж много. «За 50 лет беззаветного служения искусству Чеботарёв-Платунова доказали, что может настоящий художник. Несмотря ни на какие жизненные трудности и препятствия, замечательные мастера изобразительного искусства проложили свой собственный путь, выработали свой, ни на кого не похожий стиль, стали узнаваемыми, правда, в основном для специалистов», — отмечает Н.М. Валеев.

Подобные выводы позволяют обозначить контуры дальнейшей работы в рамках исследования творчества художников. Одно из его направлений состоялось, как уже отмечалось, в издании обобщающего альбома-каталога работ К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой²², тем не менее весьма перспективным видится продолжение деятельности, связанной с поиском утерянных полотен художников и их атрибуцией. Большой интерес представляет публикация писем художников.

Малоизученными продолжают оставаться материалы о Чеботарёве-Платуновой, представленные в фондах РГАЛИ, в связи с чем не теряет своей актуальности вопрос о подготовке еще одного монографического издания или публикации этих документов.

В заключение также отметим, что исследования Н.М. Валеева содержат разнохарактерные и очень ценные с научной точки зрения приложения. В них представлены полные публикации отзывов искусствоведов относительно работ К.К. Чеботарёва и А.Г. Платуновой, автобиографические материалы, написанные Константином Константиновичем, тексты его выступлений, опись архивных материалов о художниках и др.

Многочисленные фотодокументы на страницах монографий, не говоря об обширных приложениях, представляют собой ценный источник для иллюстрации развития книжного искусства. Уникальными являются фото еженедельника Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на чехословацком фронте «Красный террор» (№ 1, 1918 г.), в котором содержатся утраченные сведения о расстрелянных красными по отдельным уездам Казанской губернии. Включенные в книгу иллюстрации дают возможность увидеть достижения в области искусства художественного оформления обложек книг, журналов, каталогов, отчетов и др.

Таким образом, публикации Н.М. Валеева не только уникальны по своему содержанию, но и несут в себе неиссякаемый патриотизм, любовь к родному краю, чувство гордости за подвижников российского художественного искусства. Знакомство с их многообразным наследием будет интересно искусствоведам, а также историкам и краеведам, которые, обратившись к рассматриваемым изданиям, смогут окунуться в жизнь российской провинции, проследить, как складывались и развивались многие события ушедшей эпохи.

Примечания

1. ВАЛЕЕВ Н. А. А. Аникеенок и Н. Н. Беляев. Поэма Солнца. (Провинциальная трагедия в магнитофонных записях, газетно-журнальных вырезках, стихах и письмах). Памяти художника Алексея Авдеевича Аникеенка. Казань. 2012, с. 5—7; ЕГО ЖЕ. Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве. Казань. 2016; ЕГО ЖЕ. П. Е. Корнилов в заботах о казанском искусстве. В кн.: Актуальные вопросы развития искусствоведения в России, в странах СНГ и тюркского мира: М-лы Международной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Петра Евгеньевича Корнилова (1896—1981). 2017, с. 7—18; ЕГО ЖЕ. Слово о художниках. В кн.: Константин Чеботарёв. Александра Платунова. Живопись. Графика. Из музейных и частных собраний / Авт.-сост.: Н.М. Валеев, О.Л. Улемнова. Казань. 2018, с. 5—6; VALEEV N.M. David Burliuk and his Kazan Correspondents. — Journal of International Network Center for Fundamental and Applied Research. 2017, № 4 (2), с. 79—90.
2. ВАЛЕЕВ Н.М. Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве, с. 7.
3. Следующая выставка картин К.К. Чеботарёва прошла в залах Московского отделения союза художников (МОСХ) в 1978 г. — спустя четыре года после смерти Константина Константиновича.
4. ВАЛЕЕВ Н.М. Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве..., с. 248.
5. Там же, с. 210.

6. ВАЛЕЕВ Н.М. П. Е. Корнилов в заботах о казанском искусстве..., с. 7—18.
7. Эта работа считается одной из лучших, принадлежавших перу художника, а в последующем в отзывах искусствоведов не раз встречались сравнения творчества В.В. Маяковского в литературе и его своеобразного прототипа в художественном искусстве — К.К. Чеботарёва.
8. Там же, с. 251.
9. Там же, с. 258.
10. Там же.
11. VALEEV N. M. Op. cit., p. 79—90.
12. Ibidem.
13. После смерти художника эти материалы, согласно его просьбе, были переданы в РГА-ЛИ.
14. ВАЛЕЕВ Н.М. Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве..., с. 242.
15. Там же, с. 9.
16. Там же, с. 100.
17. Там же, с. 198.
18. Константин Чеботарёв. Александра Платунова. Живопись. Графика...
19. ВАЛЕЕВ Н.М. Константин Чеботарёв, Александра Платунова. В поисках пути в искусстве..., с. 236.
20. Там же, с. 246.
21. Там же, с. 254.
22. Константин Чеботарёв. Александра Платунова. Живопись. Графика...

Проблемы подготовки женских педагогических кадров в 1950-е — 1960-е гг.: гендерный аспект

М.Я. Мирзабеков, М.К. Нагиева

Аннотация. В статье рассматривается проблема подготовки женских педагогических кадров в Дагестане в 1950-е — 1960-е гг. Ее изучение позволяет оценить позитивные результаты, достигнутые в этой сфере, а также показать, какие трудности были связаны с региональными особенностями развития высшего и среднего специального педагогического образования. В рассматриваемый период республика продолжала испытывать нехватку квалифицированных педагогов. Авторы статьи показывают основные направления работы по улучшению ситуации с образованием среди девушек-горянок на примере деятельности педагогических вузов, в частности Дагестанского женского педагогического института (с 1964 г. преобразован в общий педагогический институт) и Дагестанского государственного университета.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Дагестан, школьное образование, женские педагогические кадры, женщина-горянка, женский учительский институт.

Abstract. The article deals with the problem of training female teachers in Dagestan in the 1950s-1960s. Its study makes it possible to evaluate the positive results achieved in this area, as well as to show what difficulties were associated with the regional peculiarities of the development of higher and secondary special pedagogical education. During the period under review, the Republic continued to experience a shortage of qualified teachers. The authors of the article show the main directions of work to improve the situation with education among hot-blooded girls on the example of the activities of pedagogical universities, in particular, the Dagestan Women's Pedagogical Institute (since 1964 transformed into a general pedagogical institute) and Dagestan State University.

Key words: the North Caucasus, Dagestan, school education, female teaching staff, goryanka, women's teachers' training institute.

Развитие высшего образования в Дагестане в 1950-е — 1960-е гг. шло по пути преобразования существующих вузов и открытия при них новых факультетов и отделений, что позволяло расширить профиль подготовки специалистов высокой квалификации. Особое внимание в республике уделялось подготовке педагогических кадров. Это было продиктовано растущей потребностью в учителях высокой квалификации в связи с введением всеобщего семилетнего, восьмилетнего и среднего обучения. В 1950-е гг. развитие высшего педагогического образования в стране достигло такого уровня, что не было необходимости сохранять двухгодичные учительские институты, которые готовили учителей для 5-х — 7-х классов неполных средних

и средних школ. Одни учительские институты были преобразованы в четырехгодичные педагогические институты, другие вливались в существующие пединституты. Результатом таких преобразований стало увеличение сети педагогических институтов и выпуск учителей с высшим педагогическим образованием.

Сложной проблемой оставалась подготовка женских педагогических кадров в Дагестане. К 1950 г. во всех средних специальных учебных заведениях республики обучалось 395 девушек. В трех высших учебных заведениях (педагогическом, медицинском, сельскохозяйственном) было всего 145 студенток. Хотя женским учительским институтом, созданным еще в 1944 г., была проделана значительная работа по подготовке женских педагогических кадров, возросшая потребность школ в высококвалифицированных специалистах требовала преобразования женского учительского института в педагогический. Недостатки в организации женского образования были связаны с исторически сложившимися традициями и бытовыми условиями. Во многих горских семьях образование девушек не приветствовалось, их старались загружать работой по дому. Девушки редко переходили в старшие классы, для них образование заканчивалось 4—5 классами, затем родители забирали их из школы. Местными органами власти проводились различные мероприятия в целях повышения активности женщин, что способствовало увеличению притока девушек в педагогические вузы. Так, в 1950/51 учебном году в педагогические учебные заведения республики было принято 245 девушек. В том же учебном году в них обучалось 720 девушек. Большое влияние на обучение девушек в общеобразовательных школах Дагестана оказывали учительницы-горянки. В 1950-е гг. численный состав и профессиональный уровень учительского корпуса республики значительно выросли. Это было связано с увеличением набора в педагогические учебные заведения региона и выпуска молодых специалистов, расширением системы заочного педагогического образования и направлением в республику нескольких тысяч учителей — выпускников педагогических учебных заведений из других регионов страны. Так, в 1950/51 учебном году учителей общеобразовательных школ республики с высшим, незаконченным высшим и средним педагогическим образованием было 62,8% от общего их количества ¹.

Мирзабеков Мирзабек Яхьяевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук». E-mail: yash831@mail.ru; *Нагиева Мадина Курбанисмаиловна* — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Дагестанский федеральный исследовательский центр Российской академии наук». E-mail: nagieva-73@mail.ru.

Mirzabekov Mirzabek Ya. — doctor of historical sciences, principal researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Federal State Budgetary Institution of Science of Dagestan Federal Research Centre of Russian Academy of Science; *Nagieva Madina K.* — PhD (History), senior researcher, Institute of History, Archaeology and Ethnography of Federal State Budgetary Institution of Science of Dagestan Federal Research Centre of Russian Academy of Science. Makhachkala. E-mail: nagieva-73@mail.ru.

В 1950 г. в школы республики были направлены первые 11 выпускниц исторического факультета женского учительского института. Среди отличниц учебы были Б. Джабраилова, С. Газиева, В. Миловидова и др. За период с 1946 по 1954 г. институт подготовил 537 учительниц — специалистов по русскому языку и литературе, физике и математике, естествознанию и истории. Большим уважением и авторитетом среди населения и работников народного образования пользовались с первых же дней своей трудовой деятельности выпускницы института, ставшие директорами школ: Г. Омарова — директор Шангодинской семилетней школы Гунибского района; П. Магомедова — директор Манасаульской средней школы, Н. Ганиева — инспектор Буйнакского района и др. ²

Молодой преподавательский коллектив, помимо основной своей деятельности, много времени уделял воспитательной работе. В институте работали драматический и хоровой кружки, особой популярностью пользовался ансамбль национальных танцев. Проводились совместные беседы, коллективные посещения театра, музеев и кино. С 1946 г. студентки участвовали в городских и республиканских смотрах художественной самодеятельности. Большую общественную работу проводили студентки-отличницы С. Хайдакова, Н. Гусейнова, Б. Джабраилова, А. Аликеримова, Т. Макарычева (ставшая впоследствии кандидатом исторических наук и преподавателем пединститута) и др. ³ Женский учительский институт к началу 1950-х гг. по штату включал 19 преподавателей. Кафедрой основ марксизма-ленинизма заведовал старший преподаватель П. М. Фёдоров, кафедрой физики и математики — Р. Г. Матаев, кафедрой педагогики, психологии и физического воспитания — А. К. Салимханов, кафедрой естествознания и географии — И. Я. Зиморой, кафедрой русского языка и литературы — Т. П. Маханькова ⁴. Многие педагоги в рамках абитуриентской кампании ездили в командировки в районы республики, проводили беседы с выпускниками школ, в особенности с девушками. Хотя эти меры не всегда оправдывали себя, они играли положительную роль в увеличении количества студенток в вузах республики.

Основной причиной невыполнения плана приема в вузы все еще оставался недостаток в районах девушек-горянок с законченным средним образованием, а те, кто получил среднее образование, поступали и в другие вузы страны. Так, в 1952 г. был издан приказ по Министерству просвещения СССР «О приеме 30 девушек из местных национальностей ДАССР в вузы Москвы и Ленинграда на 1952/53 учебный год». Вступительные экзамены девушки сдавали в республике и после успешной сдачи вне конкурса зачислялись в выбранные вузы. Так, в этот период в московские вузы поступило 17 девушек, а в ленинградские — 13 ⁵.

Несмотря на принимаемые меры, дагестанской школе все еще остро не хватало квалифицированных педагогов, среди учителей многие не имели законченного высшего и среднего образования. В связи с этим уже 1 сентября 1954 г. Дагестанский женский учительский институт был преобразован в женский педагогический институт и отнесен к высшим учебным заведениям III категории. В связи с преобразованием институту были переданы новый учебный корпус и здание под общежитие для студенток. Реорганизация института позволила расширить

прием от 120 чел. в 1953 г. до 250 чел. в 1963 г. ⁶ Необходимо отметить, что расширение приема студентов требовало усиления работы партийных организаций и органов народного образования в дагестанских селах для привлечения девушек в вузы республики. Так, в Касумкентском, Ахтынском, Лакском, Гунибском, Левашинском, Дахадаевском и других районах в этом направлении была проделана значительная работа. Среди женщин в районах республики велся учет выпускниц школ, направляемых на учебу в вузы и ссузы, разъяснительная работа проводилась и с родителями, и с самими девушками. Так, в Дахадаевском районе устраивались встречи выпускниц, на которых выступали учительницы-горянки. В 1954 г. на одной из таких встреч выступила первая выпускница женского учительского института П. Кадиева, которая рассказала об условиях учебы, о возможностях, которые открываются перед горянкой после получения высшего образования. На встречах выступали и приезжие учительницы, среди которых были В. А. Соколова, А. П. Иванова, П. С. Дроздова, Д. А. Кострова и многие другие педагоги, работавшие в сельских школах Дагестана. В 1954 г. в женском педагогическом институте республики работали семь кандидатов наук, 10 старших преподавателей и 11 старших и младших лаборантов ⁷.

В 1957 г. состоялся первый выпуск обновленного женского педагогического института. Дипломы о высшем образовании получили 116 девушек, из них 13 стали учителями русского языка и литературы, 39 — родного языка и литературы, 39 — физики и математики и 25 — истории. К концу 1950-х гг. в институте были значительно расширены факультеты, кафедры и другие структурные подразделения. К 1958 г. штат института включал 113 чел.: 43 преподавателя, 14 человек учебно-вспомогательного персонала, 56 сотрудников административно-управленческого состава ⁸.

Крупным событием в деле подготовки специалистов высокой квалификации в республике стало открытие на базе педагогического института им. С. Стальского Дагестанского государственного университета на основании Постановления Совета Министров СССР от 31 октября 1957 г. и Постановления Совета Министров РСФСР от 27 ноября 1957 г. «Об организации Дагестанского государственного университета» ⁹ с утверждением на должность ректора ДГУ кандидата исторических наук, доцента А. А. Абилова. К этому времени педагогический институт был крупным центром подготовки учительских кадров, располагал большим коллективом квалифицированных преподавателей, хорошей учебно-материальной базой и стал площадкой для открытия университета. В 1959/60 учебном году в университете обучались 3462 студента. В 1959 г. Дагестанский университет и женский педагогический институт выпустили 545 молодых специалистов с высшим образованием ¹⁰.

Вместе с ростом количества студентов в вузах республики была заметно улучшена связь вузов со школами. В вузах ежегодно проводились научно-практические конференции выпускников, где обсуждались доклады по различным вопросам обучения и воспитания. В них принимали участие выпускницы женского педагогического института, передовые учителя: Ф. Османова — учительница Ахтынской средней школы, Х. Магомедова — учительница Кулинской СШ, П. Насрулаева — учи-

тельница Гунибской СШ, С. Магомедова — учительница Усишинской СШ Акушинского района, Х. Магомедова — директор Манасаульской СШ Буйнакского района. Выпускницы женского пединститута показывали пример самоотверженного труда, добиваясь высоких результатов в обучении и воспитании школьников.

В 1950-х — 1960-х гг. органы народного образования особое внимание уделяли вопросам подготовки учителей русского языка для дагестанских нерусских школ. Это объяснялось тем, что в сельских школах республики учащиеся плохо успевали именно по русскому языку. Сложившаяся ситуация была напрямую связана с острой нехваткой квалифицированных педагогов. Так, в 1950/51 учебном году в сельских школах не хватало 316 учителей русского языка, а 264 учителя русского языка не имели специального образования. В какой-то мере остроту проблемы снижали русские учителя, приезжавшие из других республик, краев и областей Советского Союза. Но и здесь были свои трудности, многие приезжие учителя покидали республику из-за материально-бытовых и иных проблем.

Становилась очевидной необходимость в подготовке преподавателей русского языка из числа дагестанок. Для этого в женском пединституте увеличили прием на филологический факультет. С 1950 по 1958 г. институтом было направлено в сельские школы республики 179 учителей русского языка. Подготовкой учителей русского языка и других предметников также занимались педагогические училища Дагестана. К примеру, за тот же период только Буйнакское женское педучилище выпустило 285 учительниц-горянок ¹¹, которые, наряду с другими преподавателями, преподавали русский язык.

Несмотря на значительное качественное улучшение состава педагогических кадров, большое количество учителей не имели соответствующего педагогического образования. Из 11 295 учителей, работавших в школах в 1957/58 учебном году, 1 246 имели только общее среднее образование, а 697 не имели и среднего, причем охват их заочным обучением был незначительным. Также сохранялась большая текучесть педагогических кадров. Так, в 1957 г. из школ республики открепились 876 учителей, самовольно оставили работу и не вернулись из отпусков 145 ¹². Основной причиной текучести педагогических кадров являлись недостаточное количество учителей из местных народов Дагестана и сложности материально-бытового порядка.

Педагогические вузы республики все еще сталкивались с трудностями при подготовке педагогических кадров из местных народов Дагестана. При приеме не все институты и не всегда учитывали потребность отдельных районов республики в учителях. Так, из 1 322 студентов педагогического института 500 было принято из городов республики. Из общего количества студентов только 881 являлись представителями коренных народов Дагестана, в том числе по одному из Цунтинского и Агульского районов, три — из Цумадинского, 9 — из Унцукульского, 10 — из Акушинского, три — из Кизилюртовского. Из 400 студенток женского пединститута из Цунтинского, Рутульского, Гумбетовского районов не было ни одной девушки и не более чем по две девушки приехали из Агульского, Тляртинского и ряда других районов ¹³.

Значительную роль в улучшении подготовки квалифицированных педагогических кадров в республике сыграло открытие в 1960 г. в женском пединституте заочного отделения. Первый набор на это отделение составил 116 чел. Студенты-заочники в подавляющем большинстве были учителями и другими работниками народного образования, имеющими среднее и незаконченное высшее образование.

В 1963 г. состоялся первый выпуск студенток заочного отделения, среди них было 23 филолога и 25 математиков. В том же году на заочное отделение вновь открытого географического факультета было принято 75 чел.¹⁴ Необходимо отметить, что открытие заочного отделения повлияло на укрепление связей между институтом и школой, усилилась роль института в подготовке квалифицированных учительских кадров для школ республики.

В результате этих мер количественный и, главное, качественный состав учителей год от года улучшался. Однако проблема обеспечения школ квалифицированными кадрами все еще не была решена полностью. Так, в 1959/60 учебном году из 12 290 учителей высшее образование имели только 2 176, или 21,1%. В 5—11 классах работало 620 учителей со средним образованием¹⁵, им еще только предстояло повысить свою квалификацию в высших учебных заведениях.

Важную роль в подготовке женских педагогических кадров сыграла прошедшая в сентябре 1961 г. XXVI Дагестанская областная партийная конференция. На повестке, в частности, стоял вопрос о подготовке педагогических кадров из числа девушек-горянок, что свидетельствовало о внимании партийного руководства региона к деятельности женского педагогического института. К 1961 г. институт выпустил 1 000 учителей. В 1961/62 учебном году в институте обучалось 900 девушек, представлявших почти все районы республики: 174 аварки, 123 кумычки, 121 даргинка, 117 лезгинок, 55 лачек, 21 татка, 14 табасаранок, 15 азербайджанок, 13 русских, шесть ногаек, пять осетинок, три армянки, украинка, агулка и др.¹⁶ Совместная учеба сближала девушек из разных регионов страны, крепла дружба между представителями многих народов.

К концу 1963 г. на дневном отделении института обучалось более 1 100 девушек, представительниц всех национальностей, проживавших в республике. На заочном отделении обучалось 1 009 чел., из них 610 мужчин и 399 женщин¹⁷. Здесь необходимо отметить, что, хотя педагогический институт назывался женским, на заочное отделение вуза стали принимать и юношей, так как потребность в педагогических кадрах, особенно предметниках (физика, химия, биология), оставалась в республике высокой. Такие учебные дисциплины, как физика, химия, биология, география, больше нравились юношам, чем девушкам, да и давались им эти предметы лучше. В институте подготовка кадров осуществлялась по широкому профилю с пятилетним сроком обучения по таким специальностям, как русский язык и литература в нерусских школах, физика, математика, география, биология и химия. По данным на 1 января 1956 г., в школах республики работали 4 676 учительниц, из них 14 — заслуженные учителя РСФСР, 83 — заслуженные учителя ДАССР. К концу 1950-х гг. в составе учителей, имевших высшее и среднее специальное образование, женщины-горянки составляли 47%.

Дагестанский женский педагогический институт за 20 лет работы превратился в сплоченный коллектив преподавателей и студентов, который уже имел свои традиции и заложил прочный фундамент для преобразования вуза в дальнейшем в общий педагогический институт. Нельзя не отметить хорошо поставленную работу ректората института, который отдавал все свои силы для укрепления материально-технической базы и повышения качества подготовки будущих специалистов. Ректорами вуза в 1950-е гг. были И. Г. Губаханова, А. И. Гасанова, С. Ш. Гаджиева, Х. М. Кабидова ¹⁸.

Расширение приема в педагогические учебные заведения, особенно в женский педагогический институт после его реорганизации, усиленное внимание руководителей учебных заведений, а также партийных и советских органов положительно влияло на дальнейшее развитие и подготовку педагогических кадров, в особенности из числа женщин, для дальнейшего обеспечения сельских школ республики необходимыми квалифицированными кадрами. За годы существования институт подготовил свыше 1 500 учителей из числа девушек-горянок.

Для дальнейшего совершенствования подготовки и обеспечения школ республики высококвалифицированными педагогическими кадрами по ходатайству обкома КПСС и СМ ДАССР постановлением от 30 декабря 1963 г. Совета Министров РСФСР Дагестанский женский педагогический институт был преобразован в Дагестанский педагогический институт ¹⁹. За студентками-горянками было сохранено бесплатное общежитие, лучшие студентки пользовались правом бесплатного питания.

В 1960-е гг. были достигнуты важные позитивные изменения в развитии высших учебных заведений республики. На начало 1970/71 учебного года в них обучалось 20 390 студентов, тогда как в начале 1960/61 учебного года — 6 678 ²⁰. Особенно интенсивно высшие учебные заведения республики развивались в годы восьмой пятилетки (1966—1970).

Общее количество студентов в вузах республики с начала 1965/66 учебного года до начала 1970/71 учебного года увеличилось на 7 489 чел., в том числе на дневных отделениях на 4 994 чел., вечерних — на 1 145 чел., заочных — на 1 350 чел. В условиях многонационального региона важным фактором являлось увеличение в составе учащихся женщин, доля которых с 39,4% в начале 1965/66 учебного года возросла до 38,6% в начале 1970/71 учебного года.

Самыми крупными вузами Дагестана во второй половине 1960-х гг. оставались университет и педагогический институт. Их приоритетной задачей являлось удовлетворение потребности общеобразовательных школ и других учреждений народного образования республики в педагогических кадрах высшей квалификации.

Выпускники педагогических факультетов университета и педагогического института направлялись в школы и другие учреждения народного образования республики. Во второй половине 1960-х гг. в республике работали шесть педагогических училищ: Буйнакские № 1, 2, 3 (третье — женское), Дербентское, Сергокалинское и Хасавюртовское.

В первой половине 1960-х гг. педагогические училища Дагестана готовили только учителей начальных классов. Во второй половине 1960-х

гг. в них начали открываться новые отделения. Важную роль в этом процессе сыграл приказ министра просвещения РСФСР от 18 июля 1968 г. «О ходе подготовки учителей в связи с переходом начальных классов на новые учебные планы и программы». Прием в педагогические училища проводился в соответствии с фактической потребностью в учителях школ районов и городов республики. В начале 1969/70 учебного года в педагогические училища Дагестана было принято 1 209 чел., из них на заочные отделения — 74 ²¹.

В отраслевом разрезе педагогические училища были самыми многочисленными, что было обусловлено важностью решения одной из социально-культурных задач — удовлетворения потребности начальных школ республики в учителях со средним специальным и высшим образованием.

Таким образом, к концу рассматриваемого периода более 40% преподавателей вузов республики составляли уже женщины и большинство из них являлись выпускницами высших учебных заведений республики.

Огромную роль в воспитании молодого поколения играли преподаватели средних специальных и высших учебных заведений Дагестана. К началу 1960 г. в вузах республики обучалось 5 993 студента, из них 2 704 девушки, в том числе 1 374 дагестанки. В 24 ссузах в том же году обучалось 9 639 чел., из них 3 481 девушка, в том числе 1 898 горянок ²². Эти статистические данные, безусловно, говорят о том, что, несмотря на существовавшие в 1950-е — 1960-е гг. проблемы подготовки женских кадров в высших и средних специальных учебных заведениях Дагестана, эти вопросы находились под особым контролем соответствующих органов власти и решались с учетом необходимости активного вовлечения девушек-горянок в образовательный процесс.

Примечания

Публикация выполнена в рамках государственного задания «Северо-Восточный Кавказ в новейшее время: экономические, политические, социально-культурные процессы и трансформации».

1. МАГОМЕДОВ К.Ш. Великий Октябрь и просвещение дагестанской горянки. Махачкала. 1990, с. 105.
2. МАГОМЕДОВ А. Дагестанский педагогический. Краткий исторический очерк. Махачкала. 1981, с. 13.
3. ГАСАНОВА А.И. Подготовка женских кадров в Дагестане и их роль в хозяйственном и культурном развитии республики (1945—1965 гг.). Махачкала. 1969, с. 22.
4. Центральный государственный архив (ЦГА РД), ф. 1-п, оп. 1, д. 8244, л. 2.
5. Там же, ф. р-168, оп. 41, д. 117, л. 268, 270.
6. Наука и высшая школа в Дагестане. Т. 2. 1941—2001 гг. Ч. 1: 1941—1965: Док-ты и м-лы. Махачкала. 2008, с. 128.
7. Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1941—1977 гг.: Сб. документов. Т. 2. Махачкала. 1988, с. 47.
8. МАГОМЕДОВ А. Ук. соч., с. 15.
9. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1148, л. 294—295.
10. КАЙМАРАЗОВ Г.Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала. 2007, с. 295.
11. МАГОМЕДОВ К.Ш. Ук. соч., с. 112.
12. ЦГА РД, ф. р-168, оп. 34, д. 853, л. 363.

13. Там же, л. 364.
14. МАГОМЕДОВ А. Ук. соч., с. 15.
15. МАГОМЕДОВ К.Ш. Ук. соч., с. 113.
16. МАГОМЕДОВ А.М. Кузница педагогических кадров. Махачкала. 1963, с. 14.
17. МАГОМЕДОВ А. Ук. соч., с. 15.
18. URL: http://imenakavkaza.ru/biographii/gubakhanova_izumrud_gadzhievna/
19. ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 2223, л. 142.
20. Там же, ф. р-22, оп. 25, д. 84, л. 42; оп. 39, д. 287, л. 14.
21. Там же, оп. 39, д. 265, л. 60, 63.
22. ГАСАНОВА А.И. Ук. соч., с. 122.

Соборное движение в российском православии в период революции и Гражданской войны (1917—1922 гг.)

Ю. А. Бирюкова

Аннотация. В статье рассматривается процесс возрождения соборности в Русской церкви в период Гражданской войны как фактор, повлиявший на социально-политические процессы эпохи. Церковной общественностью Юга России в этот период обсуждались пути богословского понимания, значения и практической реализации принципа соборности. Вокруг Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. концентрировались все значимые события церковной жизни. А съезды духовенства и мирян стали подготовительным этапом организации соборных форм деятельности Церкви.

Ключевые слова: Русская православная церковь, духовенство, соборность, Поместный Собор, государственно-церковные отношения, съезд духовенства и мирян, Белое движение, реформа, сибирское соборное совещание, общественная деятельность.

Abstract. The article examines the process of the revival of conciliarity in the Russian Church during the Civil War as a factor that influenced the socio-political processes of the era. During this period, the church community of the South of Russia discussed ways of theological understanding, meaning and practical implementation of the principle of conciliarity. The author pays particular attention to the All-Russian Local Council of 1917—1918. It became the central event around which all the significant events of church life were concentrated. The congresses of the clergy and laity became the preparatory stage for organizing the conciliar forms of Church activity.

Key words: Russian Orthodox Church, clergy, conciliarity, Local Council, state-church relations, congress of clergy and laity, white movement, reform, Siberian Council meeting; public activities.

Февральская революция 1917 г. изменила не только государственную строй России, она затронула все сферы жизни российского общества: такая консервативная структура, как церковь, не стала исключением. Немалая часть духовенства восприняла падение самодержавия в значительной степени как закономерность: слишком очевидными для всей России казались в то время просчеты последнего монарха. По остроумному определению петербургских историков А. С. Пученкова и В. В. Калиновского, в те дни «всеобщее увлечение демократией не обошло Церковь стороной»¹. Крушение старого режима было воспринято

рядом представителей клира как возможность освободиться от государственных уз, свободно и творчески осуществлять свою миссию, что едва ли было возможно в условиях самодержавной власти, отсутствия вероисповедной свободы и подавления соборного начала. В то же время революция, и это отчетливо осознавалось церковной общественностью, обрушила прежнюю систему церковно-государственных отношений: она уничтожила, как свидетельствует авторитетный исследователь проблемы С.Л. Фирсов, «многовековую “симфоническую” связь, политически и идеологически соединявшую главную конфессию империи со светской властью»². Как и на каких началах предстоит отныне строить свои отношения с властью? Этот и другие вопросы со всей неизбежностью вставали перед духовенством.

Положение церкви однозначно воспринималось духовенством как кризисное, а политический фон сравнивался с эпохой Смутного времени. Выход из кризиса не только для церковной жизни, но и для общественной, представлялся через возрождение соборного начала. И первой на этом пути, безусловно, стояла задача его понимания, а затем и практической реализации соборности в условиях абсолютно новой эпохи. Этот вопрос активно обсуждался в те дни на страницах периодической печати, на съездах духовенства и мирян, а также на Всероссийском Поместном Соборе. Практика применения соборных начал получила продолжение и в годы Гражданской войны. Сложно переоценить значение религиозного фактора в период российской междоусобицы. Закладывались новые государственно-церковные отношения с учетом сохранения церковью суверенитета, и, как оказалось, для носителей верховной государственной власти соборные решения играли весомую роль. Изучение этих вопросов остается актуальным.

В историографии последних лет рассматривалась проблема возрождения соборности в период революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны, а также значение этого фактора в социально-политических процессах на общероссийском и региональном уровнях³, однако лишь фрагментарно.

Одним из наиболее активных церковных органов печати Юга России, активно откликавшихся на злободневные церковные и общественные проблемы, был журнал «Донская христианская мысль» — издание, опубликовавшее, в частности, все протоколы прошедших на Дону епархиальных съездов духовенства и мирян. В преддверии Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. в журнале появились материалы под заголовками «Идея Церкви», «Свобода Церкви», «О каноническом строе Церкви», «По поводу предстоящего созыва Церковного Собора» и др.⁴ В них представители духовенства размышляли о каноническом

Бирюкова Юлия Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры «Православная культура и теология», Донской государственной технической университет; ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: yliya-biryukova@yandex.ru.

Biryukova Yulia A. — candidate of historical sciences, associate professor of the department of Orthodox culture and theology, Don State Technical University; leading researcher, St. Petersburg State University. E-mail: yliya-biryukova@yandex.ru.

строе церкви, о соборности в исторической ретроспективе и догматическом контексте. Подчеркивалась важность возможности реализации соборности как неотъемлемого свойства церкви: «Церковность, соборность христианства, ведущая человечество к обожению, — вот что ставит нашу религию на недостижимую высоту»⁵. Подчеркивался и мистический аспект соборности как тесного, неразрывного единения христиан в мистическом Теле Христовом. Автор статьи с сожалением отмечал, что в современном ему русском православном обществе идея соборности «ушла из сферы ясного сознания огромного большинства верующих», церкви начали рассматривать как религиозно-философскую школу и даже отделять ее от христианства, в чем автор видел корень церковных нестроений. По его утверждению, преодолеть кризис можно только через проведение церковной реформы, главной целью которой должно быть утверждение и укрепление «в сознании верующих идеи Церкви»⁶. Для воплощения церковных идеалов исторический момент представлялся удачным вследствие освобождения церкви от государственного надзора.

Синодальный период освещался на страницах «Донской христианской мысли» в крайне негативном ключе. Объектом критики были, в частности, и Пётр I, и К. П. Победоносцев. При этом церковная реформа первого российского императора расценивалась как попытка полного порабощения церкви и подчинения ее интересам государства⁷. Деятельность Победоносцева воспринималась как крайне вредная, особенно в части назначения и увольнения членов Синода и прочих архиереев, а также фактического утверждения им синодальных постановлений⁸. Критиковался и контроль епархиальных архиереев духовными консисториями (а по сути, мирянами-чиновниками), которые имели огромное влияние на епархиальное управление. Подобный строй церкви расценивался как нарушение не только принципа соборности, но и ее иерархичности.

Отказ от синодальной системы воспринимался как путь к самоопределению церкви в своем внутреннем устройстве и управлении, к восстановлению канонических начал. «Теперь не нужно делать подарков, не нужно давать взяток всемогущим ранее чиновникам, так как все должности будут предоставляться только выбранным лучшим людям епархии», — воодушевленно писала «Донская христианская мысль»⁹. В новых условиях увольнение с должности даже епархиального архиерея представлялось возможным только по суду, а не по «злым секретным наветам». Приводился пример из истории Донской епархии — увольнение на покой архиепископа Донского Афанасия (Пархомовича). Таким образом, выборность всех должностей понималась в этот период как защита от чиновничьего произвола в делах церкви и восстановление «апостольского принципа соборности»¹⁰.

Широко обсуждалась также реформа синодальной системы, при этом высказывалось мнение о необходимости восстановления канонического строя христианской церкви, исторически свойственного ее бытию со времен возникновения. Подразумевался такой строй, который будет эффективно совмещать в себе два элемента — включение в жизнь церкви широкой церковной общественности и стройную иерархическую систему церковной власти. Первый элемент мыслился реализуемым через «участие народа в выборе членов клира и управлении церковными делами»¹¹.

В древней церкви это было плодом «живого религиозного чувства и взаимной любви, одушевлявших первоначальные христианские общества». С ее ростом усложнялось ее устройство. Общественный и иерархический принципы, которые в статье называются также либеральным и консервативным, были тесно переплетены, несмотря на свою кажущуюся противоположность: «Канонический строй тем и ценен, что он счастливо разрешал, по-видимому неразрешимую задачу — соединение общественной самостоятельности с принципом сильно и хорошо организованной власти»¹². Задача церковной реформы виделась в восстановлении баланса этих начал, чтобы, с одной стороны, иерархия сохраняла то значение в церкви, которое определяется канонами, с другой — обеспечивались бы различные способы участия мирян в жизни церкви. В том, что ранее не удавалось объединить эти два начала, автор материала видел неудачу всех предшествующих церковных реформ начиная с 1906 г. В статье особо оговаривалось, что народ хочет участвовать в устройении церкви не ради осуществления своих прав, то есть не из модных демократических устремлений, а «из чувств христианской любви и воодушевления, какие были в древней Церкви», и «ради заботы о совместном совершении спасения»¹³.

Проблема теоретического понимания и интерпретации соборности, решение которой, как мы видим, мыслилось в рамках традиции, не могла обойтись без организации соборных форм деятельности церкви. Это были призваны сделать съезды духовенства и мирян. Съезды Юга России назвали главными проблемами церкви бюрократизацию и зависимость от государственного аппарата управления и политики, что определило направления их деятельности. В первую очередь было указано на необходимость пересмотра и реорганизации разных уровней церковного управления на началах выборности и расширения участия приходского духовенства и мирян¹⁴.

Съезды не стремились оспорить каноническое право собора епископов на поставление епископата и ответственность архиерея за поставление клириков, речь шла о признании в этих процессах права голоса мирян и их участия в церковном управлении. Вопрос об определении роли мирян в новых реалиях был предметом обсуждения в течение всего 1917 г. При этом отметим, что инициатива широкого включения мирян в процессы церковного реформирования исходила от самого духовенства¹⁵.

Региональные съезды отмечали временный, до созыва Поместного Собора, характер своих решений, а с началом его заседаний, ориентируясь на его определения, начали их корректировку¹⁶. Поместный Собор одобрил и принял многие интенции съездов духовенства и мирян, прошедших по всей стране. В том числе — выборное начало и участие духовенства и паствы в церковном управлении. По постановлению Всероссийского Поместного Собора предусматривались соборные институты нижестоящих уровней — окружные (несколько епархий), епархиальные и приходские¹⁷.

Прошли также съезды по избранию делегатов на Всероссийский съезд духовенства и мирян 1—12 июня 1917 г., которые во многом предопределили его решения. Не стоит забывать и другие общероссийские церковные съезды, состоявшиеся летом: Всероссийский съезд военно-

го и морского духовенства, второй Всероссийский съезд монашествующих, миссионерский съезд в Бизюковом монастыре¹⁸. Всероссийский съезд духовенства и мирян стал «крупнейшим соборным явлением за всю историю существования Русской Православной Церкви», причем независимым от государственной власти¹⁹. В ходе его заседаний состоялось очень ценное обсуждение новых форм государственно-церковных отношений и широкого круга волновавших все церковное сообщество проблем, а также путей возрождения церковной жизни, что существенно повлияло на решения Поместного Собора, о чем сообщала своим читателям и «Донская христианская мысль»²⁰. Съезд обсудил состав и задачи предстоящего Всероссийского Поместного Собора — в его составе работала соответствующая секция — и в основном наметил программу его деятельности²¹. Во многом резолюции Всероссийского съезда совпали с решениями Донского чрезвычайного съезда и других епархиальных съездов духовенства и мирян²².

Весьма противоречивые оценки от духовенства епархий получил обер-прокурор Синода В. Н. Львов. Участник съезда от Донской епархии протоиерей Тихон Донецкий отмечал, что впервые светская власть в лице члена Временного правительства обер-прокурора В. Н. Львова выступила не в качестве диктующего органа, а в качестве участника «соборного церковного суждения». Положительно оценивались и опубликованные речи и выступления Львова на съезде — как выступления одного из «живых членов Церкви», сыновне болеющего ее скорбями²³. Прямо противоположную точку зрения высказал представлявший Томскую епархию член Собора — священник Иоанн Шарин, назвавший Львова единственным участником Собора «метрическим христианином», то есть христианином лишь по форме, чья деятельность в Церкви носит разрушительный характер²⁴. В ценном и важном труде петербургского историка П. Г. Рогозного отмечается, что «Львов был склонен преувеличивать свои властные возможности, сам репрезентовал себя в виде церковного диктатора»²⁵.

На Всероссийском съезде также можно было слышать живую устную, а не циркулярную речь Синода, члены которого участвовали в заседаниях и работали совместно со съездом над теми резолюциями, которые затем появлялись в газетах²⁶.

Летом 1917 г. в епархиях прошли выборы делегатов для участия в работе Всероссийского Поместного Собора. На Дону об этом писали газета «Вольный Дон»²⁷, а также журнал «Донская христианская мысль». В связи с этим актуализировалось обсуждение значения предстоящего Собора и канонических оснований его созыва. Протоиерей Василий Кожин, впоследствии член Собора, писал, что в связи с прекращением практики созыва поместных соборов в России «церковная жизнь, лишенная источника для своего оживления и обновления, постепенно угасала». Священник видел в этом причину того, что церковь в значительной степени утратила силу своего нравственного влияния на общественную жизнь²⁸. Под натиском антирелигиозных и антицерковных идей произошел упадок веры в народе, чему церковь в таких условиях не могла противостоять в достаточной мере. Опыт съездов духовенства и мирян показал, что церкви очень недоставало того единомыслия и единодушия, которые она считает для себя органическими и которые проповедует. Поэтому Собор, заклю-

чал автор, является «насуточно необходимым», и прежде всего для единения архиереев, приходского духовенства и мирян, для оживления идеи церкви как живого союза верующих ²⁹.

Журнал «Донская христианская мысль» публиковал письма избранных делегатов Поместного Собора. О выборах, о работе Собора писал и «Кубанский церковный вестник». Делегат от Кавказской и Ставропольской епархии протоиерей Н. Карташов с сожалением отмечал, что о прошедшем с невероятным воодушевлением летом 1917 г. собрании духовенства и мирян Кавказской и Ставропольской епархии по выборам делегатов ничего не было написано в «Ставропольских епархиальных ведомостях», не были опубликованы Воззвание к православному населению епархии и Наказ избирателей членам Собора, не печатались биографии избранных делегатов ³⁰. Один из избранников епархии — Марк Никифорович Шарко — скончался (по воспоминаниям протопресвитера Г.П. Ломако, мученической смертью от рук большевиков) ³¹, и духовенство не знало, что можно сказать на проповеди в память о нем. Священник Н. Карташов считал, что «о Всероссийском Церковном Соборе, о его значении и постановлениях, о Святейшем Патриархе и его подвигах» духовенство должно регулярно рассказывать прихожанам. Тем не менее некоторые представители духовенства признавались, что «на этот разряд тем они совершенно не обращали внимания» ³², а священник Карташов, в свою очередь, расценивал это как свойственную предшествующему периоду разобщенность церковных людей, привычку к отсутствию «подлинного церковного общения» ³³. Он отмечал, что его рассказы в храме о Церковном Соборе и постановлениях епархиальных съездов всегда выслушивались с «напряженным вниманием» ³⁴, и заключал, что эта тема прихожанам очень интересна: «Этим интересом надо дорожить и его надо удовлетворять. “В испытаньях долгой кары перетерпев судьбы удары”, золотое сердце русского народа жадно раскрывается навстречу всему священному и доброму, оно сейчас особенно готово к восприятию церковных влияний и к единению церковному» ³⁵. «Кубанский церковный вестник» опубликовал обзор деятельности Собора, составленный членом Собора С.Г. Рункевичем для «Православного Календаря» на 1919 г., но оставшийся ненапечатанным ³⁶.

Донское епархиальное избирательное собрание по выборам представителей на Всероссийский Поместный Собор прошло в г. Новочеркасске 8 августа 1917 г. После предварявшей начало собрания литургии в Новочеркасском соборе, отслуженной архиепископом Донским Митрофаном (Симашкевичем) и епископом Гермогеном (Максимовым), священник Тихон Донецкий произнес взволнованную речь перед выборщиками. Проповедник отмечал, что церковь «свыше 200 лет была в объятьях бюрократического усыпления, в параличе» ³⁷. Он обращал внимание, что Собор собирается в очень тяжелое время и вряд ли можно надеяться, что удастся спокойно и последовательно провести всю соборную работу. Но, по крайней мере, он сам верит в божий промысел и надеется, что члены Собора сделают все, «чтобы спасти Родину и Церковь от грозящей им гибели». Теперь же предстоит избрать таких людей и дать им свой наказ на Собор. Оратор призвал принести все свои силы, весь свой опыт и любовь к церкви на алтарь церкви и родины ³⁸.

До Епархиального съезда по выборам на Поместный Собор прошли выборы по благочиниям, которые обсудили важные проблемы церковной жизни и вынесли резолюции об обязательности преподавания Закона Божия как «святого святых» народной души ³⁹.

Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 г. ознаменовал собой новый этап в истории Русской православной церкви и сам стал уникальным событием. Между тем в России наступила уже новая эпоха — советская; церковь была вовлечена в водоворот Гражданской войны.

На территориях, контролируемых белыми, церковь оказалась перед проблемой реализации в условиях Гражданской войны определений Поместного Собора. Находить пути воплощения их в жизнь она была вынуждена самостоятельно. В ноябре 1918 г. и в мае 1919 г. в Томске и Ставрополе состоялись собрания духовенства и мирян, которые стали опытом распространения его решений на территории России в области организации церковной жизни по окончании синодального периода истории Русской церкви.

Главным вопросом обоих собраний стала организация временной церковной власти в Сибири и на Юге соответственно, с административно-судебными функциями для епархий, лишенных канонического общения со святейшим патриархом. Подчеркивалось, что эти церковные управления имеют временный характер и полномочны лишь до восстановления связи с общецерковной властью ⁴⁰. Согласно принятому на Томском соборном совещании обращению к чадам Православной церкви от 29 ноября, высшему церковному управлению присваивались полномочия только в неотложных делах и временно, пока не откроется возможность общения с Патриархом Московским и всея России. После прекращения своих полномочий ВВЦУ должно было дать отчет Святейшему Патриарху ⁴¹. Аналогичным образом действовал и ЮВРЦС ⁴². Таким образом, создание временных высших церковных управлений являлось вынужденным актом, обусловленным событиями Гражданской войны.

Решения Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. имели огромное значение на территориях, контролируемых белыми, — начиная от государственно-церковных отношений и административно-территориального устройства епархий до организации низовой церковной единицы — прихода, общественным значением которого активно интересовались различные политические силы в Белом движении. Постановлениями Собора руководствовались носители государственной власти и правительства автономных казачьих образований в выработке своей церковной политики.

В декларации об отношениях церкви и государства А.И. Деникин отмечал, что в этом вопросе он основывается на решениях Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг.: «В согласии с новыми началами, на которых создается государственная жизнь России, и в соответствии с постановлениями Всероссийского Поместного Собора, Православная Церковь свободна и независима в делах своего внутреннего распорядка и самоуправления» ⁴³. Актом «громадного исторического значения» назвал декларацию Деникина православный богослов, философ и публицист священник Валентин Свенцицкий ⁴⁴, оказавшийся на белом Юге.

Он обратил внимание на то, что церковь получила полную внутреннюю свободу на началах, положенных Поместным Собором.

Кубанское правительство, а также Второе крымское краевое правительство также признавали епархиальные советы государственными учреждениями, основываясь на определении о епархиальном управлении Поместного Собора⁴⁵. Но это — тема отдельного исследования.

Таким образом, все значимые события церковной жизни концентрировались вокруг эпохального события — Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 гг. Подготовительным этапом, давшим первый всплеск инициативе на местах, были съезды духовенства и мирян разных уровней — от Всероссийского, прошедшего в начале июня 1917 г., до приходских и благочиннических, которые стали первым несовершенным опытом возрождения соборности и церковно-общественного представления о ней и принципах ее реализации. Несмотря на это несовершенство, съезды духовенства и мирян на Юге России стремились выдержать баланс начал демократизации и иерархичности церковного управления как свойственный традиционному церковному строю; они стремились к сплочению всех членов церковного сообщества и включению в церковное управление низших клириков и мирян, в чем представлялся возврат к началам соборности. Слово «реформа», примененное по отношению к церкви, не имело в тот период в церковной среде отрицательных коннотаций (его скомпрометировала советская власть, внедрив обновленческий раскол в 1922 г.) и понималось как широкое возрождение церковной жизни в рамках традиционной соборности и каноничности. Как ни парадоксально звучит, но реформирование церкви связывалось с возвратом к традиции, прерванной и искаженной синодальной системой. Это был ценный опыт развития церковного правосознания, заключавшийся в осмыслении и реализации ответственности за судьбы церкви, опыт разрешения церковных проблем в новых условиях на основании вечных истин и канонических начал. Развитием соборного процесса стали соборные совещания на Юге России, в Сибири, подготовка подобного регионального собора велась и на Дальнем Востоке. В качестве своей «сверхзадачи» все эти совещания единодушно называли создание условий, при которых могла бы быть обеспечена возможность реализации решений Поместного Собора.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21—011—44120 «Православное духовенство на Юге России в годы войн и революций начала XX в.».

The reported study was funded by RFBR, project number 21—011—44120.

1. ПУЧЕНКОВ А.С., КАЛИНОВСКИЙ В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб. 2020, с. 382.
2. ФИРСОВ С.Л. «Время войне и время миру». Православная Российская церковь и Гражданская война в России: Очерки истории и историографии. СПб. 2018, с. 9.
3. КОСТРЮКОВ А.А. Ставропольский Собор 1919 г. и начало независимой церковной структуры на юге России. — Уральский исторический вестник. 2008. № 4, с. 71—75; ШКАРОВСКИЙ М.В. Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 гг.: его значение в жизни Церкви в советский период. — Христианское чтение. 2017. № 6, с. 228—241;

- ЦВЕТКОВ В. Ж. Белое дело в России. 1920—1922 гг.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. Ч. 2. М. 2016, с. 5—141; ОЛИХОВ Д. В. Временное Высшее церковное управление Сибири (1918—1920 гг.): опыт церковного строительства в эпоху Гражданского лихолетья. СПб. 2017; СУШКО А. В. Участие омского духовенства в событиях Русской революции и Гражданской войны (на примере судеб архиепископа Сильвестра (Ольшевского) и священника В. Ф. Инфатьева). — Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2017. № 3, с. 5—8; КАЛИНОВСКИЙ В. В., СМИРНОВ Н. Н. Актуальное наследие Сибирского собора. — Российская история. 2021. № 6, с. 215—219; Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: Сб. документов / Под ред. Ю. А. Бирюковой. М. 2018; КАЛИНОВСКИЙ В. В., ПЕТРОВ И. В., ПУЧЕНКОВ А. С. «Деникинский» церковный собор в наработке новейшей российской археографии. — Омский научный вестник. 2019. № 4, с. 28—34; BIRJUKOVA J. A., OLICHNOV D. V. Erzpriester. Die konzilsbewegung in der Russischen Orthodoxen Kirche in der Burgerkriegsperiode auf der Grundlage des Allrussischen Landeskonzils von 1917—1918 (БИРЮКОВА Ю. А., ОЛИХОВ Д. В. Соборное движение в Русской Православной Церкви в период Гражданской войны на началах, положенных Всероссийским Поместным Собором 1917—1918 гг.). — Ostkirchliche Studien. 2020. № 69. Н. 2, S. 252—258; БИРЮКОВА Ю. А. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года в свете наследия Всероссийского Поместного Собора 1917—1918 годов. — Вопросы теологии. 2020. Т. 2. № 4, с. 617—624; ЕЕ ЖЕ. Проблема баланса либерального и консервативного начал на съездах духовенства и мирян Юга России в 1917 г. — Омский научный вестник. Сер.: Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 4, с. 17—25.
4. Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2, с. 17—22, 24—25.
 5. Там же, с. 18.
 6. Там же, с. 19.
 7. Там же, с. 19, 22.
 8. Там же.
 9. Там же, с. 20.
 10. Там же, с. 21.
 11. Там же, с. 22.
 12. Там же.
 13. Там же.
 14. Вольный Дон. 1917. 3 мая. № 23, с. 3; 9 мая. № 28, с. 3; Донская христианская мысль. 1917. 29 октября. № 18, с. 279; Ставропольские епархиальные ведомости. 1917. № 28, с. 987.
 15. Донская христианская мысль. 1917. 13 августа. № 7, с. 98—101; 17 сентября. № 12, с. 182; № 15, с. 226—228; Церковь и жизнь. 1918. 15 июля. № 9, с. 3—4.
 16. Донская христианская мысль. 1917. 19 ноября. № 21, с. 331.
 17. БЕГЛОВ А. Л. Российская революция и Священный Собор Православной Российской Церкви 1917—1918 гг.: от «церковной революции» — к «канонической реставрации». — Христианос: Альманах. Вып. XXVI. Рига. 2017, с. 24—51, 47.
 18. КАИЛЬ М. В. Церковь в революции: организация и работа Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 г. — Новейшая история России. 2013. № 1 (6), с. 241.
 19. ЩЕГЛОВ Н., свящ. Проекты церковного устройства и управления в документах Всероссийского съезда духовенства и мирян 1917 года. — Церковь и время. 2017. № 3 (80), с. 92, 97.
 20. Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2, с. 23.
 21. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки, ф. 60, к. 15, ед. хр. 13; к. 18, ед. хр. 39, 41, 44; и др. документы.
 22. Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2, с. 23.
 23. Там же.
 24. Томские епархиальные ведомости. 1917. 15 сентября. № 18, с. 332; БИРЮКОВА Ю. А. «Сердечно преданные вере и Церкви»: томские делегаты по пути на Всероссийский Поместный Собор 1917—1918 гг. В кн.: Гражданская война на востоке России: взгляд сквозь документальное наследие: М-лы IV международной научно-практической конференции (г. Омск, 20—21 октября 2021 г.). Омск. 2021, с. 20—27.

25. РОГОЗНЫЙ П. Г. Православная Церковь и Русская революция: Очерки истории. 1917—1920. М. 2018, с. 274.
26. Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2, с. 23.
27. Вольный Дон. 1917. 10 августа. № 104, с. 3; 11 августа. № 105, с. 3—4; 12 августа. № 106, с. 3—4; Донская христианская мысль. 1917. 13 августа. № 7, с. 97—98, 102; 20 августа. № 8, с. 121—124; 27 августа. № 9, с. 136—138; 1 октября. № 14, с. 222—224; 29 октября. № 18, с. 288.
28. Донская христианская мысль. 1917. 9 июля. № 2, с. 24—25.
29. Там же.
30. Кубанский церковный вестник 1919 года / Под ред. Н. В. Кияшко. Армавир. 2021, с. 16—17, 102—103.
31. Там же, с. 123; К столетию русского исхода 1920 г. Новороссийск — Севастополь — Константинополь (из воспоминаний протопресвитера Григория Ломако). — Церковно-исторический вестник. 2017/2018. № 24—25, с. 183.
32. Кубанский церковный вестник 1919 года, с. 102.
33. Там же.
34. Там же, с. 103.
35. Там же.
36. Там же, с. 110.
37. Донская христианская мысль. 1917. 13 августа. № 7, с. 97; 20 августа. № 8, с. 121.
38. Там же, с. 98.
39. Там же, с. 102—103.
40. Сибирский благовестник. 1919. № 1, с. 1.
41. Обращение от Соборного Совещания ко всем чадам Православной Церкви Епархий, освобожденных от Советской власти. — Томские епархиальные ведомости. 1919. № 4, с. 13.
42. Государственный архив Российской Федерации, ф. Р-3696, оп. 2, д. 4, л. 4об.
43. ДЕНИКИН А. И. На страже русской государственности: Избранные статьи, речи, письма / Сост. и предисл. А. С. Кручинин. М. 2014, с. 120.
44. СВЕНЦИЦКИЙ В., свящ. Освобождение Церкви. — Кубанский церковный вестник 1919 года, с. 209.
45. КАНДИДОВ Б. П. Церковь и гражданская война на Юге (материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). М. 1931, с. 45.

Неполнота и недостатки уголовного закона и советы Николая Степановича Таганцева по их преодолению

Н. Э. Мартыненко

Аннотация. В статье предлагается адаптировать идеи выдающегося русского юриста, государственного деятеля, действительного тайного советника Николая Степановича Таганцева (1843—1923) относительно минимизации неполноты и недостатков уголовного закона применительно к действующему Уголовному кодексу Российской Федерации. Делается вывод, что предложения, высказанные Н.С. Таганцевым более века назад о неполноте и недостатках уголовного закона и возможных путях их преодоления, актуальны и сегодня.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Российской Федерации, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., русское уголовное право.

Abstract. The article proposes to adopt the ideas of the incompleteness and outstanding Russian lawyer, state figure, actual secret adviser Nikolai Stepanovich Tagantsev (1843—1923) regarding minimizing the shortcomings of the criminal law in relation to the current Criminal Code of the Russian Federation. It is concluded that the proposals made by N.S. Tagantsev more than a century ago about the incompleteness and shortcomings of the criminal law and possible ways to overcome them, are still relevant today in relation to the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: Criminal Code of the Russian Federation, Code of Criminal and Correctional Punishments 1885, Russian criminal law.

Федеральным законом Российской Федерации от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ «О внесении изменений в статью 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) были внесены очередные изменения¹. Законотворческий процесс остановить невозможно, об этом не единожды говорили ведущие специалисты по уголовному праву на многочисленных научных конференциях. И в этом процессе нет ничего нового. Но, несмотря на многочисленные изменения и дополнения уголовного закона, он остается неполным, не всегда точно определяющим признаки конкретного деяния

Мартыненко Наталия Эдуардовна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России. E-mail: kafedra_up_au@mail.ru.

Martynenko Natalia E. — doctor of law, professor, professor at Department of the Criminal Policy (Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia); E-mail: kafedra_up_au@mail.ru.

либо вообще их не определяющим, «страдающим» от большого количества оценочных понятий, а в ряде случаев даже противоречащим Конституции Российской Федерации.

Представляется, что неполнота и недостатки уголовного закона — это его внутреннее свойство, некая закономерность, присущая любому уголовному закону, в какой бы период времени он ни действовал и кто бы ни участвовал в его разработке и принятии.

И современный УК РФ, и предшествовавшие ему акты всегда критиковались современниками, прежде всего за неполноту и недостатки. Одним из таких критиков выступал выдающийся русский юрист, государственный деятель, действительный тайный советник Николай Степанович Таганцев (1843—1923).

В своих лекциях по русскому уголовному праву² он выделял два аспекта — неполноту и недостатки уголовного закона — и предлагал пути их преодоления, которые могут быть использованы и сегодня.

Н. С. Таганцев перечислял многие моменты «неполноты» уголовного закона. Мы остановимся только на двух его выводах.

1. Закон дает только название или общую характеристику деяния, предоставляя установление всех его основных элементов практике. В качестве примера Н. С. Таганцев приводит установление в Уставе о наказаниях³ ответственности за самоуправство и за обиды⁴.

Несмотря на то что с момента, когда Н. С. Таганцев выдвинул это предположение, прошло более века, современное уголовное законодательство продолжает содержать нормы, которые оставляют для правоприменительной практики возможности самостоятельно определять признаки преступления. Проиллюстрируем это на примере ст. 126 УК РФ «Похищение человека». Диспозиция данной статьи предусматривает ответственность за похищение человека, при этом закон не формализует данное понятие. В приведенной уголовно-правовой норме отсутствует законодательное определение похищения человека, что требует от правоприменителя каждый раз самостоятельно устанавливать, является ли то или иное деяние похищением человека либо подпадает под признаки другой статьи Особенной части уголовного закона. Необходимость нормативного определения понятия преступного деяния очевидна, так как оно представляет собой сущность объективной стороны преступления. Кроме того, формализованное определение какого-либо преступного деяния позволяет правильно оценивать свои действия и гражданам, ведь законы пишутся не только для юристов. И, наконец, наличие формально определенного понятия преступного деяния дает возможность правильной квалификации преступного деяния и его отграничения от смежных составов. Уголовная ответственность за похищение человека впервые была установлена в 1993 г.⁵ И с этого времени правоприменительная практика испытывала трудности при отграничении похищения человека от «смежных» составов преступлений, таких как незаконное лишение свободы и захват заложников.

2. Закон определяет существенные моменты состава, но не полностью, оставляя многое недосказанным.

В действующем уголовном законе также существуют подобные конструкции составов. В качестве примера можно привести установление

уголовной ответственности за кражу. В ст. 158 УК РФ кража определена как тайное хищение чужого имущества. Несмотря на то что диспозиция статьи является описательной, так как, в отличие от похищения человека, описывает признаки преступления, она не определяет признак тайности. И вновь правоприменитель должен самостоятельно определять этот признак. Такая законодательная конструкция ст. 158 УК РФ не раз приводила к отмене судебных решений. Так, например, по приговору Салаватского городского суда Республики Башкортостан от 1 апреля 2014 г. К. осужден за совершение нескольких преступлений, в том числе за грабеж, предусмотренный ч. 1 ст. 161 УК РФ. Как следует из материалов уголовного дела, при совершении хищения 17 февраля 2014 г. за действиями К. наблюдал Я., с которым они вместе пришли в жилье, где было совершено преступление, и который являлся его другом. По смыслу ст. 161 УК РФ, если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий либо состоит в близких, родственных или дружеских отношениях с виновным, который рассчитывает в связи с этим, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица, содеянное не может расцениваться как открытое хищение чужого имущества, действия подлежат квалификации как кража. При наличии указанных обстоятельств суд апелляционной инстанции действия К. пере kvalificировал с ч. 1 ст. 161 УК РФ на ч. 1 ст. 158 УК РФ ⁶.

Как следует поступать при «неполноте» уголовного закона? Н.С. Таганцев давал в этой связи следующие рекомендации:

1. Необходимо сравнивать статью, в которой не раскрываются признаки преступления, с «аналогичными постановлениями» ⁷ уголовного закона. «Так, например, действующее Уложение ⁸, — писал автор, — не содержит никаких общих правил относительно выполнения преступного деяния не над задуманным объектом. Такое правило содержится только в ст. 1456 Уложения, относящейся специально к убийству; поэтому если бы суд, встретившись с вопросом о подобном изменении объекта при телесных повреждениях или при повреждении имущества, разрешил этот вопрос по аналогии со ст. 1456, то это было бы пополнением пробела на основании прямого текста закона» ⁹.

В действующем УК РФ, как и в Уложении, существует целый ряд статей, в которых, например, в качестве квалифицирующего признака обозначено применение насилия (ст. 120, 126, 127, 131, 132, 139, 149, 150, 161, 162, 166, 179 и др.). Однако то, что понимается под насилием, ни одна статья не раскрывает. Применительно к изнасилованию (ст. 131 УК РФ) и насильственными действиями сексуального характера (ст. 132 УК РФ) Верховный Суд Российской Федерации под насилием предлагает понимать как опасное, так и неопасное для жизни или здоровья действие, включая побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему лицу физической боли либо с ограничением его свободы (п. 2 постановления) ¹⁰. Но рекомендации Верховного Суда РФ есть далеко не ко всем вышеперечисленным преступлениям. Поэтому, толкуя понятие «насилие», например, применительно к ст. 179 УК РФ, можно взять за основу положения вышеназванного Пленума Верховного Суда РФ.

2. Дополнение уголовного закона может быть сделано на основании общих правовых учений, господствующих в науке. Эта идея широко используется и в наше время. Вернемся к проблемам квалификации похищения человека (ст. 126 УК РФ). Данное преступление имеет сходство с преступлением, предусмотренным ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение свободы». Между этими двумя нормами много общего. Обе они содержатся в гл. 17 УК РФ «Преступления против свободы, чести и достоинства личности» и имеют в качестве своего родового объекта безопасность личности. Видовым объектом выступает свобода человека, его право выбирать местонахождение по своему усмотрению. Обе статьи в объект преступления факультативно включают жизнь и здоровье человека (п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127 УК РФ).

Разграничение составов преступлений происходит по объективной стороне состава¹¹. При незаконном лишении свободы человека изолируют от других людей и привычной ему обстановки, препятствуя его свободному передвижению, либо он остается в своем доме, но не имеет возможности выйти из него и свободно перемещаться.

Если рассматривать термины «похищение» и «незаконное лишение свободы», можно говорить о том, что они не тождественны. Каждый похищенный незаконно лишен свободы, но не каждый лишенный свободы похищен. То есть речь идет о соотношении общей и специальной нормы, где общая — незаконное лишение свободы, а специальная — похищение человека.

Основным отличием похищения человека от незаконного лишения свободы является тайный характер места удержания потерпевшего. Жертва обязательно удаляется с места постоянного нахождения и помещается в другое место, не известное близким и знакомым похищенного и правоохранительным органам¹².

Недостатки уголовного закона и его неполнота нуждаются в устранении. Но кому принадлежит такое право?

Главный вопрос, который задает Н. С. Таганцев, — принадлежит ли суду право восполнения пробелов в уголовном законе и недостатков закона?

Ответы на эти два вопроса абсолютно различны.

Что касается пробелов в уголовном законе, то, по мнению Н. С. Таганцева, «...если закон воспретил какое-либо деяние, то учинивший такое должен нести установленное наказание... хотя бы законодатель ограничился только его наименованием, хотя бы для установления его состава пришлось обратиться не к аналогичным статьям уложения, даже не к общему смыслу закона, а исключительно к воззрениям доктрины...»¹³ Н. С. Таганцев выдвигает предложение, что практика судебных мест может быть объединена кассационным сенатом, направлена к разъяснению закона. Подобные пробелы могут быть дополнены судом.

Эта идея Н. С. Таганцева, по сути, сегодня реализуется Верховным Судом РФ в постановлениях Пленума. Обобщая многолетнюю судебную практику (иногда на это требуется не менее 25 лет), Верховный Суд РФ дает разъяснения по вопросам квалификации.

В 2019 г. Верховный Суд РФ в своем постановлении¹⁴ указал, что «...по смыслу уголовного закона под похищением человека следует по-

нимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют. Захват, перемещение и удержание человека могут быть совершены с применением угроз, насилия, с использованием беспомощного состояния потерпевшего. Похищение человека может быть совершено также и путем обмана потерпевшего или злоупотребления доверием в целях его перемещения и последующих захвата и удержания...» (п. 2). В данном определении нашли отражение предложения специалистов уголовного права, изучавших проблемы уголовной ответственности за похищение человека¹⁵.

Но распространяется ли право «восполнения» недостатков уголовного закона на судебную инстанцию? Н. С. Таганцев пишет, что «Уголовный кассационный департамент сената почти с самого начала своей деятельности выработал учение о безусловном праве суда на пополнение всяких пробелов закона». Он приводит аргументы противников наделения суда вышеназванным правом: 1) предоставление суду права облагать наказанием деяния, прямо в законе не предусмотренном, включает в себе полное смешение деятельности судебной и законодательной; 2) предоставление суду такого права не только приравнивает судью к законодателю, но ставит его выше последнего, дает ему право контроля над ним; 3) признанием такого права суда наносится серьезный удар по гражданской свободе и спокойствию каждого; 4) предоставления такого права суду вовсе не требуют интересы общественного порядка и безопасности, так как законодатель при первом указании практики на подобный недостаток всегда может восполнить допущенный пробел.

Принадлежит ли современной судебной системе право «восполнять» недостатки уголовного закона? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно. В ряде случаев суд может взять на себя роль законодателя. Пример тому — ст. 15 УК РФ. Все преступления в данной статье разделены на четыре категории, в зависимости от характера и степени общественной опасности. Такое правило установил законодатель. Однако в 2011 г.¹⁶ в статью была введена ч. 6, закрепившая положение о том, что с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления. Данное изменение уголовного закона привело к тому, что теперь не законодатель, а суд вправе определять, к какой категории относится преступление. По меткому выражению Н. С. Таганцева, суд стал выше законодателя.

Такое нововведение подверглось критике со стороны многих специалистов в области уголовного права как противоречащее Конституции РФ, поскольку суд, вопреки своему конституционно-правовому статусу, наделяется правом, принадлежащим лишь законодателю¹⁷.

Таким образом, вот уже более века, квалифицируя те или иные преступные деяния, законодатель и правоприменительная практика идут по пути преодоления неполноты и недостатков уголовного закона, предложенному еще знаменитым юристом Николаем Степановичем Таганцевым. И во многом мы повторяем те же ошибки, на которые указывал и от которых предостерегал выдающийся ученый.

Примечания

1. О внесении изменений в ст. 171.1 Уголовного кодекса Российской Федерации Федеральным законом РФ от 1 июля 2021 г. № 293-ФЗ. — Собрание законодательства Российской Федерации (СЗ РФ). 2021. № 27. Ч. 1. Ст. 121.
2. ТАГАНЦЕВ Н.С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть Общая. СПб. 1887.
3. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями / Изд. 1885 г. — Свод законов Российской Империи / Неофиц. изд.: В 16 т. Т. 15. СПб. 1912, с. 203.
4. ТАГАНЦЕВ Н.С. Ук. соч., с. 372.
5. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Исправительно-трудовой кодекс РСФСР: Закон Российской Федерации от 29 апреля 1993 г. — Российская газета. 1993. 27 мая.
6. URL: <https://salavatsky - bkr.sudrf.ru/>
7. ТАГАНЦЕВ Н.С. Ук. соч., с. 373.
8. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Изд. Н.С. Таганцевым; Изд. 7-е, пересм. и доп. СПб. 1892.
9. ТАГАНЦЕВ Н.С. Ук. соч., с. 373.
10. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 4 декабря 2014 г. № 16. — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 2.
11. МАРТЫНЕНКО Н.Э. Совершение уголовно-правовой охраны потерпевшего — задача уголовной политики Российской Федерации. — Труды Академии управления МВД России. 2015. № 3 (35), с. 10—13.
12. ЕЕ ЖЕ. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект: Дисс. ... канд. юрид. наук. М. 1994, с. 41.
13. ТАГАНЦЕВ Н.С. Ук. соч., с. 373.
14. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58. — Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. № 3.
15. См., например: ДОНЦОВ А.В. Похищение человека: уголовно-правовой аспект: Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д. 2003; МАРТЫНЕНКО Н.Э. Похищение человека: уголовно-правовой и криминологический аспект...; УШАКОВА Е.В. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия похищению человека: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2012.
16. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ. — СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
17. КРЫЛОВА Н.Е. К вопросу о гармонизации и гуманизации уголовного закона. — Уголовное право. 2011. № 6, с. 26—27; КУДРЯВЦЕВА А.В., ВОРОНИНА Ю.А. Уголовно-процессуальные аспекты изменения категории преступлений в соответствии с ч. 6 ст. 15 УК РФ. — Вестник ЮУрГУ. 2012. № 20, с. 49—51.

О создании и деятельности Государственного института по изучению преступности и преступника

Л. И. Беляева, Ю. В. Трунцевский

Аннотация. В 2023 г. отмечается столетие со дня создания Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. В статье рассматривается история создания Института, особенности организации его деятельности в первые годы. Особое внимание уделено роли Е. Г. Ширвиндта в становлении Института. Рассматриваются проблемы, над которыми работал Институт в первые годы своего существования, и подходы к их разрешению.

Ключевые слова: научно-исследовательский институт, преступность, преступник, закон, уголовная политика.

Abstract. In 2023, is the centenary of the establishment of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. The article examines the history of the institute's creation, the specifics of its organization in early years. The characteristic of the main directions of activity is given. Special attention is paid to the role of E. G. Shirvindt in the formation of the Institute.

Key words: research institute, crime, criminal, law, criminal policy.

Крупнейшее научно-исследовательское учреждение — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации приближается к знаменательной дате — своему столетнему юбилею. Деятельность Института в течение целого века является свидетельством того, что оно было необходимо государству и обществу, шло в ногу со временем, потребностями общества и служило его интересам.

Беляева Лариса Ивановна — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России. E-mail: beliaeva_055@mail.ru; *Трунцевский Юрий Владимирович* — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России. E-mail: trunzev@yandex.ru.

Belyaeva Larisa I. — doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation, professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: beliaeva_055@mail.ru; *Truntsevsky Yuri V.* — doctor of law, professor, professor of the Department of Criminal Policy of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. E-mail: trunzev@yandex.ru.

История создания этого научного учреждения, его деятельность наполнены победами и поражениями, успехами и трагедиями, которыми в целом была полна социальная жизнь страны. Иначе и не могло быть. Ведь идея о необходимости подобного учреждения возникла и была воплощена, пожалуй, в самые трудные времена молодого государства.

Конец первой четверти XX в. — это период поиска новых путей развития государства и общества. В числе общих проблем экономического, политического и социального характера стабильно острой и животрепещущей являлась проблема правового регулирования и регламентации отношений. Наибольшую актуальность это представляло в вопросах, связанных с преступлением и наказанием. В первые послереволюционные годы правоприменение в этой области строилось частично на основе старого законодательства, частично — на базе общих принципов нового, но пока еще не существующего права, а частично — на основе временных ведомственных документов¹. И, видимо, совсем не случайно мысль о том, что проблемы, возникающие в связи с преступлением и наказанием, необходимо рассматривать с научных позиций, была реализована именно Главным управлением местами заключения РСФСР. Оно было создано ровно столетие назад, в 1922 г. Его первым начальником был назначен Евсей Густавович Ширвиндт — личность неординарная, с феерической и трагической судьбой. Молодой человек 1891 года рождения, с университетским образованием, уже в первые годы преобразований проявивший себя как талантливый организатор и энергичный деятель, профессор Московского университета с 1921 г., принял на себя все хлопоты и заботы по созданию научного учреждения, перед которым стояла задача научного осмысления уголовно-правовых и уголовно-процессуальных проблем.

В 1923 г. было создано такое научное учреждение — Кабинет по изучению личности преступника и преступности². Это была первая в мире чисто криминологическая клиника, в которой, наряду с изучением личности преступника, предполагалось всесторонне исследовать и преступность. К работе были привлечены юристы и педагоги, социологи и психологи, врачи разных профилей и специалисты в области статистики. Работа носила межведомственный характер. Примечательно, что на нее обратили внимание зарубежные специалисты, намеревавшиеся создать аналогичные учреждения у себя.

Первые исследования показали, что деятельность кабинета необходимо расширить. Были приняты организационные и правовые меры по созданию более крупного учреждения, каковым в 1925 г. стал Государственный институт по изучению преступности и преступника при Народном комиссариате внутренних дел РСФСР. Его первым руководителем стал упомянутый нами Е. Г. Ширвиндт, одновременно являвшийся и начальником ГУМЗ РСФСР. К работе были привлечены известные специалисты того времени: М. Н. Гернет, Б. С. Утевский, М. Ф. Траскович и др.

Как было замечено, «значение Института состояло в том, что впервые в стране была создана специализированная научная организация, деятельность которой в полном объеме была посвящена изучению преступности и ее отдельных видов и разработке мер по противодействию преступности»³. В задачи Института входили выяснение причин преступности или отдельных преступлений; изучение успешности применя-

емых методов борьбы с преступностью; разработка вопросов уголовной политики и, в частности, пенитенциарии; исследование влияния на заключенных пенитенциарного воздействия; изучение отдельных преступников для выяснения явления преступности.

Важным направлением исследований в Институте был вопрос ответственности действующего уголовного права интересам и потребностям современности. В юбилейных номерах советских юридических журналов эта мысль получила самое широкое подтверждение. Ее можно встретить в статьях Д.И. Курского⁴, П.И. Стучки⁵ и Н.В. Крыленко. По словам Д.И. Курского, «мы вплотную подошли к выработке кодексов эпохи социалистического планового строительства»⁶. «Имея за собой опыт десяти лет революции, — писал П.И. Стучка, — мы теперь можем, наконец, сознательно подумать о социалистическом строительстве и в области права, о действительном праве переходного периода к социализму, о советском праве»⁷. Наконец, Н.В. Крыленко говорил о вступлении в период «основной проработки и проверки начал кодексов, с точки зрения их действительного соответствия принципам марксистского понимания права и задачам практического строительства социализма»⁸.

По мнению Е.Г. Ширвиндта, это позволяло считать вопрос о необходимости последовательного применения диалектического метода к переработке основных положений уголовного права провозглашенным и приступить к теоретическому и практическому пересмотру уголовного права и процесса с точки зрения содержания и формы, формулировать важнейшие из проблем, которые на рассматриваемом этапе уже достаточно отчетливо выявились.

Необходимо, прежде всего, указать на вопросы негативного характера, преследовавшие не создание нового, а критику и уничтожение старого, как бы «завещанного» буржуазным правом и держащего еще в значительном плену, по мнению Е.Г. Ширвиндта, советскую юридическую мысль. Он отмечает фетишизацию различных атрибутов юстиции, которые для буржуазного правосознания представляются незыблемыми основами, но при диалектическом их рассмотрении, в условиях советской действительности, неизбежно «перерастают» себя и обращаются в свою противоположность.

В 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. Практика его применения связана со многими трудностями и проблемами. Существовал ряд противоречий, ведших к созданию положений, которые не укладывались в формирующиеся принципы советской карательной политики. Такие противоречия не были единичными. Речь, в частности, шла о кратких сроках лишения свободы, благодаря которым, в местах заключения создается своего рода «*perpetuum mobile*», бесконечное прохождение через «тюремные ворота» одной и той же, в сущности, немногочисленной группы деклассированных рецидивистов-профессионалов. Но вопрос выходил даже за эти рамки. Краткие сроки вообще вызвали достаточно обоснованные сомнения в своей целесообразности. Тем не менее приговоры к кратким срокам лишения свободы по-прежнему выносились на основании действовавшего Уголовного кодекса.

Чтобы изжить этот недостаток, требовалось не повторять ошибок, допущенных при составлении действовавшего уголовного законодатель-

ства, и установить четкие критерии социальной опасности для правильного определения характера мер социальной защиты.

Е. Г. Ширвиндт выдвигал научно обоснованные аргументы по поводу совершенствования уголовного законодательства.

С этой целью, по его мнению, необходимо было обеспечить не только теоретическую, отвлеченную, оторванную от живой действительности часть, но и положить в основу четкие и проверенные результаты практической работы, те бесспорные методы, которые выявились после учета многолетней практики борьбы с преступностью. Иными словами, сама практика должна была наполнить содержанием всю работу по совершенствованию уголовного законодательства.

К моменту создания Института уже была осуществлена судебноп-правовая реформа 1922—1924 гг. В 1922 г. были приняты Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (25 мая), Положение об адвокатуре РСФСР (26 мая)⁹, Положение о прокурорском надзоре РСФСР (28 мая)¹⁰, а также Положение о судеустройстве РСФСР (11 ноября)¹¹, которое вступило в силу с 1 января 1923 г.

Несмотря на то что в этих документах нашли отражение демократические начала, отступления от них все же отмечались. К их числу относили отсутствие права обвиняемого на услуги защитника на стадии предварительного расследования. Более того, прямо противоречащими началам демократичности судопроизводства являлись положения об институтах особого судопроизводства в народных судах о заочных приговорах; рассмотрение дел в дежурных камерах народного суда; постановления народным судом судебных приказов в случае бесспорности фактов преступлений, совершенных подсудимыми; сокращение судебного следствия в случае согласия подсудимого с обстоятельствами, изложенными в обвинительном заключении; права губернского суда прекратить допрос свидетелей или отказаться от допроса иных свидетелей, если по делу выяснены обстоятельства, для установления которых они были вызваны в суд (ст. 394 УПК РСФСР 1923 г.).

В связи с образованием в декабре 1922 г. СССР, в декабре 1924 г. были утверждены Основы судеустройства Союза ССР и союзных республик¹². Это потребовало соответствующей работы по приведению законодательства РСФСР в соответствие с общесоюзным. Активное участие в этой работе принимал Институт. Ведущие ученые под руководством Е. Г. Ширвиндта участвовали в научных дискуссиях, разработке проектов законодательных актов. В результате 19 ноября 1926 г. было утверждено Положение о судеустройстве РСФСР¹³, а 3 сентября 1928 г. в него внесены изменения.

Большая работа проводилась в Институте по разработке Положения о Верховном Суде СССР 1929 г.

Наряду с рационализацией применения судами мер социальной защиты, важное значение приобретали вопросы следственного и судебного процесса. Судебная волокита и недостаточная обоснованность возбуждения уголовных дел, по мнению Е. Г. Ширвиндта, слишком часто наблюдались на практике, что вызвало ряд нареканий на XV съезде ВКП(б) 1927 г. Сама постановка и формулировка этих вопросов на съезде имели самостоятельное значение и свидетельствовали о назревшей необходи-

мости пересмотра этих вопросов и разрешения их в направлении, со-ответствовавшем основным принципам советской судебной-карательной политики.

Так, в общем вопросе о борьбе с бюрократизмом и улучшении го-сударственного аппарата И. В. Сталин в своем докладе ¹⁴ привел случай, когда старуха-крестьянка, прошедшая пешком 500 верст и исколесившая на лошадях более 600 верст по приглашению нарсуда, все же не добилась правды. «Таких фактов, — говорил Сталин, — уйма. Перечислять их не стоит. . . Задача партии состоит в том, чтобы, борясь против бюрократизма и за улучшение государственного аппарата, выжигать каленым железом такие безобразия в нашей практике». В применении к производству уго-ловных дел о случаях бюрократизма и недопустимой волокиты говорил и Шкирятов, указывавший на ряжское дело Рязанской губернии о банди-тизме, которое тянулось шесть лет. Еще решительнее по поводу того же ряжского дела в своем докладе о работе в деревне высказался Молотов: «Я думаю, что при таком развитии дела революционной законности мы далеко вперед не пойдем. Надо что-то в связи или не в связи с рязански-ми делами сделать более решительное для укрепления революционной законности, да сделать это так, чтобы и самих судебных органов это ос-новательно коснулось, чтобы коснулось их до самой макушки».

В ходе обсуждения причин всех этих недостатков и возникла дис-куссия, которая выявила наличие двух направлений, двух точек зрения на осуществление правосудия, на роль и значение законности в советской юстиции. Эти две точки зрения были сформулированы на съезде как «ре-волюционная законность» и «революционная целесообразность». В них отразились оттенки во взглядах на основной вопрос советской юсти-ции — о гранях революционной законности и целесообразности в по-строении советского права.

Сторонники «революционной целесообразности» указывали, что при существующей практике «иногда защита законности превращается в буквоедство». «Наша законность, — отмечал Янсон, — должна быть построена так, чтобы она была связана непосредственно и в первую оче-редь требованиями жизни, с жизненной целесообразностью». Примени-тельно к уголовной юстиции эту точку зрения защищал Шкирятов, ука-завший на примере ряжского дела Рязанской губернии, что «так тянутся шесть лет судебной волокиты, бандиты гуляют на свободе. Суд, видите ли, ищет фактов. Тут царит только буква закона. На глазах происходит убийство, а им давай факты. Кроме буквы закона, должно быть пролетар-ское революционное чутье при разборе любого дела, а у них иногда закон выше всего».

Описывая указанные события, Е. Г. Ширвиндт отмечал, что теоре-тическое обоснование этой точки зрения, последовательное ее развитие и технические возможности ее применения представляют, несомненно, большие трудности. Соблюдение закона и одновременные изъятия из него, когда это представляется целесообразным, когда строгое осущест-вление буквы закона противоречит пролетарскому революционному чутью, такое понимание революционной законности отвечает принци-пам советского права, построенного на началах революционного утили-таризма. Буржуазные формулы «*fiat justitia, pereat mundus*» («пусть погиб-

нет мир, но да здравствует закон») или «*duralex, sedlex*» («закон суров, но он есть закон»), безусловно, неприменимы у нас. Юридический фетишизм, проявляющийся в этих формулах в полной силе, должен быть решительно отвергнут. Но вопрос, как практически осуществить начало революционной целесообразности без возвращения к системе абсолютно свободного судебного усмотрения, то есть в пределах законодательным порядком установленных кодексов, нуждается в уточнении и детализации.

Отмечалось, что предварительное следствие чрезмерно затягивается (иногда на год-два) в значительной степени по причине наличия большого количества следственных инстанций. Это следовало устранить и сократить, а между органами дознания (милиция, угрозыск, ОГПУ) и следственным аппаратом установить тесную связь. Руководство и контроль должны лежать на прокуратуре. Наблюдавшееся чрезмерно формальное отношение к порядку привлечения к уголовной ответственности, когда при расследованности главного обвинения следствие затягивалось из-за расследования второстепенных моментов, являлось пережитком буржуазной юстиции, не представлявшей, каким образом может остаться нерасследованным и не получившим соответствующего юридического оформления не только второстепенное, но даже ничтожное по значению преступление. И с этой формой юридического фетишизма Е. Г. Ширвиндт предлагал решительно порвать. Рассматриваемое постановление ВЦИК давало в этом направлении директиву: установить, как правило, предъявление обвинения лишь по наиболее важному, совершенному одним лицом преступлению, без осложнения следствия разбором второстепенных моментов. В области техники следствия, недостаточная рационализация которой являлась одной из существеннейших причин волокиты, в постановлении дается ряд категорических указаний, проведение которых должно было дать значительную экономию в следственном производстве. Принудительный вызов привлекаемых к следствию иногородних мог допускаться лишь в случаях крайней необходимости. Постановление придает этому моменту столь серьезное значение, что находит нужным указать на необходимость привлечения к дисциплинарной ответственности следователей и прокуроров, прибегающих к таким вызовам без достаточной необходимости. Должна была быть ограничена передача дел от одного следователя к другому.

К числу больных сторон предварительного следствия, ведущих к перепроизводству лишения свободы, как отмечал Е. Г. Ширвиндт, относится слишком щедрое применение взятия под стражу как меры пресечения (процент следственных заключенных, доходивший в свое время чуть ли не до 40% от общего числа заключенных, хотя и снизился, но все равно превышал на тот момент 30%). В большинстве случаев столь решительная и чреватая последствиями для заключенного мера, продолжает автор, не оправдывается ни обстоятельствами дела, ни личностью привлеченного к следствию. С учетом этого положения заключение под стражу в период предварительного следствия допускалось лишь в отношении социально опасных преступников. Наркомюсту было поручено при этом жестко следить за соблюдением указанных в законе сроков предварительного лишения свободы.

Е.Г. Ширвиндт указывал и на недостатки судебного процесса, в котором еще были живучи традиционные представления буржуазной юриспруденции, говорил о высокой потребности его реформирования, необходимости реформы УПК РСФСР, в том числе освобождения советского уголовного процесса от пленения его различными юридическими пережитками.

Загромождение судов делами о взаимных обидах и оскорблениях, возникавших в порядке частного обвинения, требовало принятия мер по разгрузке судов от таких дел. Анализ бытовой подоплеку этих дел свидетельствовал, что по большей части они возникали на почве отсталых культурно-бытовых форм жизни. В большинстве подобных случаев достаточно было морального воздействия на виновного.

Вопросы исправительно-трудового права, хотя и в беглой, несистематизированной форме, ставились и разрешались в статьях и выступлениях Д.И. Курского, П.И. Стучки и Н.В. Крыленко в первые годы после Октябрьской революции.

Институтом был выпущен ряд монографий, учебников и брошюр, положивших начало научному исследованию исправительно-трудового права.

В 1923 г., находясь в должности начальника ГУМЗ, Е.Г. Ширвиндт, возглавил научные исследования и практические дискуссии по развитию исправительно-трудового дела в РСФСР и сам принял в них непосредственное участие.

В связи с изданием Уголовного кодекса встал вопрос о сведении всех мест заключения в нечто целое, соответствующее положениям Кодекса об исправительных домах, о переходных исправительных домах и о трудовых ремесленных и сельскохозяйственных колониях.

Е.Г. Ширвиндт выступил с докладом о реформе исправительно-трудового дела и проекте исправительно-трудового кодекса.

Первой причиной, вызвавшей необходимость разработки Кодекса, послужило отсутствие его в то время, когда отрасли смежного законодательства, касающиеся суда, уже облеклись в строгую законодательную систему кодексов. Разработка Кодекса, в свою очередь, побудила приступить к проведению общей реформы исправительно-трудового дела, которая бы полностью соответствовала принципам, заложенным в Уголовном кодексе. Кроме этого, отсутствие единого акта, регулировавшего работу мест заключения, разбросанность циркуляров, инструкций и т.п. буквально вызвали к жизни такой кодекс. Сведение всего этого в систему и являлось основной задачей.

Разработанный ИТК РСФСР 1924 г. представлял собой кодифицированный законодательный акт, регулировавший порядок и условия исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы и принудительных работ без содержания под стражей, деятельность всех мест лишения свободы. Проект исправительно-трудового кодекса прошел широкое обсуждение не только специалистов, но и практических работников и многих заинтересованных ведомств.

В состав комиссии по разработке законопроекта вошли работники ГУМЗ С.И. Бродовский, М.И. Бурлаченко, Л.Я. Корнблитт, В.Р. Якубсон, консультант-тюрьмовед С.В. Познышев и др. Возглавлял комиссию

Е.Г. Ширвиндт. На завершающей стадии над доработкой проекта ИТК работала комиссия Малого Совнаркома в составе Платонова-Лисицина, Яхонтова и Ширвиндта, с участием представителей заинтересованных ведомств Спасокукоцкого (Наркомздрав), Винникова (Наркомтруда), Захарова (Главполитуправление), Абрамовича (Наркомюст), Якубсона (ГУМЗ), Смоленского (РКИ).

Следует обратить внимание на то, что предпринятые российскими специалистами шаги по формированию исправительно-трудовой трудовой политики были с интересом восприняты зарубежными специалистами. Об этом свидетельствует, например, издание за рубежом работы Е.Г. Ширвиндта, в которой он отмечал: «Законодательство Советского Союза избавилось от наказаний в смысле искупления и возмездия; оно не воздаёт зло на зло. Точно так же оно знает покаяние за совершенные преступления. Оно даже исключило слово “наказание” из своего лексикона, а система наказаний определяется через систему мер социальной школы». Эти меры не должны причинять физических страданий и вреда человеку. Задача социальной защиты заключается в предотвращении преступлений и изоляции преступника от общества; кроме того, она нацелена на исправление преступника работой. Сам кодекс, регулирующий исполнение приговора и лишения свободы, носит название «исправительный трудовой кодекс»¹⁵.

Нельзя не отметить строгих гуманистических устремлений руководителя ГУМЗ. Он последовательно проводил в жизнь идеи о том, что режим в местах заключения должен быть свободен от всяких признаков мучительства и унижения человеческого достоинства.

В дальнейшем Е.Г. Ширвиндт развивал идеи решения проблем тюрем, называя их «преодолением тюрем» и «борьбой с “фетишизмом решеток”»¹⁶.

Руководимый Е.Г. Ширвиндтом Институт своим широким накоплением материалов из практической деятельности органов и учреждений по борьбе с преступностью становился все более важным и необходимым органом по консультированию соответствующих советских центральных органов по всем вопросам явлений преступности и результатов борьбы с ней в нашей стране и сосредоточению предварительной проработки соответствующих вопросов, затрагивающих уголовную политику, пенитенциарию и т.д., прежде чем эти вопросы будут направлены соответствующими ведомствами в правительственные органы. Ибо без тщательного изучения явлений преступности, научного анализа ее причин и факторов невозможно правильно строить уголовную политику и изыскивать целесообразные меры по борьбе с преступностью.

Институт и его руководитель немало сделали для развития советского законодательства в первое десятилетие советской власти. Ирония судьбы заключается в том, что действие и силу разработанных законов Е.Г. Ширвиндту суждено было испытать на себе.

11 марта 1938 г. он был арестован, 20 июня 1939 г. осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР в соответствии со ст. 58⁶, 58⁸, 58¹¹ УК РСФСР по обвинению в участии в эсеровской организации к 10 годам лишения свободы с поражением в правах на пять лет, конфискацией имущества и отбыванием наказания в исправительно-трудовом лагере. Срок

отбывал в Краслаге, был освобожден в 1948 г. В том же году, 31 декабря, арестован вновь и 2 апреля 1949 г. осужден Особым совещанием при МГБ СССР по ст. 17, 58⁸, 58¹¹ за принадлежность к эсеровской организации к пожизненной ссылке на поселение. Впоследствии (в 1955 г.) полностью реабилитирован и зачислен в штат органов внутренних дел.

Несмотря на то что Е. Г. Ширвиндт внес значительный вклад в развитие теории уголовно-правовой науки и практики правоприменения, имя его известно не всем. Его теоретико-правовые взгляды до сих пор детально не изучены и не обобщены, хотя во многом сохраняют свежесть и актуальность. Однако нельзя недооценивать его ведущую роль в создании и дальнейшем развитии Государственного института по изучению преступности и преступника (в настоящее время — Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации).

Примечания

1. БЕЛЯЕВА Л. И. О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового (Временная инструкция): взгляд сквозь столетие. — Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1—4). № 3, с. 310—323.
2. «Весна 1923 г. составляет настоящую эру для уголовной социологии в России» (ГЕРНЕТ М. Н. Первые за границей и первые в России лаборатории по изучению преступности. В сб.: Изучение личности преступника в России и за границей. М. 1925, с. 9).
3. ШИРВИНДТ Е. Г., УТЕВСКИЙ Б. С. Советское исправительно-трудовое право. М. 1957, с. 19.
4. Дмитрий Иванович Курский (1874—1932) — с 1918 по 1928 г. народный комиссар юстиции РСФСР.
5. Пётр Иванович (Петерис Янович) Стучка (1865—1932) с 1919 г. был заместителем наркома юстиции РСФСР. Один из создателей и директор (с 1931 г.) Института советского права.
6. КУРСКИЙ Д. Десять лет на страже советского права. — Ежегодник советской юстиции. 1927. № 43, с. 1331.
7. СТУЧКА П. К десятилетию советской юстиции. — Ежегодник советской юстиции. 1927. № 43, с. 1329.
8. КРЫЛЕНКО Н. На рубеже. — Ежегодник советской юстиции. 1927. № 43, с. 1332.
9. Собрание узаконений РСФСР. 1922. № 36. Ст. 425.
10. Там же, ст. 424.
11. Там же, № 69. Ст. 902.
12. Там же, 1926. № 85. Ст. 624.
13. Там же, 1928. № 13. Ст. 106.
14. ШИРВИНДТ Е. Г. Вопросы судебно-карательной политики на XV съезде ВКП(б). — Советское право. 1928. № 1, с. 3—10.
15. SCHIRWINDT E. Gefängnisse in der Sowjetunion. Wien. 1927, S. 3.
16. ШИРВИНДТ Е. Г. Преодоление тюрьмы. — Административный вестник. 1929. № 5, с. 33—35.

Эволюция уголовно- процессуального законодательства Вьетнама с 1945 г. до настоящего времени

Нгуен Нгок Киен

Аннотация. В статье рассмотрены особенности становления и развития уголовно-процессуального законодательства Вьетнама с 1945 г. до настоящего времени. Выделены пять этапов формирования данного законодательства: первый — с 1945 до 1975 г., второй — с 1975 до 1988 г., третий — с 1989 до 2003 г., четвертый — с 2003 до 2015 г. и пятый — с 2015 г. до настоящего времени. Обоснованы тенденции и перспективы развития уголовного права во Вьетнаме в будущем в соответствии со стратегией построения и совершенствования социалистического правового государства к 2030 г. с ориентацией на 2045 г.

Ключевые слова: Вьетнам, правовое государство, уголовно-процессуальное законодательство, эволюция, СССР, кодекс, указ.

Abstract. The article discusses the features of the formation and development of the criminal procedural legislation of Vietnam from 1945 to the present. In particular, the author identified 5 stages of the formation of this legislation, including: the first stage from 1945 to 1975, the second stage from 1975 to 1988, the third stage from 1989 to 2003, the fourth stage from 2003 to 2015 and the fifth stage from 2015 to the present. Also substantiated are the trends and prospects for the development of the criminal process in Vietnam in the future in accordance with the strategy of building and improving the socialist legal state of Vietnam by 2030 with an orientation to 2045.

Key words: Vietnam, rule of law, criminal procedure legislation, evolution, USSR, code, decree.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство играет огромную роль в процессе создания и развития правового государства во Вьетнаме, так как является одним из важнейших средств борьбы с преступностью, с его помощью любой человек может защитить свои права, свободы, законные интересы и восстановить справедливость. Тем не менее так было не всегда. Вплоть до 1945 г. многие феодальные династии, французское колониальное правление, затянувшаяся война, неурегулированность прав, свобод и законных интересов человека влияли на уголовно-

Нгуен Нгок Киен — кандидат юридических наук, декан уголовного права, Юридический университет при университете Хюэ, Вьетнам. E-mail: nguyenngockienhul78@gmail.com.

Nguyen Ngoc Kien — PhD (Law), dean of criminal law, University of Law, Hue University, Vietnam. E-mail: nguyenngockienhul78@gmail.com.

процессуальное законодательство Вьетнама, в том числе на уголовный процесс. Однако время всегда движется вперед. С каждым последующим этапом положения уголовно-процессуального законодательства Вьетнама менялись в следующем направлении: совершенствовались структура и содержание кодексов законов, уголовный и уголовно-процессуальный кодексы начинали соответствовать требованиям международного права.

Можно согласиться с мнением российского профессора И.Я. Фойницкого, что «... уголовный процесс представляет собой результат вековых наслоений, традиций, обычаев, правовых идей, культуры»¹.

Уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама прошло длительный путь становления и развития. Оно учитывало опыт передовых зарубежных государства, например «Китая, СССР (ныне России), Франции, США и др.».

Аналізу истории развития уголовно-процессуального законодательства Вьетнама посвящены научные работы вьетнамских ученых, таких как Во Кхань Винь, Во Тхи Ким Оань, Динь Тхи Май, Дао Чи Ук, Као Тхи Оань, Ле Ван Кам, Ле Тхи Шон, Нгуен Кань Хоп, Нгуен Мань Хунг, Нгуен Нгок Киен, Нгуен Нгок Хоа, Нгуен Тует Май, Нгуен Тхи Фьонг Хоа, Хоанг Ван Хунг, Чан Ван Зунг, Чьонг Кхуанг Винь и др.

В трудах правоведов исследуются особенности становления и развития уголовного процесса во Вьетнаме, а также предлагаются рекомендации для его совершенствования на современном этапе. Именно научные достижения отечественных и зарубежных ученых в данной сфере будут взяты за основу при раскрытии специфики рассматриваемой проблематики на каждом этапе истории и формирования уголовно-процессуального законодательства Вьетнама.

Эволюция уголовно-процессуального права делится на этапы исходя из исторических обстоятельств и основных событий в жизни вьетнамского народа в процессе создания собственного суверенного государства и борьбы за независимость с внешними врагами (Францией, Китаем, Японией, США).

Рассмотрим особенности каждого этапа начиная с 1945 г. до настоящего времени.

Первый этап: уголовно-процессуальное законодательство периода становления и развития вьетнамского государства — Демократической Республики Вьетнам (ДРВ) — и отечественной войны против Франции и США с 1945 по 1975 г.

До 1945 г. уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама прошло длительный путь развития, многие исторические документы позволяют подтвердить существование уголовно-процессуального законодательства в условиях феодального строя. Вьетнамские феодальные династии использовали уголовно-процессуальное законодательство для защиты своих интересов и господствующего положения, живя по формуле «император — сын бога или император — сам закон». Кодекс «Хинь Тхы» времен династии Ли, кодекс «Хонг Дык» династии Ле, кодекс «Жа Лонг» династии Нгуен и др. содержат следующие уголовно-процессуальные положения: «... кто дает показания в судебном процессе, если считается, что между двумя сторонами ежедневно существует неприязнь, не допускается к даче показаний. Если те, кто скрывает это, дадут показания, им будет

предъявлено обвинение в сокрытии правды. Криминальные чиновники и тюремщики, которые знают об этом и терпят это, виновны в совершении преступления»².

Учитывая показания обвиняемого, судья должен тщательно рассмотреть и найти истину. Если судья нарушает это правило, то сам будет наказан. Кодекс «Хонг Дык» устанавливал процедуру судебного разбирательства, его сроки и порядок исполнения приговора. Ст. 658 данного кодекса предусматривала: «заключенные, не заслуживающие тюремного заключения и не достойные кандалов, штрафуют тюремщика на 70 палок — избить палкой 70 раз»³.

В кодексе «Жа Лонг» содержатся общие принципы преступления и наказания, а также положения уголовно-процессуального законодательства. Это показывает, что династия Нгуен уделяла большое внимание организации суда и судебного разбирательства, например: «обвинение при наличии предмета преступления с поличным лица, совершившего преступление»⁴.

В колониальный период вьетнамское законодательство испытало влияние кодекса «Жа Лонг» и законодательства Франции. Уголовно-процессуальное законодательство было кодифицировано и применялось до 1945 г. На юге Вьетнама действовал кодекс «Кохинхина». Уголовно-процессуальный кодекс Франции применялся к делам, в которых обвиняемые и подсудимые являлись французами. Если обвиняемый или подсудимый был вьетнамцем, суды также применяли этот кодекс и дополнительно ряд положений указов президента Франции. На севере Тонкина в этот период действовал Уголовно-процессуальный кодекс, обнародованный 1 ноября 1918 г. В Аннаме применялся Уголовно-процессуальный кодекс, обнародованный в 1935 г. Следует отметить, что во французский колониальный период указанные кодексы служили укреплению господства Франции над вьетнамскими народами, а также являлись средством репрессии в отношении участников освободительного и революционного движения Вьетнама⁵.

Уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама формировалось и развивалось в тесной связи с этапами развития вьетнамской революции за освобождение страны и ее независимость. До Августовской революции существовали положения об уголовном судопроизводстве, например Указание от 16 апреля 1945 г. Главного управления «Вьетминь», определявшего режим работы судебных подкомитетов и их полномочия. После успеха Августовской революции, в целях обеспечения своевременного рассмотрения различных преступлений в ДРВ был издан указ № 33С от 13 сентября 1945 г., предусматривавший создание военного суда, дополненный указом № 21 от 14 февраля 1946 г.⁶ В данном указе устанавливалось, что «...военный суд имеет право рассматривать преступления, наносящие ущерб независимости Демократической Республики Вьетнам». При проведении судебного разбирательства военные суды освоили политику репрессий в сочетании со снисхождением и наказаний в сочетании с воспитанием и перевоспитанием. Первоначально рассмотрением уголовных дел занимался Народный комитет. Затем, согласно указу № 13 от 24 января 1946 г., дела данной категории (уголовные), стали подведомственными судам общей юрисдикции с участием народных

присяжных заседателей ⁷. В то же время по указу № 85 от 22 мая 1950 г. обычные суды переименовывались в народные ⁸.

После победы в отечественной войне против французов на севере Вьетнама встал вопрос о построении социалистической правовой системы, в том числе уголовно-процессуального законодательства. Национальное собрание приняло ряд важных законов о демократических свободах, таких как Закон от 20 мая 1957 г. № 103 SL/L005, гарантировавший право на личную свободу и неприкосновенность жилищ, предметов и корреспонденции граждан ⁹. В 1958 г. Национальное собрание приняло решение о создании Верховного народного суда и системы местных судов, Верховной народной прокуратуры и системы прокуратур всех уровней. На основе Конституции 1959 г. в 1960 г. были обнародованы Закон об организации народных судов и Закон об организации народной прокуратуры. Система избрания судей заменила систему назначения судей правительством.

Итак, на данном историческом этапе уголовно-процессуальное законодательство Вьетнама характеризуется следующими особенностями:

- использование в основном подзаконных актов (указов) для удовлетворения потребностей в быстром разрешении уголовных дел в условиях создания молодого независимого государства и отечественной войны против Франции и США ¹⁰;
- влияние правовой системы СССР и Китая на формирование важных правовых институтов (народный суд и народная прокуратура), входивших в состав правовой системы ДРВ, в том числе важных положений уголовного судопроизводства;
- отсутствие единого уголовно-процессуального кодекса, который служит общей основой для расследования, уголовного преследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Второй этап: уголовно-процессуальное законодательство периода воссоединения страны и социалистического строительства во Вьетнаме с 1975 до 1988 г.

На юге Вьетнама после освобождения Временное революционное правительство Республики Южный Вьетнам издало Указ от 15 марта 1976 г. № 01 SL/76 об организации народных судов в целях рассмотрения и разрешения уголовных дел, связанных с военными преступлениями, совершенными Республикой Вьетнам (проамериканским правительством).

2 июля 1976 г. Вьетнам стал единым государством с новым наименованием — Социалистическая Республика Вьетнам (СРВ). Система народных судов и народных прокуратур по всей стране была сформирована в соответствии с Законом об организации народной прокуратуры и Законом об организации народных судов, обнародованными в 1960 г. В 1980 г. Национальное собрание СРВ приняло новую Конституцию.

На основании Конституции 1980 г. Закон об организации народного суда и Закон об организации народной прокуратуры 1981 г. заменили предыдущие законы. Вышеуказанные нормативно-правовые акты способствовали преодолению недостатков и ограничений в рассмотрении и разрешении уголовных дел.

С принятием первого Уголовного кодекса 1985 г. создание единого уголовно-процессуального кодекса стало актуальной задачей, а также

явилось предпосылкой принятия первого уголовно-процессуального кодекса во Вьетнаме.

Также к концу 1980-х гг. XX в., после более чем 70-летнего существования, вся социалистическая система впала в глубокий и всеобъемлющий кризис, из которого многие социалистические страны разными путями сумели выйти. В первую очередь необходимо упомянуть о «реформах и открытости с 1976 г.» в Китае — соседней социалистической стране — и о перестройке в СССР — социалистической державе, находившейся на вершине мировой социалистической системы, со сложными и бурными процессами. Это обстоятельство повлияло на построение правовой системы Вьетнама, в том числе уголовно-процессуального законодательства в «политике обновления»¹¹.

Можно сказать, что на данном этапе положения рассматриваемого законодательства еще были разрознены и фрагментарны. Использование подзаконных актов (указов) при рассмотрении уголовных дел продолжалось. Этот период также отмечен значительным влиянием советского законодательства на построение правовой системы Вьетнама.

Роль уголовно-процессуального законодательства СССР для формирования уголовного процесса очень велика. Главные правовые институты уголовного процесса страны, в том числе институт народного суда, народной прокуратуры, органа следствия, система мер пресечения, институт народных заседателей, ведение судопроизводства на государственном языке — все это и многое другое дало уголовному процессу Вьетнама уголовно-процессуальное законодательство СССР, что четко прослеживается в первом Уголовно-процессуальном кодексе СРВ 1988 г.

Третий этап: уголовно-процессуальное законодательство периода интеграции с 1989 до 2003 г.

В продолжение и развитие уголовно-процессуального законодательства страны от Августовской революции до настоящего времени в духе новаторства во всех сферах общественной жизни 28 июня 1988 г. на третьей сессии Национального собрания СРВ 8-го созыва был утвержден первый Уголовно-процессуальный кодекс в истории законодательства.

Настоящий Кодекс вступил в силу с 1 января 1989 г. В целях охраны социалистического строя, защиты законных прав и интересов граждан УПК 1988 г. установил порядок и процедуру возбуждения, расследования, уголовного преследования, рассмотрения уголовного дела, вынесения судебного решения и исполнения уголовного приговора с целью гарантировать справедливость и своевременно бороться с преступностью.

Уголовно-процессуальный кодекс 1988 г. был изменен и дополнен рядом статей (первая редакция) на седьмой сессии Национального собрания СРВ 8-го созыва и принят 30 июня 1990 г.

Национальное собрание 9-го созыва на своей второй сессии приняло решение о внесении изменений и дополнений в ряд статей УПК (вторая редакция) от 22 декабря 1992 г. с учетом новой ситуации и воли народа. В то же время в соответствии с новой Конституцией 1992 г. УПК 1988 г. был дополнен тремя новыми статьями: 143а — «возвращение уголовного дела для дополнительного расследования»; 143б — «приостановление или временное приостановление уголовного дела»; 160а — «состав судебной коллегии первой инстанции»¹².

С введением в действие нового Уголовного кодекса (утвержденного Национальным собранием 21 декабря 1999 г. и вступившего в силу с 1 июля 2000 г.) многие положения УПК 1988 г. оказались устаревшими. 9 июня 2000 г. Национальное собрание приняло Закон о внесении изменений и дополнений в ряд статей УПК 1988 г. (третья редакция) в целях реализации УК 1999 г., а также в соответствии с процессом демократизации и обновления в стране. УПК 1988 г. был дополнен двумя новыми статьями: 13 — «Ответственность процессуальных органов и лиц, ведущих производство» и 234а — «Исполнение наказания в виде выдворения». Были исключены следующие положения: ч. 3 и 4 ст. 145 — «Подведомственность судов всех уровней»; ст. 160а — «Состав судебной коллегии первой инстанции»; п. «а» ч. 1 ст. 226 — «Исполнение приговора и судебных решений». После трех редакций УПК 1988 г. включал 293 статьи.

Следует отметить, что третья редакция УПК 1988 г. коснулась только ряда положений, направленных на реализацию УК 1999 г. и решение ряда актуальных вопросов в ходе производства в целях повышения эффективности расследования, уголовного преследования и судебного разбирательства уголовных дел. Вносимые изменения и дополнения в ряд статей УПК 1988 г. основаны на следующем принципе: «не ограничивать права обвиняемых, подсудимых и других участников процесса и в то же время обеспечивать эффективную деятельность правоохранительных органов по требованиям предупреждения и борьбы с преступностью в новой обстановке».

После почти 15-летнего применения и трех редакций УПК 1988 г. стал правовой основой для осуществления органами следствия, прокуратуры и суда своей деятельности в целях обеспечения точного и быстрого выявления и справедливого и своевременного рассмотрения всех преступных действий на основе «недопущения незаконного обвинения, но неотвратимости наказания».

Четвертый этап: уголовно-процессуальное законодательство периода создания и развития рыночной экономики во Вьетнаме с 2003 до 2015 г.

Постановление Политбюро от 2 января 2002 г. № 08-НК/ТВ о ряде ключевых задач судебной реформы на ближайшее время внесло большие коррективы в деятельность судебных органов в целом и процессуальных органов в частности. Наряду с обновлением правосудия, реформа деятельности органов следствия, прокуратуры и народных судов в уголовном судопроизводстве является одним из важных, прорывных факторов, способствующих процессу строительства социалистического правового государства, а также справедливого, демократического и цивилизованного общества во Вьетнаме.

Однако в условиях проводимой в стране комплексной реформы во всех областях, включая судебную систему, УПК 1988 г. утратил свою актуальность и выявил определенные ограничения. Поэтому в соответствии с Постановлением Политбюро от 2 января 2002 г. № 08-НК/ТВ 11-м Национальным собранием на четвертой сессии 26 ноября 2003 г. был одобрен новый УПК 2003 г., который вступил в силу 1 июля 2004 г.¹³

Положения УПК 2003 г. за 12 лет имплементации создали правовую базу для органов и лиц, уполномоченных вести производство в разрешении уголовных дел, способствуя ограничению несправедливости, непра-

вомерности и незаконности привлечения к уголовной ответственности. Однако в процессе применения УПК 2003 г. также выявились ограничения и недостатки ¹⁴.

Пятый этап: уголовно-процессуальное законодательство периода развития страны и борьбы с коррупцией (2015 г. — настоящее время).

В целях устранения ограничений и недостатков УПК 2003 г. новый УПК в 2015 г. был утвержден Национальным собранием СРВ, а с 1 января 2018 г. вступил в силу ¹⁵. По сравнению предыдущим УПК 2015 г. имел ряд особенностей ¹⁶:

- были добавлены следующие принципы: презумпции невиновности (ст. 13); справедливости (ст. 14); законности в расследовании преступления (ст. 19); состязательности судебного разбирательства (ст. 26). Все эти принципы соответствуют требованиям новой Конституции СРВ 2013 г., а также отражают необходимость уважения, защиты и обеспечения прав человека в уголовном судопроизводстве;

- было внесено определение порядка, процедур и процессуальных действий на каждой стадии процесса в целях эффективной борьбы с преступностью;

- в соответствии с Конституцией 2013 г. УПК 2015 г. был дополнен главой (гл. V), включающей 13 статей, предусматривающих защиту прав и законных интересов потерпевших сторон;

- УПК 2015 г. внес важные нововведения, касающиеся предоставления доказательств, а именно: «защитник имеет право собирать доказательства, обвиняемый имеет право представлять доказательства и т.д.»; появилась возможность добавлять электронные данные к системе доказательств, результаты оценки имущества; были определены порядок и процедура сбора и восстановления электронных данных в целях обеспечения объективности, целостности и проверяемости данного конкретного вида доказательств; дополнен принцип исключения доказательств;

- были узаконены специальные следственные и процессуальные мероприятия, такие как аудиозапись и видеозапись; прослушивание телефонных переговоров; конфиденциальный сбор электронных данных (ст. 223);

- предусматривалось обеспечение надзора и контроля в рассмотрении и разрешении уголовного дела;

- вносились изменения и дополнения в процессуальный порядок и процедуру в соответствии с нововведениями УК СРВ 2015 г.

На второй сессии Национальное собрание 15-го созыва проголосовало за принятие Закона о внесении изменений и дополнений в ряд статей УПК 2015 г., вступившего в силу с 1 декабря 2021 г. и содержащего следующие нововведения:

- в ч. 3 ст. 146 внесено дополнение об ответственности местной полиции за предварительную проверку доноса и сообщения о преступлении;

- разрешено возбуждение уголовного дела о нарушении прав промышленной собственности без «ходатайства» потерпевшего;

- дополнены основания для временного приостановления предварительного следствия и уголовного дела.

Тем не менее в ходе применения УПК СРВ 2015 г. были выявлены ограничения и недостатки:

- в некоторых случаях обеспечение надзора и контроля в расследовании, уголовном преследовании и разрешении уголовного дела является формальным, гарантия прав и законных обвиняемых в уголовном судопроизводстве ограничена. Примерами того, как народной прокуратурой всех уровней были отменены незаконные постановления о возбуждении уголовного дела, о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности, о заключении под стражу и содержании под стражей по всей стране (с 2016 по 2020 г.), могут служить следующие факты¹⁷. В 2016 г. были отменены 105 постановлений о возбуждении уголовных дел (что на 33 постановления больше, чем в 2015 г.); 358 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности (что на 95 больше, чем в 2015 г.). Кроме того, отменены постановления об изменении постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности по восьми уголовным делам с 14 обвиняемыми. В 2017 г. отменены 89 постановлений о возбуждении уголовных дел, 271 необоснованное и незаконное постановление о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности; в 2018 г. отменены 66 постановлений о возбуждении уголовных дел, 233 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности; в 2019 г. отменены 86 постановлений о возбуждении уголовных дел, 153 необоснованных и незаконных постановления о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности; в 2020 г. отменены 94 постановления о возбуждении дела, 58 необоснованных и незаконных постановлений о привлечении обвиняемых к уголовной ответственности;

- обеспечение права обвиняемых на защиту по-прежнему ограничено. Среди причин — незнание обвиняемым закона; обвинительный уклон со стороны следственных органов и органов прокуратуры, не говоря о незаконном привлечении лиц к уголовной ответственности, применении пыток в ходе расследования. Повысилось участие адвоката на ранних стадиях уголовного дела. Тем не менее существует еще много трудностей и ограничений, например: непродуманное время и место встречи защитника и обвиняемого; трудности с ознакомлением защитника с материалами дела в ходе расследования — до рассмотрения дела в суде и др.¹⁸;

- в некоторых делах в судебных прениях мнение защитника на практике еще не воспринимается всерьез; многие приговоры и решения суда практически не основаны на результатах демократического судебного разбирательства с учетом принципа состязательности сторон в суде, что приводит к значительному количеству отмененных и исправленных дел;

- следствие и допрос до сих пор являются основным методом в большинстве производств, что показывает неравенство между лицами, ведущими производство, и участниками уголовного судопроизводства, при котором в невыгодном положении всегда оказываются участники судопроизводства, особенно обвиняемые;

- существуют недостатки и трудности в гарантии и осуществлении права на реабилитацию, в том числе права на возмещение вреда, связанного с уголовным преследованием, например, увеличение срока провер-

ки последствий вреда с 15 до 30 дней затрудняет соответствующим сторонам проверку¹⁹.

На основе проведенного анализа особенностей этапов эволюции уголовно-процессуального законодательства Вьетнама с 1945 г. до настоящего времени можно сделать следующие выводы:

- становление уголовно-процессуального законодательства Вьетнама тесно связано с этапами создания и развития государства, включающими отечественную войну против Франции и борьбу с внешними угрозами за независимость и свободу страны;

- до 1988 г. процессуальная деятельность регулировалась подзаконными актами (указами), затем — законами об организации народного суда и народной прокуратуры. На данном этапе не существовало единого УПК как основного нормативно-правового акта;

- с 1988 г. до настоящего времени деятельность по расследованию, преследованию и рассмотрению уголовного дела регулируется УПК. Во Вьетнаме в ходе исторического развития данной отрасли законодательства были разработаны три кодекса: 1988, 2003 и 2015 гг., которые играют важную роль в борьбе с преступностью и защите прав и законных интересов государства, общества, организаций и личности от преступных посягательств;

- опыт советского и российского законодательного процесса, роль и значение правовой системы СССР, социалистических и других стран (Франции) для формирования уголовного процесса во Вьетнаме очень велики на всех этапах развития рассматриваемого законодательства;

- формирование уголовно-процессуального законодательства неразрывно связано с принятием новых Конституций Вьетнама в 1946, 1959, 1980, 1992 и 2013 гг. Это выражается в том, что положения Конституции об уголовном судопроизводстве конкретизированы в УПК в разные исторические периоды.

В процессе правотворчества неизбежны ограничения и недостатки, а их обнаружение и исключение является способом редакции уголовно-процессуального законодательства в настоящее время. Государство определяет главные направления развития и совершенствования данной отрасли законодательства в будущем²⁰. Можно предположить, что основные тенденции редакции рассматриваемого законодательства будут развиваться в соответствии с Постановлением XIII съезда Коммунистической партии Вьетнама²¹ и стратегией построения и совершенствования социалистического правового государства к 2030 г. с ориентацией на 2045 г. по таким направлениям, как «...построение профессионального, современного, честного, справедливого и добросовестного вьетнамского правосудия, служащего стране и народу. Выполнение обязанностей по защите справедливости, прав человека и граждан, защите социалистического режима, защите интересов государства, а также прав и законных интересов организации и личности»²², в том числе:

- усиление гарантий и обеспечения прав и свобод человека при рассмотрении уголовного дела с участием суда присяжных. Полагаем, что данный институт в уголовном процессе является одним из важнейших способов укрепления независимости судебной ветви власти и повышения доверия граждан к правосудию, поднятия на качественно новый уро-

вень социальной активности населения и их ответственности за судьбу человека и общества в целом;

- обеспечение прав адвоката на осуществление защиты и сбора (представления) доказательств со стадии возбуждения уголовного дела до конца процесса, особенно в судебном разбирательстве (судебных прениях) ²³;

- повышение качества подготовки материалов уголовного дела для передачи их в прокуратуру, затем в суд ²⁴;

- создание необходимых условий для введения во вьетнамское правосудие модели уголовного процесса с учетом зарубежного опыта ²⁵.

Раскрытие этапов исторического развития уголовно-процессуального законодательства Вьетнама с 1945 г. по настоящее время показывает, что любой новый нормативно-правовой акт, появляющийся взамен ранее существовавшего или в дополнение к нему, фактически знаменует собой реформы и изменения во всех сферах общественной жизни и УПК страны.

Исследование современных процессов реализации реформы правосудия и одного из ее направлений — уголовного судопроизводства позволяет установить, что сегодня происходит дальнейшее развитие и совершенствование уголовно-процессуального законодательства на основе предшествующего опыта и прогрессивных норм зарубежных стран. Из этого можно заключить, что раскрытие и анализа истории становления и развития уголовно-процессуального законодательства позволяет исключить его предыдущие недостатки в законодательном и правоприменительном процессе.

Примечания

1. Уголовно-процессуальное право. 2-е изд., пер. и доп.: Учебник для бакалавриата и магистратуры / Под ред. В.М. Лебедева. М. 2014, с. 82.
2. URL: http://www.hids.hochiminhcity.gov.vn/c/document_library/get_file?uuid=468d7ba4-020d-45b4-b696-265eba595e57&groupId=13025
3. URL: <https://lib.hcmulaw.edu.vn/opac/WShowDetail.aspx?intItemID=37218>
4. URL: <http://fdvn.vn/wp-content/uploads/2019/11/luu-ban-nhap-tu-dong-8-11.pdf>
5. История Востока: В 6 т. Т. 4: Восток в новое время (конец XVIII — начало XX вв.). Кн. 2. М. 2005.
6. URL: <https://www.google.com/search?q=s%E1%BA%AFc+l%E1%BB%87nh+s%E1%BB%91+33C+ng%C3%A0y+13%2F9%2F1945&sourceid=chrome&ie=UTF-8>
7. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-13-to-chuc-toa-angach-tham-phan-35940.aspx>
8. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Sac-lenh-85-SL-cai-cach-bo-may-Tu-phap-Luat-To-tung-36571.aspx>
9. URL: <https://luatvietnam.vn/linh-vuc-khac/luat-103-sl-l005-quoc-hoi-931-d1.html>
10. URL: http://lawinfo.ru/assets/files/Jurobraz/2019/10/Jurobraz_10_19-6.pdf
11. URL: <https://truongchinhtri.kontum.gov.vn/vi/news/nghien-cuu-trao-doi/nhung-co-so-hinh-thanh-duong-loi-doi-moi-cua-dang-tai-dai-hoi-vi-1986-58.html>
12. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-1988-7-LCT-HDNN8-37474.aspx>
13. URL: <https://lib.hcmulaw.edu.vn/opac/WShowDetail.aspx?intItemID=50052>
14. URL: <https://tapchikhplvn.hcmulaw.edu.vn/module/xemchitietbaibao?oid=02c135fb-1d80-4530-b22e-9fc293f8b083>

15. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Trach-nhiem-hinh-su/Bo-luat-to-tung-hinh-su-2015-296884.aspx>
16. URL: <https://cand.com.vn/Giai-dap-phap-luat/11-diem-moi-co-ban-cua-Bo-luat-to-tung-Hinh-su-nam-2015-i460950/>
17. URL: <https://www.vksndtc.gov.vn/thong-bao.html>
18. URL: <http://lapphap.vn/Pages/tintuc/tinchitiet.aspx?tintucid=207858>
19. URL: <https://thuvienphapluat.vn/van-ban/Bo-may-hanh-chinh/Luat-Trach-nhiem-boi-thuong-cua-Nha-nuoc-2017-313517.aspx>
20. URL: <https://lib.hcmulaw.edu.vn/opac/WShowDetail.aspx?intItemID=56014>
21. URL: <https://lib.hcmulaw.edu.vn/opac/WShowDetail.aspx?intItemID=83503>
22. URL: <http://tapchimatran.vn/nghien-cuu/mot-so-van-de-ve-xay-dung-hoan-thien-nha-nuoc-phap-quyen-xa-hoi-chu-nghia-viet-nam-42368.html>
23. URL: <https://hul.edu.vn/upload/phong-khcn-htqt/-K%E1%BB%B7-y%E1%BA%BFu-final.pdf>
24. URL: <https://lib.hcmulaw.edu.vn/opac/WShowDetail.aspx?intItemID=33416>
25. URL: <https://hul.edu.vn/upload/phong-khcn-htqt/-K%E1%BB%B7-y%E1%BA%BFu-final.pdf>

Стереотипные представления о кельтских народах в британской визуальной культуре середины XVIII — начала XIX в.

Н.Ф. Шестакова

Аннотация. К XVIII в. Великобритания окончательно приобрела вид композитарной монархии, состоящей из четырех частей: Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии. Начиная с XVI в. корона проводила по отношению к кельтским окраинам интеграционную политику в целях формирования единого народа путем ликвидации культурных и языковых отличий своих подданных. На протяжении нескольких веков в условиях доминирования английской культуры шел процесс становления британской нации и ее национального самосознания. Реакцией малых народов на ассимиляционные процессы, проводимые англичанами, стало их стремление сохранить свою культурно-историческую самобытность. В статье предпринята попытка выделить образы малых народов Британии в английской визуальной культуре, а также раскрыть их собственное восприятие себя.

Ключевые слова: образ, стереотип, кельты, идентичность, интеграция, ксенофобия, кельтское возрождение.

Abstract. By 18th century British monarchy had finally developed as a composite monarchy consisted of four parts: England, Scotland, Wales and Ireland. Since 16th century The Crown of England pursued an integration policy towards Celtic outskirts in order to create a single British nation by eliminating cultural and linguistic differences among its subjects. For several centuries under British culture domination a process of establishing the British nation and nation identity was under way assimilation processes provided by the English towards peripheral areas led to a response which had taken the form of a commitment for small peoples to be able to preserve their historical and cultural identity. The reaction of the small peoples to how they were viewed in English promoting came in the form of the determination to destroy English stereotypes and demonstrate the richness and the ancient origin of Celtic culture, and thus underline the supremacy over conquerors. In this article we attempt to pick out the images of inhabitants of the Celtic outskirts in British visual culture, as well as discover Celtic people's self-perception.

Key words: image, stereotype, Celts, identity, integration, xenophobia, Celtic Revival.

К XVIII в. Великобритания окончательно приобрела вид композитарной монархии, состоящей из четырех частей: Англии, Шотландии, Уэльса и Ирландии. Население Британских островов в этническом плане никогда не было однородным, что, как известно, было обусловлено многочисленными волнами миграции и процессом колонизации. Формирование британской культуры главным образом происходило на основе двух чужеродных и противопоставляемых друг другу элементов: кельтского и англосаксонского. Это противостояние проявилось и на уровне взаимо-

действия народов разного этнического происхождения и нашло отражение в интеллектуальной культуре Британии начиная с эпохи Средневековья и заканчивая современным периодом.

В качестве инструмента колонизации окраинных регионов англичане конструировали образ их жителей как отсталых варваров, оправдывая конфискацию земель, религиозные притеснения, культурную и языковую ассимиляцию своей цивилизаторской миссией. Действительно, в силу своего этнического происхождения, природно-климатических условий и ландшафта, а также экономической отсталости в представлении англичан фигурировал образ кельта как «чужого». Жители окраин виделись им нищими, грязными и отсталыми разбойниками, представляющими угрозу для передового английского общества.

Вероятно, в XVIII в. англичане чаще проявляли ксенофобию по отношению к кельтскому населению, чем к французам или другим внешним врагам. Только после подавления якобитского движения инаковость шотландцев (плед, трубки и др.) стала восприниматься в качестве их национальной особенности. В Ирландии же на смену якобитизму пришел радикальный национализм, что обусловило дальнейшее транслирование негативного образа ирландского Пэдди в английском колониальном дискурсе вплоть до XX в. В свою очередь, в восприятии валлийцев, шотландцев и ирландцев укоренился образ английского соседа как надменного, с «застывшей верхней губой» интервента.

Начало изучению взаимных представлений кельтского и англосаксонского этносов было положено еще в начале XX в. деятельностью британского социолога Дж.М. Робертсона. Его научные изыскания можно отнести к истокам имагологических исследований, в которых акцент делался на репрезентацию различных народов в художественной литературе. Книга «Сакс и кельт» Робертсона стала предвестником критики национального эссенциализма в первой половине XX в. Автор труда поставил перед собой цель опровергнуть идеи, связанные с противопоставлением характеров кельтского и англосаксонского этносов¹. По мнению ученого, «характер» того или иного этноса / нации служит продуктом процесса социального и идеологического конструирования, а не является только отражением антропологических особенностей народа.

Значительное количество исследований было посвящено образу ирландцев, шотландцев и валлийцев в представлении англичан. Реконструирование облика жителей «изумрудного острова» в восприятии их восточных соседей было представлено в книге Дж. Лирссена. Автору удалось проследить процесс формирования стереотипа об «истинном ирландце» благодаря анализу различных видов английского дискурса: гэльская поэзия, английская драма, религиозные диспуты, публицистика и историография². Выявлению образов ирландских националистов на основе политических иллюстраций и исторической фантастики посвящен труд Л.В. Макбрайда³. В свою очередь, А. Гриббен, Т. Вильсон и Дж. Макил-

Шестакова Надежда Фёдоровна — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета (УрГПУ). E-mail: shestakovanf@mail.ru.

Shestakova Nadezhda F. — PhD (History), associate professor of the Ural State Pedagogical University. E-mail: shestakovanf@mail.ru.

лоп выделили и охарактеризовали облик жителя «Гибернии» посредством изучения коммерческих и этнографических фильмов ⁴. Наконец, в 2012 г. была опубликована книга «Образование и кельтский миф. Национальная самооценка и школьные учебники в Ирландии в начале XX в.» историка П. Фрихана. В ней рассмотрен процесс формирования самосознания ирландцев на основе кельтских сказок и мифологии, которые передаются из поколения в поколение и изучаются в школе.

Что касается валлийцев, то выявлению и реконструированию их образа в периодической печати посвящено исследование П. Лорда ⁵. В статье М. Стойла рассматривается образ роялистов западного региона Британии, запечатленный в лондонской прессе посредством публикаций парламентариев ⁶. Наконец, представлению англичан о шотландском горце посвящены научные работы таких историков, как М. Питток ⁷, Э. Газин-Шварц ⁸, С. Васконселоса ⁹ и др. В настоящей статье мы, в свою очередь, предпримем попытку выявить стереотипное представление о кельтских народах, транслируемое в английской колониальной пропаганде, и на основе интеллектуальной культуры охарактеризуем их собственное представление о себе.

В середине XVIII в. активно шел процесс формирования в представлении британской общественности образа шотландца. Начало этому процессу было положено якобитским движением 1745—1746 гг. До этого времени выходцев из Северной Британии англичане в основном идентифицировали, исходя из особенностей их наряда. Главным атрибутом внешнего вида жителя Каледонии являлась синяя шляпа, которая изначально была широко распространена среди крестьян, проживающих на равнинной территории. В литературных произведениях и на гравюрах этот головной убор часто изображали с целью завуалировать какую-либо политическую ситуацию. Например, на английской гравюре 1650-х гг. высмеивается молодой Карл II, чтобы добиться поддержки со стороны соотечественников его притязаний на шотландский и английский престол, вынужденный соблюдать выдвинутые ими условия. На этой гравюре также запечатлен «Джоки», стереотипный протестант равнинной Шотландии с красующейся у него на голове широкой синей шляпой ¹⁰. Враждебность к шотландским пресвитерианам как к мятежникам нашла отражение и в поэме английского роялиста Дж. Кливленда ¹¹. В ней автор осуждал предпочтение жителей Северной Британии, отдаваемое ими в пользу абсолютизма континентального типа.

Восстание якобитов в 1745 г. способствовало активизации интереса британцев к Шотландии и появлению многочисленных гравюр, на которых были изображены жители этого края. В это время олицетворением шотландцев становится их одевание из ткани, известной как «шотландка». Претендент на английский престол Чарльз Эдвард Стюарт придерживался популистской политической доктрины, в рамках которой акцент делался на патриотизм. В целях создания мужественного образа якобита он начал популяризировать облик шотландского горца в наряде из шотландки. Об этом может свидетельствовать портрет принца Чарли, написанный У. Моссманом около 1750 г. ¹² Восприятие англичанами клетчатых жилетов в качестве главных атрибутов шотландцев также является заслугой Генри Филдинга, который под псевдонимом якобита Джона Тротта-Пледа

публиковал свои работы в антиякобитском и антиторийском издании «Джакобайтс джорнал»¹³.

После подавления восстания якобитов в 1740-е — 1760-е гг. в восприятии англичан начинает формироваться негативный образ шотландца, который вобрал в себя такие черты, как бедность, нецивилизованность, подхалимство, политическое раболепие, склонность к разбою и др. Появление такого облика жителя Каледонии было обусловлено рядом причин. Среди них можно отметить недовольство англичан массовой миграцией шотландцев в Англию, которая сравнивалась с нашествием саранчи. Мигранты значительно преуспели в сфере политики и издательском деле, потеснив местных политических деятелей и предпринимателей. Стоит отметить, что шотландские печатники пользовались покровительством Уильяма Стрэхана, который являлся королевским издателем и заседал в парламенте с 1774 по 1784 г. Монополизация шотландцами издательского дела привела к тому, что против них выступили маргинальные литераторы и граверы Англии, находившиеся на задворках ее культурного общества¹⁴.

Недовольство англичан также было связано с усилением шотландского влияния в британской политике. Среди ярких представителей антишотландского блока был Джон Уилкс, радикально настроенный по отношению к власти политик и журналист, который подверг критике короля Георга III и его приближенных. Дружественные отношения монарх поддерживал с премьер-министром Джоном Бьютом (1762—1763), который с целью положить конец Семилетней войне (1756—1762) выбрал курс на выстраивание мирных отношений с Францией. Своей мирной политикой он вызвал недовольство Дж. Уилкса, ранее поддержавшего участие Великобритании в военной кампании. С 1762 г. в своей газете «Северный британец» английский борец за права начал публиковать статьи антишотландского толка, которые были адресованы главе правительства. Однако Бьют не был последним шотландским политиком, подвергнутым критике со стороны английских маргиналов. В дальнейшем на рубеже XVIII—XIX вв. нападкам подвергнется и Генри Дандас, который в разное время будет занимать пост лорда-адвоката, председателя Контрольного совета и секретаря по вопросам войны. В английской визуальной культуре он запечатлен в образе казнокрада. Например, на гравюре «Сторож Джона Булля пренебрегает своим долгом» изображены Уильям Питт-младший со своими сообщниками Генри Дандасом и Уильямом Гренвиллом, выходящими из Казначейства с мешками, наполненными деньгами¹⁵.

Ненавистники Бьюта и других шотландских политических деятелей пытались очернить их соотечественников, создать им отрицательный имидж. В ряды оппозиции входил Чарльз Черчилль, нищий священник, который пытался оправиться от банкротства, сочиняя стихи клеветнического характера. Он выступил с антишотландской позиции, так как был недоволен покровительством и авторитетом, которым пользовались писатели из Северной Британии, такие как А. Рамзи, Дж. Макферсон, Д. Юм, Т. Смоллет и Д. Моллет. В 1763 г. Ч. Черчиллем была опубликована сатирическая поэма «Пророчество о голоде. Шотландская пастораль», в которой автор указал на бедность жителей Каледонии, прибывших в Англию, чтобы поправить свое материальное положение и преуспеть в незамыс-

ловатом ремесле. Он отмечал, что мигранты способны только потреблять и могут представлять серьезную угрозу для общественности¹⁶. Для четвертого и пятого издания этой поэмы был создан фронтиспис, на котором был изображен истощенный шотландец у входа в пещеру¹⁷. В дальнейшем этот рисунок станет олицетворением бедности ирландского народа.

Тем не менее дикий горный ландшафт и скудная растительность Шотландии наводили британских путешественников на мысль о бедности и отсталости населения этого края, которое вынуждено было промышлять грабежом. Правительственная пропаганда обычно изображала жителей Хайленда жадными каннибалами, облаченными в тартан, одержимыми вшами и склонными к насилию. Часто шотландцев называли «Соуни» — термином, который произошел от имени полулегендарного преступника Александра Бина, возглавившего банду людоедов. Этот образ дикого отсталого варвара был запечатлен на многочисленных гравюрах и карикатурах, таких как «Гости из Высокогорья»¹⁸, «Летающая машина из Эдинбурга»¹⁹, «Соуни в уборной»²⁰ и др.

В XVIII—XIX вв. в представлении англичан фигурировал образ шотландца как «чужого». Этому способствовала их память об исторических контактах и связях Шотландии с Францией, а также предполагаемое еврейское происхождение северных соседей. Любопытно, что на гравюрах противников якобитизма, а затем оппозиционеров Бьюта одновременно могли присутствовать как шотландские, так и французские атрибуты и символика. Примером может служить работа «Рынок Шевалье, или Ярмарка в Высокогорье» (1745), на которой представлены следующие элементы повседневной культуры двух дружественных народов: виселицы, деревянные башмаки, лягушки, Папа Римский, чертополох и др.²¹ В свою очередь, сходство шотландцев с жадными и алчными евреями обосновывалось, с одной стороны, мнением британских антиквариев относительно происхождения кельтского языка от иврита, с другой — фольклорными сюжетами об изгнании из Англии в 1290 г. евреев, которые бежали на север Британии²².

Тем не менее к 1820-м гг. негативный образ населения северного региона приобрел более положительный окрас, чему способствовали следующие факторы: во-первых, господство примитивизма, в рамках которого шотландцы стали рассматриваться в качестве коренных жителей острова, гордящихся своим героическим прошлым; во-вторых, творчество В. Скотта, который способствовал тартанизации и романтизации Шотландии; наконец, в-третьих, деятельность Георга IV и королевы Виктории, которые любили посещать этот живописный край. Поэтому в дальнейшем благородный шотландский горец в килте станет главным символом этнокультурной идентичности шотландцев и остается им по сей день. Стоит отметить, что после подавления восстания якобитов 1745—1746 гг. жители Каледонии больше не давали повода усомниться в своей лояльности к британской короне, в отличие от ирландцев, национализм которых в середине XVIII — начале XX в. эволюционировал от романтического к радикальному. В XIX в. их миграция в Англию будет воспринята как серьезная угроза для местного цивилизованного общества, в связи с чем жители «изумрудного острова» в работах художников-графиков Викторианской эпохи будут служить олицетворением дикости и варварства.

Ирландцы в большей степени, чем валлийцы или шотландцы, воспринимались англичанами как чуждый для них народ, со стороны которого может исходить угроза суверенитету и целостности государства. В первую очередь, этот образ был подкреплен историческими и религиозными факторами: несколькими волнами колонизации острова, многочисленными притеснениями местных жителей со стороны переселенцев, которые, в свою очередь, способствовали стремлению ирландцев ограничить гнет британской короны или вовсе избавиться от него.

Стоит заметить, что корни негативного восприятия ирландцев англичанами уходят в эпоху Средневековья. Именно в XII в. с появлением англо-нормандских поселений в Ирландии начинается взаимодействие культур двух народов. Однако англо-норманны, место проживания которых было ограничено прибрежной полосой близ Дублина, воспринимали свою территорию как оазис цивилизации в пустыне дикости. Средневековый историк Геральд Камбрийский в своем труде «Топография Ирландии» (1188) так характеризовал ирландцев: «люди, населяющие эту страну, столь удаленную от остального мира, <...> исключены из цивилизованных народов, они ничему не учатся и ничего не практикуют, кроме варварства, в котором они родились и выросли...»²³ На протяжении XVI—XVII вв., после завершения завоевания Ирландии Кромвелем (1649—1653), английское общество начало воспринимать жителей острова как угрозу своей безопасности. Это было связано с утверждением в Англии протестантизма, участием ирландцев в серии английских гражданских конфликтов, а также с тем, что остров служил плацдармом для вражеских наступлений в эпоху европейских династических войн. В северной провинции Ольстер шотландские пресвитериане разбили свои плантации. Значительное количество обездоленных католиков было изгнано Кромвелем в бедную западную провинцию Коннахт, которая впоследствии стала католической антианглийской частью Ирландии. Как и их предшественники, английские протестанты оправдывали свои действия тем, что они несут цивилизаторскую миссию, искореняя католицизм как религию фанатизма, суеверий и праздности. Утвердившись к 1690 г. в качестве правящего класса, они использовали свою монополию на власть в ирландском парламенте, чтобы закрепить посредством принятия ряда законодательных актов, известных как Карательные законы, общественное и экономическое превосходство над католиками²⁴. Однако дух ирландцев не был сломлен, они продолжали оказывать сопротивление колонизаторам и отказались перенимать их ценности.

События конца XVIII в., а именно деятельность организации «Объединенные ирландцы», которая была направлена на разжигание революции в целях провозглашения независимой республики, восстание 1798 г. и попытки Франции оказать помощь борцам против английского господства путем отправки флота показали, что Ирландия является «ахиллесовой пятой» Британской империи. В это время англичане продолжили транслировать в своем колониальном дискурсе представление о жителе «изумрудного острова» как о диком и отсталом Пэдди, склонном к пьянству и насилию. В XVIII в. уходят корни широко распространенного в прессе Викторианской эпохи образа ирландцев как обезьян. Появление

этого образа связано с произведением Дж. Свифта «Путешествие Гулливера» (1726). В четвертой части романа фигурирует народ еху — человекоподобные существа, похожие на обезьян и наделенные многочисленными пороками: жадностью, ленью, агрессивностью, похотливостью, корыстолюбием и др. Они бродят по пустоши обнаженными, совершенно лишены сочувствия, служат трудовой силой для гуигнгнмов²⁵. В научной литературе распространено мнение, что еху являются воплощением ирландцев²⁶. Возможно, тем самым Дж. Свифт пытался вызвать у читателя осуждение колониальных завоеваний и жестокого угнетения народов, обвинить Англию в порабощении своих соотечественников.

На карикатуре «Убийство лорда Килвардена» иллюстратор Дж. Крукшанка (1792—1878) изобразил ирландских повстанцев 1803 г. как кровожадных, вооруженных вилами людей²⁷. В это время как раз начинается публикация британского сатирического еженедельника «Панч» (с 1841 г.), который уже к 1850-м гг. приобрел однозначную репутацию антиирландского журнала²⁸. В XIX в. на его страницах будут фигурировать ирландцы в образе обезьян. Примером могут служить такие карикатуры, как «Ирландский Франкенштейн» Мэтта Моргана (1869), где чудовище является воплощением фенианизма²⁹, или «Ирландская буря» Дж. Танниела (1870), отражающая конфликт и шумиху вокруг Ирландского земельного законопроекта. На последней изображен У. Гладстон / Просперо, защищающий прекрасную и испуганную леди Гибернию от фения, который представлен как угрожающий и оборванный Рори / Калибан из пьесы «Буря» У. Шекспира³⁰.

Публикация в 1859 г. труда «Происхождение видов путем естественного отбора» Ч. Дарвина, в котором ученый раскрыл свою эволюционную теорию происхождения человека, также укрепила образ ирландцев как обезьяноподобных людей, находящихся на низшей ступени развития. В следующем году это позволило писателю и проповеднику Ч. Кингсли в письме, адресованном жене, назвать ирландцев «белыми шимпанзе»: «Меня преследуют человеческие шимпанзе, которых я видел в той сотне миль ужасной страны (Ирландия) <...> ибо видеть белых шимпанзе — это ужасно; если бы они были черными, этого бы не было так чрезмерно, но их кожа, за исключением тех, которые загорели в результате воздействия открытого света, такая же белая, как наша»³¹.

В трудах же ирландских интеллектуалов XVIII в., таких как Ч. О'Коннор и С. О'Хэллоран, указывалось на то, что с прибытием на остров их предков с Ближнего Востока Ирландия превратилась в главную школу Европы, ученики которой распространяли свою мудрость и грамотность среди кельтских народов. В период раннего Средневековья остров превратился в центр христианского мира и продолжал служить убежищем учености. В 1860-е гг. начался новый этап в развитии романтического национализма, в рамках которого важное место было отведено концепции национального суверенитета³². В связи с этим в интеллектуальной культуре формируется феминный образ Ирландии, которую начинают изображать в виде эпонимных богинь Эриу, иногда Фодхлы или Банбхи³³. Создание этого облика было направлено на призыв народа к самопожертвованию ради своего родного края, что могло символизировать национальное искупление и служить воплощением героизма.

Что касается Уэльса, то он раньше Ирландии и Шотландии вошел в состав Английского королевства — еще в конце XIII в. Уже в это время в восприятии англичан начинает формироваться образ валлийцев как варваров. Значительный «вклад» в этот процесс внес ранее уже упоминаемый нами Геральд Камбрийский. Однако стоит заметить, что к своим соотечественникам он был более благосклонен, нежели к ирландцам. Хронист признавал, что валлийцы являются древним народом благородного происхождения, родственным римлянам и франкам, но пришедшим к началу XII в. в упадок³⁴. В конце XV в. с приходом к власти династии Тюдоров начинаются активная интеграция Уэльса в состав Английского королевства и ликвидация культурных и языковых отличий. Валлийские дворяне отказывались от своей самобытности, перенимали манеры и модные веяния своих восточных соседей, покидали родные места. Наконец, в связи с промышленным переворотом в конце XVIII в. южная часть региона подверглась англлизации, которая нанесла значительный урон этнокультурной идентичности народа Уэльса. Задачу по спасению самобытности и родного языка взяли на себя валлийские интеллектуалы и антикварные общества, обосновавшиеся в Лондоне.

Валлийцы также сатирически воспринимались англичанами в качестве глупцов, но, в отличие от ирландцев или шотландцев, они не представляли опасности для британского порядка. Угроза могла исходить от них только в связи с их склонностью к воровству. В то время в Англии широкое распространение получает сатирический персонаж валлийца по имени Таффи, который был беден и промышлял воровством. На гравюрах и карикатурах «бедного Таффи» и его жену изображали верхом на козе из-за того, что они не могли позволить себе купить лошадь³⁵. Можно было также заметить прихваченный ими в дорогу скудный провиант, представленный в основном сыром и сельдью. Стоит заметить, что сыр и сельдь являлись излюбленной и доступной для валлийцев пищей. Например, на карикатуре «Валлийский фестиваль в День Св. Давида» (1790) были изображены члены одного из антикварных валлийских обществ Лондона, которые жарят сыр на огне и варят кашу из лука-порей³⁶.

Главным атрибутом Таффи была шляпа с луком-пореем вместо пера, а из карманов его одежды могли торчать лоскутки древних родословных. Валлийцы, как и шотландцы, часто высмеивались из-за интереса к своим родословным, а также из-за их притязаний на высокое происхождение, несмотря на бедность³⁷. Любопытно, что образ «бедного Таффи» приобрел символическое значение у лондонских валлийцев. Одна из картин под названием «Сэр Джеффри Морган, посол Уэльса», на которой в сатирическом стиле изображен выходец из западного региона Британии верхом на козле, была передана антикварному обществу «Киммродорион» (Cymmrodorion), а в настоящее время хранится в Национальной библиотеке Уэльса³⁸.

Нередко англичане выражали пренебрежение по отношению к жителям этого края или подвергали их насмешкам из-за валлийского языка. Писатель и сатирик Нед Уорд в труде «Путешествие по Северному Уэльсу: описание страны и людей» характеризовал этот регион убогой землей, где крестьяне говорили на невнятном, гортанном языке, который по звучанию напоминал «гогот гусей или индеек», а не речь разумных

людей³⁹. В Отчете об образовании 1848 г. говорилось о валлийском языке как о «барьере для населения Уэльса на пути к моральному прогрессу и коммерческому процветанию»⁴⁰.

В 1866 г. в газете «Ве Таймс» было объявлено, что валлийский язык является «проклятием» для его носителей, а один из школьных инспекторов Мэтью Арнольд отмечал, что «чем скорее валлийский язык перестанет являться инструментом политической и социальной жизни Уэльса, тем лучше»⁴¹. Учитывая эти отзывы, неудивительно, что, согласно Закону об образовании 1870 г., английский язык станет обязательным во всех валлийских школах. В условиях интеграционной политики британской короны на защиту родного языка встали антиквари «Почетного общества Киммродорион», которые поощряли лингвистические исследования, развивали литературное творчество и издательское дело. Мистификатор и антикварий Йоло Моргануг с помощью церемонии Горседда возродил средневековый фестиваль музыки и поэзии Айстедвод, который стал важным институтом сохранения и поддержания валлийского языка. Таким образом, под воздействием примитивизма, антикварных исследований и появления бардо-друидической церемонии Уэльс приобрел романтический имидж, а образ друида с длинной бородой и в белом одеянии стал всеми узнаваемым символом его народа.

Со второй половины XIX в. все чаще в центре внимания художников, а затем и фотографов оказывается образ женщины в валлийском национальном костюме. Этот костюм не был валлийским, но сознательно был превращен в национальное женское платье в 1830-х гг., благодаря усилиям группы людей, возглавляемых леди Ллановер⁴². Наконец, в конце XIX в. образ варварского Уэльса посредством развития искусства карикатуры трансформируется в персонифицированный образ «Дамы Уэльс», ставшей верной подругой Джону Буллу, олицетворяющему Англию⁴³.

Подводя итог, стоит отметить, что англичане по мере превращения Великобритании в XVIII—XIX вв. в огромную колониальную империю испытывали ксенофобию по отношению к своим же ближайшим соседям. Ощущая их культурную инаковость, а также исходящую от них опасность, они воспринимали кельтские народы как «чужих». Политика короны была направлена на формирование единого народа путем ликвидации культурных и языковых отличий населения Британских островов. Агрессивные действия, навязывание своего языка, манер и обычаев англичане объясняли цивилизаторской миссией и искоренением варварства на территории непосредственно метрополии. В рамках колониальной пропаганды кельтские народы изображались как бедные и отсталые маргиналы, склонные к грабежу и насилию. Каждому из них был присвоен персонифицированный негативный образ: шотландцев стали называть Соуни, ирландцев — Пэдди, валлийцев — Таффи. На страницах британской прессы эти персонажи противопоставлялись облику типичного англичанина Джона Булля, хитрого и умного патриота. Конечно же, в ответ на эти нападки шотландцы, ирландцы и валлийцы стремились обелить представление о самих себе, продемонстрировав древность и богатство своей культуры, придав своему прошлому романтический и чарующий вид. Однако эти народы выбрали разные пути дальнейшего развития: если шотландцы и валлийцы решили стать частью «цивилизованного»

британского общества с сохранением при этом собственной этнокультурной идентичности, то ирландцы встали на тропу борьбы за обретение независимости.

Примечания

- Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21—78—00038, URL: <https://rscf.ru/project/21-78-00038/>
1. ROBERTSON J.M. *The Saxon and the Celt: A Study in Sociology*. London. 1897, p. 349.
 2. LEERSSEN J. TH. *Mere Irish & Fíor-Ghael: Studies in the Idea of Irish Nationality, Its Literary Expression and Development*. Amsterdam. 1986, p. 535.
 3. MCBRIDE L. W. *Images, Icons and the Irish Nationalist Imagination, 1870—1925*. Dublin. 1999, p. 288.
 4. GRIBBEN A., WILSON T., MACKILLOP J. *Images of the Irish and Irish-American in Commercial and Ethnographic Film*. Boston. 1987, p. 88.
 5. LORD P. *Words with Pictures, Welsh Images and Images of Welsh in the Popular Press*. Perth. 1995, p. 167.
 6. STOYLE M. *Caricaturing Cymru: Images of the Welsh in the London Press, 1642—1646*. In: *War and Society in Medieval and Early Modern Britain*. Liverpool. 2000, p. 162—179.
 7. PITTOK M.G.H. *Celtic Identity and the British Image*. Manchester. 1999, p. 196.
 8. GAZIN-SCHWARTZ A. *Imaging the Scottish Highlands*. — *Historical Archaeology*. 2007. Vol. 41. No. 1, p. 92—105.
 9. VASCONCELOS S.G.T. *Wavering over Borderlines: History and Fiction in Walter Scott*. — *A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies*. 2009. No. 57, p. 139—150.
 10. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File: The_Scots_Holding_Their_Young_King%27s_Nose_To_the_Grindstone.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:The_Scots_Holding_Their_Young_King%27s_Nose_To_the_Grindstone.jpg).
 11. URL: <https://allpoetry.com/The-Rebel-Scot>
 12. URL: [http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/Файл: William_Mosman_-_Prince_Charles_Edward_Stuart,_1720_-_1788._Eldest_son_of_Prince_James_Francis_Edward_Stuart_-_Google_Art_Project.jpg](http://wp.wiki-wiki.ru/wp/index.php/Файл:William_Mosman_-_Prince_Charles_Edward_Stuart,_1720_-_1788._Eldest_son_of_Prince_James_Francis_Edward_Stuart_-_Google_Art_Project.jpg)
 13. PETLAND G. *We Speak for the Read: Images of Scots in Political Prints, 1707—1832*. — *Scottish Historical Review*. 2011. Vol. 90. No. 1, p. 74.
 14. *Ibid.*, p. 75.
 15. URL: <https://www.biblio.com/book/john-bulls-watchman-neglecting-his-duty/d/1392663986>
 16. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/ecco/004808200.0001.000/1:2?rgn=div1;view=fulltext>
 17. URL: <https://mobile.twitter.com/Gillymg/status/1456691496405676033/photo/1>
 18. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1868-0808-3790
 19. URL: <https://www.magnoliabox.com/products/the-flying-machine-from-edinburgh-in-one-day-performed-by-moggy-mackenzie-at-the-thistle-and-crown-pge-31>
 20. URL: <https://www.npg.org.uk/collections/search/portrait/mw63175/Sawney-in-the-bog-house>
 21. URL: https://www.britishmuseum.org/collection/object/P_1867-0511-54
 22. PETLAND G. *Op. cit.*, p. 82.
 23. GIRALDUS CAMBRENSIS. *The Topography of Ireland*. Cambridge. 2000, p. 70.
 24. HUTCHINSON J. *The dynamics of cultural nationalism the Gaelic Revival and the Creation of the Irish Nation State*. London. 1987, p. 53.
 25. URL: <https://онлайн-читать.рф/свифт-путешествия-гулливера/34>
 26. PITTOK M.G.H. *Op. cit.*, p. 25.
 27. URL: <https://victorianweb.org/art/illustration/cruikshank/32.html>
 28. CASEY D. *19th-Century Irish “Ape-Man” Cartoons and the Aesthetic of the Grotesque*. Dublin. 2015, p. 12.
 29. URL: <https://pixels.com/featured/the-irish-frankenstein-anti-irish-mary-evans-picture-library.html>
 30. URL: https://www.aoh61.com/images/ir_cartoons/punchLVIII.htm

31. ELSIE B.M. *Outside the Pale: Cultural Exclusion, Gender Difference, and the Victorian Woman Writer*. London. 1993, p. 49.
32. HUTCHINSON J. *Op. cit.*, p. 94.
33. URL: https://commons.wikimedia.org/wiki/File:%27The_Harp_of_Erin%27,_oil_on_canvas_painting_by_Thomas_Buchanan_Read.jpg
34. URL: <http://www.cymraeg.ru/gerallt/ymerodraeth.html>
35. URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Chap-books_of_the_eighteenth_century_\(1882\)_%2814783191822%29.jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Chap-books_of_the_eighteenth_century_(1882)_%2814783191822%29.jpg)
36. URL: https://www.britishmuseum.org/research/collection_online/collection_object_details/collection_image_gallery.aspx?partid=1&assetid=102421001&objectid=1489918
37. PITTOK M.G.H. *Op. cit.*, p. 29.
38. URL: <https://www.cymmrodorion.org/wp-content/uploads/2018/06/11-THE-HISTORY-OF-A-WELSH-PAINTING.pdf>
39. WARD N. *A Trip to North-Wales: Description of That Country and People*. L. 1740, p. 10.
40. *Reports of the Commissioners of Inquiry into the State of Education in Wales*. London. 1848, p. 309.
41. PITTOK M.G.H. *Op. cit.*, p. 28.
42. MORGAN P. *The Eighteenth Century Renaissance*. Llandybie. 1981, p. 133.
43. URL: <https://welshhat.files.wordpress.com/2015/10/the-twomothers.jpg>

Литературная среда Баку в период его нахождения в составе Российской империи

С. Ахмедова

Аннотация. Статья посвящена истории литературной среды Баку в период нахождения азербайджанской столицы в составе Российской империи. Автор уделяет особое внимание развитию азербайджанской национальной культуры и ее виднейшим представителям.

Ключевые слова: Баку, Азербайджан, культура, литературная среда, поэзия, образование, свобода.

Abstract. The article is devoted to the history of the literary environment of Baku during the period when the Azerbaijani capital was part of the Russian Empire. The author pays special attention to the development of the Azerbaijani national culture and its most prominent representatives.

Key words: Baku, Azerbaijan, culture, literary environment, poetry, education, freedom.

History of Baku is very ancient. It is a very ancient city of oil, stones-which tell a thousand stories, faced with thousands of troubles, and the blue Caspian Sea-opening its morning with amazing songs, that spread in different times, and fall asleep at night. The oldest information about the history of Baku dates back, to the 270 BC (883—884). Famous Greco-Roman astronomer and geographer Claudius Ptolemy, who lived in the second century AD, had information about Baku in his book “Geography Textbook”. He notes, that there is an oil-producing city on the peninsula, on the shores of the Caspian Sea, and Turkic tribes live in this city. The word Baku is referred to as “Bakhov”, “Baki”, “Baku”, “Bakuli”, “Bagaran”, “Bakuan”, “Bagin” in works of many historians. Fact is that, word “Baku” comes from the word “Baku” (inviolable), one of the 99 names of Almighty God, in the Holy Quran. In addition, Baku-which it was founded as a city, about two and a half thousand years ago, was inhabited by a group of Turkish tribes called “Baks”, who believe in the god of the sky. According to some historians, the name of the city is also connected with these tribal groups. Some Persian lover historians, claim that, Baku was a Persian city, and that, its real name was Badukufa (Windy City). But this is very false

Ахмедова Сабина — доктор наук, Отдел персидских рукописей Института рукописей Азербайджанской академии наук. Баку. Азербайджан. E-mail: ehmedova3@mail.ru.

Akhmedova Sabina — doctor of philosophy, Institute of Manuscripts, ANAS, Department of Persian Manuscripts. Baku. Azerbaijan. E-mail: ehmedova3@mail.ru.

and invented thing. This city, which was occupied by outlanders, such as Sasanids, Abbasids, Mongols and the Iranian Shah, from time to time; was finally occupied by the Russians as a result of the betrayal of the Iranian Shah and became a semi-colonial part of Tsarist Russia in the early 19th century.

The main aim of this research is to involve the life and work of poets of the Baku environment during Tsarist Russia in the study. In this case the following hypothesis have been fulfilled as key aspects of the problem:

1. Influence of historical and cultural factors on the formation of the literary environment.

2. Analysis of formation of Baku literary environment.

3. Studying the traditions that the poets of the Baku environment are based on, topics that have not used yet, brought by the poets to the literature.

For the first time, this topic has been systematically studied. Monographs, essays, articles, other sources, as well as quotes from the works of individual authors, as well as newspapers and magazines, presented with scientific conclusions. For the first time, parallels were made among Azerbaijani poets and literary majlis, and Azerbaijani poetry of the 19th—20th centuries was studied in a broad sense in the context of the development of literary tradition and innovation.

The method and methodology of the research is a systematic approach to the problem, and a historical method. In order to acquire new information in the paper, the application of old knowledge, getting scientific facts, methods of wide dissemination of the first research information were used in the research. The historical-comparative method was involved in the study.

Fact is that, culture developing, including literature and poetry, was connected with Islam in Baku. Thus, beginning from 7th century, arriving Ahl al-Bayt's blessed people (as) to the territory of Azerbaijan, or rather to the South Caucasus, led to the spread of Islam, the most progressive and universal religion in the world, including Baku, of course, whole Azerbaijan. We can give examples, Ganja Imamzadeh sanctuary, built on the grave of Mevlan Ibrahim, son of our V Imam — Imam Muhammad Bagir, Bibikheibat sanctuary, built on the grave of our VIII Imam, Imam Reza's sister Hakima, and Rahima sanctuary in Nardaran.), "Leyla khanum's sanctuary" in Bilgah, "Ali foot" in Buzovna, imams in Yardimli region, etc. But, according to Barbnab, I apostle of Jesus (peace and blessings), before that 80 percent of population in Baku were Albanian Christians, 15 percent professed different faiths and 5 percent were fire worshipers.

Those, who claim that inhabitants of Baku, were fire worshipers before the adoption of the Islamic religion-give example Ateshgah in Surakhany. However, it is well known that this sanctuary was built by Indian pilgrims called "Pars-fire-worshipers" and has been burning ever since, as a burning piece was unconsciously thrown into it from a small oil well near the sanctuary. Indopersi fire-worshipers also built a "hearth" near the fire, because they considered this — Almighty.

After occupation of Azerbaijan Tsarist Russia, tsarist officials began to use the slavery regime and not only enslaved the peasants and workers, but also made the landowners depending on them in Azerbaijan. Thus, owners, who owned land or property, employed peasants and workers, paid most of their profits to officials under the name of taxes. And, people who were once khans and beks found themselves on the degree of bankruptcy and became so dependent, that it was no longer possible to speak of their domination.

It was invented such dates, that Russian tsar attributed the slave regime in the Caucasus, including in Azerbaijan, only to the peasants and workers, but owners, in short, the rich retained their rights domination during socialist period. But it was not so, all owners, merchants, and other richs hadn't any rights. Because the tsarist authorities, when they wanted they took the richs property, or deported them. For example, many people know that, Varonsov-Dashkov, who was once the heir to the Caucasus, took away the lands, forests and gardens from many of Azerbaijan's wealthy people and made them his property. We see this in novel "Deli Kur". (Crazy Kur) by the famous Azerbaijani writer Ismail Shikhly. Thus, the deputy from Caucasus, Varonsov-Dashkov, sent armed officials to capture Jakhandar Agha's forests, and when Jahandan Agha knew about this, there was a collision, he was killed during the shooting with them. Another example: Viceroy from Karabakh with the armenian origin Tarkhan, slandered the famous Azerbaijani poet G.B. Zakir and exiled him, by the time confiscating all his property. And we must note that poet wrote his famous poem "Durnalar" while in exile in Baku.

According to the decree of Alexander II "Land ownership", in 1870, sale of oil areas to citizens in the short time caused the strong influence on economy in Baku. The richs bought oil fields and drilled wells, they had accumulated over the years, and by selling oil from these wells, they both became rich and brought large revenues to the state budget of tsarist Russia. All these gave impetus to Baku, first to the construction of the Baku-Tbilisi railway to deliver oil to the world market through the Black Sea, and then to the construction of Baku-Petersburg, Baku-Moscow, Baku-Kiev railways. This gave an amazing impetus to economic and cultural development Baku province. And at this time educational activities spread in Baku with the newspaper "Akinchi", which published by Hasan bey Zardabi. Rushdian schools and Russian-Muslim schools were built for the Muslim boys, the press began to develop under the influence of "Akinchi", and many newspapers and magazines were published. So, Haji Shikhali, Haji Hajaga, Haji Zeynalabdin Tagiyev, Murtuza Mukhtarov, Shamsi Asadullaev, Agamusa Nagiyev and others, who earned money with great difficulty, they bought oil lands and drilled oil wells. However, they spent most of their hard earned money on improving the economic well-being of the people, improving their livelihoods and education.

In addition, these benefactors were also educational people, and they knew very well, how science and education lighted ideology of the nation, they opened and built scientific and educational institutions for children, as well as, they send talented youth to London, Paris, St.-Petersburg, Odessa, Najaf to get education.

It is no coincidence that the Muslim department of the Gori Teachers' Seminary, founded by Baku millionaire-Seyid Mirbabaev, 250 youngs educated and began to work teachers at schools in various parts of the South Caucasus.

Political upheavals and administrative division of Azerbaijani territories; market economy development, culture manifested themselves and opened doors culture to Azerbaijani literature in 19th century. When intelligentsia saw, that available period has opened its doors with great sincerity they appreciated the opportunity, as if they are contesting with each other organized the press units such as "Union", "Progress", "Sada" (voice), "Sadai-hakk" (voice of re-

ality), “New Life”, “Hummat” (Cooperation), “Kaspi”, “Fuzat”, “Yeni Fuzat”, “Ari”, “Babayi-Amir”, “Tuti”, “Mazali”, “Kalniet”, “Shalala”, “Irshad”, “Itti-fak”, “Zanbur”, “Iqbal”, “Life”, “Evolution” and others.

Revolutionary movement, which began at the beginning of 20th century, led to the strengthening of national liberation movement in Azerbaijan, which, in turn, gave impetus to the development of the national language-the native one. Purity and massive development of the native language, which began in the 1980s with the help of the press, education and textbooks in native language, justified itself in the beginning 20th century. Of course, development of the national language, had a direct impact on the development of national ideology and national identity. This was one of the factors, that raised the national dignity consciousness of the people. Special persistence and diligence of the Azerbaijani intelligentsia created a moral and psychological basis for the development of the national language in this work. Of course, national press was on the first place, because poets wrote poetry, expressing the value of their native language for people, nation, showing the special self-sacrifice for development of national language, during this period.

But, poets weren't satisfied with this, they instilled for young generation the spirit of patriotism, the spirit of independence and future, at the same time, they created beautiful and magnificent works which, after seven generations, were able to recognize all this. Aliabbas Muznib, who was brought up in the literary environment of Baku, explained his love of the Motherland with alive scenes and poetic plates as follows:

Azerbaijan... as flower garden,
Bakikhanov's flower-bed... is this country...
Muhammad khan, Ahmad khans' residency... is this country,
Javad khan's tomb... is this country ¹.

Baku was the largest city in the Caucasus, and at the end of 19th century, began the stage of development in this city, that already during 10 years of 20th century, magnificent buildings built by the Azerbaijani oil entrepreneurs, especially Haji Zeynalabdin Tagiyev, group of enterprises, arcades, canteens, shops that are far superior to modern supermarkets, clubs, mysterious parks and gardens, bulvard, beautiful buildings-aparts, etc. The industrial city became one of the most beautiful cities in the world, from the day that the Caucasian Islamic Army liberated Baku from occupation at the end of March 1918, September 15, but this continued till the burning day the most magnificent monuments of Baku. Dashnak-Bolshevik military units of the neo-fascists burnt national buildings with the help of Stepan Shaumyan. (since the end of March 1918, 70% of Armenians, Bolshevik sailors, 30 percent of which are Russian, burnt Muslim monuments in Baku, including the building “Ismailiye”, built in honor of the earliest death of Agamus Nagiyev's son Ismail, which belongs to the Institute of Manuscripts named after Mohammad Fizuli of ANAS, the “Taza Pir” mosque, the Maiden Tower, which built by Shirvanshah Manichokhrom in 12th century and many monuments which were destroyed by artillery fire from ships.)

From the end of the 19th century, the spread of scientific and educational institutions, increasing of world view of people, enlightenment, the developing of national ideology, the emergence of national identity, exposure of hypocrisy,

mullahs' emergence of fraud, the most importantly, education of youngs had a positive impact on the literary environment and explained in the creativity of Baku poets. Because the illitracy, ignorance, of the people were the most vulnerable point of these poets. For example, one of the most famous poets of Baku literary environment Abdulkhalig Jannati explained goodness of education and literacy for the human in his poem which named "Kitab" (Book):

My son... book is the soul, bliss and care for wholly men...
Strength to the heart, strenght to spring, soul to the beloved... is book
If it is pure from the birth, it has kindless...
Who has revelation, for him flower-garden... is the book... ²

Poem is the such bouquet of flowers, that as the poems of Khagani, Nizami, Hafiz, Sadi, Mevlana Fizuli, Shah Khatai, Nabati, Seyid Azim Shirvani, M. A. Sabir, Mahammed Khadi, Abbas Sahat, Huseyn Javid, Mehmed Akif Yersoy, Shakhriyar, which spreading aromate all over the world, until the Day of Judgment, and people, under the influence of this aromate will brighten their lives. Poetry is a concept that not only explains the value of a word, but also embellish it. Poetry is formed from beautiful, effective, meaningful and logical words. But, unfortunately, at the end of 19th century, as well as at the beginning of 20th century and in subsequent years, weeds grew in the poetry of Azerbaijan, and their roots went so deep as meadows that it is still impossible to eradicate them. At that time, poets of literary enviorement Baku wrote satirical poetry against such reactionary poets and their supporters. For example, poet Samad Mansur strongly ridicules such poets in one of his poem and sent this to his closely friend Hashim Sahiband:

Suddenly Islam's fate got friquently better!
Poor, was night, but now became morning!
Rain of light droped on cities and villages now,
All, all have became owners everywhere ³.

Despite all, after establishing Soviet regime literary, cultural, political and social relations between Azerbaijan and Russia began to develop more. The most perfect literary works from the Russian literature were translated into the Azerbaijani language and these works were well-received by the readers. In that time the Azerbaijani poets and writers benefited by progressive traditions emerged in the Russian literature, and wrote works with deep content, idea. In the contemporary period Russian-Azerbaijani literary relations are developing in the positive direction.

References

1. VUGAR A. Azerbaijan Children's Literature. Baku. 2006, p. 106.
2. Spoken Words are Memory / Collecting by Jafar Remzi. Prepared and foreword author: Sona Hayal. ANAS, Institute of Manuscripts named after Mohammad Fuzuli. Baku. 2019, p. 79.
3. Ibid., p. 205—206.

Русско-китайские культурные контакты на Северо-Востоке Китая в первой половине XX в.

С. А. Черкашина, П. Ю. Гурушкин, Ю. Г. Бабаева

Аннотация. Статья посвящена основным направлениям русско-китайских культурных контактов на территории северо-востока Китая в первой половине XX в., в ее содержание включены результаты полевых исследований. В выбранный хронологический период активно взаимодействовали два мира культур — китайской и русской — с присущими каждому из них особыми характеристиками мировосприятия, типами мышления, ментальными особенностями. Контакты в регионе имели специфику: кратковременность не привела к культурному синтезу как итогу процесса взаимодействия. В китайском культурном пространстве русская культура являлась локальным образованием, специфичным для крупного географического ареала — Маньчжурии. Рассмотрение направлений этнокультурного взаимодействия русского и китайского народов обнаружило диффузию отдельных элементов и комплексов культур. Русское пребывание на Северо-Востоке Китая оказало значительное влияние на промышленно-производственную и финансово-экономическую сферы жизнедеятельности.

Ключевые слова: история Китая, русские в Китае, русская эмиграция, КВЖД, культурные контакты, культурное взаимодействие.

Abstract. The article is devoted to the main areas of establishing Russian-Chinese cultural ties in the North-East of China in the first half of the 20th century. It covers the results of field studies. In the considered period, two cultural worlds — Chinese and Russian ones — actively interacted, demonstrating the unique outlook, types of thinking and mental features. Contacts in the region had their peculiarities: short-term ones did not lead to cultural synthesis as the result of the interaction process. Russian culture was a local phenomenon in China, specific to a large geographical region — Manchuria. When one culture invades another, the penetrating power of each component is directly opposite to its social value; an alien culture perceives the economic element with the greatest readiness, then comes politics, the cultural element is in last place. Considering the ways of ethnocultural interaction between the Russian and Chinese peoples revealed the diffusion of separate elements and complexes of cultures. The Russian stay in the North-East of China significantly impacted the industrial, industrial, financial and economic spheres of life.

Key words: history of China, Russians in China, Russian emigration, Chinese-Eastern Rail Road (KVZhD), cultural contacts, cultural interactions.

In the first half of the 20th century two cultural worlds (Chinese and European) with special characteristics of understanding of world, types of thinking and mental peculiarities were interacting in the territory of the North-East of China. Being an informational open cultures of various societies constantly interact with each other everywhere, where direct or indirect, contact between representatives of society — bearers of these cultures — takes place¹. Based on the binary opposition East/West Russian

culture is allocated to European cultures. In this work, the evidence of successful cultural contacts is the presence of ethnically characterized new information. "...Ethnos is limited to space clusters of cultural information and intercultural contacts are the exchange of such information"².

The fact that cultures influence each other is traditionally acknowledged, but it seems more reasonable to speak of interaction between them. Mutual influences are provided for by commercial intercourse, religious propagation, wars and conquests. Interaction of various cultures in history may be of inadequate character: equal and unequal, conflict and conflict-free. Depending on the manner of interaction, the recipient culture activates various mechanisms performing functions of selecting filters in the course of cultural interaction in respect of the donating culture³.

The diffusion processes within a culture are one of the most natural forms of its spatiotemporal existence. In this research the diffusion process is understood as a process of "constant spreading of any culture or, which is more often, its separate forms, samples, and subsystems from the point (region) of its emergence in the directions where these cultural elements are demanded and adopted by a society previously not possessing such forms"⁴.

One of the common forms of cultural diffusion is its forcible introduction by some strong party (conqueror, colonizer) to the cultural practice of the weak party (conquered or colonized nation). The colonization procedure is the result of the target of colonization and Russian colonial policy in China was not aimed at uprooting of national traditions, changing the Chinese lifestyle and way of thinking.

Being in China Russians understood the genius loci (genius of thought). "...There is a "special imprint" here in the East. We, who gather in Harbin and crowd in Shanghai, live in specific conditions. Here width, eastern style of life and society come forward..."⁵ The famous emigrant writer V.N. Ivanov wrote that "on coming to China for the first time in 1920, to Harbin, not even getting to the 'Real China' within the Great Wall, even in this provincial lifestyle I sensed calm breathing of the huge ancient culture so different from that of Russian and European cultures."⁶

Черкашина Светлана Анатольевна — кандидат культурологии, доцент кафедры менеджмента массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доцент. E-mail: chersa@yandex.ru; *Гурушкин Павел Юрьевич* — кандидат политических наук, доцент кафедры менеджмента массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». E-mail: gurupavel@yandex.ru; *Бабаева Юлия Григорьевна* — кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой юриспруденции Московского городского университета управления Правительства Москвы имени Ю.М. Лужкова. E-mail: babaevayg@edu.mos.ru.

Cherkashina Svetlana A. — PhD (Cultural Studies), associate professor of the Department of Management in Mass Communications, St. Petersburg State University, associate professor. E-mail: chersa@yandex.ru; *Gurushkin Pavel Yu.* — PhD (Political Science), associate professor of the Department of Management in Mass Communications, St. Petersburg State University. E-mail: gurupavel@yandex.ru; *Babaeva Yulia G.* — candidate of law, associate professor, deputy head of the Department of Jurisprudence of the Moscow City University of Management of the Government of Moscow named after Yu.M. Luzhkov. E-mail: babaevayg@edu.mos.ru.

The society's culture consists of economical, political, and cultural elements themselves. When one culture intrudes into another culture the penetrating force of each of these elements is directly opposing its social value. Thus, the economic element is more readily absorbed by a foreign culture, followed by politics, and the last one is the cultural element ⁷. Further on the cultural contacts will be analyzed in this sequence.

Historical-cultural, historical-comparative, system-functional approaches to the study of the cultural process are used in this research, in which the consideration of culture as a functioning system becomes a priority. To achieve the purpose of the study, the following methods were used: theoretical and comparative historical analysis; biographical and problem-thematic, hermeneutic study of documents, direct observation. The source base of the article consists of published and unpublished sources stored in archival, museum and personal funds. The author used materials collected during a personal expedition to Harbin (2000): inspection of monuments of material culture of the first half of the 20th century, interviewing and interviewing Russian emigrants living in Harbin and the local Chinese population.

The funds of the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (hereinafter — the Archive) make it possible to identify Chinese cities in which Russian representative offices were located in the second half of the 19th — early 20th centuries. These are the Russian mission in Beijing, Consulates General in Dal'nee, Harbin, Shanghai, consulates in Canton (Guangzhou), Hong Kong, Kashgar, Kulja, Niuzhuang (Yingkou), Qiqihar, Hailar, Ürümqi, Mukden, Hangzhou, Tianjin, Fuzhou, Quanchengnuzy, Yangtzechang, Chuguchak, Shrin, vice-consul offices in Hailar and Aigun (the Archive, collections No. 143, 188, 231, 294, 299, 301, 304, 308, 307, 202, 229, 239, 242, 252, 271).

The territory of Heilongjiang province was more seriously influenced by Russian cultural tradition than any other territory of China. Influence is not a form of destruction, but a common characteristic of normal cultural process. Before the political shocks of the first quarter of 20th century Russia had a developed capitalistic industrial network. Among Russians there were quite a few representatives of industrial and commercial community, people familiar with knowledge and technologies progressive at the time, which provided for progressive elements of capitalistic production methods penetrating the colonial-feudal China, under the influence of which the national economy of China was born and began its development.

Russian-Chinese relations in the end of 19th — beginning of 20th centuries were characterized with growth of forms of economic contacts. This was mainly caused by the construction of KVZhD, which led to emergence of Russian enterprises in Manchuria and an increase of navigation on the Amur, Usury and Sungari rivers.

Construction and operation of the rail road greatly influences the social-and-economic development of the region it is located in. The Chinese-Eastern Rail Road (KVZhD) was first of all providing for the establishing of capitalistic industrial network in the North-East of China. E.H. Nilus notes in the "Historical Overview of KVZhD": "This road in 1898—1900 running through a previously deserted country, like Suez or Panama Canal mingling

the waters of the separated oceans, has brought two different cultures of East and West face to face, creating a new possibility for its peaceful and fruitful synthesis.”⁸

Changing of manner and growth of forms of economic relations took place due to the prevailing of export of Russian capitals over the export of goods. Russian enterprises, and KVZhD first of all, straightly encouraged the economic development of Manchuria, established the industrial works in this region of China, and capitalization of farming industry.

“Russian Transportation” society has constructed motor roads leading to the most far away parts of Manchuria and Mongolia, and members of Russian ship-owners’ community have compiled navigational directions for Sungari, Ponni, and Usury. On construction of KVZhD the navigation on the Sungari River was established⁹.

Construction of KVZhD in some ten to twenty years has turned Harbin into an “international level city”, an “economic center of the Northern Manchuria”¹⁰. This is actually not a single case in China, which became apparent in thorough studying of history of Chinese cities. Shanghai and Harbin were developing according to similar formal rules: development of the city was based on commerce; the modern city was growing with the minimum influence of traditional lifestyle¹¹. Western influence is seen in technological and spiritual, behavioral and language aspects of functioning of both cities. They preserved a rather calm atmosphere despite the cataclysms taking place in the country and continued development in the periods of stagnation in the other territories of China.

Harbin was developing as a road city, a city of commerce. In the traditional Chinese society with rural mentality prevailing, commerce, although developing, was always very lowly valued opposed to agriculture, and its development was slow and difficult, and it was impossible to overcome this barrier. The general line of city’s development was industrialization and growth of commerce, which lead to appearance of evident differences in functioning of the city and in the manner the processes were conducted. Progressive technologies and capitalism data base brought by Russians have created favorable conditions for capital investments. In 1905, an agreement of committee regulating the affairs of three provinces, in which it was announce that Harbin was an international commercial center, was approved.

Chinese historians have different opinions in respect of the described period of interaction. Firstly, despite the obvious positive influence where the primary initiator was the government and orders “from above” the researchers note the negative sides of Russians’ presence in Manchuria reflected in to some part rejection of traditional development direction of this region. A traditional Chinese city was normally developing by the rules of “power”. Harbin was developing in an unconventional manner. There were no administrative, commercial and industrial, or military targets of its establishing. The city was constructed based solely on transportation and communication needs.

Advanced tools appeared in agriculture: plough, horse seeders, hay mowers, later — field engines, grain binders, and threshing mills. New agricultural plants were introduced, such as buckwheat, oats, barley, lint, feeder and sugar beet, Bavarian hop, and Turkish and American tobacco.

Hop was mostly consumed by beer brewing mills. Growing of these plants is the basis of modern wellbeing of this region¹². Russian gardeners have established major industrial gardens and berry plantations with over 120 sorts of fruit trees¹³. A major part in popularizing the agricultural knowledge was played by the Manchurian Agricultural Society the task of which was to spread the agricultural knowledge and to conduct works on enhancement of local cultures. In 1908, the Veterinarians' Society was established in Harbin and City Veterinary Service was established under the jurisdiction of the City Council, which supported the spreading of animal breeding.

An important factor can be considered the presence of a large Russian colony on the territory of Manchuria. It is with the construction of KVZhD that the emergence of a large Russian diaspora in this region is connected. The settlement of Russian emigrants in Harbin, of course, had a profound impact on all spheres of life: from technological to spiritual, from behavior to the value system, from culture and education to language norms. In modern life, one can encounter many echoes of the existence of Russian culture here.

Harbin became the first modern city along KVZhD with European orientation in respect of town planning and functional architectural solutions. That is why the evident influence is seen in the planning of the city, its construction pattern and architecture, names of the streets and other spheres.

Before KVZhD was constructed Harbin in respect of quantitative characteristics did not exceed an average village, and most of its population was staying in the territory of modern suburbs. After 1898, when Harbin became the main exchange point of KVZhD, the development of town-planning regulations and layout plan was started. Making use of the initial constructions and neighborhoods constructed later, and considering the specific mahal the planners developed the general town-planning solution plan of Harbin. Streets were constructed with consideration of natural terrain with rivers Singuri to the north from the city and Modjagou to the south. The district division was based on the favorable use made of the three rail road lines going through the city. In designing the project the planners paid special attention to the location of city and district administrative buildings. Considering the fact that the New Town district is the highest point of the terrain the architects constructed the Nicolsky Cathedral in its center, from which six straight streets go to different directions, and around it the administrative buildings, residential, commercial, and public constructions are placed, thus turning it into an administrative district with the center in the KVZhD management. The Bund District was designed as a place of gathering of all commercial constructions; almost all spaces were taken for construction of commercial complexes in the European classicism style. On the Sun Island visible in the bed on the Sungari River quite a few villas were constructed, thus turning it into a resort district.

Russian emigrants' influence on architecture in Harbin was expressed not only in town planning, but also in private constructions, and if you compare Harbin to other Chinese cities, you will see that its architectural style differs significantly. In the 20s-30s, it was called "Eastern Moscow", "Little Eastern Paris"¹⁴, and these words were primarily attributed to its architectural peculiarities.

Harbin's architecture is closely connected with its location, material and technical capabilities, and its historical past. Harbin is located in the cold belt, which is why all constructions should be characterized with high-level heat insulation. In the period between 1908 and 1922, Russian emigrants constructed 2 322 buildings in Harbin, of which 551 were one-storey, 542 — two-storey, and 78 buildings — three-storey and higher, and 1 151 other constructions¹⁵.

The construction process was based on European architectural styles, which on the whole formed the unique look of Harbin different from all other Chinese cities. Such details as pinnacles, corner roofs, sail vaults, hanging gutters, sculptures and bas-reliefs were used in architecture. At first, the buildings in Harbin were made of wood, and later, starting from the 1900s — of bricks. The architecture of Harbin today is still a mixture of European styles of 19th — beginning of 20th centuries. Modern Harbin construction process uses European hardscaping, which gives the city a specific look and makes it stand out among other Chinese cities.

City's toponymy is also its special language preserving the memory of its past and present: this includes economic activities of city's population and memory about people of the city. Traditional location of streets in a Chinese city is subject to the district principal, many streets crossing each other form a specific regular grade of the residential dwellings with four-sided figures inside. But in modern Harbin the streets along KVZhD are shaped as arrows pointing to four or eight directions with a square in the center or having the center in the central part of the district. Such directioning of streets roots in the times of Ancient Greece and Rome, when architects were placing a cathedral or an administrative building in the center and the streets were going away from it in all directions, thus stressing the significance of the cathedral or the building.

In Harbin a part of early street building was also influenced with this tradition, so you can still see streets designed in such style. For example, the center, which is the landside area, gives the beginning of streets Zheleznodorozhnaya, Tamozhennay, Krasnoy armii and other. In the end of the Krastoy Armii street, where the Nicolsky Cathedral was standing, a new bunch of arrow streets has already been constructed. The names of Harbin streets come from the town-planning charter 1990, in development of which Russian emigrants applied the ways of creating toponyms they had been used to, and in KVZhD district in the suburbs of Harbin there are streets with names that sound Russian.

After the establishment of the Special Eastern District in the 20s the names of the streets were changed. In the following decades the toponymy of Harbin and its suburbs was constantly changing, but still following the sense or phonetic characteristics it is possible to identify the streets that initially had Russian names and even perform an approximate reconstruction of these names.

In later construction in Harbin Chinese gave names to major buildings under the influence of Russian toponymy. Such, for example, is the Stalin Park located on the south bank of the Sunguri River (former Bund District, presently Daoli District), construction of which began in 1957.

Religion was playing a specific role in the cultural distance existing between Russian and Chinese population. Christianity sustained the idea of

Eschatological history. And Chinese tradition is based on other values and beliefs. Chinese culture has a specific world view, system of views of the society, and human nature, comprised in traditional classification schemes: “Yin” and “Yang”, “four times of the year”, “five natural elements”. However Chinese people have accepted elements of Christian religion.

One of the forms of cultural interaction were the activities of the Russian Religious Mission (RRM) in China. On September 7, 1930, the Orthodox Chinese Missionary Community of St. Innokenty was established in Tianjin. Under the jurisdiction of the Community the prayer house, Chinese choir, courses of English, Chinese and Russian languages, accounting, and free religious courses were established. The Community included 169 people¹⁶. Spreading of Orthodoxy among the Chinese population was slow. Chinese people were mainly receiving baptism through studying in Russian Mission’s schools or through marriages with Orthodox Christians.

The first step on developing the Chinese clergy was the catechist school under the jurisdiction of Russian Mission in Beijing headed by archimandrite Vasily (Shuan). The catechist school included apart from candidates for the priest positions all priests and deacons of the Mission. Due to lack of teachers the main works in school were done in the field of self-education and self-perfection. At the same time with catechist school the mission school of applicable knowledge for women was established and a translators’ committee which included six Chinese clergymen and two layman copyists was set up. The committee was supposed to do translations of religious literature into modern Chinese language.

Russian clergy coming with the flow of refugees did not perform any targeted missionary activities in respect of Chinese population considering Orthodox emigrants to be their congregation. The missionary activities successfully developing until 1918 became almost impossible, firstly due to financial difficulties the Mission in Beijing was facing, and secondly — the congregation of the church in Harbin and everywhere on the North-East, in Sindjan, mostly consisted of Russian emigrants. For this category of population the most important issues were the surviving and preserving the Orthodox tradition in the environment of a different culture. It may be said that the missionary activities were performed through charity: none of the congregation members were refused help whether they were Orthodox or belonged to another religion.

Modern Harbin newspapers emerged in the city with the construction of KVZhD approximately half a century later than in other regions of China. When in 1901 the works at KVZhD were partially completed and transportation was started the first newspaper in Russian “The Harbin daily newspaper of statements and notices” was established. The next one also connected with KVZhD was “The Harbin Public Newspaper.” In 1906, under the jurisdiction of KVZhD management, “The Far East Newspaper” was launched — the first newspaper in Chinese language. Chinese historians note that at the time Tsilin and Heilundjan population did not have their own periodicals. By 1932 in Harbin there were already 94 Chinese periodicals of administrative, social, commercial-and-industrial content. Chinese researchers call Chinese newspapers, taking after “The Far East Newspaper”, the KVZhD newspapers, and Russian researches call them “semi-Russian pattern newspapers”¹⁷.

Although “The Far East Newspaper” was published by Russians, its chief editors were only Chinese. After the reform of the edition “The Far East Newspaper” turned into the universal source of information in respect of all spheres and issues.

Thanks to periodicals that were publishing studies on technical issues local intellectuals gained new knowledge in the fields of philosophy, physics, chemistry, astronomy, geography, medicine and other fields, finding out that there are other theories apart from the ideological and social Mengzi principals. The significance of this new knowledge for Harbin intellectuals cannot be overestimated. Russian oriental researchers by applying Western methodology in studying Chinese politics, economy, geography, philosophy, literature, religious activities, and arts were stimulating the development of this territory. Their activities helped in establishing Russian-Chinese relations, deepening mutual understanding and mutual penetration of cultures.

The enlightening activities of Russian emigrants influenced the traditional approaches and ideas of Chinese pedagogics. Establishing of new type schools on the basic secondary level was significant for this region. They were spreading Western social and natural science, music, theatre, and pictorial art.

Before the construction of KVZhD education was dominated by military studies, all students were attributed to one of eight flags, and Chinese literature was not studied. In 1905 new type schools are being constructed here, in 1906 elementary schools for the nobility were established, in 1907 — common elementary schools, in 1908 — industrial colleges of all levels and other official educational institutions¹⁸. By that time, the engineering management of KVZhD had already constructed several secondary and elementary schools in Harbin, and Russians began to familiarize local population with the new educational model different from the traditional one.

It is notable that in schools Russian and Chinese children had equal rights and conditions. For example, it was then, that male and female gymnasiums and commercial and industrial colleges started accepting Chinese students. In 1930, in Russian higher and secondary educational institutions of Harbin and KVZhD line there were 241 Chinese students¹⁹.

In Shanghai a Russian-Chinese school existed preparing Chinese managers with the knowledge of Russian language. These people receiving European education in Russian emigrant schools very soon turned into the most progressive part of local intellectuals. This can be evidenced by the fact that modern teachers of Harbin Polytechnic Institute (HPI) are for 90% the graduates of this higher education institution for most part being in command of Russian language. Famous architect P.S. Sviridov was teaching in HPI, where he raised a number of Chinese architects. Some of his students are presently teaching in Harbin. It is notable that Harbin Polytechnic Institute, established by Russians in 1920, is presently functioning as a Chinese higher education institution and graduates specialists for local economy.

The Law School was giving a chance for young Chinese people to receive education. One of the tasks of this faculty was formulated the following way: “to satisfy the need in legal and economic education of growing generations of Russian and Chinese young people. The faculty is a guide to European, and in particular Russian culture in Manchuria”. This

suggestion was brought forward by the presence of those wanting to receive European education without going abroad, to get acquainted with European and Russian Cultures. For achieving this task the preparation classes for Chinese youngsters were established²⁰.

Russian military college in China existed in Shandong in 1927—1928 as a part of Chinese army. The teaching stuff consisted of Russian officers-emigrants that fought in the Eastern frontline. Both Chinese students and Russian emigrants (the latter being sent to Russian military forces in China) were accepted to college. At first the course of studies lasted for half a year, then a year, and finally was extended to 2 years. In different times over 300 people were studying in the college (first graduation in 1927 consisted of 43 people, the second one in 1928—17)²¹.

B. S. Zakharov and other Russian musicians and teachers were working in Chinese National Conservatory for many years. The Conservatory became the main center of training professionals for Chinese musical culture. Here Chinese young people that later became outstanding representatives of national culture were receiving musical education.

The most significant cultural differences can be seen in languages that have been in contact with each other: Russian and Chinese. However it is safe to say that there is also interaction in this sphere. It is proved by materials we have gathered in Harbin about Russian words entering Harbin dialect: Bread (hleb), roll (saika), madam, cooker (plita), sheepskin coat (tulup), good (horosho), old man (starik). As old-timers state they steadily existed in everyday language communication in the first half of 20th century. Echoes of these ethno-linguistic contracts are still present in Harbin dialect, which is evidences by the existence of such words as bread (hleb), bucket (vedro), and roll (saika)²².

One of directions of cultural politics of the Russian Empire in the roadway of KVZhD was spreading of knowledge of Russian language among local population. This direction was realized mainly through the system of Russian-Chinese schools. “Our activities in the field of teaching Russian language to Chinese people seem to be especially important in Manchuria”²³. Reportedly the system of Russian-Chinese schools was functioning until the railroad was transferred to Soviet-Chinese management. Thus, spreading the knowledge of Russian language among Chinese population was targeted. Its securing was supported by constant interethnic interaction at the everyday life level.

Another side of ethno-linguistic Russian-Chinese contacts is the emergence of new words in the result of mixing the forms of Russian and Chinese languages: balashi (*rus.* barge — barzha), dibo (*rus.* depo), suputan (*rus.* sup, meaning liquid food), litos (*rus.* Latvian sausage), shibko and shango (*rus.* good — homosho). There are complete expressions, such as *ti so mnoy igraesh mashinka* (meaning: you are not being honest with me)²⁴. There were also streets and districts the names of which were pronounced in Chinese, but were the transcriptions of Russian words, such as, for example, the name of the Sinbatsa Street based on Russian word *bazar* (*market*) (there was a market in this street), or the word Dibaotou (modern Dimjan) and Dibauerdo (modern Ditse) originating from the word *depo*. In linguistics the process of phonologic and grammatical adopting of lexical borrowings is an

evidence of deep penetration of the foreign culture component in the linguistic consciousness of the native speaker. The number of deformed morphologic and phonetic words, in the period Russians were present in China, amounts to a large number of units. In memories of Russians living in China in this period it is noted that “Chinese people were speaking the broken Russian-English language”²⁵. Example of this “hybrid” language can also be seen in literature.

For interethnic communication in the territory of compact settlement of Russian population in China a pidginized form of language based on Russian but with deformed morphological and phonetic structure was used. Issues of the Harbin Russian-Chinese pidgin of the first half of the 20th century and its methods of word formation, language contacts as a source of borrowing were considered by Chinese philologists²⁶.

One of the desirable conditions for familiarization with Eastern culture is knowledge of the language or at least the desire to master it. The memoirs of Russian emigrants in China contain contradictory information about the level of proficiency in Oriental languages in the Russian-speaking environment. This issue was discussed in our other article²⁷.

Changes in economic structures were also accompanied by changes in the lifestyle of local population. In the long period of multiform communications, when emigrants were living in Harbin, Russian culture of eating, clothing and habitat was to some point introduced to local culture, which led to appearance of a specific set of unified traditions and created the very “local peculiarity” of Harbin.

With the coming of Russians some changes in the traditional culture of eating took place. First Russians in Manchuria were facing some difficulties in eating as there were no products used for their traditional cuisine. Before Russians came Chinese people here had not been growing potato, cabbage, tomatoes, and had not raised milk cattle — there were no beef and dairy products. Old-timers of Harbin wrote of sufferings “due to the absence of rye-bread and buckwheat porridge. There was plenty of poultry — pheasants, goatlings, Manchurian deers — but it became annoying, and it was almost impossible to find ordinary beef as it was imported. Potatoes and cabbage were rare at the time Harbin was constructed. It was brought from Siberia just as butter was... Peasants were offering a chicken for an empty bottle and for a hundred eggs wanted a quarter (25 kopecks), and 20 kopecks for a couple of pheasants! At the same time, the cost of shaving at a barber’s shop was 2 rubles in gold”²⁸.

The appearance of Russian and European cuisine in this region took place in the beginning of 20th century. After the opening of the KVZhD club restaurant in 1905 the numerous vaudeville houses, cookeries, coffee houses, snack bars, bars and other shops where European cuisine dishes were served were opened in Harbin with the support of Russians. In the best period its number exceeded 100, and only the central street of the city counted 30 shops.

Development of European catering business enriched the ratio of Harbin population. In accordance with the overall statistics of restaurant menus stated in “The Harbin drinking magazine” on the average all shops were serving 50 types of appetizers, 50 types of poultry, 41 types of dishes made of birds, 19 types of farinaceous dishes and 18 types of drinks²⁹. This variety

of European cuisine together with Chinese cuisine has significantly increased the choice of Harbin food products, and has made the taste of all dishes very sophisticated.

The import of beer to Harbin and development of beer brewing should be noted separately. In 1900 merchant Urublevsky established a beer brewery in Harbin to satisfy the needs of Russian population, which was the first enterprise of the kind in China. At first the local population did not accept the strange drink, but it gained popularity with time. The local language culture has a saying “he drinks beer as though waters the field” used to describe the habit of Harbin people to drink beer. The dairy products were used by local population only as infant food due to its expensiveness. Presently cheese, butter and other dairy products, together with smoked fish are permanently present in the diet of Harbin population and are stably being sold. Private sale of dairy products provides money for existence of elderly Russian emigrants staying in the city ³⁰.

Another specific characteristic is the fact that Chinese people use bread, which is not common for their national food culture. Bread in Harbin is made in accordance with old Russian recipes in stoves with the use of firewood, and is delivered for sale to major supermarkets of the city early in the morning and is being sold out somewhere before 11 o'clock in the morning ³¹.

In modern Harbin Russian cuisine restaurants remaining from the old times though rather worn out are located in the Junjandaza Street (Daoli District). Foreign tourists do not come here very often, but among Harbin population Russian cuisine is popular. For a very moderate charge here it is possible to get a good borsch, meat in a pot, locally pickled red caviar, and wheat bread ³².

Intercultural contacts in this region had its peculiarities. A specific characteristic of active Russian-Chinese contacts was its fugacity. A “piece” of time a half of century long in the total “thread” of history could not have led to cultural synthesis as the outcome of the interaction process ³³. The next characteristic is locality. Within the limits of Chinese culture Russian culture was a local formation specifically characteristic of a large geographic area — Manchuria. Russian colony in China was actually an enclave formation.

The culture of Russian lifestyle has left a deep trace in the culture of local population, and it is safe to say that a lot of habits and traditions existing in Harbin are different from those common in other regions of China.

The industrial and economic activities, started by Russians coming to Harbin, were the first experience of capitalistic European economic activities in this region, and it was of great significance for further development of Manchuria. As capitalistic system is more progressive than feudalism that was reigning here, the functioning of KVZhD provided for the supplying of more progressive technologies and production tools to Harbin, which lead to significant changes in the social sphere. In ten to twenty years commerce was quickly developing, industry, education, healthcare, and the very lifestyle of people reached a higher level and underwent significant changes.

The Russian stay in the Northeast region of China has had a significant impact on the industrial, production, financial and economic spheres of life. Construction of KVZhD gave Harbin a modern city look and was the leading factor in developing the new society and new culture, but it would be too

simple to reduce the results of cultural interaction to a command denominator. Due to Russian reign in this region every step was made for the satisfaction of interest of Russia. Russian domination in this region forced each new step in its development to subordinate to the interests of Russia. This is what comprises the dual character of Russian presence in the Northeast of China in the first half of the 20th century.

References

1. ARUTJUNOV S.A. Peoples and Cultures: Development and Interaction [Narody i kul'tury: Razvitie i vzaimodejstvie]. Moscow. 1989, p. 154.
2. IBID. Communication of Information as a Mechanism for the Existence of Ethnosocial and Biological Groups of Humanity [Peredacha informacii kak mehanizm sushhestvovaniya jetnosocial'nyh i biologicheskikh grupp chelovechestva]. — Rasy i narody. 1972. Vol. 2, p. 22.
3. IBID. Peoples and Cultures: Development and Interaction [Narody i kul'tury: Razvitie i vzaimodejstvie]. Moscow. 1989, p. 156.
4. FLIER A.JA. Culturology for Culturologists [Kul'turologija dlja kul'turologov]. Moscow. 2000, p. 275.
5. Bagul'nik: Literary and Art Collection [Bagul'nik: Literaturno-hudozhestvennyj sbornik]. Harbin. 1931, p. 2.
6. IVANOV V.N. Harbin — KVZhD [Harbin — KVZhD]. Harbin. 1924, p. 12.
7. TOYNBEE A.J. A Study of History [Postizhenie istorii: Per. s angl.; Sost. A.P. Ogurcov; Vstup. st. V.I. Ukolovoj]. Moscow. 1996, p. 443—444.
8. NILUS E.H. Historical Review of KVZhD (1896—1923) [Istoricheskij obzor KVZhD (1896—1923)]. Vol. 1. Harbin. 1923, p. 1.
9. KOVALEVSKIJ P.E. Foreign Russia: Additional Issue [Zarubezhnaja Rossija: Dopolnitel'nyj vypusk]. Paris. 1973, p. 98.
10. History of Russian emigration to Harbin [Istorija russkoj emigracii v Harbine]. Harbin. 1998, p. 595.
11. Ibidem.
12. MELIHOV G. V. Manchuria: Distant and Close [Man'chzhurija dalekaja i blizkaja]. Moscow. 1991, p. 268—269.
13. Ibid., p. 270—271.
14. Harbin Architecture: Album — Harbin [Arhitektura Harbina: Al'bom — Harbin]. Harbin. 1990, p. 41.
15. History of Russian Emigration to Harbin, p. 41.
16. State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii]. Collection 9145: Collection of Individual Documents of Various Emigrant Organizations [Kollekcija otdel'nyh dokumentov razlichnyh jemigrantskih organizacij], inventory list 1, folder 234, sheet 23.
17. History of Russian Emigration to Harbin, p. 579—580.
18. Ibid., p. 586.
19. State Archive of the Khabarovsk Krai [Gosudarstvennyj arhiv Habarovskogo kraja]: Collection 1128: Harbin Committee for Assistance to Russian Refugees, 1923—1942 [Harbinskij komitet pomoshhi russkim bezhencam, 1923—1942 gg.], inventory list 1, folder 78, sheet 112.
20. State Archive of the Russian Federation [Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii]. Collection 9145: Collection of Individual Documents of Various Emigrant Organizations [Kollekcija otdel'nyh dokumentov razlichnyh emigrantskih organizacij], inventory list 1, folder 236, sheet 1.
21. Ibid., folder 234, sheet 57.
22. The author's materials (AM) gathered in Harbin and Beijing in 2000.
23. Archive of Foreign Policy of the Russian Empire of Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation [Arhiv vneshnej politike Rossijskoj Imperii Ministerstva inostrannyh

- del Rossijskoj Federacii]. Collection 304: Consulate in Qiqihar [Konsul'stvo v Cicikare], inventory list 756, 1907, folder 55, sheet 3.
24. AM gathered in Harbin and Beijing in 2000.
 25. KUGUSHEVA V.G. Extracts from the Diary. Family Chronicle. My Life, August 1923 [Vypiski iz dnevnika. Semejnaja hronika. Moja zhizn', avgust 1923 g.]: Manuscript. Archive of the Library-Fund "Russian Abroad", p. 37.
 26. SUE L. Language Contacts as a Source of Borrowing [Jazykovye kontakty kak istochnik zaimstvovanija]. — Rossijsko-kitajskie issledovanija. 2020. Vol. 4. Iss. 3, p. 256—264; NA M. Harbin Russian-Chinese Pidgin of the First Half of the 20th Century and its Language Features [Harbinskij russko-kitajskij pidzhin pervoj poloviny 20 veka i ego jazykovye osobennosti]. — Prepodavatel' XXI vek. 2015. No. 1, p. 345—354.
 27. CHERKASHINA S. A. Chinese Culture and Russian Emigration: Some Aspects of Interaction [Kul'tura Kitaja i russkaja emigracija: nekotorye aspekty vzaimodejstvija]. — Mir detstva v russkom zarubezh'e. III Kul'turologicheskie chtenija «Russkaja emigracija 20 v.». Moscow. 2011, p. 79—88.
 28. Harbin City: Handbook [Gorod Harbin: Spravochnik]. Vladivostok. 1995, p. 3—4.
 29. History of Russian Emigration to Harbin, p. 580.
 30. AM gathered in Harbin and Beijing in 2000.
 31. Ibidem.
 32. Ibidem.
 33. ARTANOVSKIJ S.N. At the Crossroads of Ideas and Civilizations [Na perekrestke idej i civilizacij]. St. Petersburg. 1994, p. 51.

Немцы Северо-Запада (1918—1939 гг.): историографический аспект

В. Н. Шайдуров, В. А. Ломанов

Аннотация. В данной статье представлен историографический обзор изучения положения немцев Северо-Запада России в период с 1918 по 1939 г. Охарактеризованы этапы развития, особенности и специфика научных работ, а также тенденции историографии немецкого национального меньшинства периода проведения Советской модернизации. Авторы приходят к выводу о недостаточной разработанности многих исторических аспектов, связанных с немецким населением региона, таких как его социально-экономическое и общественно-политическое положение и развитие в 1920-е — 1930-е гг.

Ключевые слова: немцы Северо-Запада, немецкие колонии, Петроград, Ленинград, Новгород, Петроградская губерния, Новгородская губерния, Ленинградская область, национальные меньшинства, этно-дисперсная группа, Советская модернизация, историография.

Abstract. This article provides a historiographic review of the study of the problems of the Germans in the North-West of Russia in the chronological framework of 1918—1939, describes the stages of development, features and specificity of scientific works, as well as trends inherent in the historiography of the German national minority during the period of Soviet modernization. In conclusion, it was concluded that many historical aspects associated with the German population of the region have been poorly studied and developed, such as its socio-economic and socio-political situation and development in the 1920s-1930s.

Key words: Germans of the North-West, German colonies, Petrograd, Leningrad, Novgorod, Petrograd province, Novgorod province, Leningrad region, national minorities, ethno-dispersed group, Soviet modernization, historiography.

В России многочисленные этнические группы всегда взаимодействовали друг с другом в экономическом и социокультурном отношении как на общегосударственном, так и на региональном уровне. Опыт сосуществования представителей разных народов и культур, объединенных в границах одной территории, может быть полезен для современного общества, в первую очередь при разрешении межнациональных противоречий. Общее прошлое способствует осознанию многочисленных национальностей как единой исторически целостной общности с учетом множества этнокультурных и иных особенностей.

Немцы на протяжении многих столетий инкорпорированы в российскую государственность. Единичные случаи поступления на государственную службу имели место в период Московского царства. В Петровскую эпоху они приобрели массовый характер. Присоединение Прибалтики по

итогах Северной войны привело к включению в состав российского дворянства многочисленных немецко-остзейских родов. Во второй половине XVIII — начале XIX в. в рамках внутренней колонизации в России оказались выходцы из германских государств, получившие статус иностранных колонистов. В результате в Российской империи возникла общность, которую сегодня принято называть «немцы России».

Российские немцы как этническая, языковая, социально-экономическая и конфессиональная общность не раз становились объектом исследования отечественных и зарубежных историков. Даже беглый взгляд на перечень исследований позволяет сделать вывод, что наиболее активно изучались различные аспекты дореволюционного периода немцев столичных городов ¹, Поволжья ², Новороссии ³, Кавказа ⁴, Сибири ⁵. Советский период истории немецкого населения страны представлен с некоторым перевесом в сторону межвоенного времени (1918—1941 гг.) ⁶ и периода депортации (1941—1955 гг.) ⁷. На сегодня в региональной истории немцев России еще сохраняются белые пятна. Так, история немцев Северо-Запада в данном контексте исследовалась довольно фрагментарно. В связи с этим мы считаем необходимым провести историографический обзор научных работ, посвященных положению названной этно-дисперсной группы региона в межвоенный период (1918—1939 гг.) в условиях Великой российской революции, НЭП и Советской модернизации.

Изучение истории немцев Северо-Запада РСФСР началось уже в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в рамках этнографических экспедиций. Нередко такие работы осуществлялись по политическому заказу руководства страны. Заметное влияние на изучение национальных меньшинств региона на данном этапе оказывали внутриэкономические, внутривнутриполитические и внешнеполитические процессы в СССР и за его пределами.

В ходе коллективизации выяснилось, что некоторые национальные меньшинства, проживающие на территории Ленинградской области, особенно финны, эстонцы, латыши и немцы, трудно поддавались так называемой советизации — процессу внедрения и распространения определенных норм и методов в области ведения хозяйства, местного самоуправления, образования, просвещения, экономического, социального и культурного уклада в соответствии с официально господствовавшей тогда марксистской идеологией. На практике это означало, что процессы коллективизации хозяйств, а также распространения коммунистических

Шайдуров Владимир Николаевич — доктор исторических наук, доцент, заведующий Научно-образовательным центром исторических исследований и анализа, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: s-w-n@mail.ru; *Ломанов Владислав Андреевич* — аспирант кафедры Истории России, лаборант-исследователь Научно-образовательного центра краеведческих исследований, ГАОУ ВО ЛО «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина». E-mail: vladislav.lomanov@yandex.ru.

Shaidurov Vladimir N. — doctor of historical sciences, associate professor, head of the Scientific and educational center for historical research and analysis, Pushkin Leningrad State University. E-mail: s-w-n@mail.ru; *Lomanov Vladislav A.* — postgraduate student of the Department of History of Russia, laboratory assistant-researcher of the Scientific and Educational Center for Regional Studies, Pushkin Leningrad State University. E-mail: vladislav.lomanov@yandex.ru.

идей среди перечисленных национальных групп шли гораздо медленнее. Все это создавало иногда большие трудности⁸. В первую очередь, такое явление связывали с негативным влиянием «кулаков» и «религиозно-сектантских» объединений, распространявших, по мнению местного советско-партийного актива, националистические настроения среди нацменьшинств⁹.

Западные национальные меньшинства привлекали внимание советского руководства и в связи с обострявшейся внешнеполитической обстановкой — ростом напряженности в отношениях между СССР и соседними «буржуазными» государствами, в первую очередь Финляндией, Латвией и Эстонией, где у власти находились враждебные Советскому Союзу «националистические» режимы. Эти страны непосредственно граничили с Ленинградской областью — стратегически важным в военном отношении регионом — и, следовательно, по мнению центральных и местных властей, могли оказывать негативное влияние на представителей местных национальных меньшинств: способствовать распространению националистических настроений и «антисоветской» пропаганды¹⁰.

Названные обстоятельства привели партийное и советское руководство к осознанию необходимости выявления уровня хозяйственного и культурного развития некоторых национальных меньшинств для оценки потенциальной лояльности этно-дисперсных групп региона в случае военного конфликта. В связи с этим проводились исследования в целях сбора статистических материалов, данных этнографического характера, информации об уровне хозяйственного и культурного развития нацменьшинств Ленинградской области, а также выявления националистических настроений и религиозно-сектантского влияния, с которым советское правительство связывало трудности в проведении коллективизации.

Научные работы 1920-х гг. являются больше этнографическими, иногда с ярко выраженным политическим оттенком, но в них уже присутствуют историческая дореволюционная характеристика и анализ хозяйственного и культурного развития национальных меньшинств, а также попытка изучить их социально-экономическое и общественно-политическое положение. В подобных исследованиях немцам уделяется пока еще очень мало внимания в связи с их относительной малочисленностью на территории Ленинградской области и пока еще не напряженными отношениями с Германией. Кроме того, немцев местное советско-партийное руководство считало одним из самых культурных нацменьшинств региона, поэтому оказывало им большее доверие¹¹.

Из исследований данного периода наиболее значимы работы П.М. Янсона «Национальные меньшинства Ленинградской области (сборник материалов)»¹² и Г. Сакса «Работа среди национальных меньшинств: опыт Ленинградской области»¹³. В них собран обширный статистический материал, в том числе о немцах, проживавших на территории Ленинградской области, дана характеристика ситуации в области школьного и послешкольного образования. В частности, П.М. Янсон, характеризуя немецкое население Северо-Запада, указывал, что большая его часть проживает компактными группами в г. Ленинграде, Ленинградском и Новгородском округах. Кроме того, он отмечал, что немецкие дети на 90% охвачены школами на родном языке. Ценным для понимания ситуа-

ции является его наблюдение, что немцы не пускают своих детей в школу «повышенного типа», чтобы у них оставалось время помогать по хозяйству. Этот факт автор объяснял патриархальными взглядами на воспитание ребенка и влиянием традиций¹⁴.

В 1930-е гг. работы по изучению национальных меньшинств были свернуты. Это объяснялось решением национального вопроса и появлением нового образа — «советского человека». Для советских немцев ситуация усугубилась с началом Великой Отечественной войны. Изучение репрессированного народа было табуировано. В первые послевоенные годы из статистических справочников исчезли упоминания о немцах в СССР. Например, в статье «Нации социалистических советских республик» Большой советской энциклопедии, вышедшей в 1952 г. на немецком языке в Берлине, среди 43 крупных народов СССР, по данным переписи населения 17 января 1939 г., были названы даже ассирийцы (20 200 чел.), но не упомянуты немцы¹⁵.

Возвращение к немецкой тематике в исторических исследованиях пришлось на 1960-е гг., что было связано с указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1955 г, согласно которому, с немцев и их семей, находившихся на спецпоселении, снимался административный надзор органов МВД и отменялись ограничения в правовом положении. Таким образом, немцы были частично реабилитированы¹⁶, что сделало возможным возобновление изучения их истории. Если в 1920-е — 1930-е гг. исследования, посвященные немцам, носили в основном этнографический характер с акцентом на особенности их культурного развития, то теперь появляются подлинно исторические исследования.

В 1970-е — 1980-е гг. историков привлекает общественно-политическая проблематика, в частности вклад немцев и других национальных меньшинств в советское и партийное строительство на Северо-Западе. Появляются работы, связанные с немецкими коммунистическими организациями региона, в частности с национальными секциями РКП(б). Эта тема была поднята, например, в кандидатской диссертации Л. П. Степановой «Национальные секции РКП(б) в Петрограде и Петроградской губернии в 1918—1920 гг.». Анализируя особенности работы немецкой секции при Петроградском губернском комитете РКП(б), автор обратила внимание на то, что основное внимание ее члены уделяли работе среди немцев-военнопленных, поток которых проходил через Петроград¹⁷.

Более подробное освещение работа немецкой секции получила в статье Е. Н. Метелкина «Агитационно-пропагандистская деятельность немецкой секции РКП(б) в Петрограде». Автор пришел к выводу, что работа секции в Петрограде «была велика по объему и имела большое значение»: «Слившись с Петроградской организацией РКП(б), члены секции активно помогали фронту, участвовали в восстановлении советской экономики, их деятельность способствовала распространению социалистической революции и опыта большевиков в Германии и Австрии»¹⁸. Саму деятельность секции автору удалось описать довольно подробно, но, как нам представляется, однобоко: сделан акцент на плюсах в работе секции, но отсутствуют анализ проблем в ее деятельности и характеристика результатов.

В целом изучение истории немцев Северо-Запада в межвоенный период в советской историографии по ряду причин не получило должного развития. Российские немцы в советское время становились объектом исследования, но изучались в основном Автономная Советская Социалистическая республика немцев Поволжья (АССР НП) как отдельное территориальное образование с наибольшим количественным составом и концентрацией немецкого населения страны ¹⁹.

Марксистский подход в советской исторической науке нередко догматизировался, а альтернативы не допускалось, что предопределило отсутствие дифференциации в направлениях исследования как в области проблем изучения, так и в разработке истории отдельных регионов и национальностей. Кроме того, существовал строгий идеологический контроль со стороны государства и связанная с ним нежелательность критики в отношении первых советских десятилетий и в особенности национальной политики большевиков ²⁰.

Таким образом, история отдельных национальных меньшинств и национального вопроса в СССР в рамках отдельных регионов (тем более если речь шла о Петрограде — «колыбели революции», олицетворении всех ее достижений) не была популярным объектом исследования, а если ученый и брался за изучение этой тематики, то делал это односторонне и старался затрагивать вопросы, где национальные меньшинства Запада как-либо проявили себя в советском и партийном строительстве. Национальный вопрос в СССР, по мнению большевиков, был решен уже в начале 1930-х гг., и в соответствии с этой догмой историки хотели показать роль некоренных этно-дисперсных групп в его решении.

Непопулярность этой темы также могла быть обусловлена отсутствием доступа ко многим важнейшим архивным документам, без которых нельзя в полной мере разработать многие исторические аспекты ²¹.

После распада СССР начался новый этап в истории изучения российских немцев. Этому способствовали предоставление доступа к ранее закрытым для исследования архивным материалам, появление альтернативных вариантов в области подходов и методологии, в частности ликвидация марксистского подхода как единственно правильного и безальтернативного в изучении истории, и, как следствие, плюрализм мнений и взглядов на историю исследуемого национального меньшинства. Все перечисленное позволило историкам досконально изучить ранее малоисследованные или вовсе закрытые направления и аспекты.

Переосмысление ряда мер административно-политического характера, принятых большевиками в области решения национального вопроса в первые два десятилетия советской власти, после распада СССР можно назвать как одним из направлений исторической политики руководства России, так и тенденцией в области исторической науки, представители которой испытывали желание критически проанализировать и по-новому взглянуть на национальную политику большевиков в 1920-е — 1930-е гг.

Научные работы, посвященные исследуемой теме в современной историографии, можно условно разделить на две группы. К первой из них относятся труды, посвященные непосредственно немцам как отдельной этно-дисперсной группе, компактно проживающей на территории региона. Ко второй относятся научные работы, посвященные изучению исто-

рии немцев в совокупности с другими национальными меньшинствами как в границах Северо-Запада, так и на территории РСФСР и СССР.

Первые научные работы, затрагивающие положение российских немцев Северо-Запада, начали выходить уже в начале 1990-х гг. В частности, их проблематика в рамках региона освещена в кандидатской диссертации А. И. Куропятника, изучавшего этно-социальные процессы в Ленинградской области в 1920-е гг. Автор приходит к выводу, что немецкие поселения, в силу своей конфессиональной принадлежности, особенностей ведения хозяйства и специфического уклада жизни, существовали довольно замкнуто, в основном в своих национальных поселках²².

В 1990-е гг. основное внимание в разработке аспектов истории немцев Северо-Запада было уделено проблемам образования, просвещения и культуры. В поле исследований попали немецкие образовательные и культурно-просветительские учреждения и сообщества Петрограда (Ленинграда). Так, впервые за долгое время проблематика школьного образования в немецких колониях Петроградской (Ленинградской) губернии в 1920-е гг. была освещена в статье Т. А. Шрадер. Целью ее исследования состояла в том, чтобы показать, каким образом постановления, резолюции и деятельность Наркомпроса РСФСР отразилась на развитии школьного образования в немецких колониях региона. Общий посыл публикации сводится к тому, что государственная политика в области просветительской деятельности среди советских немцев принесла определенные плоды и, безусловно, способствовала развитию образования детей²³.

Объектами изучения также становились отдельные немецкие школы. Одной из старейших немецких школ Петербурга — Петришуле посвящена статья Н. П. Ульянова. Автор характеризует некоторые особенности функционирования названного учреждения в 1920-е — 1930-е гг., рассматривает изменения, произошедшие в программах преподавания и обучения немецких школьников, рассказывает о судьбе педагогов, пострадавших от репрессий в 1930-е гг.²⁴

В статье В. Н. Вологдиной рассматривается еще одна известная немецкая школа, в 1920-е — 1930-е гг. располагавшаяся на Крюковом канале. Здесь также описываются изменения, произошедшие в указанный период в образовании немецких школьников, рассматривается процесс преподавания и обучения²⁵.

В центре внимания историков в это время оказалось не только школьное образование, но и некоторые немногочисленные немецкие средние учебные заведения. Одной из первых стала статья С. В. Смирницкой «Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде», представляющая собой очень краткое описание этого учреждения²⁶.

Более расширенно и углубленно данная тема исследована в статье В. Зюсса с таким же названием — «Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде», где автор дал весьма подробную характеристику процессу функционирования образовательного учреждения, особенностям методики и направления в преподавании, материальному положению преподавателей и студентов, а также взаимосвязи всего перечисленного²⁷. Анализ проводился автором на основе как документальных источников, так и материалов периодической печати.

Кроме того, историки уделили внимание и немецким культурным учреждениям. Среди наиболее примечательных работ по данной тематике можно отметить обзорно-аналитическую статью Т.М. Смирновой, где объектом исследования становится Немецкий дом просвещения в Ленинграде, сформированный из немецких клубов и культурных организаций в 1930-е гг. На основе архивных источников автором проанализированы процесс создания данного учреждения, особенности его функционирования, его деятельность как в Ленинграде, так и в немецких колониях в области. Автор приходит к выводу не только об изменениях в национальной политике большевиков в 1920-е — 1930-е гг., но и о ее сдвиге от коренизации национальных культур к их унификации на «великорусской» основе. Этот сдвиг был связан в том числе с обостряющейся внешнеполитической обстановкой, в первую очередь напряженными отношениями с нацистской Германией и угрозой вооруженного конфликта. Все перечисленное в совокупности стало главной причиной ликвидации учреждения и репрессий в отношении его работников ²⁸.

Еще одна статья Т.М. Смирновой посвящена немецким периодическим изданиям и их роли в культурной жизни немцев. В ней автором рассматривается развитие немецкой периодической печати в 1920-е — 1930-е гг., характеризуются условия, в которых происходила ее трансформация, социальная и политическая направленность периодических изданий и проблемы, которые испытывала немецкая пресса в годы НЭПа, индустриализации и коллективизации. Отмечается, что на немецкую периодическую печать влияли как внутренние процессы в стране (этатизация и политизация всех сфер жизни общества), так и внешние — в первую очередь, приход к власти нацистов в Германии и, как следствие, ухудшение отношений с СССР. В 1930-е гг. в ходе изменения политики государства в отношении западных национальных меньшинств немецкая периодическая печать была полностью ликвидирована ²⁹.

Изучению немецких культурных организаций в Петрограде после 1917 г. посвящена статья Т.А. Шрадер, где объектом исследования являются культурно-просветительские, театральные, литературные и музыкальные немецкие сообщества в 1920-е — 1930-е гг., а предметом — их деятельность. Автор отмечает, что немецкие культурно-просветительские сообщества являлись разнородными по своему составу, типу организации и деятельности — были сообщества, созданные по инициативе беспартийных граждан, и так называемые сообщества социалистического, классового содержания, созданные немцами-коммунистами или сторонниками советской власти. Представители первой группы ощущали постоянный надзор и контроль со стороны петроградского, а затем ленинградского руководства. В итоге все эти сообщества, независимо от своей классовой направленности, в 1930-е гг. были ликвидированы, а многие их активисты репрессированы ³⁰. Несомненным достоинством статьи является опора на многочисленные архивные документы.

На фоне доминирования культурной тематики в историографии 1990-х гг. практически не представлена социально-экономическая история немцев Северо-Запада. В этом направлении, правда, были сделаны первые шаги, в том числе связанные с выявлением и характеристикой архивных материалов. Этому посвящена статья Т.А. Шрадер, в кото-

рой предметом исследования предстает уже социально-экономическое положение немцев Петроградской губернии — Ленинградской области в 1920-е — 1930-е гг. В статье автором в общих чертах охарактеризованы особенности хозяйственно-экономического положения немецкой деревни, продовольственной политики государства в отношении немецких колоний, отмечены результаты деятельности немецких кооперативов и колхозов. Вместе с тем исследователь отмечает, что в архивных документах недостаточно информации по некоторым аспектам социально-экономического положения немцев региона, в частности по функционированию кооперативов ³¹.

Северо-Запад России всегда являлся регионом многонациональным, и немцы были одной из многих этно-дисперсных групп. Среди наиболее важных научных работ, посвященных положению национальных меньшинств на Северо-Западе в 1920-е — 1930-е гг., можно отметить монографию Т.М. Смирновой «Национальность — питерские. Национальные меньшинства Ленинградской области в XX в.» ³² В поле зрения автора оказались западные национальные меньшинства — финны, эстонцы, латыши, евреи. Немцам же в монографии уделено гораздо меньше внимания. Тем не менее она ценна тем, что в ней содержится обширный статистический материал о количестве и процентном соотношении проживавших в регионе немцев, динамике и колебании их численности в разные периоды, количестве национальных школ, клубов, библиотек и культурных организаций.

Монография Н.М. Романовой посвящена политике управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии и местному Наркомнацу как органу, регулирующему эту политику ³³. Немцам в данной работе также уделено очень мало внимания, предположительно в связи с отсутствием у представителей данного национального меньшинства подразделения в петроградском Наркомате по делам национальностей. Но в рамках изучаемой проблематики данная научная работа, как и указанная выше монография, ценна статистическими материалами о количестве и динамике численности проживавших в регионе немцев.

Еще одним значимым исследованием по истории немцев Северо-Запада является монография В. Деннингхауса, посвященная национальным меньшинствам Запада в РСФСР и СССР в период с 1917 по 1939 г. Это фундаментальное исследование рассматривает немцев во всесоюзном масштабе, но затрагивает и немецкое население Северо-Запада. В отношении указанной этно-дисперсной группы региона автор раскрывает такие аспекты, как школьное и высшее образование, политика ленинградского Наркомпроса в отношении немецкого населения ³⁴, партийное строительство в немецких колониях ³⁵, а также принудительная депортация и репрессии в отношении немцев Северо-Запада в 1930-е гг. ³⁶

Важным событием стало издание в начале 2000-х гг. трехтомной энциклопедии «Немцы России». Ее содержание во многом отразило степень изученности истории немецкого населения в различных регионах в разные исторические периоды. В полной мере это можно отнести и к Северо-Западному региону. Так, статья Н.В. Юхневой посвящена краткому описанию положения петроградских, а затем ленинградских немцев с 1918 по 1939 г. Автором вполне обоснованно сделан вывод о том, что в период

Великой русской революции многие немцы покинули Петроград, выехав в другие регионы, либо эмигрировали, а в 1920-е — 1930-е гг. немецкое население Ленинграда оставалось статичным и не пополнялось мигрантами из других регионов СССР³⁷. Коллективная статья Е. В. Бахмутской и Т. А. Шрадер посвящена истории немецких колоний Северо-Запада — их образованию и развитию с 1760-х по 1930-е гг. Авторами кратко охарактеризована система местного самоуправления в немецких колониях в 1920-е — 1930-е гг.: отмечается появление немецких сельсоветов, демонстрируются особенности их социально-экономического положения, в том числе образование немецких кооперативов и колхозов, затрагивается школьное строительство в немецкой деревне. По мнению авторов, после 1918 г. продолжали развиваться интеграционные процессы между городскими и сельскими представителями немецкого населения региона, в первую очередь посредством культурных связей³⁸.

Интерес к немцам Северо-Запада со стороны историков продолжал возрастать, о чем свидетельствует появление ряда публикаций. Особого внимания заслуживают первые монографии, в которых немцы данного региона и хронологического периода впервые становятся отдельным объектом исследования.

В монографии И. В. Черказьяновой «Ленинградские немцы: судьба военных поколений 1941—1945 гг.» описано довоенное положение немцев Северо-Запада, в частности такие аспекты, как колхозное строительство в немецкой деревне, а также депортация и репрессии в отношении немецкого населения³⁹.

В монографии Л. Н. Пузейкиной «Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни» освещены аспекты, связанные с образованием российских немцев, его взаимосвязи с религией; сделан небольшой историографический обзор изучения указанной проблематики; охарактеризованы особенности школьного строительства в немецких колониях в 1920-е — 1930-е гг.⁴⁰ В рамках изучения культуры, фольклора и языка, ссылаясь на уже упоминавшихся выше историков, автор описывает социально-экономическое положение немцев, затрагивая тему репрессий 1930-х гг.⁴¹

Более подробно принудительное выселение и репрессии 1930-х гг. рассматриваются в монографии Н. И. Ивановой «Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии». Автором кратко охарактеризованы социально-экономическое положение немцев, антирелигиозная политика большевиков и ее последствия, а также борьба центрального и местного советско-партийного руководства с зажиточной частью немецкого крестьянства. Научная работа ценна для исследователей прежде всего статистическим материалом — автором подсчитана численность немецкого населения, проживавшего на территории Северо-Запада в 1920-е — 1930-е гг., количество немецких колоний региона, количество выселенных в ходе коллективизации и репрессированных в результате политики «большого террора» немцев в 1937 г.⁴²

Жизнь немцев Северо-Запада продолжали изучать в совокупности с другими национальными меньшинствами региона. Особенностью отечественной и зарубежной историографии 2010-х гг. является как сохранение тем, ставших традиционными, так и появление новых.

Темы советского и партийного строительства в немецкой деревне Ленинградской области, а также социально-классового состава немецкого крестьянства затронуты в статье В. Деннингхауса, посвященной национальным меньшинствам Ленинградской области во второй половине 1920-х гг. в контексте общесоюзной, национальной политики большевиков⁴³.

Демографический аспект в области изучения немцев Северо-Запада освещен в статье А.Г. Манакова, в которой представлены статистические данные о немецком населении региона по состоянию на 1939 г.⁴⁴

Экономическое положение немецкого населения представлено в статье С.В. Андрияйна «Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия». В ней автор отмечает, что в то время немецкое население территориально было сосредоточено в районе Тосно и Новгорода, а некоторые колонии из-за фактического вхождения в состав Петрограда (Ленинграда) представляли собой полугородские-полусельские поселения. В качестве основного вида деятельности немцев исследователь выделяет сельское хозяйство, выращивание картофеля, овощей, ягод, а также молочное скотоводство⁴⁵.

Если раньше интерес исследователей вызывали Петроград и Петроградская губерния, а затем Ленинград и Ленинградская губерния, то теперь растет внимание и к положению новгородских немцев. По данной тематике был опубликован ряд статей Н.С. Фёдорук. В одной из первых наиболее значимых статей в центре внимания автора находилось образование новых немецких колоний под Новгородом, в том числе в 1920-е — 1930-е гг. Исследователь отмечает, что в 1920-е гг. количество немецких поселений в Новгородской губернии, которые продолжали именоваться колониями, увеличивалось вследствие выделения выселков и хуторов. Национальная специфика учитывалась и на уровне местного самоуправления, в основном это выражалось в создании немецких сельсоветов. Особое внимание автор уделяет возрождению образовательных и культурных учреждений в немецких колониях. В частности, он связывает проблемы школьного образования в немецких колониях со спецификой хозяйственно-экономического уклада и религиозной жизни немцев: например, отмечается снижение посещаемости школ в период полевых работ и во время религиозных праздников. Также автор описывает социально-экономическое положение немцев Новгородской губернии, создание колхозов в 1930-е гг. и их сельскохозяйственную направленность (производство мяса, молока, заготовка сена, лесозаготовка, выращивание зерновых и овощных культур). Статья примечательна тем, что в ней разные аспекты положения немцев под Новгородом рассматриваются целостно, во взаимосвязи одной сферы их жизни с другой⁴⁶.

Одна из наиболее ценных работ Н.С. Фёдорук посвящена культурному развитию немцев в 1920-е гг. — сочетанию в данном процессе традиций и новаций. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период старые традиции в немецкой деревне были еще достаточно устойчивы, но одновременно советская агитация и пропаганда, а также новые социально-культурные и экономические условия формировали новые элементы в укладе повседневной жизни новгородских немцев, при этом трансформация не всегда проходила гладко⁴⁷. Еще одна важная научная

работа историка посвящена регулированию семейно-имущественных отношений в немецкой деревне в 1920-е гг. Автор приходит к выводу, что данная сфера среди российских немцев регулировалась традиционными дореволюционными нормами с поправкой на то, что теперь с жалобами и просьбами они обращались в местные Советы ⁴⁸.

В статье Н. С. Фёдорук, посвященной председателю немецкой секции при Новгородском губернском комитете РКП(б) Адольфу Конраду, отражены особенности советской и партийной деятельности немцев-коммунистов, взаимодействие немецкой секции при Новгородском комитете РКП(б) с местными и центральными органами государственной власти и партийного руководства, количество мероприятий политической направленности, проведенных в немецких колониях, культурное и школьное строительство в немецкой деревне, а также некоторые элементы социально-экономического положения новгородских немцев в 1920-е гг. ⁴⁹ Особо ценными научными работами автора являются вступительные статьи к сборникам документов, посвященные новгородским немцам с 1918 по 1941 г. В первой из статей дается всесторонняя характеристика положения немецкого населения в послереволюционный период и до Великой Отечественной войны, затронуты все аспекты жизни немцев: организация местного самоуправления, решение земельного вопроса, роль, место и влияние религии на повседневную жизнь в немецких колониях. Кроме того, описано хозяйственно-экономическое положение, в частности функционирование немецких колхозов в 1930-е гг., затронута тема репрессий, решение земельного вопроса в немецкой деревне. Исследователь приходит к выводу, что именно процесс решения земельного вопроса способствовал образованию новых немецких поселений под Новгородом в 1920-е гг. ⁵⁰

Вторая вступительная статья ко второму сборнику документов посвящена хозяйственной деятельности и повседневной жизни немцев под Новгородом в период с 1918 по 1941 г. В этой научной работе гораздо более подробно проанализировано социально-экономическое положение немецкого населения под Новгородом, более углубленно и всесторонне рассмотрены и охарактеризованы решение земельного вопроса в немецкой деревне, организация и деятельность немецких колхозов и индивидуальных хозяйств. Автор разделяет хозяйственно-экономическое развитие немецких колоний в первые десятилетия советской власти на два этапа. Первый этап — период с 1918 по 1929 г. — связывается автором с советскими преобразованиями в сфере владения и пользования землей (переход земли в государственную собственность, ее уравнительное перераспределение, экономическая и идеологическая борьба с зажиточной частью населения немецкой деревни). Второй этап — период с 1930 по 1941 г. — связывается с началом коллективизации сельского хозяйства и созданием колхозов. Здесь происходит разделение хозяйственной деятельности немецких крестьян на два направления: работа в колхозе и работа в личном хозяйстве, причем первое направление для них становится основным. Колхозное хозяйство жестко и всесторонне регулировалось государством. Хотя трудовая деятельность в личном, семейном хозяйстве и стала носить подсобный характер, основные аспекты ее организации также находились под государственным контролем ⁵¹.

Проблемам социально-экономического характера, советского, партийного, школьного и культурного строительства в немецкой деревне под Новгородом посвящена обзорная статья С.П. Егоровой. В центре внимания автора находилось влияние установления советской власти на немецкие колонии Новгородской губернии. На основе архивных документов Егорова приходит к выводу, что вопросы земли, свободы вероисповедания, воинской повинности, самоуправления немцев в 1920-е гг. советской властью так и не были решены, а вхождение Новгородской губернии в состав Ленинградской области в 1927 г., по ее мнению, привели к тому, что местные немецкие Советы утратили свое национальное лицо⁵².

Социально-демографический аспект положения немцев Ленинградской области в 1920-е гг. рассматривался в статье Т.М. Смирновой. Исследователем показаны численность немецкого населения, порядок его расселения в регионе, соотношение мужского и женского, рабочего и крестьянского населения, в процентном соотношении представлена немецкая партийная прослойка, подсчитано количество немецких школ⁵³.

Таким образом, история изучения немцев Северо-Запада в 1918—1939 гг. прошла несколько этапов и каждый из них имел свои особенности. Изучение немцев региона в советское время условно можно разделить на два периода. Первый (вторая половина 1920-х — начало 1930-х гг.) характеризуется проведением этнографических исследований в целях выявления уровня хозяйственного и культурного развития немецкого населения, в том числе осуществлявшихся по заказу центрального и местного советско-партийного руководства. Второй период (1970-е — 1980-е гг.) характеризуется возвращением к разработке исторической проблематики немецкого населения региона и появлением первых исторических исследований. Научные работы данного историографического периода написаны в рамках марксистского подхода с идеологической направленностью, чем обусловлен их политический уклон в сторону изучения немецких коммунистических организаций, таких как национальные секции РКП(б).

Современный этап историографии немцев Северо-Запада периода проведения Советской модернизации (с 1991 до 2010-х гг.) характеризуется разработкой различных исторических аспектов и направлений, связанных с региональной историей немецкого национального меньшинства, разнообразием взглядов исследователей, поиском и освоением ранее закрытой источниковой базы. Появляется значительное количество научных работ, в которых немцы Северо-Запада в период первых советских десятилетий изучаются и как отдельная этно-дисперсная группа, и в совокупности с другими национальными меньшинствами региона, и во всесоюзном масштабе как составная часть немецкого населения страны.

В имеющихся публикациях история немцев Северо-Запада представлена фрагментарно. Ряд аспектов до сих пор остается вне поля зрения исследователей. Так, мало изучена специфика внутренних процессов и трансформации социально-экономической и общественно-политической жизни немцев в период установления советской власти и проведения Советской модернизации. Не получили пока должного освещения организация и функционирование советских и партийных органов власти в немецких колониях, практически не уделялось внимания

организации немецких кооперативов и колхозов, а также проблемам принудительного выселения и репрессий 1930-х гг.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и БРФФИ в рамках научного проекта № 20—59—00010 «Этнические меньшинства в Беларуси и России в условиях общественных трансформаций 19—20 вв.»

The reported study was funded by RFBR and BRFFR, project number 20—59—00010 “Ethnic minorities in Belarus and Russia in the conditions of social transformations of the XIX—XX centuries”.

1. BUSCH M. Deutsche in St. Petersburg 1865—1914: Identität und Integration. Essen: Klartext Verlag, 1995; Der Beitrag der Deutschbalten und der städtischen Rußlanddeutschen zur Modernisierung und Europäisierung des Russischen Reiches im 18. und in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts / Hrsg. von Boris Meissner und Alfred Eisfeld. Köln. 1996; ИВАНОВА Н. И. Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях: М-лы исследований. СПб. 1999.
2. ПЛЕВЕ И. Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. М. 1998.
3. КУЛИНИЧ І. М., КРИВЕЦЬ Н. В. Нариси з історії німецьких колоній в Україні. К. 1995.
4. ЧЕРНОВА-ДЁКЕ Т. Н. Немецкие поселения на периферии Российской Империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818—1917). К 190-летию основания немецких колоний. М. 2008.
5. ВИБЕ П. П. Немецкие колонии в Сибири: социально-экономический аспект: Монография. Омск. 2007; ШАЙДУРОВ В. Н. Немцы, евреи, поляки в Западной Сибири XIX — начала XX в.: Монография. СПб. 2013.
6. BRANDES D., SAVIN A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat. 1919—1938. 1 Aufl. Essen: Klartext Verl. 2001; GERMAN A. A. Немецкая автономия на Волге. 1918—1941. М. 2007.
7. GERMAN A. A., КУРОЧКИН А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии» (1941—1945). М. 1998.
8. САКС Г. Работа среди национальных меньшинств: опыт Ленинградской области. Л. 1931, с. 5.
9. ЯНСОН П. М. Национальные меньшинства Ленинградской области: Сб. м-лов. Л. 1929, с. 3—4.
10. САКС Г. Ук. соч., с. 59—63.
11. Там же, с. 50.
12. ЯНСОН П. М. Ук. соч., с. 49—50.
13. САКС Г. Ук. соч., с. 6—8.
14. ЯНСОН П. М. Ук. соч., с. 49—50.
15. ШАЙДУРОВ В. Н. Ук. соч., с. 16.
16. Там же.
17. СТЕПАНОВА Л. П. Национальные секции РКП(б) в Петрограде и Петроградской губернии в 1918—1920 гг.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Л. 1973, с. 17—18.
18. МЕТЕЛКИН Е. Н. Агитационно-пропагандистская деятельность немецкой секции РКП(б) в Петрограде. — Политическая борьба в России в период подготовки и проведения Великой Октябрьской Социалистической революции: Межвузовский сборник научных трудов. Л. 1987, с. 160—169.
19. ДЕННИНГХАУС В. В тени «Большого Брата»: западные национальные меньшинства в СССР (1917—1939 гг.). М. 2011, с. 10.
20. Там же, с. 10—11.
21. Там же.
22. КУРОПЯТНИК А. И. Этно-социальные процессы в регионе на примере Ленинградской области в 1920-е гг.: Автореф. дисс. ... канд. социолог. наук. СПб. 1992, с. 11—12.
23. ШРАДЕР Т. А. Школьное образование в немецких колониях Ленинградской губернии в 20-х гг. — Немцы и развитие образования в России: Сб. науч. тр. СПб. 1998, с. 260—267.

24. УЛЬЯНОВ Н.П. Петришуле — старейшая школа в Петербурге. — Немцы и развитие образования в России: Сб. науч. тр. СПб. 1998, с. 129—136.
25. ВОЛОГДИНА В.Н. Из истории одной немецкой школы в Ленинграде в 20—30-х гг. — Немцы и развитие образования в России..., с. 173—181.
26. СМИРНИЦКАЯ С.В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде. — Немцы и развитие образования в России..., с. 268—269.
27. ЗЮСС В. Центральный немецкий педагогический техникум в Ленинграде. — Немцы в России: Петербургские немцы: Сб. статей. СПб. 1999, с. 254—273.
28. СМIRHOVA Т.М. Немецкий дом просвещения в Ленинграде. — Немцы и развитие образования в России..., с. 223—234.
29. ЕЕ ЖЕ. Немецкая печать в Санкт-Петербурге. — Немцы в России: Петербургские немцы..., с. 421—435.
30. ШРАДЕР Т.А. Из истории немецких культурных организаций Петрограда-Ленинграда после 1917 г. — Немцы в России: Петербургские немцы..., с. 443—451.
31. ЕЕ ЖЕ. Социально-экономическое положение немецких колонистов Петроградской губернии (Ленинградской области) в 1920—1930-е гг. — Немцы в контексте отечественной истории: общие проблемы и региональные особенности: М-лы междунар. науч. конф. М. 1998, с. 156—173.
32. СМIRHOVA Т.М. Национальность — питерские: национальные меньшинства Ленинградской области в XX в. СПб. 2002, с. 66—148.
33. РОМАНОВА Н.М. Политика управления национальными процессами в Петрограде и Петроградской губернии: 1917—1923 гг. (по материалам Петроградского Комиссариата по делам национальностей). СПб. 2013, с. 159—160.
34. ДЕННИНГХАУС В. Ук. соч., с. 165—283.
35. Там же, с. 375.
36. Там же, с. 502—629.
37. ЮХНЕВА Н.В. Санкт-Петербург. — Немцы России: Энциклопедия. Т. 3. М. 2006, с. 377—380.
38. БАХМУТСКАЯ Е.В., ШРАДЕР Т.А. Санкт-Петербургские колонии. — Немцы России: Энциклопедия. Т. 3, с. 382—391.
39. ЧЕРКАЗЬЯНОВА И.В. Ленинградские немцы: судьба военных поколений (1941—1945 гг.). СПб. 2011, с. 13—17.
40. ПУЗЕЙКИНА Л.Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии: история, язык, песни. СПб. 2013, с. 110—114.
41. Там же, с. 55—63.
42. ИВАНОВА Н.И. Путеводитель по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии. СПб. 2015, с. 91—106.
43. ДЕННИНГХАУС В. Национальная политика в РСФСР в отношении национальных меньшинств Запада во второй половине 1920-х гг. (на примере Ленинградской области). — Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1, с. 49—58.
44. МАНАКОВ А.Г. Национальный состав населения Северо-Запада России к 1939 г. — Вестник Псковского государственного университета. Сер.: Естественные и физико-математические науки. 2016. № 8, с. 65—76.
45. АНДРИАЙНЕН С.В. Национальные меньшинства Ленинградской области в 1920-е гг.: расселение и хозяйственные занятия. — Высокие интеллектуальные технологии в науке и образовании: М-лы I Международной научно-практической конференции. 2017, с. 9—14.
46. ФёдорУК Н.С. «Полезный пример...» образование и развитие немецких колоний под Новгородом в XIX — первой половине XX вв. — Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1, с. 67—77.
47. ЕЕ ЖЕ. Традиции и новации: культурное развитие немецкого населения Новгородской губернии в 20-е гг. XX в. — Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: М-лы XVI научной конференции историков-архивистов. 2017, с. 94—100.
48. ЕЕ ЖЕ. Повседневная жизнь немецких колонистов Новгородской губернии в 1920-е гг.: регулирование семейно-имущественных отношений. — Новгородика 2018. Повседнев-

ная жизнь новгородцев: история и современность: М-лы VI Международной научной конференции: В 2 т. 2018, с. 168—173.

49. ЕЕ ЖЕ. Адольф Конрад — первый заведующий немецкой секцией Новгородского губернского комитета РКП(б). 1921—1922 гг. — Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования: М-лы XVII ежегодной научной конференции. 2018, с. 130—144.
50. ЕЕ ЖЕ. Страницы истории немецких колоний в Новгородской губернии в XIX — первой половине XX вв. — Немецкие колонии Новгородской губернии в первое десятилетие советской власти (1918—1927 гг.): Сб. документов. СПб. 2017, с. 10—39.
51. ЕЕ ЖЕ. Хозяйственная деятельность и повседневная жизнь немецких поселенцев на Новгородской земле. 1821—1941 гг. — Немецкие колонии Новгородского и Чудовского районов Ленинградской области (1927—1941 гг.): Сб. документов. СПб. 2019, с. 9—73.
52. ЕГОРОВА С. П. Влияние установления Советской власти на немецкие колонии в Новгородской губернии. — Документальное наследие Новгорода и Новгородской земли. Проблемы сохранения и научного использования..., с. 116—123.
53. СМЕРНОВА Т. М. Немецкое население Ленинграда и Ленинградской губернии в первой половине 1920-х гг.: численность, состав, расселение. — Этнические меньшинства в истории России: М-лы II международной научной конференции. СПб. 2021, с. 240—246.

Имперский феномен в контексте геополитики: западноевропейская историография

А. А. Чемшит, Е. В. Скребец, Д. А. Чемшит, О. С. Ста-
ценко

Аннотация. Статья посвящена составлению историографии проблемы связи имперских проектов и геополитических доктрин. Задача решается на примере анализа западноевропейской школы геополитики. Подробно рассматриваются учения Ф. Ратцеля, Р. Челлена, Ф. Наумана, К. Хаусхофера, К. Шмитта; идеи А. де Бенуа, Ж. Тириара, Й. фон Лохаузена. Ж. Парвулеско, К. Террачано. Делается вывод, что российские политологи анализируют степень воплощения идей классической геополитики в международную практику и отмечают исследования феномена империи как центральной проблемы геополитической науки.

Ключевые слова: империя, геополитика, западноевропейская геополитическая школа, «Пан-Америка», «Пан-Азия», «Пан-Европа», «Пан-Россия».

Abstract. The article is devoted to the compilation of the historiography of the problem of the connection between imperial projects and geopolitical doctrines. The problem is solved by the example of the analysis of the Western European school of geopolitics. The teachings of F. Ratzel, R. Cellen, F. Nauman, K. Haushofer, K. Schmitt; ideas of A. de Benoit, J. Tiriard, J. von Lokhausen, J. Parvulesco, K. Terraciano are considered in detail. It is concluded that Russian political scientists analyze the degree of implementation of the ideas of classical geopolitics in international practice and note the study of the phenomenon of empire as the central problem of geopolitical science.

Key words: empire, geopolitics, Western European geopolitical school, “Pan-America”, “Pan-Asia”, “Pan-Europe”, “Pan-Russia”.

Сочетание «правильных» политических форм и проблем имперского правления в их взаимосвязи с идеями о влиянии географических факторов на исторический прогресс интересовали еще политических философов древних времен. Существование империй и контроль над безграничным пространством занимало разум политических мыслителей начиная с эпохи Античности. Фукидид, Полибий, Тацит рассматривали имперскую идею как одну из центральных политических проблем; в трудах Цицерона («Об обязанностях») главной была мысль о необходимости борьбы за империю. Идеи присоединения новых земель для достижения политической мощи, необходимости расширения границ, сохранения господства над захваченными территориями и формирования колоний, про-

блемы обеспечения устойчивости военно-стратегических союзов государств встречаются у Н. Макиавелли (центральной проблемой имперской идеи этот мыслитель считал идею свободы) ¹. Однако начиная с эпохи европейского Просвещения традиционным для классической политологии стало утверждение об упадке и распаде империй, к которым неизбежно ведут способы их существования.

Новый этап в развитии имперских идей, связанный с негативными последствиями раздробления Италии, вынудил сторонника имперской государственности Данте Алигьери констатировать, что «род человеческий тогда наиболее единый, когда весь он объединяется в одном, а это может быть не иначе как тогда, когда он полностью подчиненный единому правителю, что является очевидным» ². Данте говорил о необходимости установления имперского правления для христианских объединений, подчеркивая моральную правду империи — всемирность светской монархии, являющейся гарантией порядка и справедливости и позволяющей избегать междоусобиц. Идея «союза народов» и всемирно-гражданского состояния развивалась в трудах И. Канта, который писал, что лучшим союзом государств «был бы союз народов, который, однако, не должен быть государством народов, а быть союзом мира» ³. Позже Дж. Гобсон констатировал, что на протяжении многих веков такие политические мыслители, как Вико, Макиавелли, Данте, Кант, думали об империи как о единственно возможном залоге мира, об иерархии объединенных в единое целое государств, покоящихся на более широком фундаменте, чем феодальный порядок. Таким образом, империя отождествлялась с интернационализмом, хотя она и не всегда основывалась на идее равенства народов ⁴.

В XIX в. «естественный» исторический прогресс привел к разделу мира между соревновавшимися империями (взаимосвязь наступления эпохи империализма и появления геополитических идей отмечал, например, немецкий геополитик Адольф Грабовский) ⁵. Усиление борьбы меж-

Чемшит Александр Александрович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Политические науки и философия» Института общественных наук и международных отношений ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: chemshit952@gmail.com; *Скребец Елена Владимировна* — доктор политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Гражданское право и процесс» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: l_skrebec@mail.ru; *Чемшит Денис Александрович* — кандидат политических наук, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: chemshit79@gmail.com; *Стаценко Оксана Станиславовна* — кандидат политических наук, доцент, заведующая кафедрой «Теория и история государства и права» Юридического института ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет». E-mail: stacenkooksana@mail.ru.

Chemshit Alexander A. — doctor of political sciences, professor, professor of the department of Political sciences and philosophy of the Institute of Social Sciences and International Relations of Sevastopol State University. E-mail: chemshit952@gmail.com; *Skrebets Elena V.* — doctor of political sciences, associate professor, head of the department of Civil law and process of the Law Institute of Sevastopol State University. E-mail: l_skrebec@mail.ru *Chemshit Denis A.* — candidate of political sciences, associate professor of the department “Theory and History of State and Law” of the Law Institute of Sevastopol State University. E-mail: chemshit79@gmail.com; *Statsenko Oksana S.* — candidate of political sciences, docent, head of faculty “Theory and History of State and Law” of the Law Institute of Sevastopol State University. E-mail: stacenkooksana@mail.ru.

ду государствами Европы за контроль над пространствами собственного и других континентов вызвало появление военно-стратегических концепций, которые в XX в. в западных странах были оформлены в отдельное научное направление. Его главным признаком стало решающее влияние географического фактора на политические процессы и закономерности пространственного развития государств.

Геополитические доктрины отражают основные политические идеи конца XIX — XX в., а центральными проблемами геополитики являются власть в континентальных и мировых масштабах, могущество и способы его достижения, борьба мировых империй. Начиная с теории Ф. Ратцеля главные субъекты мировой политики с геополитическими концепциями наделялись имперскими чертами, такими как склонность к тотальному поглощению соседних территорий и стремление к расширению до контуров континента. Одним из постулатов идеологов геополитики является территориальная экспансия как основное качество мировой политики, а ключевой проблемой в начале XX в. стала возможность стратегической интеграции в континентальных масштабах как средство достижения мирового доминирования. Согласно теории жизненных циклов государства основателя немецкой органической школы геополитики социолога Ф. Ратцеля (1844—1904), пространственные расширения и сжатия являются естественными государственными процессами. Свойством любых культурных народов, по его мнению, можно считать получение для жизни лучших земель, что неизбежно приводит к увеличению государственной активности и мощности во всех сферах ⁶. Государства Ф. Ратцель называл пространственными явлениями, управляемыми и оживляемыми пространством; жизненное пространство — оптимальным для развития данного народа, пространственную экспансию — естественным процессом, соответствующим росту живых организмов.

В своей работе «Земля и жизнь. Сравнительное земледелие» (1882—1891) Ратцель сформулировал «закон расширения пространства», согласно которому, основным наполнением истории человечества являются овладение народами жизненными пространствами и их удержание, а также неизбежность поглощения меньших, более тесных пространств, занимавшихся народами, владеющими большими пространствами (будь они даже менее культурными народами) ⁷. Ф. Ратцель писал об особом пространственном ощущении, присущем каждому народу, и о пространственной концепции, свойственной каждому государству, образованному данным народом; он описывал предусмотренные границы пространственных владений и связывал упадок государства и территориальное сжатие его пространства с ослаблением пространственного ощущения населявшего его народа.

Особенности жизненного пространства, как доказывал Ратцель, оказывают влияние на образ жизни народов, их характер и культуру, социальный строй. Противопоставляя население континентальных и морских пространств, Ф. Ратцель отводил роль носителя прогресса народам, пространство которых граничит с морем (морское расположение страны, как он писал, увеличивает их силу, придает им значение мировой державы). Ратцель также обнаружил оппозицию суши и моря, считая последнее носителем прогресса и фактором, способствующим формированию по-

настоящему великих держав и получению ими статуса мировых. Особое значение в развитии государств Ф. Ратцель придавал границам, которые выполняют важнейшие функции обороны и торгового обмена, и особенностям территориальных основ великих держав. Устойчивость государственного организма он связывал со способностью обеспечивать эффективное взаимодействие между пограничными периферийными зонами и центром. Природные условия Северного полушария Ф. Ратцель считал благоприятными для развития человечества и утверждал, что внешние условия развития определяют культуру разных народностей, выделяя отдельные «круги народов», различающиеся культурные типы (западный, восточноазиатский, персидско-индийский и эритрейский).

Геополитическая доктрина Ф. Ратцеля вызывает широкий интерес у российских исследователей. Необходимо констатировать, что в конце XX в. российские авторы нередко стали механически переносить на российскую политическую систему западные геополитические схемы, которые объясняют фатальность территориальной экспансии, обеспечивающей существование и развитие российского государства. О продлении геополитической борьбы за «естественные границы» в условиях глобализации, например, пишет С. Переслегин, который считает, что «с развитием индустриализма “естественные границы” некоторых государств расширились до пределов земного шара, и этим империям удалось навязать мировому сообществу свою позицию “ограничения государственных суверенитетов”»⁸. А. Макарычев выделяет в российской политической науке государственно-центричный взгляд на проблемы пространства, включающий исследование роли пространственных факторов во внешней государственной политике, развитие идеи «границы безопасности» и т. д.⁹

Шведский географ Р. Челлен рассматривал геополитику как науку о государстве — географическом организме, воплощенном в пространстве. В своей работе «Государство как форма жизни» он также утверждал, что развитие государств как мыслящих существ происходит в форме борьбы за новые пространства, освоение которых приводит к многократному увеличению могущества победителя. Колонизация, объединение или захват других стран, согласно его концепции, являются воплощением инстинкта самосохранения в процессе органического роста государства, управляемого законами природы: большие — растут, малые — вытесняются и исчезают¹⁰.

Естественным Р. Челлен считал проведение великими державами экспансионистского курса во внешней политике и их стремление расширяться до «естественных» границ в виде гор и морей. Великие державы, как он утверждал, всегда стремятся к достижению достаточного жизненного пространства для поддержания численности своего населения и самообеспечения продовольствием и природными ресурсами. В процессе органического роста государств он констатировал возникновение соответствия хозяйственной и государственной сфер — закона автаркии (равновесия), согласно которому, хозяйство должно быть и аграрным, и индустриально ориентированным, что обеспечит производственную независимость, необходимую для ведения войн (которой соответствует система «закрытых сфер интересов»).

Однообразие великой империи, как считал Р. Челлен, само по себе благоприятно для возникновения господствующего народа, имеющего возможность на широких равнинах распространиться в большом масштабе. Он утверждал, что важнейшими геополитическими факторами являются территориальная монолитность и свобода передвижения. Большим государствам присуща сила, включая геополитику, экономику, демонополитику, социополитику и кратополитику, что обеспечивает их существование и развитие. По мнению Челлена, Россия и США являются единственными крупными государствами, самодостаточными внутри своих границ (потенциально к таким государствам он относил и Китай, который, по его убеждению, потенциально способен к доминированию над другими странами).

Государственную мощь континентальных государств Р. Челлен связывал с наличием одновременно морского и сухопутного компонентов. Предпосылками становления России как великой континентальной страны Челлен считал наличие у нее обширных пространств, открывающих доступ к морям и океанам. Он проводил исторические параллели между Россией и древними Македонией, Римом и Персией с их завоевательными устремлениями. Челлен констатировал географическую детерминированность динамики Российского государства в направлении великой империи и называл ее одной из самых континентальных среди великих держав и центральной фигурой планетарной выставки, поскольку она затрагивает в непосредственной территориальной связи оба больших культурных мира, и предусматривал постепенное формирование в России федерации автономных областей.

Российские «имперцы» — сторонники восстановления СССР утверждают неизменность геополитической закономерности, согласно которой, империя должна обладать самодостаточностью (автаркией) и оптимальными размерами. Согласно стереотипам, которые внедрялись классиками геополитической науки, Россия является огромным государством с присущим ей «естественным экспансионизмом». В геополитике Р. Челлена особое внимание российские идеологи имперской парадигмы уделяют доказательствам необходимости стремления империй к самосохранению. Однако, несмотря на международную известность Р. Челлена в прошлом, российский историк М. Чуканов, например, утверждает, что в его текстах тесно связаны научное исследование и политическая агитация. Более того, современная политическая теория, как он констатирует, не разделяет взгляд Р. Челлена на государства и нации как на «биологические организмы»¹¹.

Еще одной геополитической концепцией, в которой получила свое развитие имперская идея, является «Средняя Европа» немецкого ученого Ф. Наумана. Он писал о «новой формации» во время Первой мировой войны, которую рассматривал как шанс создания единого оборонного союза и единого экономического района. Пространство «Средней Европы», по его мнению, должно естественно объединить единый живой регион, территориально взаимосвязанный и являющийся одним из «центров силы» в мире. Ф. Науман предполагал, что мелкие и средние государства со временем лишатся своего значения для мировой политики, а их будущее будет решаться государственными союзами¹². Самым вероятным и есте-

ственным он считал формирование регионального союза — срединно-европейского центра на территории от Северного и Балтийского морей до Альп, Адриатического моря и южной полосы придунайской долины. Концепция Наумана предполагала вхождение в Срединную Европу государств, не примыкавших (в период написания его труда) ни к англо-франко-западному союзу, ни к России.

Идея мировой организации, считал Ф. Науман, должна быть имперской, базирующейся на предшествовавших ей христианстве, философии и либерализме с преобладанием государственного, территориального характера. Одной из основных идей Срединной Европы Науман называл имперскую, отвечающую постоянному органическому росту и особым интересам, прежде всего оборонным. С политико-правовой позиции союз должен быть оформлен обязательными для всех входящих в него стран постановлениями и сепаратными правами. Науман подчеркивал особую духовную основу, на которую будут опираться все союзные государства, — имперское самосознание, гасящее любые местные интересы и включающее общность идей, истории, культуры, единство воли¹³. Широкий рынок, как указывал он, является первым условием успешного экономического развития и необходимостью самосохранения. Слияние разных народов и территорий в единый государственный организм гарантирует отсутствие выделения определенного вероисповедания и национального оттенка, а также формирование здоровой, воспитанной и сытой массы. Вместе с тем с зарождением нового средневропейского союза Науман связывал появление нового типа человека, соответствующего усовершенствованному типу организации государства и идее «сверхличного» экономического управления.

По убеждению Ф. Наумана, могущественными конкурентами Срединной Европы могли стать США и Россия, обладающая значительными природными и демографическими ресурсами, но еще не проснувшаяся к экономической жизни. Ф. Науман подчеркивал, что, в отличие от России, ни одна из центральноевропейских наций не может самостоятельно создать мировое государство в экономическом и военном плане и войти в «первую колонну мировых государств»¹⁴.

Едва ли не самой популярной у российских «имперцев» стала геоидеология немецкого геополитика К. Хаусхофера, выдвинувшего идею расширения жизненного пространства, гарантирующего экономическую и политическую независимость государства. Концепция «большого пространства» К. Хаусхофера отражает проявившиеся еще во времена Античности тенденции развития государственности и предполагающие экспансию, ориентированную на географические сектора широтной и меридианной динамики. Он обосновывал необходимость создания континентального блока по оси Берлин — Москва — Токио от Балтийского и Черного морей до Тихого океана, который будет противостоять англосакской политике, и писал о целесообразности создания буферных зон по меридианам в Индийском океане и Восточной Азии¹⁵. Хаусхофер прогнозировал возможность геополитики реализовать в будущем континентальное объединение для осуществления мировой политики в преодолении идеологических преград и утверждал, что грандиозное германо-русско-восточно-азиатское объединение сделает бессильными любые попытки

английской, американской или даже объединенной блокады. Прочный континентальный блок, полагал он, возобладает над «политикой анаконды» в экономическом, военном, морском и стратегическом плане ¹⁶.

Мировое лидерство после упадка Британской империи, по убеждению Хаусхофера, должно перейти в блок континентальных государств. Он выделял в мировой политической системе три панрегиона: Европа — Ближний Восток — Африка с центром в Германии, Восточная Азия и Тихоокеанский регион с центром в Японии, Америка с центром в США (Хаусхофер предупреждал о перспективах достижения мирового могущества посредством широтной стратегии США). Такая панрегиональная модель мира, согласно концепции Хаусхофера, обусловлена необходимостью распределения мира на несколько зон влияния между великими государствами-панрегионами, позднее названными Великими пространствами, для сведения к минимуму вероятности мировых войн. Эти зоны влияния должны являться самодостаточной территориальной и социально-экономической системой с достаточными ресурсами.

Хаусхофер считал, что Великое Пространство Восточной Азии тяготеет к самоограничению своими континентальными границами, в отличие от США, которые, «завершив свои планы геополитического панамериканизма, считают свой контроль над всем американским континентом лишь первым шагом к достижению мирового господства и уже активизируют усилия в тропической Африке, Иране, Индии и Австралии. США вновь ориентируют свою геополитическую экспансию по линии Запад — Восток, стремясь сделать «широтную динамику» основой своего грядущего мирового могущества» ¹⁷. Судьбу послевоенного мира К. Хаусхофер связывал с противостоянием азиатского Великого Пространства, тяготеющего к развитию по оси Север — Юг и панамериканского Большого Пространства, стремящегося колонизировать евразийский материк. Он выдвинул проект разделения мира на несколько огромных меридианных гегемоний типа имперских — «Пан-Европу», «Пан-Азию», «Пан-Россию» и «Пан-Америку». Хаусхофер подчеркивал особый статус России, в зону влияния которой включал Российскую равнину, Сибирь, Персию и Индию, и писал об отважной и грандиозной евроазиатской континентальной политике, которую следует консолидировать ¹⁸. Он оправдывал идеи долговременного расширения жизненного пространства Евразии как должного ответа политике противника, стремящегося овладеть все новыми и новыми пространствами, используя «тактику анаконды» в глобальном масштабе ¹⁹. Последователи Хаусхофера продолжили разработку идей «строительства евразийского гроссраума». Европейская геополитическая мысль, например, представлена геополитиками-континенталистами и новыми правыми, развивающими идеи школы Хаусхофера.

Решающее значение для нового изменения геополитического пространства К. Хаусхофер придавал событиям, которые должны произойти на юго-востоке Азии, где начинался процесс формирования новых меридианных «больших пространств», утверждая, что именно геополитическая экспансия по меридиану создаст основу для серьезнейшей угрозы, поскольку она несет в себе возможность порабощения Соединенными Штатами всей планеты. Геополитическое будущее планеты зависит от того, сумеет ли англо-американская тенденция экспансии вдоль парал-

лелей прорвать сопротивление восточноазиатской тенденции экспансии вдоль меридианов. Противостояние геополитической экспансии по меридиану и экспансии по параллелям, как он предполагал, будет протекать в течение достаточно большого отрезка времени и на огромных территориях²⁰.

В статье «Панидеи в геополитике» К. Хаусхофер отмечал, что они служат для реабилитации политики, направленной на достижение национальных в своей основе интересов, используются как оправдание агрессивной внешней политики государства²¹. О необходимости формирования панидей в современной России писал А. Панарин, который достаточную интеграционную перспективу видел в евразийской идее (по его убеждению, основанной на двух мифах: индоевропейском и христианском). Российские исследователи нередко обращаются и к предупреждениям Хаусхофера относительно перманентной ориентации геополитических устремлений англосакской геополитики по линии Запад — Восток как угрожающей свободе мира. Идея о том, что будущее принадлежит только «Великим пространствам», актуальна в российской геополитике, прежде всего в ее имперском дискурсе. Российские идеологи имперской парадигмы усвоили один из принципов геополитики, упоминаемый К. Хаусхофером, который был впервые сформулирован еще в далекие времена зарождения Римского государства и не утратил своей актуальности: «*Fas est ab hoste doceri*» («Учиться у противника — священная обязанность»)²².

Российская геополитика наследовала традиционную для имперской России и Советского Союза линию конфронтации с атлантизмом, которая сегодня считается бесконечной и не снятой с повестки дня. Концепции континентального блока развиваются в трудах представителей неоевразийского и левопатриотического направлений русской геополитической мысли (А. Дугин, Г. Зюганов, А. Панарин и др.). В разработках русских националистов-«имперцев» используются достижения немецкой геополитической школы. Важнейшим элементом, воспринимаемым русскими «имперцами», является идея Хаусхофера о том, что проводимые насильственно границы бывают недолговечными, в отличие от границ, признаваемых сопредельными странами, а также о возможности достижения компромисса между различными субъектами силы в мире на основе геополитических идей. Доказательства необходимости формирования континентального союза, противостоящего атлантическому блоку НАТО, и теория «континентального блока», по убеждению российских геополитиков, будут востребованы в XXI в., на очередном этапе глобального перекраивания мира.

Другой немецкий геополитик — Карл Шмитт процесс развития государства связывал с территориальной экспансией. Он утверждал, что объединение государств всегда происходит по имперскому признаку, и обосновал новую форму наднациональных союзов, тождественную геополитическому пространству империи. Его теория «Великого пространства» предполагает создание сверхгосударственного объединения на основе этнической и культурной автономии при наличии стратегического централизма. К. Шмитт доказывал необходимость создания нового Великого пространства Евразии, аналогичного Американскому Великому пространству, применяя термин «Бунд-союз» к специфическому виду со-

дружества, и признавал возможным существование подобного объединения на территории Европы в своем «Учении о Конституции»²³. К. Шмитт утверждал, что понятие Великого пространства родственно понятию Империи, но они не тождественны, поскольку не каждое государство и не каждый народ, входящие в Великое пространство, являются частью Империи. Империя, по Шмитту, — это ведущая и поддерживающая сила, политические идеи которой властвуют в определенном Великом пространстве.

По справедливому замечанию русского политического философа А. Магуна, «Шмитт смог в 1940-х гг. описать положение вещей, которое ясно вырисовывалось только в 1990-е гг. Больше нет двух локализуемых инстанций, ведущих войну, а есть мировой порядок государств и корпораций, с одной стороны, и террористы или (используя более традиционный термин) партизаны — с другой...»²⁴ Российские сторонники имперского развития глобального мира констатируют тот факт, что будущее принадлежит не отдельным национальным единицам, а более крупным организационным субъектам, разного типа «большим пространствам». По убеждению Цимбурского, хотя геополитика начала века и «не предполагала перехода разделенной планеты в подобное “полуоткрытое” состояние», она «права, предрекая и планируя утверждение географически связанных Великих Пространств, выступающих внутри себя как экономические союзы и сообщества безопасности, как самые крупные величины международной жизни вместо клочковатых сепаратных империй евро-атлантических наций-государств»²⁵.

Как считает Б. Межуев, внутренние противоречия концепции Шмитта в плане трактовки понятия «политического» проявились в философских соображениях одного из влиятельнейших идейных оппонентов Америки и опосредованы в геокультурной стратегии Соединенных Штатов. Единственная сверхдержава современности сейчас никак не может сделать выбор между своей универсальной миссией и «особыми отношениями» с избранными «друзьями» и союзниками. Следствием этого оказывается политика «двойных стандартов», раздражающая все человечество²⁶. Российские исследователи констатируют актуальность идей К. Шмитта о противостоянии Земли и Моря, Востока и Запада, что обусловлено историческими и геополитическими факторами, цивилизационным дуализмом планетарного характера и глобальным сопоставлением двух систем международного права. Россия, согласно концепции К. Шмитта, должна освободиться от системы внешнего управления всего постсоветского пространства и исключить любое иностранное вмешательство. Соответственно, российские идеологи империи подчеркивают необходимость противопоставления методам морских войн блокады противника — военной и экономической — новых методов, которые позволят остановить процесс формирования «морской» мировой империи.

Кроме того, как провозгласил Шмитт, «старый номос идет, и вместе с ним вся система унаследованных размеров, норм и отношений... в жестоких столкновениях старых и новых сил возникают надлежащие меры и складываются осмысленные пропорции»²⁷. Идея изменения номосов как общей картины мира, ее восприятия и упорядочения, исходя из сложившихся специфических конкретно-исторических условий, соглас-

но убеждению российских «имперцев», дает в начале XXI в. такой шанс Востоку.

Представителями европейской геополитической мысли, труды которых используются русскими сторонниками имперской идеи, являются Ж. Тириар (Бельгия), Ж. Парвулеско (Франция), И. фон Лохаузен (Австрия) и некоторые другие. Принцип «континентальной геополитики» считается одним из основных принципов идеологии «новых правых», как и антиатлантический, антимондиалистский проект. Представитель направления «новых правых», возникшего во Франции в конце 1960-х гг., философ и публицист А. де Бенуа в своей доктрине «Европы ста флагов» противопоставляет «Европу» как континентальное геополитическое образование «Западу» США и доказывает ее «континентальную судьбу», основанную на этнической интеграции индоевропейских народов и общих культурных корнях. Он утверждает, что будущее цивилизации принадлежит «Великим Пространствам» — объединению этнических групп разных размеров в стратегически единую «Федеральную Империю» на равных основаниях с сохранением культурной самобытности каждого этноса. В своей концепции Бенуа предусматривает необходимость выхода европейских стран из НАТО и в целях защиты общеевропейских экономических, политических и стратегических интересов создание собственных ядерных сил ²⁸.

Бельгийский геополитик Ж. Тириар в статье «Сверхчеловеческий коммунизм» предложил проект «евросоветской империи от Владивостока до Дублина», основанный на принципе «автаркии больших пространств» как средства сохранения планетарного значения государств Европы и их противостояния США. Такая «Империя» должна быть не «федеральной» и «регионально ориентированной», а могущественным, единым, континентальным Государством-Нацией ²⁹. Согласно его концепции, формирование континентальной империи должно остановить манипуляции Вашингтона на пространстве Европы и снизить риск развязывания войн.

Своеобразной панидеей будущей единой Европы должен стать национал-коммунаризм, являющийся синтезом немарксистского коммунизма и нерасистского национал-социализма (Тириар обосновывает целесообразность политического образования единой Европы в форме избирательного имперского национализма). Ж. Тириар предполагает возможность союзнических отношений единой европейской империи с Востоком и разработку ими своеобразной евразийской доктрины Монро.

В конце 1970-х гг. Ж. Тириар писал о необходимости объединения Европы с Советским Союзом и спрогнозировал обреченность СССР на распад, поражение континентальных сил при условии отсутствия его активных действий в Европе и на Юге ³⁰. Слабой стороной СССР Ж. Тириар считал убыточность его основных концепций, поскольку у них полностью отсутствует идея империи, а также наивность некоторых советских руководителей, поверивших в мирное сосуществование: «Катехизисный характер современного коммунизма — причина его концептуальной неполноценности в отношении некоторых исторических понятий, таких как интегрированная империя, централизованное единое государство» ³¹. Конкурентоспособность СССР Ж. Тириар связывал с созданием настоящей, хорошо интегрированной Евро-советской империи, которая будет

тянуться от Владивостока до Дублина и Рейкьявика (он писал об экономической взаимодополняемости Европы и СССР, а также слабости экономики СССР, взятого отдельно). Приемлемыми условиями евро-советского гражданства он считал полное равенство граждан, свободное передвижение их по Европе, отсутствие дискриминации в отношении доступа к руководящим постам ³².

Австрийский геополитик Й. фон Лохаузен считал Европу континентальным образованием, временно попавшим под контроль талассократии. Для ее политического освобождения он предлагал объединение Германии, то есть воссоздание территориального единства Пруссии (разорванного между Польшей, СССР и ГДР) и последующее формирование самостоятельного блока из европейских государств. Россия, согласно концепции Лохаузена, независимо от изменения в ней правящей прослойки и идеологий, — это «хартленд», и ее история является единственным непрерывным процессом. С Россией он связывал будущее Европы и доказывал, что России (СССР) Европа также необходима, поскольку без нее геополитически Россия является незавершенным образованием, уязвимым для США, обладающих лучшим местоположением. Его формула «Могущество есть Сила, умноженная на местоположение», означала, что только благоприятное географическое положение дает возможность для полного развития внутренних сил. Лохаузен писал, что СССР мог иметь на Западе четыре Европы — «Европа враждебная, Европа подчиненная, Европа опустошенная и Европа союзная». К достижению последнего, благоприятного, сценария СССР и должен стремиться любой ценой. Новым этапом геополитической истории, по его мнению, может стать евразийский ³³.

Французский писатель, мистик и литературный критик Ж. Парвулеско, анализировал атлантический и евразийский геополитические архетипы и предусматривал организацию европейской континентальной конструкции «Париж — Берлин — Москва» — «Евразийской Империи Конца», которая в перспективе столкнется с «Империей Атлантики» в «Финальной Битве» (“Endkampf”). Согласно его концепции, исторический процесс разворачивается вокруг противостояния двух главных геополитических архетипов — «Атлантики» и «Евразии». Современный этап Ж. Парвулеско считает предстоящим решающим столкновением этих двух сил. Он предусматривает крупноконтинентальное европейское возрождение, пришествие стадии имперского самоопределения и метаисторической великоконтинентальной интеграции ³⁴. Евразийскую историю ближайшего будущего Парвулеску связывает с формированием ансамбля великоконтинентальных имперских государств, входящих в политическую линию оси Париж — Берлин — Москва — Нью-Дели — Токио ³⁵.

Неизбежной Парвулеско называет борьбу между Великим Континентом, политически единой Европой, и Соединенными Штатами, что соответствует основной силовой линии фундаментального онтологического антагонизма между «континентальным» и «островным» могуществом. Силовое появление Великой Европы в диалектической игре за установление имперского планетарного могущества, по его убеждению, вновь вернет США статус второстепенного государства ³⁶. Планетарному полюсу евразийского Великого Континента отвечает выбор духовной

перспективы, которому противостоит материалистический блок в оси Вашингтон — Пекин, который после установки планетарной экономической гегемонии намерен положить конец онтологической цивилизации Бытия³⁷. По мнению Ж. Парвулеско, перемещение критического центра тяжести современной крупноконтинентальной геополитики с Запада на Восток является знаком фундаментальной метастратегической эволюции актуальной ситуации, содержание которой может показаться, на первый взгляд, двусмысленным. Всякое перемещение центра тяжести к Востоку, как он считает, включает, провозглашает и основывает начало нового исторического цикла. Он предполагает возрождение Новой России, которое скажется на успешном осуществлении политико-исторического крупноконтинентального проекта. Именно Россия, по его убеждению, станет геополитическим спасительным «мостом из Европы в Индию»³⁸.

Тотальное евразийское развитие Новой России, как пишет Ж. Парвулеско, должно найти «хартленд» во всем его фундаментальном значении — «высшую и финальную сердцевинную землю» Великого Континента³⁹. Будущее воссоединение евразийского Великого Континента для Парвулеско трансцендентально вписано в логику исторического становления, и никто и ничто не сможет этому помешать. Получив контроль над полюсами, над Арктикой и Антарктикой, евразийский Великий Континент найдет решительное и тотальное планетарное владычество, перейдя в состояние «*imperium ultimum*» — абсолютной власти над финальной историей этого мира. Это будет онтологическая доминация над историей и над тем, что трансцендентно находится по ту сторону истории, являясь «последней целью». И все это уже заложено в форме эмбриона в новой конвергенции активной планетарной геополитики. Ж. Парвулеско разработал план противостояния установлению Соединенными Штатами планетарной гегемонии прогрессирующей интеграцией континента в направлении окружения Китая ансамблем великоконтинентальных государств по оси Париж — Берлин — Москва — Нью-Дели — Токио.

Публиковавшиеся в миланском журнале «Орион» геополитические изыскания доктора Карло Террачано являются крайней позицией европейского континентализма. Исследуя географический дуализм, К. Террачано связывает судьбу Европы с судьбой России и Евразии, Востоком и исламским миром. Он является сторонником существования единого Евразийского государства — «Евро-Советской Империи от Владивостока до Дублина» — этнокультурной дифференциации и регионализма. Придавая в этом процессе центральное значение российскому фактору, К. Террачано утверждает, что немаловажная роль в борьбе с талассократией будет принадлежать также исламскому миру, особенно «фундаменталистской» его версии. По отношению к СССР (позже — к России) позиция «новых правых» в целом заключается в развитии идеи союза Европы с Россией, предусматривающего новые возможности, открывшиеся после падения советской системы и создавшие благоприятные условия для формирования нового, евразийского блока — Континентальной Империи. Европейские геополитики — сторонники имперского принципа объединения континентальных стран для противостояния атлантическому Западу считают необходимым сохранение этнической и культурной автономии государств-участников (прежде всего, лидер «новых правых»

в Европе А. де Бенуа). «Новые правые» выступают за единый «европейский национализм», за «Европу наций», и важным направлением в их разработках является построение и обоснование общего «европейского пространства».

Центральным элементом геополитики «новых правых» является противостояние Европы и Америки, острова и материка с широким использованием наследия немецкой школы геополитики, прежде всего идей К. Хаусхофера. «Новые правые» трактуют большое пространство как пространство Европы, народы которой имеют общее индоевропейское происхождение, и выступают за формирование континентального геополитического образования, основанного на этническом ансамбле индоевропейского происхождения для восстановления баланса сил в мире. В общем виде, согласно проекту «новых правых», Европе следует интегрироваться в «Федеральную Империю», которая противостоит США. Идея «большой Европы» «новыми правыми» связывается с политикой Германии и стран, входящих в зону немецкого влияния. В качестве конкретного примера, часто используемого ими, можно привести целенаправленную политику генерала де Голля на восстановление оси Париж — Бонн, без которой невозможно европейское объединение⁴⁰. Идеализация «немецкой сущности» выступает как часть стратегии «новых правых» в их войне с экономическим и тоталитарным универсализмом современного западного общества. Американизму и космополитическому капитализму, разрушающему автохтонные культуры, противопоставлен немецкий миф о «священном рейхе» — политической форме, способной органически вмещать в себя индоевропейские народы во всем их этнокультурном разнообразии.

В рамках «европейской империи» предусмотрена возможность преодоления дуализма Франция — Германия, являющегося историческим дуализмом «замкнутой нации», которая рано сформировалась, и «открытого рейха, не имеющего постоянных границ»⁴¹. Российские исследователи обращают внимание на такую важнейшую политическую задачу «новых правых», как всесторонняя поддержка регионализма, укрепление семейных и коммунальных структур. Идеи европейских геополитиков развивает идеолог неоевразийства А. Дугин, используя в неоевразийском имперском проекте радикальную антиатлантическую и антимондиалистскую ориентацию геополитики «новых правых».

Таким образом, в начале XXI в. не идеология, а геополитическая реальность определяет правила мировой игры. Геополитическая наука описывает историю противостояния субъектов международной деятельности, рассматривающих другие государства как объекты своего влияния и источники своей мощи. Анализ их взаимоотношений, глобалистских планов и имперских претензий остается в центре геополитических исследований современности: одной из актуальных идей геополитики русские «имперцы» по-прежнему считают территориальную экспансию, и в эру постиндустриальной революции русскими исследователями геополитические аксиомы широко используются при оценке современных вызовов территориальной целостности и безопасности. Российские политологи анализируют степень воплощения идей классической геополитики в международную практику и уровень их влияния на положение России

в политическом мире и воспринимают значение геополитики как науки, одной из главных задач которой является исследование феномена империи. Как следствие, в российской политической науке в начале XXI в. появилось значительное количество работ, посвященных концепциям борьбы за жизненное пространство и перспективам формирования континентального блока под эгидой России ⁴².

Примечания

1. МАКИАВЕЛЛИ Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. Государь / Пер. с итал. М. А. Юсима. М. 2002, с. 18—19.
2. ДАНТЕ АЛИГЬЕРИ. Монархия. В кн.: Малые произведения. СПб. 1996, с. 356.
3. КАНТ И. Сочинения: В 6 т. / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. Т. 6. М. 1966, с. 93.
4. ГОБСОН Дж. Империализм / Пер. с англ. с предисл. к русскому изданию В.Б. Беленко. Л. 1927, с. 23.
5. ГЕЙДЕН Г. Критика немецкой геополитики / Пер. с нем., ред. и авт. коммент. Е.Н. Петрунин. М. 1960, с. 79.
6. РАТЦЕЛЬ Ф. Земля и жизнь. Сравнительное землеведение / Единственный разрешенный автором и издателем оригинала перевод под ред. орд. проф. Казанского университета П.И. Кротова: В 2 т. СПб. 1905—1907. Т. 2, с. 659, 689.
7. ПЕРЕСЛЕГИН С. Самоучитель игры на «мировой шахматной доске»: законы геополитики. В кн.: Классика геополитики, XX век: Сб. / Сост. К. Королев. М. 2003, с. 709.
8. Там же.
9. МАКАРЫЧЕВ А.С. Глобальное и локальное: меняющаяся роль государства в управлении пространственным развитием. В кн.: Пространство как фактор политической трансформации: Сб. научных трудов / Сост. И. Бусыгина, Т. Титова. М. 2003, с. 22.
10. ЧЕЛЛЕН Р. О политической науке, ее соотношении с другими отраслями знания и об изучении политического пространства / Предисловие М.В. Ильина. — Полис. 2005. № 2, с. 115—126.
11. ЧУКАНОВ М. Отец геополитики о России как великой державе / Г. Озелиус, М. Чуканов. — Вопросы истории. 1996. № 1, с. 147—151.
12. НАУМАН Ф. Срединная Европа. Пг. 1918, с. 6, 103.
13. Там же.
14. РАТЦЕЛЬ Ф. Ук. соч., с. 659, 689.
15. ХАУСХОФЕР К. Континентальный блок: Берлин—Москва—Токио / Пер. А. Карагодина. В кн.: ДУГИН А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. Мыслить пространством. 3-е изд. М. 1999, с. 825—826, 828, 834—835.
16. Там же.
17. ХАУСХОФЕР К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей / Пер. А. Карагодина. В кн.: Основы геополитики, с. 837—838.
18. ЕГО ЖЕ. Континентальный блок: Берлин—Москва—Токио..., с. 825—826, 828, 834—835.
19. Там же.
20. ХАУСХОФЕР К. Геополитическая динамика меридианов и параллелей..., с. 837—838.
21. ЕГО ЖЕ. О геополитике: Работы разных лет. М. 2001.
22. ЕГО ЖЕ. Континентальный блок: Берлин—Москва—Токио..., с. 825—826, 828, 834—835.
23. ВАГНЕР Г. Правовая природа Европейского союза. В кн.: Политическая структура мира: Сб. статей / Под ред. В.В. Афанасьева. М. 2009, с. 235.
24. URL: <http://Www.Intelros.Prg/Lib/Statyi/Mezjuev2.html>
25. ЦЫМБУРСКИЙ В.Л. Геополитика как мировидение и род занятий. — Полис. 1999. № 4, с. 7—28.
26. URL: <http://Www.Intelros.Prg/Lib/Statyi/Mezjuev2.html>

27. ШМИТТ К. Земля и Море (созерцание всемирной истории) / Пер. с нем. Ю. Ю. Коринца. В кн.: ДУГИН А. Г. Основы геополитики..., с. 883.
28. ДУГИН А. Г. Европа ста флагов — Ален де Бенуа. В кн.: Основы геополитики..., с. 137—140.
29. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_buks/polit/index_polit.php
30. ТИРИАР Ж. Сверхчеловеческий коммунизм (письмо к немецкому читателю). В кн.: ДУГИН А. Г. Основы геополитики..., с. 515—525.
31. Там же.
32. Там же.
33. ЛОХАУЗЕН Й. фон. Война в Персидском заливе — война против Европы. В кн.: ДУГИН А. Г. Основы геополитики..., с. 893—897.
34. ПАРВУЛЕСКО Ж. Геополитика третьего тысячелетия. В кн.: ДУГИН А. Г. Основы геополитики..., с. 885—888.
35. Там же.
36. Там же.
37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. КАБЕШЕВ Р. В. Идеологические концепции «новых правых». — Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 2006. № 1, с. 106, 109.
41. Там же.
42. СМЕРНОВ А. Н. Уровни геополитического восприятия действительности в современной России. — Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 3, с. 45—61; ТИХОНРАВОВ Ю. В. Геополитика: Учеб. пособие. М. 1998; ЦЫГАНКОВ П. А. Геополитика: последнее прибежище разума? — Вопросы философии. 1994. № 7—8, с. 59—71; ПОЗДНЯКОВ Э. А. Геополитика. М. 1995; ИОНИН Л. Г. Консервативная геополитика и прогрессивная глобалистика. — Социс. 1998. № 10, с. 34—43; БАБУРИН С. Н. Территория государства. Правовые и геополитические проблемы. М. 1997; Геополитические и геоэкономические проблемы России: М-лы научной конференции в РГО (октябрь 1994 г.) / Русское географическое общество; отв. ред. С. Б. Лавров. СПб. 1995; КОЛОСОВ В. А. Геополитика и политическая география. М. 2002; ЦЫМБУРСКИЙ В. Л. Русские и геоэкономика. — Pro et contra. 2003. Т. 8. № 2, с. 178—213; ЗАМЯТИН Д. Н. Геополитика: основные проблемы и итоги развития в XX в. — Полис. 2001. № 6, с. 97—113; ЛАПКИН В. В. Геоэкономическая политика: предмет и понятия (к постановке проблемы). — Полис. 1999. № 4, с. 42—60.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

УДК 93/94

DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202204Statyi08

К вопросу о структуре научной КОММУНИКАЦИИ

А. Л. Чупин, Т. М. Воротынцева, В. Л. Абрамов,
В. Я. Пищик

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы оценки научной продуктивности. Ее содержание нередко сводят лишь к выбору методики измерения размеров вклада в научный процесс (экспертная оценка, анализ динамики публикаций и т. п.) и относительно мало внимания уделяют формированию эмпирической картины, на основе которой осуществляется измерение. Для историка науки научный результат — это, прежде всего, новое содержательно истинное утверждение о действительности («научный факт», «открытие» и т. п.), для экономиста — вновь созданная стоимость. Наконец, понятие научного результата как чего-то, эмпирически фиксируемого, вообще может быть введено только в том случае, если познавательное движение рассматривается как «исследование», то есть ограниченное во времени и по ресурсам действие, поэтому оценка научной продуктивности должна рассматриваться не только как проблема методики ее измерения, но и как методологическая проблема, то есть в плане экспликации и критики тех допущений, на основе которых эта оценка строится.

Ключевые слова: научная коммуникация, международное сотрудничество, генезис науки, модель, научное управление.

Abstract. In the article the problems of scientific productivity assessment are considered, its content is often reduced only to the choice of methods for measuring the size of the contribution to the scientific process (expert assessment, analysis of the dynamics of publications, etc.) and relatively little attention is paid to how the empirical picture is formed, on the basis of which the measurement is made. Thus, for a historian of science a scientific result is first of all a new substantially true statement about reality («scientific fact», «discovery», etc.). For the economist, the scientific result is primarily a newly created value. Finally, the notion of a scientific result as something empirically fixable and discrete in general can only be introduced if the cognitive movement is seen as «research», i. e. an action limited in time and resources. Therefore, the assessment of scientific productivity should be considered not only as a problem of the methodology of its measurement, but also as a methodological problem, i. e. in terms of explication and criticism of the assumptions on the basis of which this assessment is built.

Key words: Research communication, international cooperation, genesis of science, model, research administration.

Исследование процессов роста знания показывает, что продуктивное участие в научном процессе, как правило, предполагает включение ученого в профессиональное сообщество, выступающее как «продуцент» определенного массива публикаций. Функционирование такого сообщества сопровождается обменом сообщениями внутри него, а так-

же между сообществом в целом и институтом науки; на этой основе наука рассматривается как система коммуникации, а в качестве меры оценки научного вклада — количество опубликованных статей, монографий и др.¹ Полученные таким образом эмпирические данные показывают, что распределение публикаций по именам авторов имеет характер резко асимметричной кривой, известной под названием закона Лотки, и может быть хорошо аппроксимировано так называемым распределением Ципфа — Парето. В соответствии с этим законом «большое число людей малой продуктивности оказываются авторами примерно такого же количества статей, что и малое число людей высокой продуктивности»; при этом фиксируется минимальный уровень продуктивности в одной статье.

Корректное сопоставление данных о распределении публикаций по именам с данными о распределении индивидуального вклада требовало бы, очевидно, дополнительного исследования продуктивности тех ученых, которые в исследованиях Лотки и др. были зафиксированы как «носители имени» (авторы статей)². Иными словами, следовало бы установить, в какой степени действительная доля участия каждого из этих ученых в формировании исследованного массива публикаций отличается от ранга его имени в этом массиве. К сожалению, данные такого рода отсутствуют, хотя в принципе соответствующее исследование возможно и представляло бы значительный интерес. Вместе с тем известно, что закон Лотки имеет универсальный характер в том смысле, что соответствующее распределение фиксируется на любом достаточно большом массиве публикаций, независимо от того, какого рода социальное объединение (формальная организация или неформальное сообщество) образуют авторы сообщений, входящих в этот массив³. Поэтому можно предполагать, что в качестве эмпирического референта, по отношению

Чупин Александр Леонидович — начальник отдела международного и инновационного сотрудничества, научное управление Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: chupin_al@pfur.ru; *Воротынцева Татьяна Михайловна* — кандидат экономических наук, доцент кафедры таможенного дела Российского университета дружбы народов (РУДН); доцент кафедры таможенных операций и таможенного контроля Российской таможенной академии (РТА), доцент. E-mail: vorotyntseva_tm@pfur.ru; *Абрамов Валерий Леонидович* — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, главный научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: valabr@yandex.ru; *Пищик Виктор Яковлевич* — доктор экономических наук, профессор Департамента мировых финансов ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: pv915@mail.ru.

Chupin Alexander L. — head of the Unit for external cooperation and innovations, Research division of RUDN University. E-mail: chupin_al@pfur.ru; *Vorotyntseva Tatyana M.* — candidate of economic sciences, associate professor of the Department of Customs of RUDN University, associate professor of the Department of Customs Operations and Customs Control of the Russian Customs Academy, associate professor. E-mail: vorotyntseva_tm@pfur.ru; *Abramov Valery L.* — doctor of economics sciences, professor, chief researcher of Research Institute of International Economic Relations, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: valabr@yandex.ru; *Pishik Victor Ya.* — doctor of economics, professor of Department of World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: pv915@mail.ru.

к которому справедливо наше рассуждение, могут выступать не только исследованные Лоткой и др. неформальные сообщества ученых («невидимые колледжи» у Д. Прайса и т.п.), но и формальные организации современной «большой науки» (лаборатории, научные институты и др.). Такое расширение поля эмпирических данных имеет смысл еще и потому, что в формальных научно-исследовательских организациях сложились механизмы социальной идентификации, не связанные столь тесно с фактом опубликования статей или книг⁴. Иными словами, в такой организации размеры индивидуального вклада того или иного ученого могут быть определены вне зависимости от того, оформлен ли этот вклад в виде отдельной публикации.

Одно из известных исследований подобного рода было выполнено в 1966 г. американскими социологами Д. Пельцем и Ф. Эндрюсом. Авторы показали, что распределение индивидуальных вкладов является в высокой степени асимметричным: «многие ученые публикуют лишь небольшое количество статей (или мало патентуют, или мало пишут отчетов), а немногие ученые имеют обширную научную продукцию». «Было обнаружено, что данные о научной продуктивности многих подгрупп наших респондентов имеют распределение, весьма близкое к логарифмически нормальному»; при этом был зафиксирован нулевой уровень продуктивности.

Следует отметить высокий профессиональный уровень проведенного исследования, что позволяет рассматривать полученные данные как весьма достоверные. Исходная выборка включала персонал 11 научных учреждений, в том числе около 600 ученых из пяти промышленных лабораторий различного профиля, около 500 ученых из пяти правительственных лабораторий и около 150 профессоров университета. Эксперты оценивали ранг ученого по «внешнему» критерию размеров индивидуального вклада в данную область исследования и по «внутреннему» критерию полезности ученого для данного учреждения. Каждый эксперт был свободен в выборе шкалы, по которой проводилось ранжирование; полученные таким образом оценки обрабатывались методами математической статистики по специальной программе. Для повышения репрезентативности выборки ученые были разделены на пять групп: ученые со степенью, соответственно, в исследовательских и прикладных лабораториях; ученые без степени также в учреждениях двух разных ориентаций; наконец, ассистенты — ученые без степени в организациях, где много ученых со степенью. Ранжирование проводилось в каждой группе отдельно. Оценка количества публикаций также проводилась по двум критериям: «внешнему», то есть количеству опубликованных ученым статей и монографий и полученных им патентов, и «внутреннему», то есть количеству подготовленных данным ученым научно-технических отчетов, рабочих материалов и пр. Результаты измерений хорошо коррелировали между собой, хотя, как отмечают сами авторы, «критерии были предназначены для определения различных аспектов продуктивности ученых, и поэтому мы не рассчитывали, что они дадут полное совпадение оценок...»⁵

Данные Д. Пельца и Ф. Эндрюса совпадают с результатами более раннего исследования, выполненного известным американским физиком,

лауреатом Нобелевской премии В. Шокли. За 10 лет до Пельца и Эндрюса он исследовал продуктивность ученых в научно-исследовательской лаборатории в Лос-Аламосе и в Национальном физическом центре Брукхейвене (США). Полученное им распределение индивидуальных вкладов за четырехлетний период имеет характер, аналогичный результатам Пельца и Эндрюса, и также допускает хорошую аппроксимацию логнормальным законом; при этом оказалось, что около половины ученых за четыре года не опубликовало ни одной статьи ⁶.

Таким образом, имеющиеся в настоящее время данные о продуктивности ученых позволяют построить две различные эмпирические кривые, которые могут быть аппроксимированы разными вероятностными распределениями. Распределение публикаций по именам (данные Лотки и др.) подчиняется закону Ципфа, а распределение индивидуальных вкладов (данные Шокли, а также Пельца и Эндрюса) — логнормальному закону.

Пусть деятельность ученого состоит в непрерывном порождении текста $y(t)$ с определенным темпом, зависящим от активности ученого. Тогда размеры индивидуального вклада будут измеряться длиной текста, порожденного в заданный промежуток времени. Выбрав в качестве единицы измерения длины этого текста средний объем одной статьи (измеряемый, например, количеством печатных знаков), мы получим традиционную меру научной продуктивности: количество статей, опубликованных под одним именем, будет выступать как «индикатор», согласно П. Лазарсфельду, размеров вклада, сделанного носителем этого имени в заданный интервал времени.

Пусть единица измерения размеров вклада (объем статьи) выбрана достаточно малой, чтобы считать процесс порождения текста непрерывным, а измеряемую переменную — случайной величиной, принимающей значение y на континууме положительных чисел; тогда можно говорить о плотности распределения вклада $p(y)$, которая, как следует из результатов Шокли, а также Пельца и Эндрюса, подчиняется логнормальному закону:

$$p(y) = \frac{1}{y\delta\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{1}{2}\left(\frac{\ln y - \mu}{\delta}\right)^2}, y \geq 0 \quad (1)$$

В этой формуле μ и δ^2 — параметры логнормального распределения, определяющие математическое ожидание и дисперсию соответствующего ему нормального распределения. Этот нормальный закон получается в результате логарифмического преобразования $p(y)$ и представляет собой распределение для логарифма измеряемой переменной $x = \ln y$:

$$p(x) = \frac{1}{\sqrt{2\pi}\delta} e^{-\frac{(x-\mu)^2}{2\delta^2}}$$

В отличие от этого, распределение публикаций по именам их авторов имеет вид:

$$p(y) = \frac{C}{y^\gamma}, y \geq 1 \quad (2),$$

где C — константа, определяемая объемом выборки, γ — показатель закона ($\gamma \sim 2$).

В пронормированном виде закон принимает вид плотности распределения:

$$p(y) = \frac{\alpha}{y^{\alpha+1}},$$

где $\alpha = \gamma - 1$ — характеристический показатель ($\alpha \sim 1$).

Этот закон в приложении к исследованию научной продуктивности называется обычно законом Лотки ($\gamma = 2$) а в более общем смысле (для произвольных γ) — законом Ципфа или (как правило, в экономических приложениях) распределением Парето.

В дальнейшем эти наименования мы будем употреблять как идентичные. Очевидно, что распределение публикации по именам существенно отличается от распределения индивидуальных вкладов. При этом отличие заключается, прежде всего, в том, что это разные эмпирические кривые, обладающие разной формой и областью существования (рис. 1). Во-первых, ряд значений наблюдаемой переменной начинается с нуля, когда кривая продуктивности задана на множестве индивидов, и с единицы, когда эта кривая задана на множестве имен. Во-вторых, в случае закона Лотки асимметрия распределения является более значительной. Наконец, это расхождение не имело бы принципиального значения (можно было бы говорить о разных аппроксимациях одних и тех же данных), если бы значения $p(y)$, вычисленные на основании закона Лотки, были достаточно близки к значениям функции распределения, вычисленным на основании данных Шокли.

Однако в действительности значения этой функции таковы, что для всех $\gamma \geq 1$ количество сообщений, опубликованных под одним именем, примерно вдвое превышает вероятные размеры индивидуального вклада. Это свидетельствует о том, что между структурой научного сообщества и структурой массива публикаций имеются существенные различия; можно даже предположить, что формирование множества индивидов и множества имен связано с действием разных системообразующих механизмов, то есть что система науки имеет дуальную организацию. Для сравнения отметим, что такого же рода различие структур может быть обнаружено и в других областях человеческого поведения⁷. Распределение Парето характерно, например, для доходов в капиталистических странах, что справедливо лишь для множества индивидов, облагаемых налогом, то есть для лиц, чьи доходы превосходят определенный порог, установленный законом о налогообложении, тогда как для лиц с малыми доходами справедливо логнормальное распределение доходов. Аналогичным образом время жизни основной массы населения подчиняется кососимметричному распределению (которым, в частности, является логнормальное), тогда как для долгожителей старше 100 лет справедливо распределение Парето.

Гипотеза, которую мы намерены обсудить ниже, состоит в том, что отсутствие изоморфизма между множеством имен и множеством индивидов вызвано наличием некоторых скрытых аспектов научной деятельности, которые обычно остаются вне поля зрения исследователей науки. В частности, можно предположить, что в определенных случаях члены научного общества, являясь активными участниками научного процесса

и способствуя формированию соответствующего массива публикаций, вместе с тем не рассматриваются как авторы включенных в этот массив статей или иных сообщений (для удобства изложения мы будем называть таких ученых «нуль-продуцентами»). Благодаря тому, что, по крайней мере, некоторые участники научного процесса остаются анонимными (и, следовательно, не могут быть установлены при анализе библиографии или сетей цитирования), одному и тому же массиву публикаций могут быть сопоставлены два разных распределения продуктивности, в зависимости от того, задано это распределение на множестве участвующих в научном процессе индивидов или же на множестве представленных в массиве публикаций имен.

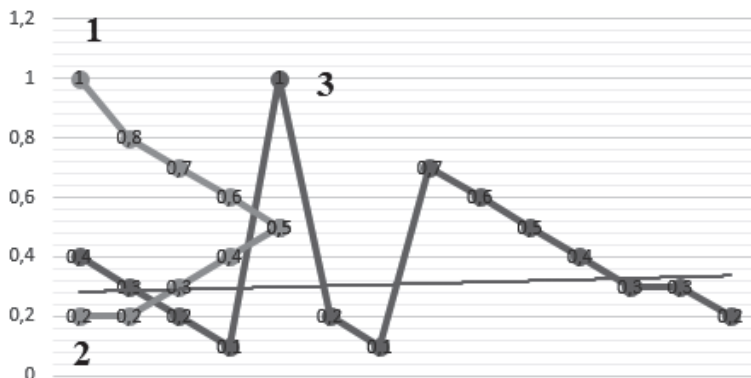

Рис. 1. Распределение научной продуктивности:
 1 — распределение по именам
 (распределение Парето-Ципфа с показателем $\gamma = 2$);
 2 — распределение по индивидам
 (логнормальное распределение с параметрами $\theta, \delta^2 = 1$)
 3 — усеченное логнормальное распределение

Рассмотрим более подробно данные, полученные Шокли и подтвержденные Пельцем и Эндрюсом. В обоих случаях примерно половина образующих выборку ученых вообще не опубликовала (во всяком случае, в пределах заданного интервала наблюдения) ни одной работы. «Среди ученых некоторых категорий, — отмечают Пельц и Эндрюс, — довольно много таких, которые дают очень мало или вовсе не дают научной продукции. Каждые двое из пяти ученых-ассистентов и такой же процент ученых без степени в исследовательских лабораториях в течение последних пяти лет не опубликовали ни одной статьи, а у инженеров (имеются в виду ученые без степени в прикладных лабораториях это составило даже 4/5». Половина инженеров за последние пять лет не получила ни одного патента. Один из пяти инженеров промышленных научных учреждений и ученых без степени, работающих в исследовательских лабораториях, и двое из пяти ученых-ассистентов, работающих в правительственных и промышленных научных учреждениях, за последние пять лет не написали и не участвовали в составлении ни одного научного отчета»⁸.

Тот факт, что около половины продуктивно работающих ученых не представлены в массиве публикаций как авторы сообщений, вполне объ-

ясним. Дело в том, что в науке существуют довольно многочисленные социальные механизмы, налагающие на содержание индивидуального вклада определенные, специфические для данного социального института, ограничения⁹. Эти ограничения носят пороговый характер и, как правило, являются достаточно жесткими: известно, например, что в современных научных журналах из 10 представленных рукописей публикуются одна-две.

Естественно предположить, что индивиды, не являющиеся «носителями имени» («нуль-продуценты»), — это те члены научного сообщества, участие которых в научном процессе в силу тех или иных причин отклоняется от институционального стандарта коммуникации. С этой точки зрения «нуль-продуценты» являются не фиксируемыми в явном виде соавторами «носителей имени» (скрытыми, анонимными соавторами, соавторами «без имени»). Разумеется, речь здесь идет не о чьем-то заведомом присвоении чужих заслуг, а лишь о степени участия в порождении совокупного вклада: предполагается, что участие в научном процессе не фиксируется в массиве имен, если размеры индивидуального вклада меньше определенной величины, и дает право на имя, если размеры вклада превышают эту величину¹⁰. Иными словами, «нуль-продуценты» обладают ненулевой продуктивностью, однако ее уровень ниже заданного системой научной коммуникации порогового значения. Мерой продуктивности в данном случае могут быть затраты времени, количество личных контактов или иные параметры, уровень которых может рассматриваться как признак участия в научном процессе.

В плане предложенной ранее формальной интерпретации это предположение можно сформулировать таким образом, что функция $p(y)$ имеет физический смысл не только в интервале значений измеряемой переменной $y \geq 1$, где она характеризует распределение вкладов на множестве «носителей имени», но и в интервале $0 < y < 1$, где она характеризует распределение вкладов на множестве «нуль-продуцентов». Иными словами, утверждение, что «нуль-продуценты» не являются авторами сообщений, строго говоря, неточно: их вклад в массив публикаций может быть равен 0,2 или 0,5 статьи. Такого рода неточности в определении размеров вклада, возникающие вследствие дискретности шкалы, имеют место не только в случае «нуль-продуцентов», но и в более общем плане: как отмечают Пельц и Эндрюс, «было бы правильным предположить, что продуктивность тех, кто дал N единиц научной продукции, распределена между N и $N+1$ единицами». Именно поэтому Пельц и Эндрюс при статистической обработке данных приписали «нуль-продуцентам» вклад в полстатьи, прибавив, соответственно, эту же величину к индивидуальному вкладу остальных ученых.

Введение формальных представлений позволяет перейти от эмпирических кривых к теоретическим распределениям. Рассмотрим возможность аппроксимации данных о размерах индивидуальных взглядов логнормальным распределением. Это распределение (в отличие от гауссова) сравнительно мало известно, поэтому приведем основные соотношения, необходимые для определения его параметров. Моменты распределения определяются выражением: $M\mu^n = e^{n\mu + \frac{1}{2}n^2\delta^2}$, где n — порядок времени.

Математическое ожидание, медиана и мода, соответственно, определяются формулами:

$$My = e^{\mu + \frac{1}{2}\delta^2}, y_{med} = e^{\mu}, y_{mod} = e^{\mu - \delta^2}$$

Функция распределения вероятности определяется соотношением:

$$F(\xi \leq y) = \int_0^y \frac{1}{\xi\delta\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{1}{2}\left(\frac{\ln\xi - \mu}{\delta}\right)^2} d\xi = \Phi\left(\frac{\ln y - \mu}{\delta}\right) \quad (3),$$

где

$$\Phi\left(\frac{\ln y - \mu}{\delta}\right) = \int_{-\infty}^{\frac{\ln y - \mu}{\delta}} \frac{1}{\sqrt{2\pi}} e^{-\frac{\eta^2}{2}} d\eta$$

Из (3) вытекает следующее соотношение, необходимое для сравнения теоретического закона с эмпирическими данными:

$$F(a \leq \xi \leq b) = \Phi\left(\frac{\ln b - \mu}{\delta}\right) - \Phi\left(\frac{\ln a - \mu}{\delta}\right). \quad (4).$$

Оценка параметров логнормального распределения представляет собой специальную статистическую проблему, исследование которой не входит в задачу настоящей статьи.

Пусть в результате измерения продуктивности получен набор $\{n_i\}$, где n_i — количество индивидов, чей вклад составляет i статей. Общее количество индивидов в сообществе $N = \sum_{i=0}^k n_i$, где k — максимальное количество статей, опубликованных под одним именем. Исходя из характера эмпирических данных, примем дисперсию $\delta^2 = 1$. Так как «нуль-продуценты» составляют половину от общего числа индивидов, то есть $n_0/N = 0,5$, а размеры их вклада, согласно принятому допущению, $0 < y < 1$, то медиана искомого логнормального распределения $y_{med} = 1$. Отсюда получаем $\mu = 0$. Математическое ожидание, исходя из данных Шокли, составит:

$$My = \frac{\sum_{i=0}^k i n_i}{N} \text{ статьи.}$$

Теоретические значения математического ожидания, медианы и моды для этих же параметров $\mu = 0, \delta^2 = 1$ составят, соответственно:

$$My = e^{\mu + \frac{1}{2}\delta^2} = 1,6; \quad y_{med} = e^{\mu} = 1; \quad y_{mod} = e^{\mu - \delta^2} = 0,4,$$

что совпадает с параметрами эмпирической кривой. Аналогичным образом во всем интервале значений измеряемой переменной наблюдалось удовлетворительное совпадение значений $\delta_i = n_i/N$ (доля индивидов, опубликовавших i статей, от общего числа членов научного сообщества), вычисленных согласно данным Шокли, и значений функции распределения вероятностей $F_i = F(i \leq \xi \leq i + 1)$, вычисленных согласно (4) для параметров $\mu = 0, \delta^2 = 1$.

Полученные выражения характеризуют некоторые важные аспекты деятельности ученых и научных коллективов. Математическое ожидание My есть по определению среднее значение измеряемой переменной, поэтому вклад, составляющий 1,5—1,6 статьи, соответствует средним требованиям, предъявляемым к члену научного сообщества. Интересно, что значение y_{med} для медианы совпадает с единицей. Это означает, что ученые с размером вклада в одну статью расположены в середине ряда всех

ученых, проранжированных по продуктивности. Иными словами, ученые-«однотатейники» являются своеобразной точкой симметрии ($y = 1, x = \ln y = 0$), разделяющей множество индивидов на «нуль-продуцентов» ($y = 1, x = \ln y < 0$) и «носителей имени» ($y \geq 1, x = \ln y \geq 0$). Получившееся значение для моды $y_{\text{mod}} = 0,4$ означает, что наиболее часто среди ученых будут встречаться «нуль-продуценты» со «степенью участия», эквивалентной вкладу в 0,4 статьи.

Таким образом, для вычисления размеров индивидуального вклада может быть использовано логнормальное распределение, в частности с параметрами $\mu = 0, \delta^2 = 1$. Но, как было отмечено ранее, распределение вкладов по именам подчиняется закону Ципфа с параметром $\gamma = 2$.

Для исследования степени влияния «нуль-продуцентов» на формирование массива публикаций следует сопоставить эти распределения. Преобразуем распределение индивидуальных вкладов так, чтобы мы могли рассматривать массив публикаций как вклад только тех ученых, которые являются «носителями имени». Для этого при сохранении суммарных размеров вклада $S = My * N$ ограничим множество индивидов множеством «носителей имени» ($N - N_0$) и на основе предельного перехода $N \rightarrow \infty$ приведем логнормальное распределение (1) к усеченному виду:

$$p\left(\frac{y}{1} \leq \xi \leq \infty\right) = \begin{cases} \frac{1}{1-F(\xi \leq 1)} * p(y) = C * p(y), & y \geq 1 \\ 0 & 0 \leq y \leq 1 \end{cases} \quad (5)$$

где $F(\xi \leq 1) = \int_0^1 p(\xi) d\xi$ — функция распределения, $C = 1/1-F$ — константа.

Если предположить, что физический смысл такого преобразования исчерпывается равномерным перераспределением вклада «нуль-продуцентов» в пользу «носителей имени», то полученная усеченная кривая должна совпадать с распределением публикаций по именам. Действительно, если вычислить значения функции распределения вероятности согласно соотношениям (2) и (5), то в пределах изменения наблюдаемого параметра они оказываются близкими (см. рис. 1). Это позволяет нам оценивать гипотезу о «нуль-продуцентах» как в целом правдоподобную.

Для оценки выделенного феномена существенную роль играет также то обстоятельство, что данные, на которые мы опираемся, получены примерно в одном и том же интервале наблюдения (четыре года у Шокли и пять лет у Пельца и Эндрюса, что позволяет сопоставлять эти данные) и на материале двух независимых исследований, проведенных с десятилетним перерывом на выборках, отражающих разные социальные объединения, что говорит об устойчивом характере феномена. Предположение о том, что появление «нуль-продуцентов» связано с истощением людских ресурсов науки, то есть что это случайные или малоспособные люди, по меньшей мере наивно: анонимным остается, по крайней мере, каждый второй участник научного процесса. Точно так же было бы неоправданным рассматривать «нуль-продуцентов» как несоциализированную часть научного сообщества: у Шокли и у Пельца

и Эндрюса речь с самого начала идет об ученых, то есть людях, чей профессиональный статус не вызывает сомнений. Наконец, нет оснований считать, что наблюдаемое распределение вкладов обусловлено, например, несовпадением границ формальной организации и неформального сообщества.

В этой связи представляется уместным сопоставить предшествующий анализ с данными эксперимента, выполненного в США в рамках одной из программ исследования процессов научной коммуникации. Объектом изучения в данном случае была группа обмена информацией по окислительной фосфорилации и направленному переносу электронов, созданная при Национальном институте здравоохранения¹¹. Членом группы мог быть любой ученый, работы которого включены в массив публикаций данной области исследования; каждый член группы получал приведенный к последней дате список коллег с указанием их почтового адреса, а также копии текстов, подготовленных для распространения внутри группы. Таким образом, каждый член группы был осведомлен о том, кто именно участвует в общении, и мог поддерживать с ними желаемый уровень обмена текстами (что и предполагается при исследовании науки как системы коммуникации)¹².

В период проведения эксперимента (1961—1965 гг.) наблюдался экспоненциальный рост количества членов группы с периодом удвоения около 13 месяцев, а также экспоненциальный рост массива рассылаемых научных материалов с периодом удвоения около семи месяцев. Таким образом, несмотря на превышение средних даже для наиболее активных областей исследования значений, отношение между темпами роста массива транслируемых сообщений и темпами роста количества участвующих в коммуникации ученых оставалось тем же, что и на уровне области исследования или научной дисциплины. Поскольку, наконец, порождение текста в данном случае есть очевидная функция от включения автора текста в исследуемую группу, последняя может рассматриваться как своего рода аналоговая модель системы научной коммуникации; таким образом, данные, полученные при изучении групп обмена информацией, могут быть обобщены на естественно сложившиеся «большие» системы коммуникации (область исследования, дисциплину или науку в целом).

Ограничение массива представленных членами группы текстов и установление полного списка имен их авторов (включая соавторов из числа лиц, не являющихся членами группы) позволили получить следующие данные. В качестве меры оценки размеров индивидуального вклада в данном случае рассматривалась «степень авторства», то есть частота появления имени в массиве публикаций; эта величина была подсчитана отдельно как для членов группы («полная продуктивность», когда учитываются только вклады объемом в целое число текстов), так и для всей выборки авторов (с учетом «частичной продуктивности», когда учитываются любые вклады, в том числе и дробные, а также менее одного текста).

Как и следовало ожидать, распределение текстов по именам членов группы в целом совпало с законом Лотки: число членов группы, представивших n текстов, оказалось пропорциональным $1/n^2$

Напротив, распределение текстов по именам их авторов совпало с данными Шокли и Пельца и Эндрюса: логарифм вычисленной таким образом продуктивности имел нормальное распределение, причем более 40% зарегистрированных имен принадлежало «частичным авторам», вклад которых в научный процесс исчисляется долями статьи. В заданном интервале значений наблюдаемой переменной кривая распределения вкладов объемом менее одного текста сохраняла преемственность с распределением вкладов объемом более одного текста; при этом «в верхней части распределений частичной и полной продуктивности одни и те же люди оказываются примерно в одном и том же ранге». Наконец, число текстов, имеющих одного автора (который, очевидно, всегда является членом группы), примерно вдвое превысило ожидаемое, что также совпадает с полученными ранее данными. Параметры эмпирических кривых обнаружили некоторую лабильность, в зависимости от предметной специфики и уровня финансирования исследований, а также от действующих в той или иной области исследования традиций, и их сопоставление с вычисленными нами значениями оказалось невозможным.

Для нас в данном случае важно и то, что список имен, представленных в массиве публикаций, существенно отличался от списка членов группы. Из 517 ученых, являющихся членами группы, 286 вообще не представили ни одной работы (хотя и проявили, как показывает их принадлежность к группе, определенную заинтересованность в получении работ других членов группы). Из 555 зарегистрированных в массиве публикаций имен 234 принадлежат лицам, не являющимся членами группы и выступающим в качестве авторов менее чем одной статьи. Разделение группы на «авторов» и «неавторов» (равно как и разделение авторов на членов группы и аутсайдеров) имело устойчивый характер: так, например, «неавторы» неизменно составляли около 45% от общего объема группы, несмотря на быстрый рост количества ее членов и вопреки тому, что группа, несомненно, состояла из продуктивных ученых.

Объяснение этого феномена было усмотрено в том, что, наряду с устойчивым и чрезвычайно активным ядром, исследованное сообщество авторов включает большую и изменчивую массу людей, участие которых в процессе коммуникации носит спорадический характер и ограничивается одним или двумя «частичными авторствами». В то же время список «неавторов» не совпадает, как можно было ожидать, со списком «частичных авторов»: по-видимому, это связано с тем, что в заданном интервале наблюдения группа находилась в процессе экстенсивного расширения и, соответственно, не включала всех потенциальных участников коммуникации.

Таким образом, разделение научного сообщества на «носителей имени» и «нуль-продуцентов», отношение между объемами этих двух категорий, а также специфические для каждой из них распределения продуктивности сохраняются независимо от места и времени наблюдения в разных профессиональных группах и вне зависимости от способа образования группы, а также от репутации образующих группу ученых. Это позволяет предположить, что преобладающее в современных исследованиях науки представление о том, что отношения между имена-

ми в массиве публикаций непосредственно выражают (манифестируют) связи между индивидами в научном сообществе (каждому имени в массиве публикаций может быть сопоставлен один и только один участник научного процесса, и, следовательно, научное сообщество совпадает с популяцией «носителей имени»), является верным только как исходная идеализация.

Более внимательное изучение эмпирического материала позволяет с известной уверенностью утверждать, что множество индивидов, образующих научное сообщество, и множество имен, зафиксированное в массиве публикаций, суть разные системы с разной структурой (что выражается, в частности, в несовпадении распределений продуктивности, наблюдаемых на уровне каждой из структур; при этом наборы имен могут включать псевдонимы, а связи между именами — вообще не отражать никаких действительных отношений общения между их носителями). В свою очередь, это позволяет выделить в системе научной коммуникации, по крайней мере, три гетерономных уровня анализа, или аналитических (абстрактных) структуры, каждой из которых может быть сопоставлено определенное вероятностное распределение продуктивности и определенный набор системообразующих регулятивов. В данной работе мы ограничимся предварительным описанием действующих на каждом из уровней императивов коммуникации, не претендуя ни на корректность введения соответствующих представлений, ни на сколько-нибудь систематическое рассмотрение возникающего в этой связи круга проблем.

В современных исследованиях науки первичное ограничение предмета осуществляется путем анализа связей в массиве публикаций: принято считать, что все сколько-нибудь заслуживающие внимания акты общения между учеными получают выражение в форме публикации сообщения или ссылки на него и потому отсутствие публикации или ссылки имплицитно исключает текст из выделенного массива публикаций.

Имеющиеся в работах по научным коммуникациям эмпирические данные позволяют выделить, по крайней мере, три типа таких групп текстов («направление», «область исследования» и «научная дисциплина»), каждому из которых может быть сопоставлен определенный объем и предельный возраст массива публикаций, а также определенный набор имен, выступающих как личный знак — идентификатор участника коммуникации.

Сообщения этого уровня распределены по именам их авторов таким образом, что, с одной стороны, нет ни одного опубликованного сообщения, которое было бы анонимным, с другой — имена коммуникантов образуют конечную по количеству позиций матрицу (представленную, например, в сети цитирования), в силу чего коды коммуникации приобретают устойчивый характер. Если массив публикаций рассматривать как растущий во времени текст, то набор релевантных такому тексту имен будет выступать как его структура, то есть как инвариант, на основе которого отдельное сообщение может быть идентифицировано как член определенного синтагматического ряда. При этом повторное появление имен в массиве публикаций регламентировано тем

же, что и повторное появление слов в текстах лингвистики распределением Ципфа — Парето.

Предшествующий анализ, однако, показывает (или, во всяком случае, позволяет предположить), что в системе научной коммуникации может быть выделен уровень, на котором действуют отличные от институциональных императивы коммуникации. Этому уровню анализа может быть сопоставлена определенная локальная функция (набор функций) относительно первичной группы коммуникантов, а также латентные и сравнительно толерантные коды (естественный язык и др.), действующие в любой произвольной, а не только в институционально оформленной (например, в смысле локализации во времени и пространстве) коммуникативной ситуации.

Сообщения этого уровня существуют, главным образом, в форме устной речи, рукописей, частных писем или иных неопубликованных текстов и обладают разной значимостью, в зависимости от формального статуса автора, то есть от того, является ли автор сообщения лидером группы, или ее рядовым членом, или, наконец, вообще членом группы. Авторы таких сообщений образуют объединения, также обнаруживающие ряд серьезных отличий от традиционных объектов социологии науки: объединения данного типа имеют «диффузный» характер (их состав и структура изменчивы), не локализованы территориально и не обнаруживают никаких явно установленных формальных обязательств по отношению к институту науки, а их участие в институциональной коммуникации носит экстраординарный характер (например, оформление ссылок на неопубликованные работы) и ограничивается, главным образом, устными выступлениями членов группы в компетентной аудитории¹³.

Подводя итоги, в первую очередь отметим, что выполненное нами исследование имеет сугубо предварительный характер: в частности, нами не был изучен вопрос о том, совпадает ли структура массива публикаций со структурой массива ссылок. Необходимо также иметь в виду, что гипотеза о «нуль-продуцентах» опирается на эмпирические данные, полученные при изучении современных научно-исследовательских организаций (или специально организованных экспериментальных групп), тогда как данные, которые позволили бы сделать аналогичное утверждение о неформальных сообществах «малой науки», нам неизвестны. В то же время получение таких данных сопряжено с решением ряда методологических проблем, в частности вопроса о том, можем ли мы абстрагироваться от существующей в современной «большой науке» развитой системы социального контроля.

Несомненно, однако, что наблюдаемое распределение вкладов существенно искажено в сравнении с действительной продуктивностью ученых в процессе коммуникации. По-видимому, количество опубликованных статей (или количество полученных ссылок) является адекватной мерой продуктивности лишь для узкой и непрерывно обновляющейся группы исследователей, вклад которых в заданном интервале наблюдения ограничен средними значениями переменной (порядка 10 текстов). При более низкой продуктивности (вклад порядка одного текста и менее) полученная таким образом оценка будет занижена или вообще не

будет отражать участия в процессах коммуникации, а при более высокой (вклад больше 10 текстов) эта оценка будет завышена, причем тем сильнее, чем выше ранг ее объекта. При этом в силу перераспределения вкладов между участниками научного процесса размеры индивидуального вклада оказываются параметром некоторого группового действия, и полученная таким образом оценка приобретает относительный характер, выражая не столько абсолютные размеры вклада, сколько статус его автора в соответствующей группе исследователей. В более общем плане проведенное исследование показывает, что система научной коммуникации представляет собой совокупность различающихся по своей метрике аналитических структур, наблюдаемых в ней процессов коммуникации. На наш взгляд, на этой основе может быть развит нетривиальный подход к выделению структурных уровней научной коммуникации. Известные в настоящее время принципы выделения таких уровней, по существу, являются калькой действующей в науке системы формального подчинения (научная группа, лаборатория, институт, отрасль), сложившихся систем классификации информационных документов (статья, обзор, реферативный сборник, библиография) и т. п. Предложенная в данной работе схема анализа позволяет отвлечься от номенклатуры наблюдаемых коммуникативных феноменов и сопоставить с разными уровнями коммуникации разные вероятностные распределения продуктивности и разные типы связи между именами и их носителями. Выделенные таким образом категории коммуникантов («элита», «носители имени» и «нуль-продуценты») могут быть ранжированы по толерантности ограничений, налагаемых на участие в коммуникации соответствующего уровня; таким образом, каждому уровню системы могут быть сопоставлены определенные стандарты коммуникации, а система в целом может рассматриваться как иерархия таких стандартов.

Примечания

1. WICKSON F., CAREW A.L., RUSSELL A.W. Transdisciplinary Research: Characteristics, Quandaries and Quality. — *Futures*. 2006. No. 38 (9), p. 1046—1059.
2. WERKHEISER Ian. Community Epistemic Capacity. — *Social Epistemology*. 2016. No. 30 (1), p. 25—44.
3. WIESMANN U., BIBER-KLEMM S., GROSSENBACHER-MANSUY W., HADORN G.H., HOFFMANN-RIEM H., JOYE D., et al. Enhancing Transdisciplinary Research: A Synthesis in Fifteen Propositions: Handbook of Transdisciplinary Research. Switzerland. 2008, p. 433—441.
4. ПЕЛЫЦ Д., ЭНДРЮС Ф. Ученые в организациях. Об оптимальных условиях для исследований и разработок. М. 1973, с. 35—39.
5. VALENTE A., CASTELLANI T., LARSEN M., ARO A.R. Models and Visions of Science–Policy Interaction: Remarks from a Delphi Study in Italy. — *Science & Public Policy*. 2015. No. 42 (2), p. 228—241.
6. URIAS E., VOGEL F., MUFTUGIL-YALCIN S., ZWEEKHORST M.B.M. Results of the New SS2.0 Models, Including Links with Public Engagement Activities (Deliverable No. 3.1). — InSPIRES Project VU Amsterdam. Amsterdam. 2019.
7. TASSONE V.C., O'MAHONY C., MCKENNA E., EPPINK H.J., WALSA.E.J. (Re-)designing Higher Education Curricula in Times of Systemic Dysfunction: A Responsible Research and Innovation Perspective. — *Higher Education*. 2018. No. 76 (2), p. 337—352.

8. SCHLIERF K.S. Community-based Research and the Democratization of Science and Technology: A Framework for the Evaluation of Science Shop Work: Doctoral dissertation. Universitat Politècnica de València. 2010.
9. RIP A. Constructing Expertise: In a Third Wave of Science Studies? — *Social Studies of Science*. 2003. No. 33 (3), p. 419—434.
10. ЧУПИН А.Л., МОРКОВКИН Д.Е., ВОРОТЫНЦЕВА Т.М., ФОМЕНКО Н.М., СТУПНИКОВА Е.А. Опыт развития международного научно-технического сотрудничества в Российской Федерации. — *Вопросы истории*. 2022. № 1 (2), с. 33—43.
11. ПЕЩЕРОВ Г.И. Теория и методология научного исследования для соискателя. 2020. ISBN: 978—5—907300—20—0.
12. ЯМПОЛЬСКИЙ С.М., АНИСИМОВ Е.Г., АНИСИМОВ В.Г. Научно-методические основы информационно-аналитического обеспечения деятельности органов государственного и военного управления в ходе межведомственного информационного взаимодействия. М. 2019.
13. DAVENPORT T., HARRIS J. *Competing on Analytics: The New Science of Winning*. Boston. 2007.

Серия видеоигр «Метро 2033» как ресурс политики памяти: позиционирование и эффективность продвижения образов прошлого

С.И. Белов

Аннотация. Представленное исследование посвящено условиям эффективного применения компьютерных игр как ресурса политики памяти. В качестве объекта исследования выбрана серия игр «Метро 2033» в сочетании с ее литературным первоисточником. Автор приходит к выводу, что видеоигра может быть использована как эффективный ресурс мемориальной политики даже вне исторического жанра, однако позиционирование событий прошлого в контексте ее сюжета должно выстраиваться с учетом специфики формирования и функционирования социальной памяти и коллективной идентичности.

Ключевые слова: видеоигры, компьютерные игры, политика памяти, мемориальная политика, мемориальный нарратив, социальная память.

Abstract. The presented research is devoted to the question of the conditions for the effective use of computer games as a resource of memory policy. The series of games “Metro 2033” in combination with its literary source was chosen as the case study. The author comes to the conclusion that a video game can be used as an effective resource for memorial politics even outside the historical genre; however, the positioning of past events in the context of its plot should be built taking into account the specifics of the formation and functioning of social memory and collective identity.

Key words: video games, computer games, memory policy, memorial policy, memorial narrative, social memory.

В настоящее время именно коллективные представления о прошлом выступают основой поддержания и воспроизводства национально-государственной идентичности россиян. Как показало исследование, проведенное социологами Левада-центра (внесен в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранных агентов) в ноябре-декабре 2018 г., в качестве главных источников формирования у россиян чувства гордости за свою идентичность выступают победа в Великой Отечественной войне (ее указали 87% опрошенных) и успехи СССР в освоении космоса (50%) ¹. Последнее закономерно придает особое значение

позиционированию событий национальной истории в рамках массовой культуры, которая, однако, претерпевает в настоящее время существенные трансформации. Наряду с появлением новых участников, мы фиксируем развитие инновационных каналов трансляции исторического нарратива. И все большую роль внутри их структуры приобретают компьютерные игры.

Использование игрового формата в рамках преподавания истории было подвергнуто глубокому анализу со стороны представителей педагогических дисциплин. Однако подавляющее большинство подобных исследований посвящены изучению офлайн-видов игрового взаимодействия².

Потенциал компьютерных игр в качестве средства обучения истории также нашел широкое освещение в научной литературе³. Однако видеоигры рассматривались лишь как факультативный ресурс, обеспечивающий решение образовательных задач. Компьютерные игры не воспринимались авторами как автономный ресурс политики памяти, а их функционал оценивался с позиции достоверности транслируемой системы знаний и увеличения мотивации к изучению истории.

Несмотря на то что тема видеоигр как ресурса мемориальной политики является относительно новой, специалисты в области их изучения успели создать достаточно обширный корпус работ по данной тематике. Однако их интерес сосредоточен преимущественно на изучении игр, напрямую использующих исторические материалы в качестве первоосновы сюжета⁴. В результате вне поля исследовательского интереса оказался широкий кластер популярных видеоигр, в рамках сюжета которых события прошлого позиционируются косвенным образом, например в рамках жанра «альтернативная история» (примером в данном случае могут являться шутеры *Singularity*, *Freedom Fighters*, *Wolfenstein II: The New Colossus* и стратегия *Command & Conquer: Red Alert 3*).

Равным образом из поля зрения экспертного сообщества выпало позиционирование прошлого посредством его символического воспроизводства в рамках будущего, отраженного в видеоиграх в жанрах фантастики и фэнтези. Между тем значительная часть фантастических произведений (включая их первоисточники в виде книг и кинофильмов) построена именно на основе частичной реконструкции реалий прошлого вплоть до копирования судьбы реальных исторических деятелей⁵.

Наша цель состоит в оценке роли популярной серии компьютерных игр «Метро 2033» и их литературного первоисточника в формировании восприятия россиянами событий прошлого и отношения к значимости мемориального наследия.

Выбор в качестве объекта исследования именно этой серии игр объясняется как их высокой популярностью, так и наличием в рамках сюжета

Белов Сергей Игоревич — кандидат исторических наук, доцент кафедры российской политики факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: Belov2006s@yandex.ru.

Belov Sergey I. — PhD (Historical Science), associate professor of Russian Politics Program of Political Science Department of Lomonosov Moscow State University. E-mail: Belov2006s@yandex.ru.

подробного описания «реконструированных» автором трилогии «Метро» Д. Глуховским исторических государств, в том числе СССР.

Хотя сюжет игры и выстраивается в рамках постапокалиптического сеттинга, автор использует в качестве первоосновы для создания мира реалии известной ему действительности. В том числе широко эксплуатируется тема прошлого: образы ряда игровых фракций конструируются на основе системы представлений о существовавших ранее политических режимах.

Наиболее яркими примерами в данном отношении могут служить «красная линия» (прообразом для создания которой послужил Советский Союз) и «фашисты» (представляющие собой симбиоз стереотипных представлений о нацистской Германии и современных ультраправых в России). Ниже нами будет приведена оценка позиционирования автором образов коллективного прошлого и эффективности их внедрения в сознание широких масс посредством видеоигр и литературных первоисточников.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что автор первоисточника не просто предпринял попытку локальной реконструкции советского строя в рамках игрового мира. В числе целей создания своих произведений он обозначил желание оспорить позиционирование событий прошлого и настоящего спикерами, аффилированными с российскими властями. Также Д. Глуховский публично подчеркнул, что его книги являются «идеологически и политически заряженными». Таким образом, советский опыт в его изложении реконструировался сквозь призму определенных ценностных установок, обуславливавших преимущественно негативное восприятие СССР. Писатель подчеркивает, что он не «против Советского Союза», но одновременно обозначает себя как критика «людоедской составляющей» политического режима и социального строя СССР. Игнорируя то, что признание наличия у советского строя «людоедского» элемента априори предполагает отрицательное позиционирование соответствующей социально-политической системы. Также вполне очевидно, что целью автора является не просто отображение советских реалий, но и формирование внутри целевой аудитории определенного восприятия соответствующего политического бренда и его идеологической составляющей ⁶.

Существует точка зрения, согласно которой, негативация СССР в романах Д. Глуховского и соответствующей серии игр осуществляется от лица условного сторонника неолиберальной идеологии, являющегося носителем соответствующей системы ценностей. Во многом вследствие этого антисоветский дискурс произведений Д. Глуховского и основанных на них игр естественным образом воспринимается как критика левых идеологий в целом, сопровождаемая апологетикой либеральных ценностей.

У сторонников этой позиции имеются свои аргументы. Автор четко обозначает свое восприятие любой революционной борьбы как стремления воплотить в жизнь принцип «отнять и поделить», позиционируемый в негативном ключе. Национализация собственности определяется как паразитическая практика и противопоставляется здоровой трудовой этике. Также подчеркивается, что режим «красных» выстроен как социалистическая форма правления на основе идеалов коммунизма ⁷.

Однако необходимо учитывать и ряд иных моментов. Во-первых, определяемая автором книг в качестве «правильной», «нормальной» модель организации обитателей метро на станции ВДНХ выстроена, по большому счету, в соответствии с принципами «военного коммунизма», сочетающегося с элементами социального государства. В рамках общины действует всеобщая трудовая и военная повинность, основные средства производства (свинофермы, чайная и грибные плантации) и даже многие предметы личного пользования (мебель) находятся в общей собственности общины, действует трибунал для оперативного рассмотрения уголовных дел, применяется высшая мера наказания в виде смертной казни, доступ к образовательным и медицинским услугам является бесплатным. Во-вторых, игровая фракция «Ганза», представляющая собой аллюзию на Соединенные Штаты, позиционируется во многих аспектах в негативном ключе. Ее представители концентрируют в своих руках львиную долю ресурсов, отказываются делиться ими с окружающими, максимально цинично эксплуатируют свое выгодное экономико-географическое положение и используют любые формы насилия, чтобы предотвратить проникновение в свою зону контроля беженцев с других станций⁸.

Все это позволяет предположить, что автор выступает (по крайней мере, изначально) апологетом концепции «советской власти без коммунистов и марксистской идеологии», то есть без партийной вертикали, фактически подчинившей и заместившей собой систему советских органов власти. И более того, Д. Глуховского можно было бы оценить как автора, позитивным образом оценивающего многие реалии периода «военного коммунизма». Однако соответствующие оценки выражаются непоследовательно и в поздних произведениях вовсе исчезают.

В целом необходимо признать, что советское прошлое в рамках курса книг Д. Глуховского и созданных на их основе видеоигр подвергается стигматизации. При этом в рамках видеоигр этот посыл усиливается. Представители «красных» выступают, вопреки канону двух первых книг, основными антагонистами второй части игры, приписывая им использование биологического оружия, садистских способов казни, сокращение социальных гарантий и т.д. Более того, в рамках третьей книги автор использует в качестве первоосновы не собственный оригинал «Метро 2034», а сюжет второй игры. При этом антиобраз СССР в символическом отношении поднялся на качественно иную ступень эволюции. Если в первых двух книгах Советский Союз воплощала собой лишь диктатура на «красной линии», то в последнем романе цикла СССР обрел новую ипостась в виде фракции «наблюдателей» — группы лиц, осознанно скрывающих от обитателей метро информацию о возможности возвращения на поверхность из опасений перед тем, что прочие государства могут в этом случае нанести ракетный удар по Москве. Штаб-квартира наблюдателей располагается, согласно сюжету, в Музее СССР, а в апартаментах главы организации находится кукла, изображающая И. В. Сталина.

Также необходимо отметить, что негативное позиционирование советского прошлого сопровождается формированием образа фантомной угрозы посредством эксплуатации темы относительно возможности воссоздания СССР.

С одной стороны, образ «красных» выстраивается посредством эксплуатации таких сюжетов, как вооруженная экспансия под предлогом распространения революции (сопровождающаяся информационными войнами по линии «Интерстанционала»), массовые репрессии, использование заградотрядов (в том числе в отношении гражданских беженцев), пытки в воссозданном КГБ, «стройки коммунизма» силами смертников, отсутствие денежного обращения, очереди, закрытость по отношению к внешнему миру, практика «голодомора» и многое другое.

Принцип справедливости, как заявляет автор, в понимании «красных» сводится к уравниловке. Существование коммунистического режима в понимании Д. Глуховского приводит к дегуманизации человека, вплоть до утраты биологических инстинктов. Граждане «красной линии» описываются как люди с полностью подавленной волей. С целью продемонстрировать это в третьей книге цикла высокопоставленный сотрудник КГБ, находясь под прицелом пистолета главного героя, подвергает заключенную сексуальному насилию прямо на глазах ее сожителя, и обе жертвы не совершают каких-либо действий, чтобы остановить его. Равным образом арестованные игнорируют предоставленную главным героем возможность побега, несмотря на грозящий им расстрел. При этом чекист обозначает своих жертв как «кроликов», а их модель поведения — как «патриотизм», «любовь к родине»⁹.

С другой стороны, автор подчеркивает, что данный режим был сформирован носителями советской идентичности, пережившими распад СССР. В частности, к первой книге цикла указывается: «Оставшиеся в живых ветераны, бывшие комсомольские деятели и партийные функционеры, неперенный люмпен-пролетариат — все стекались на революционные станции». Таким образом, автор косвенно указывает читателю на возможность создания описанного им режима в рамках современной политической реальности¹⁰.

Интересно отметить, что в ряде моментов имеет место трансляция популярных исторических мифов, тиражируемых представителями фолк-истории (в частности, В. Суворовым-Резуном). Так, параллели в сюжете игры подразумевают, что в период 1930-х гг. Советский Союз активно готовился к нападению на Германию.

Позитивные оценки элементов «военного коммунизма» в жизни общины на станции ВДНХ в первой книге цикла и основанной на ней игре, на первый взгляд, откровенно противоречат негативному позиционированию «красных», даже с учетом того, что неприязнь автора к левой повестке строго ограничивается антипатией к марксизму и институту партии как основе социалистического строя. Возникновение описанного им идеализированного сообщества ВДНХ теоретически возможно лишь при условии предварительной экспроприации собственности и принципиального отказа от приватизации производственных мощностей общины, то есть реализации на практике принципа «отнять и поделить»¹¹.

По нашему мнению, такое противоречие может объясняться контекстуально. Социально-политическая модель «красной линии» воспринимается и отображается автором негативно, поскольку представляет собой результат попытки воспроизводства «сакрального прошлого». Автор первоисточника сугубо негативно относится к мемориальной политике, вы-

строенной в рамках решения данной задачи. В финале последней части книжной трилогии главный герой, покидая метро, обращается к своему соратнику, не желающему оставлять катакомбы и распространять информацию о выживших на поверхности, со следующими словами: «Свое грешное прошлое перекапывать — давай! А дети в чем виноваты?! Детей вы зачем заживо хороните?!»¹²

Вероятнее всего, в данном случае мы наблюдаем пример мемориального нарратива, основанный на призыве разорвать символические и смысловые части с прошлым, сконцентрировавшись на решении насущных проблем и достижении позитивного образа будущего. Именно благодаря этому реализация принципов «военного коммунизма» в рамках построения локального сообщества на станции ВДНХ не вызывает у автора сколько-нибудь ощутимого неприятия, в то время как преобладание модели «красной линии» по отношению к СССР становится поводом для гипертрофированно негативного позиционирования.

Отрицание предшествующего опыта как основы построения идентичности и источника смыслов достаточно четко проявляется и в рамках позиционирования другой «исторической» игровой фракции — «фашистов». Примечательно, что в данном случае эффект негативации достигается не только воспроизводством отрицательных стереотипов относительно нацистской Германии. В качестве основы для образов «фашистов» используются и клишированные представления о современных российских ультраправых, элементы соответствующей символики и мифологии. Так автор демонстрирует, каким образом манипуляции с представлениями относительно священного прошлого позволяют продвигать в широких слоях населения идеи, построенные на основе ксенофобии и социопатии¹³.

Критика «культы прошлого» в символическом, гипертрофированном виде проявляется и в рамках образа сектантов со станции метро «Парк Победы», поклоняющихся божеству-первопредку — Божественному Червяю. Вероятнее всего, с помощью этой метафоры автор попытался десакрализовать «культ ветеранов» или «культ Победы», смысловым образом связанные с названием данной локации.

Раскрытие смысловой стороны модели прошлого, продвигаемой посредством произведений Д. Глуховского и основанных на их сюжете видеоигр, предполагает необходимость оценки их эффективности как инструмента продвижения соответствующей модели прошлого. Коммерческий успех серии книг и видеоигр, а также длительный период существования «вселенной Метро 2033» в рамках артефактов массовой культуры (первый роман цикла был выпущен крупным издательством в 2005 г., игра вышла в 2010 г.) позволяют выдвинуть гипотезу о росте популярности предложенной Д. Глуховским концепции интерпретации советского прошлого, в первую очередь среди представителей молодежи.

Однако данные социологических исследований скорее опровергают данное предположение. Согласно данным Левада-центра, за период с 2008 по 2019 г. доля россиян, уверенных в том, что советскую систему отличала «забота государства о простых людях», увеличилась с 29 до 59%. За аналогичный период с 14 до 39% вырос сегмент респондентов, полагающих, что в СССР имело место «постоянное улучшение жизни

людей». Одновременно было отмечено почти двукратное сокращение доли опрошенных, ассоциирующих Советский Союз с дефицитом и очередями (с 42 до 24%)¹⁴.

В рамках опроса ВЦИОМ в январе 2016 г. 57% респондентов сообщили, что их взгляды на судьбу и пути развития страны полностью либо частично совпадают с принципами, которые декларировал В. И. Ленин. Полное их отрицание продемонстрировали только 20% опрошенных. Даже среди участников опроса с высоким уровнем дохода о полной или частичной поддержке идей вождя большевиков заявили 34% опрошенных, в то время как доля его принципиальных противников составила 27%. 65% респондентов заявили, что, по их мнению, основатель советского государства действовал в интересах общества в целом либо большинства его членов (среди представителей молодежи соответствующий вариант ответа выбрали 70% опрошенных)¹⁵.

Исследование ВЦИОМ, проведенное в марте 2016 г., позволило установить, что почти две трети (64%) россиян в случае повторного проведения референдума о сохранении СССР выбрали бы вариант «за» (20% выступили бы против данной инициативы). Таким образом, за 25 лет, прошедших с момента проведения референдума 17 марта 1991 г., доля сторонников сохранения союзного государства на территории бывшей РСФСР сократилась лишь на 7%. Даже среди молодых респондентов, относящихся к возрастной группе 18—24 лет, 47% высказались за сохранение СССР и лишь 24% — против¹⁶.

В рамках исследования, проведенного ВЦИОМ в июне-июле 2017 г., было установлено, что 62% опрошенных выступают в поддержку идеи размещения памятных знаков, посвященных достижениям И. В. Сталина (среди представителей молодого поколения в пользу этого шага высказались 77% участников)¹⁷. Опрос, проведенный ВЦИОМ в декабре 2016 г., позволил выявить, что 52% респондентов потенциально готовы поддержать в рамках референдума проект создания нового союзного государства, объединяющего бывшие республики СССР (о намерении голосовать против данной инициативы заявили 17% участников исследования)¹⁸.

Таким образом, в период роста популярности книг серии «Метро 2033» и основанных на них видеоигр мы наблюдаем распространение точки зрения на события советской истории, прямо противоположной мемориальному нарративу Д. Глуховского. Однако последнее нельзя рассматривать как подтверждение тезиса о неэффективности видеоигр как мнемонического ресурса.

Во-первых, распространению предложенной им вариации мемориального нарратива препятствовал сам характер последней.

Как отмечали Э. Дюркгейм, М. Хальбвакс, А. Варбург и Я. Ассман, «разрыв с прошлым» в принципе неприемлем для сообщества, поскольку механизмы социальной памяти выступают в качестве парадигмального элемента групповой идентичности, средства подавления фобических страхов, систематизации окружающей действительности и обеспечения контроля над аффективной стороной психики¹⁹. Также нельзя проигнорировать то, что однозначная негативация истории советского периода (или, по крайней мере, его первых десятилетий) предполагала уничто-

жение символических основ для выработки ингруппового фаворитизма в виде победы в Великой Отечественной войне, успехов в рамках «космической гонки», спортивных достижений и т. д. Важно также отметить, что неприятие созданных Д. Глуховским образов «советских граждан» обусловлено высоким уровнем эмпатии по отношению к предкам и желанием испытывать гордость за них. В последнем случае также следует напомнить о результатах опроса ВЦИОМ, проведенного в июле 2017 г. В ходе исследования 21,6% респондентов сообщили о том, что их родственники подверглись репрессиям в период правления И. В. Сталина. 63,9% указали, что среди членов их семьи не было репрессированных, 4,5% затруднились с ответом, 10% и вовсе не осведомлены о соответствующих событиях отечественной истории. Таким образом, более 75% россиян не воспринимают тему сталинских репрессий сквозь призму семейной истории. Естественным следствием этого является снижение ее личностной и эмоциональной значимости, отсутствие чувства структурной причастности к соответствующим событиям ²⁰.

Во-вторых, следует помнить о том, что в 2010-х гг. против антисоветского и антиреволюционного дискурса начали выступать многие авторитетные и популярные общественные лидеры, использующие в качестве площадки для коммуникации с аудиторией социальные медиа и активно эксплуатирующие развлекательные форматы для трансляции пользователям собственного мемориального нарратива. В качестве наиболее яркого примера в данном случае можно привести творчество блогера Е. В. Баженова — автора обзоров кинофильмов. Так, в течение первого месяца после публикации на видеохостинге YouTube созданный блогером обзор исторического фильма «Союз спасения» просмотрели более 9,5 млн пользователей ²¹.

В-третьих, необходимо учитывать динамику социально-экономической конъюнктуры 2014—2020 гг. Экономический кризис 2014—2015 гг. повлек за собой длительное падение реальных располагаемых доходов населения, в результате чего к 2017 г., согласно оценке Всемирного банка, доля экономически уязвимого населения в России достигла 50%. Этот процесс протекал на фоне сохранения существенной диспропорции в доходах граждан России. К 2016 г. на долю первых пяти децилей россиян приходилось 17% национального дохода (против 30% на 1991 г.), в то время как последний дециль (10% наиболее обеспеченных россиян) получал приблизительно половину от общего размера поступлений (45,5% против 25% на момент распада СССР). Эти условия, наряду с оптимизацией систем образования, медицины и социального обслуживания, закономерно способствовали росту популярности левых идей, а вместе с тем и идеализации Советского Союза в общественном сознании ²².

Отдельно необходимо отметить наличие в играх, созданных на основе книг Д. Глуховского, отсылок, конструирующих образ «актуального настоящего», в сочетании с представлениями о прошлом формирующих информационную среду, способствующую размыванию оснований для выработки ингруппового фаворитизма и поддержания российской идентичности. Как заявил сам Д. Глуховский в интервью Ю. Дудю, в рамках «вселенной метро» он проецирует на отображаемую реальность свое ви-

дение современного российского общества. При этом точку зрения автора характеризует наличие четкого акцента на негативных моментах ²³.

Во-первых, персонажи третьей части игры зачастую исповедуют идеологию «страны как осажденного лагеря» либо «оккупированной территории». При этом сами герои периодически удивляются тому, что по мере продвижения по территории они не встречают каких-либо признаков присутствия внешнего врага.

Во-вторых, положительные, но заблуждающиеся (согласно сюжету) герои несут на себе либо воплощают своим поведением элементы милитаристской или «военно-патриотической» символики.

В-третьих, в ходе прохождения игры выясняется, что миф об оккупации России иностранными интервентами был использован в целях манипулирования поведением людей узкой группой представителей элиты, буквально являющихся канныбалами.

Четвертой отличительной чертой сюжета третьей части игры является наличие темы религиозных сектантов (по внешнему образу близких к православным фундаменталистам). Особенности последних являются воинствующее невежество, крайняя степень фатализма (вплоть до отрицания медицины), тоталитарный характер организации и использование религиозных догм в целях эксплуатации рядовых членов общины.

Таким образом, наблюдается преемственность негативного позиционирования: отрицательное прошлое сочетается с деструктивным настоящим. Что закономерно ставит под вопрос возможность построения «правильного» общества в будущем, формируя тем самым сомнения в жизнеспособности самой «русской» / российской идентичности.

Итак, эффективность компьютерной игры как инструмента политики памяти определяется не только ее популярностью среди пользователей, но и соответствием продвигаемого мемориального нарратива закономерностям формирования системы коллективных представлений о событиях прошлого и базирующейся на ее основе социальной идентичности. Равным образом на результативность воздействия будут влиять внешние факторы в лице коммеморативных практик иных участников политики памяти, динамики социально-экономической конъюнктуры и т.д. Целевая аудитория может позитивно оценить видеоигру с функциональной точки зрения, однако заложенные в нее алгоритмы интерпретации событий прошлого далеко не обязательно будут восприняты. Также необходимо осознавать, что даже одна сверхпопулярная игровая франшиза не может самостоятельно изменить восприятие ключевых событий прошлого социальной корпорации. Она может выступать лишь в качестве одного из элементов комплексного продвижения соответствующего нарратива в рамках массовой культуры.

Также необходимо признать, что в рамках целого ряда популярных видеоигр мемориальный либо исторический дискурс выстраивается в ключе, представляющем угрозу для целостности национально-государственной идентичности россиян. Во-первых, он содержит негативное позиционирование фигур памяти советского периода, которые выступают в качестве основных источников выработки ингруппового фаворитизма. Заложённое внутри нарратива послание не может охватить большую часть общества, однако способно получить широкое распро-

странение среди значительной части культурной и политической элиты. Одновременно необходимо отметить, что транслируемый видеоиграми посыл во многом соответствует политической мифологии значимого сегмента радикальной оппозиции. И распространение соответствующих точек зрения посредством игр может способствовать росту ее численности в абсолютных показателях, формируя активное, консолидированное и агрессивно настроенное меньшинство. Во-вторых, негативные образы советского прошлого зачастую получают зеркальное отражение в рамках отображения реалий современной России, что на фоне отсутствия позитивного образа будущего может способствовать падению престижности российской идентичности, эрозии легитимности существующей политической системы и росту социального недовольства.

В связи с этим необходимо подвергнуть критике мемориальную политику государства и аффилированных с ним частных структур. Подчеркнуто негативное позиционирование советского прошлого и связанных с ним фигур (проявляющееся, например, в концепции победы в Великой Отечественной войне «вопреки системе») на фоне высокого уровня экономического неравенства, неудовлетворенного запроса россиян на справедливость и отсутствия у большинства граждан образа будущего, с одной стороны, разрушает ретроспективные основы идентичности, а с другой — подпитывает рост радикальных настроений в среде политической оппозиции. Таким образом, культурный контур системы действующей власти своими действиями подрывает ее стабильность.

Отдельно следует отметить недостатки в интернет-проектах, недавно реализованных при поддержке Администрации Президента РФ. В качестве наиболее яркого примера можно привести деятельность Института развития Интернета. В 2020 г. из 85 грантов ИРИ лишь два были выделены в рамках направления «Производство игр для сети Интернет». При этом именно для данного направления был установлен самый низкий «потолок» стоимости проекта (10 млн руб. против 60 млн в категории «Видеоконтент»). Для сравнения: стоимость реализации проекта по созданию исторического «стелс шутера» в течение восьми месяцев оценивается экспертами от 11 млн руб. с учетом минимальной рекламы, ориентированной на внутренний рынок. Между тем на создание игрового проекта класса AAA уходит от трех до семи лет. При этом надеяться на вложения со стороны частных инвесторов (в первую очередь, нецелевых) создатели видеоигр исторического плана не могут. Бизнес-структуры, исходя из соображений минимизации рисков, чаще всего настаивают на создании игр в жанре фэнтези (опираясь на данные, что это наиболее популярный сеттинг, а около 80% игр даже не окупаются). Исключение составляют лишь случаи, когда у производителя есть возможность использовать в игре известные на мировом уровне бренды (такие, например, как модели танков или самолетов).

Обращает на себя внимание и выбор исполнителей для реализации грантов. В обоих случаях речь идет о микропредприятиях. Причем у одного из них в качестве дополнительных кодов ОКВЭД указаны «Производство безалкогольных напитков, ароматизированных и/или с добавлением сахара, кроме минеральных вод», «Производство прочего грузоподъемного, транспортирующего и погрузочно-разгрузочного оборудования»

и «Деятельность агентов по оптовой торговле текстильными изделиями, одеждой, обувью, изделиями из кожи и меха».

Для сравнения: в США государственные структуры, такие как Департамент образования, Министерство обороны, НАСА, Национальный научный фонд, напрямую выделяют крупные гранты для представителей игровой индустрии. Также действует отдельная программа поддержки для представителей малого бизнеса в инновационных отраслях, к которым в том числе относится «игрострой» (SBIR — Small Business Innovation Research)²⁴.

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова в рамках научного проекта «Видеоигры как новый ресурс политики памяти: конструирование коллективного образа прошлого в формате популярной культуры» и Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

This research has been supported by the Faculty of Political Science Lomonosov Moscow State University within the framework of the scientific project “Video games as a new resource for the politics of memory: constructing a collective image of the past in the format of popular culture” and the Interdisciplinary Scientific and Educational School of Moscow University “Preservation of the World Cultural and Historical Heritage”.

1. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/17/natsionalnaya-identichnost-i-gordost/>
2. ИСМАИЛОВ А.Ф. Технология использования дидактических игр на уроках истории. — Актуальные проблемы современной науки. 2012. № 2 (64), с. 99—101; ТАРЕЛКИНА В.А. Интеллектуальная игра «История государственных символов России». — Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 4, с. 77—79; ФЕКЛИСТОВА Е.Б. Игра по истории древнего мира «Звездный час». — Преподавание истории и обществознания в школе. 2012. № 3, с. 54—56.
3. ЕФРЕМОВ В.Г., СЛОМИНСКАЯ Е.В. Обучение истории с помощью компьютерных игр. — Современная наука: теоретический и практический взгляд: Сб. статей Международной научно-практической конференции / Отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа, 2015, с. 107—110; ПРИБОРОВИЧ А.А. Компьютерная игра в латентном обучении истории. — Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2008. № 35, с. 214—215; ПРЯЖНИКОВА О.В. От теории к практике игры на уроках истории. — Эксперимент и инновации в школе. 2009. № 6, с. 72—75; ЦАРЕГОРОДЦЕВА А.А., САФРОНОВА А.И. Формирование интереса к мировой истории с помощью компьютерных игр (на примере серии игр Assassin`S Creed). — Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: Сб. статей X Международной научно-практической конференции: В 3 ч. Пенза. 2017, с. 144—146; ШАШКОВ В.А., МИРОНЫЧЕВА В.Ф. Потенциал компьютерной игры как одного из средств повышения мотивации к изучению истории. — Современные научные исследования и разработки. 2018. № 12 (29), с. 1055—1056; ИВАНОВ А.Г. Компьютерные игры в обучении истории. — Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3 (59), с. 134—138.
4. БЕЛОВ С.И. Компьютерные игры как инструмент реализации политики памяти (на примере отображения событий Великой Отечественной войны в видеоиграх). — Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». 2018. Т. 20. № 1, с. 96—104; БЕЛОВ С.И., КРЕТОВА А.А. Компьютерные игры как ресурс реализации политики памяти: практический опыт и скрытые возможности (на материалах позиционирования событий Великой Отечественной войны). — Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2020. № 1, с. 54—63; ФёдорЧЕНКО С.Н., КАРЛЯВИНА Е.В., ТЕДИКОВ Д.О., МАРКАРЯН Р.А., ТЕСЛЮК К.В. Некоторые итоги социологического исследования «Компьютерные игры и политика памяти». — Журнал политических исследований. 2020. № 2. Т. 4, с. 90—105;

- ФёдорЧЕНКО С.Н. Интерпретация событий Великой Отечественной войны в компьютерных играх: риски и перспективы легитимации режима через политику памяти. — Постсоветские исследования. 2020. № 5. Т. 3, с. 427—438.
5. БЕЛОВ С.И., ЖИДЧЕНКО А.В. Обращение к теме рабства в США в советском кинематографе периода «холодной войны». — Вопросы истории. 2020. № 7, с. 110—120; ЮДИН К.А. О старом и новом кинематографе как «зеркале бытия». — Диалог со временем. 2017. Вып. 59, с. 365—375; ЕГО ЖЕ. «Образ врага» и атмосфера «холодного противостояния» в зарубежном кинематографе 1960-х — 1970-х гг. — Диалог со временем. 2019. Вып. 67, с. 178—194; СМИРНОВ Д.Г. Семиотика международных отношений: гендерное измерение (к постановке проблемы). — Женщина в российском обществе. 2018. № 4, с. 60—70.
 6. URL: https://www.youtube.com/watch?v=AQ21xiK4V_Q
 7. ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. В кн.: ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035. М. 2019, с. 12; ЕГО ЖЕ. Метро 2035. В кн.: ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035..., с. 604.
 8. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2XMfjZ9QIVQ>; ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. В кн.: ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035.
 9. ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. В кн.: ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035..., с. 12, 16, 18, 19, 23, 59, 130, 135, 136, 200, 201, 516, 527, 604, 621, 653—657, 659—670, 709, 712, 722.
 10. Там же, с. 12.
 11. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2XMfjZ9QIVQ>
 12. ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. В кн.: ГЛУХОВСКИЙ Д.А. Метро 2033. Метро 2034. Метро 2035..., с. 798.
 13. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2XMfjZ9QIVQ>
 14. URL: <https://www.levada.ru/2019/06/24/ussr/>
 15. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=298>
 16. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115619>
 17. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116323>
 18. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116009>
 19. ДЮРКГЕЙМ Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. 1991, с. 72; ХАЛЬБВАКС М. Социальные рамки памяти. М. 2007, с. 152; ВАРБУРГ А. Великое переселение образов. М. 2008, с. 75; АССМАН Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М. 2004, с. 97.
 20. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116301>
 21. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Xv3GH0upSbA&t=830s>
 22. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2017/12/18/5a33e2fc9a79471b6d846e24>
 23. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ttPXXyUyx6Q>
 24. URL: <https://dtf.ru/gamedev/9102-razrabotka-na-bлаго-obshchestva-poluchenie-grantov-na-sozdanie-igry-v-ssha>

Русское крестьянство и устная история

В. А. Бердинских

Аннотация. Статья посвящена проблемам истории российского крестьянства, которые автор предлагает исследовать с помощью методов устной истории. Отмечаются отличия разных поколений респондентов, обусловленные произошедшим в 1930-е — 1960-е гг. сломом материальной и духовной культуры. Выделяются общие черты устных рассказов крестьян.

Ключевые слова: устная история, историография, крестьянство, воспоминания, гуманитарные потери, историческая память.

Abstract. The article is devoted to the problems of the history of the Russian peasantry. The author proposes to study them using the methods of oral history. Differences between different generations of respondents are noted, due to the breakdown of material and spiritual culture that occurred in the 1930s-1960s. The general features of the oral stories of the peasants are highlighted.

Key words: oral history, historiography, peasantry, memories, humanitarian losses, historical memory.

История русского крестьянства — традиционная для России тема. Пристрастный и заинтересованный взгляд писателей-народников во второй половине XIX в. охватывал многие стороны народной жизни. Именно В. Г. Короленко и Глеба Успенского и сегодня широко известны¹. Однако многие десятки и сотни других авторов, особенно провинциальных, к сожалению, забыты. Между тем подробные и детальные этнографические описания народной жизни и быта той эпохи (причем под народом многие писатели-разночинцы понимали только крестьянство) бесценны сегодня именно как научный источник.

Идеологическую подоплеку массового обращения к теме крестьянской жизни, всевозможных форм помощи и просвещения народа со стороны российской интеллигенции метко раскрыл философ С. Л. Франк. «По своему этическому существу русский интеллигент приблизительно с 70-х годов и до наших дней остается упорным и закоренелым народником, — писал он в широко известном сборнике «Вехи». — Его Бог

Бердинских Виктор Аркадьевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми Научного центра УрО РАН. E-mail: bva.prof@mail.ru.

Berdinskikh Viktor A. — doctor of historical sciences, chief researcher at the Institute of Language, Literature and History of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. E-mail: bva.prof@mail.ru.

есть народ, его единственная цель есть счастье большинства, его мораль состоит в служении этой цели, соединенном с аскетическим самоограничением и ненавистью или пренебрежением к самоценным духовным запросам»².

Такая «народническая» узость подхода к истории этнографии и культуре русского крестьянства (поставленного изначально в страдательный залог) сильно сужала мыслительные горизонты авторов той эпохи, заставляла их преувеличивать, подчеркивать одни стороны народной жизни и полностью игнорировать другие. Таким образом, кривое зеркало народничества в сотнях, если не в тысячах, книг и статей дает нам достаточно искаженную и довольно однообразную картину жизни русского крестьянства пореформенной эпохи.

Значительный вклад в научную постановку такого рода вопросов в конце XIX в. внесли ведущие научные общества России, и прежде всего Русское географическое общество и Московское археологическое общество. Рассылка по провинциям разного рода анкет, опросников и программ инициировала литературную активность сотен священников, учителей, разночинцев в русской глубинке. Очень проникновенно о такого рода деятельности крупнейших русских научных обществ (своеобразных «частных университетов» той эпохи) написал А.Н. Пыпин в своей фундаментальной «Истории русской этнографии».

Научный уровень краеведческих описаний такого типа очень невысок. Многие из них сохранились в архиве Русского географического общества (СПб), «Памятных книжках» и «Ежегодниках» губернских статистических комитетов России конца XIX в. Нередко это просто описания крестьянских праздников, эпизоды из истории деревень и сел, годичного цикла крестьянских работ³.

Таким образом, XIX в. дал множество разнородных источников по истории русского крестьянства, но по целому ряду причин в XX в. они оказались невостребованными и научно не осмысленными. Основная причина — смена идеологической научной парадигмы после 1917 г.

Реальная и полноценная история русского крестьянства XIX—XX вв. большевикам была не нужна. Внимание к мелочам, первостепенное значение революционного и антифеодального движения в деревне, отношение к дореволюционной истории России как к «допотопной», сильнейший идеологический пресс и цензура — все это негативно сказывалось на качестве научных работ по данной теме в советскую эпоху. В целом же вся многоликая и разноуровневая литература о русском крестьянстве — множество книг и статей — подразумевает взгляд сверху, со стороны, даже порой снизу. Но реальных голосов самих крестьян мы не слышим. Мы не можем представить себе, что они думали, видели, чувствовали. Как услышать живые голоса крестьян — в нашу эпоху это уже вопрос методологии и специальных методик исследования.

Перестройка и снятие идеологических шор и запретов в конце 1980-х гг. вызвали всплеск интереса к новым методикам в исторической науке. Обновление проблематики и интерес к прежде закрытым темам (сталинские репрессии, например) стимулировали многих историков России использовать опыт школы «Анналов» во Франции, устной истории применительно к истории России XX в.

Что же такое устная история? Историоговoreние (устная история) и историописание (историография) — последовательные стадии развития знаний о прошлом. До возникновения письменности именно в устной форме хранились и передавались из поколения в поколение социальный опыт, информация о прошлом, художественные произведения (эпос).

По всей вероятности, прав Д.П. Урсу, который полагал, что после возникновения историописания (анналов, хроник, летописей) «устная история не исчезает: параллельно существуют две формы исторической памяти — устная и письменная»⁴. Патриархальное крестьянство является основной социальной базой устной истории. По этой причине в России перспективы развития данного направления исторической науки достаточно интересны. Вместе с тем XX в. — последний век существования патриархального крестьянства в Европе.

Абсолютизация письменных источников привела большинство историков к полному забвению источников устных. Второе рождение устной истории (oral history) связано с достижениями НТР. В 1948 г. профессор Колумбийского университета (Нью-Йорк) Алан Невинс (1890—1971) начал записывать воспоминания, используя первые магнитофоны. Уже в 1973 г. в США было 316 научно-исследовательских учреждений, работавших в области устной истории. На сегодняшний день их еще больше. В Европе устная история массового распространения не получила, хотя в каждой западноевропейской стране были известные специалисты в этой области.

Количество книг, статей и журналов по устной истории быстро росло. Первые книги по устной истории представляли собой, как правило, биографии знаменитых людей (Генри Форд, Гарри Трумэн и др.). Расцвету устной истории в 1970-е гг. способствовала документальная публицистика. Близость к радиожурналистике, социальной психологии привела в устную историю многих известных американских авторов. Книги радиожурналиста Тэркела «Работа: люди рассказывают, чем они занимаются весь день и что об этом думают» (1972) и «Хорошая война (устная история второй мировой войны)» (1984) вызвали подъем общественного интереса к устной истории.

Революция в исторической науке XX в. (прежде всего, открытия школы «Анналов» во Франции) поставила под сомнение господство позитивизма и культ факта, воцарившийся в мировой исторической науке XIX в.⁵ Принцип «нет документа — нет истории» был отвергнут. Следует признать, что не менее, чем идеология в советской исторической науке XX в., до 1917 г. большинство русских историков душила фактология. Особенно это заметно на примере С.М. Соловьёва.

Возвращаясь к достоинствам устных источников, отметим, прежде всего, их демократизм. Действительно, на их основе можно писать историю «простецов» — народа, а не правителей и государства. История снизу — это история личной, приватной жизни людей.

Запись на магнитофон обеспечивает высокую степень достоверности свидетельств очевидцев. Кроме того, в устных рассказах людей есть элементы уникальности личной судьбы человека, чего никогда не найдешь в официальных документах. Именно поэтому такой резонанс вызвали публикации мемуаров Н.С. Хрущёва, наговоренных на пленку,

а также выход документального труда А. Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ» (1973).

Таким образом, словесно-речевой способ передачи информации о прошлом вернулся в обиход историка. Мы вновь вспомнили, что народная история всегда была устной, а официальная история — письменная.

Основные фундаментальные работы по устной истории опубликованы за рубежом (прежде всего, в США и Англии) и на русский язык не переводились. Это книги Яна Вансины (США) «Традиция как история» (Мэдисон, 1985), Пола Томпсона (Англия) «Голос прошлого» (Оксфорд, 1988), Филиппа Жутара (Франция) «Голоса из прошлого» (Париж, 1983). Историю устной истории позволяет проследить антология «Устная история» (США, Нэшвилл, 1984). В Европе устная история так пышно расцвести не смогла. Похоже, что Россия в этом смысле — часть Европы.

Устная история — это и метод научного познания, и историческое исследование. В широком понимании слова устная история — это любое научное произведение, где первоначальная информация о прошлом облечена в вербальную форму. Собственно, устная история (в узком смысле) — это история современности на основе воспоминаний участников и свидетелей событий, записанных интервьюером.

В условиях России XX в. устная история — это и история многих бесписьменных в XIX в. народов Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера. Мы должны учитывать, что в основе устной традиции лежит смесь подлинной реальности и вымысла — очень своеобразного мифотворчества, присущего человеку в той или иной мере в любую эпоху.

В минувшем XX в. устная история была порождением НТР. Но в России интерес к ней гораздо выше, чем на Западе. Вызвано это следующими обстоятельствами. В любом тоталитарном обществе существует две правды: официальная и неофициальная (потаенная). Объем неофициальной правды в нашем зашоренном обществе был исключительно велик. К тому же очень велик был объем слегка приукрашенных, полуправдивых и полностью фальсифицированных документов. Не случайно таким буйным цветом расцвел интеллигентский фольклор (что, в сущности, нонсенс, ведь интеллигенция всегда все записывала), на котором и построены оригинальные книги Ю.Б. Борева⁶. Наши архивы загромождены колоссальным объемом ничего не значащих бумаг, а по-настоящему исторические решения часто не документировались. Мы также отчетливо осознаем, что в России 1970-х — 1990-х гг. произошел не просто естественный уход поколений, родившихся в 1900-е — 1920-е гг. С этими людьми в прошлое ушла целая эпоха народной жизни — комплекс традиций и повседневный уклад, создававшийся столетиями.

Резкий слом материальной и духовной (прежде всего, национальной русской) культуры в 1930-е — 1960-е гг. поставил под сомнение культурные ценности традиционного крестьянского общества. Сформировалось негативное отношение к народной культуре прошлых столетий как к чему-то допотопному и давно отжившему. Между тем это была живая структура, на которой держалось национальное самосознание общества.

Поколения, выросшие начиная с 1930-х гг. (начало глобальной индустриальной унификации России), уже не восприняли и не передали дальше базовые культурные ценности традиционного общества. Произо-

шел разрыв в цепи поколений, в чем-то, может быть, и неизбежный, но проведенный «мужикоборцем» Сталиным чрезвычайно грубо, жестоко и варварскими методами.

Урбанизация и индустриализация страны, роль донора по отношению к национальным окраинам, гибель наиболее творчески активной части населения России в годы сталинских репрессий и Великой Отечественной войны — все это привело к полному разорению российской деревни и уничтожению российского крестьянства, самого массового творца — создателя великой русской культуры. Такие же процессы шли в татарской, марийской, чувашской деревне. Ведь рафинированная культура высших слоев населения страны в прошлом предполагала, что творцами произведений искусства являются профессионалы, небольшая группа, а остальная часть общества — пассивные потребители.

Ничего не изменилось и в современном обществе: узкий круг производителей — и огромная духовно оскопленная пассивная масса потребителей. Из культуры основной части общества полностью ушел элемент созидания, активное начало. Между тем только оно способно создать творческую личность.

А вот в крестьянской культуре восприятие и созидание были неразрывно слиты. Не только слушать, но и петь, не только смотреть — но и играть, плясать, вышивать, плести...⁷ Лишение человека активно-созидательной функции творца в современном индустриальном и постиндустриальном обществе — наиболее тяжелая гуманитарная потеря человечества в XIX—XX вв.

Народные воспоминания о прошлом — это истинная мера времени и мера человека той поры. Противоречивые и сбивчивые, но честные и безыскусные, они нужны нам сегодня. Без них мы обеднеем, обнищаем духом.

Именно историк является не только инициатором, но и автором-конструктором текста. Меня, как автора, прежде всего, привлекают мелочи жизни, которые река времени уносит бесследно. Между тем реальная жизнь состоит как раз из мелочей и деталей быта, не осознаваемых как ценность. Однако именно такие мелочи дают настоящую атмосферу подлинности: цвет, вкус и запах каждой эпохи.

Примечания

1. См., например: ЗЛАТОВРАТСКИЙ Н.Н. Воспоминания. М. 1956.
2. ФРАНК С.Л. Этика нигилизма. — Вехи: Сб. статей о русской интеллигенции. М. 1909, с. 188—189.
3. БЕРДИНСКИХ В.А. Уездные историки. Русская провинциальная историография. М. 2003.
4. УРСУ Д.П. Методологические проблемы устной истории. — Источниковедение отечественной истории. М. 1989, с. 3—32.
5. ГУРЕВИЧ А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М. 1993.
6. БОРЕВ Ю.Б. Сталиниада. М. 1991.
7. БЕРДИНСКИХ В.А. Россия и русские: очерки крестьянской цивилизации в России. Киров. 2012.

Взаимосвязь торговли и миграции в истории мировой экономики

З.А. Арсаханова, Т.Г. Гилядов, И.В. Афанасьев,
Ш.Х. Сунатуллаева

Аннотация. Разница в заработной плате между странами создает экономический стимул для трудовой миграции. Неоклассическая теория международной торговли Д. Рикардо в начале XIX в. предполагает, что торговля между странами уменьшает разницу в заработной плате. П. Самуэльсон и Р. Джонс в 1971 г. расширили эту модель, чтобы учесть множество производственных факторов: сильные экспортные секторы выигрывают от торговли, в то время как секторы, конкурирующие с импортом, проигрывают. Модель Хекшера-Олина, разработанная в середине XX в. Б. Олином и Э. Хекшером, рассматривает различные производственные факторы стран в качестве единственного источника международной торговли. Отличие этой модели от теории Самуэльсона и Джонса состоит в том, что специфика фактора, как правило, носит временный характер, в то время как фундаментальный дар — труд, земля, капитал — постоянен.

Ключевые слова: экономика, миграция, история, глобализация, торговля.

Abstract. The wage gap between countries creates an economic incentive for labor migration. The neoclassical theory of international trade, created by D. Ricardo in the early 19th century, suggests that trade between countries reduces the wage gap. P. Samuelson and R. Jones expanded the model in 1971 to take into account many production factors: strong export sectors benefit from trade, while sectors competing with imports lose. The Heckscher-Ohlin model, developed in the mid-20th century by B. Ohlin and E. Heckscher, on the other hand, considers various production factors of countries as the only source of international trade. The difference from Samuelson and Jones is that the specifics of the factor, as a rule, are temporary, while the fundamental gift — labor, land, capital — is permanent.

Key words: economics, migration, history, globalization, trade.

Торговля росла очень быстро в «долгом XIX веке» от Ватерлоо до Первой мировой войны, оправилась от шока военного времени в 1920-х гг. и рухнула примерно на треть во время Великой депрессии. Она расширялась с головокружительной скоростью в «золотой век» 1950-х и 1960-х гг. и снова, после замедления вследствие нефтяного кризиса, с 1970-х гг. до начала Великой рецессии в 2007 г. Влияние последнего события на рост торговли значительно, но гораздо меньше совместного эффекта двух мировых войн и Великой депрессии. Однако последствия могут становиться все более и более сопоставимыми, если нынешняя стагнация в торговле продолжится.

Распределение мирового экспорта по континентам и уровню развития оставалось довольно стабильным вплоть до Первой мировой войны. Во время Великой депрессии Европа потеряла больше, чем остальной мир, а периферийные страны (и Япония) выиграли, но эти изменения были в значительной степени обращены вспять — в «золотой век» 1950-х и 1960-х гг. Таким образом, к 1972 г. на европейские страны и «старых богатых» (страны Северо-Западной Европы и США) по-прежнему приходилось более половины мирового экспорта. С тех пор изменения в мировых долях были значительными и, по крайней мере до сих пор, постоянными. Доля Азии выросла примерно с шестой части до трети за счет всех остальных континентов.

Вопреки широко распространенному мнению, нынешний уровень открытости торговли беспрецедентен в истории. Соотношение экспорта к ВВП на пике 2007 г. было значительно выше, чем в 1913 г., и разница намного больше, если в знаменатели включить только товары (добавленную стоимость в сельском хозяйстве и промышленности). Кроме того, открытость увеличилась с 1830 по 1870 г. (истинный первый период глобализации) и снова — с середины 1970-х по 2007 г., в то время как она в целом стагнировала как во время так называемой первой глобализации (1870—1913), так и во время «золотого века». Излишне говорить, что открытость рухнула во время Великой депрессии, вернувшись к уровню середины XIX в.

Тенденции в доходах от торговли, измеренные с помощью формулы Арколакиса, довольно точно отражают движение открытости с максимумами в 1913 (6,3% ВВП для 36 государств) и 2007 гг. (11,5%). Эти цифры, безусловно, являются нижней границей общей (статической) прибыли, и, по всей вероятности, разница между расчетной и фактической прибылью в 2007 г. была больше, чем в 1913 г.

Во всех моделях еще с начала XIX в. международная торговля приводит к изменениям в распределении факторов производства, обеспечивает рост и вызывает сближение в уровнях заработной платы торговых

Арсаханова Зина Абдуловна — доктор экономических наук, профессор кафедры финансов, кредита и антимонопольного регулирования, ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова». E-mail: mguspaeva@mail.ru; *Гилядов Танхум Георгиевич* — кандидат экономических наук, доцент Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. E-mail: gilyadov.tg@rea.ru; *Афанасьев Илья Владимирович* — кандидат юридических наук, доцент департамента правового регулирования экономической деятельности юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: ivafanasev@fa.ru; *Сунатуллаева Шахноза Хурийд-кизи* — ассистент кафедры Финансы, Ташкентский финансовый институт. E-mail: sunatullaevashahnoza@gmail.com.

Arsahanova Zina A. — doctor of economics, associate professor of Finance, credit and antimonopoly regulation department, FGBOU VO “Chechen State University named after A. A. Kadyrov”. E-mail: mguspaeva@mail.ru; *Gilyadov Tankhum G.* — candidate of economic sciences, associate professor of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: gilyadov.tg@rea.ru; *Afanasyev Ilya V.* — candidate of law, associate professor of the department of Legal regulation of economic activity of the faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: ivafanasev@fa.ru; *Sunatullayeva Shaxnoza Kh.* — assistant of department of Finance, Tashkent Institute of Finance. E-mail: sunatullaevashahnoza@gmail.com.

партнеров. Подобный эффект возникает потому, что рост торговли обостряет конкуренцию, заставляя более конкурентоспособные предприятия снижать свои производственные издержки благодаря более эффективной работе и повышению производительности.

Сближение заработной платы снижает стимул к эмиграции в более богатую страну в поисках лучшей жизни. Таким образом, существует элемент замещения между торговлей и миграцией: без торговли различия в заработной плате создают стимул для переезда в страны, где она выше; торговля снижает стимул к миграции, способствуя сближению заработной платы, росту и сокращению бедности.

Однако эти теоретические наблюдения дают лишь общее описание реальных последствий торговой политики. На самом деле некоторые фундаментальные предпосылки неоклассической модели («идеальный рынок») на самом деле неприменимы в реальности, и это искажает результаты. Одним из примеров служит идея того, что процессы корректировки, вызванные усилением конкуренции, являются немедленными и не требуют затрат (отсутствие транзакционных издержек). Например, человек, который становится безработным, сразу же находит новую работу. Еще одно предположение — идеальная прозрачность рынка: все экономические субъекты всегда полностью информированы обо всех соответствующих факторах (ценах, затратах, новых рабочих местах). В действительности процессы адаптации связаны со значительными социальными и экономическими издержками.

В период с 1980 по 1990 г. многие страны в одностороннем порядке либерализовали свою торговлю в рамках программ структурной перестройки Всемирного банка, и к середине 1990-х гг. пришло время подвести итоги. В двух исследованиях, посвященных взаимосвязи между торговлей и темпами роста, был сделан вывод о том, что страны с открытой экономикой (включая бедные, зависящие от ресурсов) продемонстрировали значительно более высокие темпы роста, чем страны с закрытой экономикой и протекционистской экономической политикой¹.

По сути, обе пары авторов стремились доказать, что для страны всегда имело политический смысл интегрироваться в мировой рынок. Они утверждали, что, во-первых, это позволило использовать сравнительные преимущества в издержках и добиться экономии за счет масштаба, участвуя в более крупном рынке; во-вторых, открытые экономики менее подвержены лоббированию и стремлению к получению ренты (в смысле рыночных субъектов, желающих получить привилегии для увеличения своих собственных доходов, такие как налоговые льготы или защитные тарифы); в-третьих, международная торговля улучшила доступность технологий.

Однако на самом деле эти исследования лишь показали, что внешняя ориентация страны является одним из важных факторов устойчивого прогресса и экономического роста. Но вывод о том, что это единственная причина успеха, так же ложен, как и идея того, что недостатки либерализации доказывают, что протекционизм ведет к росту.

Во многих случаях расхождение между неоклассической моделью и реальностью было очевидным уже в начале 1980-х гг. Либерализация торговли, несомненно, связана с краткосрочными негативными послед-

ствиями, начиная с безработицы и заканчивая крахом целых секторов. Работники не являются бесконечно гибкими, и для большинства это не вариант плавного перехода от умирающих отраслей к новым динамичным. События, противоречащие предположениям экономической теории, фактически наблюдались в Кении, Танзании и Зимбабве, где фирмы отреагировали на конкуренцию со стороны импорта сокращением своего производства, а не стремлением повысить собственную эффективность.

Даже относительно богатых стран, безусловно, нельзя сказать, что интеграция на глобальных рынках автоматически привела к сокращению масштабов нищеты. Поэтому критики торговли опасаются, что те, кто считает, что либерализация торговли разрушает их экономические перспективы, отправятся искать возможности в других странах ².

Новая торговая теория в 1980-х — 1990-х гг. расширила неоклассическую теорию, обратив внимание на увеличение эффекта масштаба, несовершенные рынки, внешние эффекты и существование различных технологий в разных странах ³.

Это также проливает свет на взаимосвязь между торговлей и миграцией. Например, если в качестве основы торговли рассматривать технологические различия, а не различия в обеспеченности факторами производства, то торговля и миграция могут оказывать взаимодополняющее воздействие.

Торговля между странами подразумевает контакты между людьми. И будучи лучше информированным о стране, легче принять решение о переезде туда, особенно если личные связи уже существуют.

Оба эти аспекта — контакты и связи — могут быть усилены путем расширения торговых отношений. Торговля также ведет к экономическим изменениям: появляются новые сектора, другие теряются, люди чувствуют себя вынужденными следовать своим источникам занятости. Поэтому вполне вероятно, что более тесные торговые отношения также способствуют миграции в смысле взаимосвязи между ними.

И наоборот, наблюдается корреляция между торговым протекционизмом и сокращением миграции, о чем свидетельствует комплексная модель, предложенная Р. Абдул Гани и ее коллегами в 2004 г. Подчеркивая, что корреляция не доказывает причинно-следственную связь, авторы все-таки приходят к выводу, что торговый протекционизм приводит к снижению миграции ³.

Однако выйти за рамки корреляции в эмпирических исследованиях взаимосвязи между миграцией и торговлей является большой проблемой: отсутствуют адекватные данные о миграции, и изолировать либерализацию торговли от других влияющих факторов методологически сложно.

Таким образом, несколько более глубоких анализов влияния торговых потоков на миграцию относительно мало говорят о лежащих в их основе причинно-следственных связях.

Исследование взаимодействия между торговлей и миграцией в рамках соглашений о свободной торговле, заключенных между Европейским союзом и средиземноморскими государствами с 1970 по 2000 г., позволяет сделать вывод, что увеличение экспорта привело к росту миграции ⁴. Поэтому автор отвергает предположение неоклассической теории (ко-

торое также встречается в политике), что либерализация и расширение внешней торговли сокращают миграцию. Но в исследовании ничего не говорится о долгосрочных эффектах, которые потенциально могли бы обратить этот эффект вспять. Считается, что причина наблюдаемой взаимосвязи заключается в том, что международная торговля укрепляет связи между государствами и, таким образом, облегчает миграцию. Но модель, используемая в исследовании, также демонстрирует, что взаимосвязь слабее, если контролируется влияние таких несопоставимых факторов, как расстояние, ВВП стран происхождения и назначения, население, обменный курс или существование исторических колониальных связей. Другими словами, все эти факторы также влияют на результат.

Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (UNCTAD) в 2010 г. также отметила наличие взаимосвязи между ростом торговли и увеличением миграции в исследовании, посвященном анализу импорта продовольствия внутри Африки в рамках региональных интеграционных сообществ САДК (Сообщество по вопросам развития Юга Африки), СЕН-САД (Сообщество сахарских народов) и КОМЕСА (Общий рынок для Восточной и Южной Африки) ⁵.

Однако UNCTAD не рассматривает взаимосвязь между торговлей и миграцией как причинно-следственную; они развиваются параллельно из-за других факторов (например, более тесных экономических отношений между странами или решений о региональной интеграции, таких как облегчение передвижения людей).

Идея расширения сферы охвата затрагивает нынешнее фундаментальное понимание переговоров о свободной торговле. Тем не менее правила ВТО с начала 1980-х гг. и торговые соглашения действительно оказывают влияние на вопросы внутреннего регулирования, например в отношении упрощения процедур торговли, защиты интеллектуальной собственности и нетарифных барьеров. Таким образом, предлагаемые изменения не будут полностью чужды системе. В связи с нехваткой рабочей силы во многих промышленно развитых странах, возможно, стоило бы рассмотреть возможность объединения аспектов торговых и миграционных соглашений в целях более эффективного решения обоснованных проблем принимающих стран.

Двусторонние соглашения о миграции по-прежнему рассматриваются в качестве основного инструмента управления рынком труда. Международная организация труда установила, что общее количество двусторонних трудовых соглашений в 2015 г. составило 358,57. Эти соглашения позволяют контролировать временную миграцию в узко определенных рамках. Примерно с 2000 г. некоторые страны расширили возможности для временной миграции и стремились повысить ее эффективность с помощью множества отдельных законов и инструментов. По словам политолога и исследователя миграции Ш. Ангенендта, соглашения, заключенные после глобального экономического кризиса 2008/09 г., ставят во главу угла цель ограничения незаконной миграции и обеспечения репатриации отвергнутых мигрантов ⁶.

Демографическое старение и растущая нехватка квалифицированной рабочей силы, затрагивающие большинство промышленно развитых стран, также сыграют свою роль в будущем.

Тем временем Типовое соглашение ВТО о временной и постоянной миграции в целях трудоустройства 1949 г. было пересмотрено и расширено. В нем содержатся тексты, охватывающие все аспекты трудовой миграции — от условий труда и социального страхования до двойного налогообложения и возвращения. Но основной направленностью Типового соглашения является определение рамок трудовой миграции, а не описание возможных рабочих мест. Поэтому между ним и правилами ГАТС существует небольшое совпадение, хотя на самом деле они очень хорошо дополняли бы друг друга: несмотря на то что торговые льготы в сфере услуг и передвижения людей точно определяют возможные области занятости для трудовых мигрантов, они исключают аспекты, которые предлагается регулировать в Типовом соглашении.

Нахождение правильного баланса между регулированием и либерализацией является большой проблемой. Во всеобъемлющем исследовании ВТО было рассмотрено более 150 двусторонних соглашений и меморандумов о взаимопонимании по вопросам миграции низкоквалифицированных работников и изложены рекомендации. Некоторые из них относятся к механизмам, которые уже распространены в соглашениях о свободной торговле, а в некоторых случаях уже опробованы на практике. Например, предлагается «система регулярного мониторинга и периодической оценки», главным образом через совместные комитеты. На 2020 г. 60 торговых соглашений ЕС уже содержат такие инструменты, которые могут быть дополнены аспектами миграции.

ВТО также рекомендует «проводить многосторонние и региональные форумы в области региональной интеграции для достижения консенсуса в отношении взаимовыгодных улучшений соглашений и минимальных стандартов».

Примечания

1. ABRAMITZKY R., LEAH PLATT B. Immigration in American Economic History. — *Journal of Economic Literature*. 2017. Vol. 55. No. 4, p. 1311—1345; ARKOLAKIS C.A.C., RODRIGUEZ-CLARE A. New Trade Models, Same Old Gains? — *American Economic Review*. 2012. No. 102, p. 94—130.
2. AGER PH., CASPER WORM HANSEN. Closing Heaven's Door: Evidence from the 1920s U.S. Immigration Quota Acts. — University of Copenhagen, Department of Economics Discussion Papers. 2017. No. 17—22.
3. FUNKE M.M.SCH., CHRISTOPH TREBESCH. Going to Extremes: Politics after Financial Crises, 1870—2014. — *European Economic Review*. 2016. No. 88, p. 227—260.
4. GOLDBERG P.K., PAVCNIK N. Distributional Effects of Globalization in Developing Countries. — *Journal of Economic Literature*. 2007. Vol. 45. No. 1, p. 39—82.
5. HOAG CH. The Atlantic Telegraph Cable and Capital Market Information Flows. — *Journal of Economic History*. 2006. Vol. 66. No. 2, p. 342—353.
6. INGLEHART R., PIPPA N. Trump, Brexit and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. — HKS Faculty Research Working Paper No. RWP16—026, Harvard Kennedy School, Cambridge. MA. 2016. August.

Историко-правовое формирование транснациональных корпораций в целях развития человеческого капитала

А. А. Бисултанова, Д. С. Пономарёв, В. А. Ельшин,
О. В. Чумакова

Аннотация. На современном этапе развития мировой экономики — этапе глобализации решающую роль играют транснациональные корпорации, которые становятся ведущими торговыми предприятиями, инвесторами, распространителями современных технологий, научно-технического прогресса, стимуляторами международной трудовой миграции. Именно транснациональные корпорации заложили основу взаимозависимой экономической деятельности разных стран мира, а впоследствии стали основой глобальной экономики. Сегодня это не только главные субъекты мировой, но и важная часть национальной экономики, и их роль с каждым годом усиливается. Поэтому формирование мощных транснациональных корпораций, способных адекватно реагировать на внешние воздействия, активно развивать международные хозяйственные связи, должно стать одним из приоритетных направлений развития национальных бизнес-структур.

Ключевые слова: история, экономика, транснациональная корпорация, компания.

Abstract. At the present stage of the development of the world economy — the stage of globalization — a decisive role is played by transnational corporations, which become leading trading enterprises, investors, distributors of modern technologies, scientific and technological progress, stimulators of international labor migration. Transnational corporations laid the foundation for the interdependent economic activity of different countries of the world, and subsequently became the basis of the global economy. Today, transnational corporations are not only the main actors of the world, but also an important part of the national economy, whose role is increasing every year. Therefore, the formation of powerful transnational corporations capable of adequately responding to external influences and actively developing international economic ties should become one of the priorities for the development of national business structures.

Key words: history, economy, transnational corporation, company.

История развития транснациональных корпораций (ТНК) берет свое начало с создания в 1600 г. английской компании East India Company, однако стремительное развитие процессы транснационализации стали приобретать только в конце XIX в. Это обусловлено тем, что в это время в мире преобладало местное производство.

Второй период (1929—1945 гг.) отмечается экономическими реформами президента США Ф. Рузвельта, которые в значительной степени сбалансировали ситуацию на мировом финансовом рынке. Произошло ускорение промышленного развития ведущих стран мира, вызванное развертыванием Второй мировой войны. За основными технологическими инновациями XX в., которые пришлось на этот период (телевидение, ядерная энергетика, реактивные двигатели и т.п.), в значительной мере стояли научно-исследовательские подразделения транснациональных корпораций.

Третье поколение ТНК начало развиваться после окончания Второй мировой войны и распада колониальной системы (1945—1960 гг.). Этот период связан с усилением роли зарубежных производственных подразделений не только в развивающихся, но и в развитых странах ¹. Производственные зарубежные отделения начали специализироваться в основном на производстве той же продукции, что ранее производилась в «родной» для ТНК стране. Постепенно филиалы ТНК все больше переориентировались на обслуживание местного спроса и местные рынки.

Четвертый период (1970-е — 1980-е гг.) охватывает время энергетического кризиса и ликвидации его последствий. Это период частичного перераспределения рынка между нефтяными компаниями стран ОПЕК и западными нефтегазовыми компаниями. С четвертым этапом связывают также стремительный прогресс в развитии компьютерных технологий, который создал предпосылки для формирования транснациональных компаний нового типа — таких, которые производят компьютерную технику, программные продукты и распространяют информационные технологии по всему миру.

ТНК стремятся к максимизации прибыли за счет ренты и монополистических преимуществ в определенных странах, иногда используя даже бюджетные фонды государств своего происхождения для экспансии. Таким ТНК важен доступ к сырьевым ресурсам и транспортным системам принимающей страны.

ТНК лоббируют интересы отдельных государственных чиновников или целых политических партий, поддерживают формирование экономических интеграций разных уровней, могут заниматься взяточничеством.

Бисултанова Аза Айндиевна — доцент, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы, кредит и антимонопольное регулирование», ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова». E-mail: zhanno44ka@mail.ru; *Пономарёв Денис Сергеевич* — врач-кардиолог, ООО «МЕДТОРГСЕРВИС». E-mail: den.tamb@mail.ru; *Ельшин Владимир Александрович* — доцент, Пензенский государственный университет. E-mail: elshinv@mail.ru; *Чумакова Ольга Вячеславовна* — кандидат юридических наук, Московский государственный строительный университет. E-mail: 7406976@gmail.com.

Bisultanova Aza A. — PhD (Economics), associate professor, associate professor at the department of Finance, credit and antimonopoly regulation, Kadyrov Chechen State University. E-mail: zhanno44ka@mail.ru; *Ponomarev Denis S.* — cardiologist, LLC “MEDTORGSERVICE”. E-mail: den.tamb@mail.ru; *Yelshin Vladimir A.* — associate professor, Penza State University. E-mail: den.tamb@mail.ru; *Chumacova Olga V.* — candidate of sciences (Law), Moscow State Building University. E-mail: 7406976@gmail.com.

Национальные экономики не могут избежать влияния ТНК, однако правительства государств способны регулировать уровень их присутствия. Такое регулирование происходит как минимум на четырех уровнях: надгосударственном, межгосударственном, внутригосударственном, общественном ².

На межгосударственном уровне основной целью является защита инвестиций и соответствие международным стандартам, что достигается подписанием двусторонних инвестиционных соглашений. Это наиболее распространенный способ регулирования деятельности ТНК между принимающей страной и страной базирования. Россия подписала почти 73 двусторонних соглашения о защите инвестиций. В отличие от США, Японии, Великобритании и ряда других стран, Россия не имеет типового соглашения, что свидетельствует об отсутствии унифицированного и четко выраженного подхода государства к ключевым положениям и понятиям в сфере стандартов защиты инвестиций и инвестиционного арбитража.

Отметим, что сегодня в мире функционирует около 60 тыс. финансово-промышленных групп и ТНК, которые вышли за пределы стран своего базирования. Они контролируют 50% мирового промышленного производства, а также проводят более 65% операций в сфере торговли во всем мире. Крупнейшие ТНК имеют годовой объем продаж в сотни млрд долл. США, около 500 из них имеют объем сбыта за год в более 18 млрд долл., а среднегодовой объем продаж — несколько сотен миллионов долл. США.

В 2018 г. китайский банк ICBC (Industrial and Commercial Bank of China) с оборотами в 165,3 млрд долл. США, прибылью 43,7 млрд долл., активами 4210,9 млрд долл. и рыночной стоимостью в размере 311,0 млрд долл. США шестой раз подряд занял первое место в рейтинге Forbes Global 2000 среди крупнейших ТНК мира. Компания была основана в январе 1984 г. со штаб-квартирой в Пекине. Основная деятельность ICBC — предоставление коммерческих банковских и финансовых услуг ³. К главным сегментам бизнеса относятся корпоративные банки, персональные банковские услуги, казначейские операции и др.

В своей структуре банк имеет около 17,5 тыс. отделений, в которых работает более 466 тыс. чел. Он контролирует пятую часть банковского сектора Китая ⁴. 90% деятельности ICBC осуществляет на территории этой страны. Кроме того, банк осуществляет клиринговые операции в юанях в семи странах: Сингапур, Люксембург, Катар, Таиланд, Канада, Аргентина и Россия. В целом зарубежная сеть банка включает 419 организаций в 45 странах мира, а также имеет свои представительства еще в 20 африканских странах через партнерство с южноафриканским Standard Bank.

С 2015 г. второе место среди ведущих ТНК мира принадлежит китайскому строительному банку — China Construction Bank Corporation. Этот банк основан в октябре 1954 г. со штаб-квартирой в Пекине. Основная деятельность банка — предоставление финансовых и банковских услуг ⁵. К главным сегментам деятельности относятся «корпоративный бизнес», «персональный банкинг», «казначейство», «другой сегмент».

Третье место в рейтинге принадлежит JPMorgan Chase — американскому финансовому конгломерату, образовавшемуся в результате слияния нескольких крупных банков США. Компания была основана в 1968 г. со

штаб-квартирой в Нью-Йорке. Ядром ТНК стал Chemical Bank, который в 1996 г. приобрел банк Chase Manhattan и взял его название. В 2000 г. произошло слияние Chase Manhattan Bank и J.P. Morgan & Co. Компания предлагает широкий спектр инвестиционных банковских продуктов и услуг на всех крупных рынках капитала, включая консультирование по вопросам развития корпоративной стратегии и структуры ⁶. Также среди основных видов деятельности холдинга выделяют следующие: привлечение инвестиций на рынках капитала и долговых рынках; управление рисками; выпуск ценных бумаг и производных инструментов; ведущие брокерские услуги и исследования. Кроме того, компания предлагает потребителям инвестиционные банковские услуги, финансовые услуги для малого бизнеса и коммерческих банков, обработку финансовых транзакций, управления активами частных компаний.

Сегодня деятельность ТНК JPMorgan Chase поделена на следующие сегменты: потребительский и общественный банкинг — задействовано более 134 тыс. работников, 5 130 отделений и более 61 млн клиентов; корпоративный и инвестиционный банк — задействовано более 51 тыс. работников; коммерческий банкинг и управление активами — более 32 тыс. сотрудников.

На четвертом месте в рейтинге издания Forbes находится многопрофильный американский холдинг Berkshire Hathaway, который занимается страхованием и перестрахованием имущества; предоставлением коммунальных услуг в сфере энергетики, в отношении грузовых железнодорожных перевозок; предоставлением финансовых услуг; производством промышленных товаров; розничной и оптовой торговлей. Компания была основана О. Чейзом в 1839 г. и имеет штаб-квартиру в Омахе ⁷.

Сегменты страхования GEICO предусматривают страхование частных пассажирских автомобилей в основном с помощью методов прямого реагирования. Андеррайтинг перестрахования с чрезмерной потерей, квотной долей и факультативным перестрахованием предлагает General Re.

Сегменты группы перестрахования Berkshire Hathaway состоят из перестрахования избыточных убытков и квот на перестрахование страховщиков и перестраховщиков. Первичный сегмент Berkshire Hathaway Group включает андеррайтинг нескольких линий страхования имущества и страховых случаев. В страховых компаниях холдинга работает 47 тыс. сотрудников.

Сегменты BNSF работают в «железнодорожной сфере» Северной Америки. Там задействовано 41 тыс. работников.

Сегменты Berkshire Hathaway Energy касается «регулируемого электроэнергетического и газового сектора», включая производство и распределение электроэнергии, а также отечественного брокерского франчайзинга.

Сферой оптовой торговли продуктами и непродовольственными товарами занимается сегмент компании McLane. В этой сфере задействовано 46 тыс. работников.

В сфере услуг и розничной торговли предусмотрено предоставление услуг по фракционной (корпоративной) собственности самолетов, обучение авиационных пилотов и т.п. Здесь работает 29,4 тыс. чел.

Производственный сегмент включает промышленные товары (72 тыс. работников), стройматериалы (39 тыс.) и одежду (54 тыс.).

«Финансовый сегмент» включает строительство жилья и потребительское кредитование, транспортное оборудование, производство и лизинг, а также лизинг мебели.

Сельскохозяйственный банк Китая (Agricultural Bank of China) занимается предоставлением международных коммерческих банковских и финансовых услуг. В рейтинге издания Forbes это финансовое учреждение находится на пятом месте с прибылью 29,6 млрд долл. и рыночной стоимостью 184,1 млрд долл. США. Банк был основан в июле 1951 г., штаб-квартира находится в Пекине ⁸. Корпорация осуществляет свою деятельность через такие сегменты, как «корпоративный бизнес», «персональный банк», «казначейские операции» и «другие операции».

На территории материкового Китая банк располагает более чем 23,6 тыс. отделений и 19,7 тыс. операционных офисов. Еще восемь отделений и два представительства находятся вне материкового Китая. Также банк имеет 14 дочерних предприятий, шесть из которых расположены за рубежом.

На шестом месте в рейтинге Forbes в 2020 г. — американская ТНК Bank of America. Компания была основана в 1904 г. со штаб-квартирой в Шарлотт ⁹. ТНК занимается предоставлением банковских и небанковских финансовых услуг через такие сегменты, как «потребительский банкинг», «глобальное богатство и управление инвестициями», «глобальное банковское обслуживание», «глобальные рынки», «наследие и обслуживание активов».

Компания осуществляет свою деятельность во всех 50 штатах, а также в 35 других странах, имеет 4,7 тыс. отделений, в которых работает 213 тыс. сотрудников.

Седьмое место в рейтинге Forbes в 2020 г. заняла еще одна американская ТНК — Wells Fargo. Компания основана в марте 1852 г. со штаб-квартирой в Сан-Франциско ¹⁰. Wells Fargo — это банковская холдинговая компания, которая занимается предоставлением банковских, страховых, инвестиционных, ипотечных, потребительских и коммерческих услуг. Через сегмент «банковское сообщество» компания предлагает услуги по управлению инвестициями и другие услуги для розничных клиентов; брокерские услуги с ценными бумагами; предоставляет финансовые продукты и услуги населению и малому бизнесу. Через сегмент «оптовые банковские услуги» предоставляются услуги по финансовым решениям для бизнеса, предлагаются коммерческие, корпоративные услуги, услуги на рынке капиталов, услуги по управлению денежными средствами и недвижимостью. Через сегмент «богатство и управление инвестициями» компания предоставляет широкий спектр финансовых консультационных услуг, используя плановый подход для удовлетворения потребностей каждого клиента.

Отметим, что компания входит в «большую четверку» крупнейших банков США. Ее деятельность распространяется на 35 стран. Она имеет более 70 млн клиентов по всему миру.

На восьмом месте — американская технологическая компания Apple. Она занимается разработкой, производством и сбытом мобильной связи,

медиаустройств, персональных компьютеров и портативных цифровых музыкальных плееров. Компания основана в апреле 1976 г. со штаб-квартирой в Купертино ¹¹. Apple функционирует через следующие географические сегменты: Америку, Европу, Китай, Японию и другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Американский сегмент включает Северную и Южную Америку. Сегмент Европы состоит из европейских стран, а также Индии, Ближнего Востока и Африки. Китайский сегмент, помимо самого Китая включает Гонконг и Тайвань. Остальную часть Азиатско-Тихоокеанского региона представляют Австралия и страны Азии, которые не входят в состав операционных сегментов компании. В Apple работают 115 тыс. чел. на постоянной основе. Ей принадлежат более 450 магазинов розничной торговли.

Исследование особенностей формирования и развития транснациональных корпораций свидетельствует о том, что, прежде чем стать влиятельными субъектами международных экономических отношений, они прошли ряд этапов, каждый из которых сопровождался появлением новых стратегических отраслей промышленности, осуществлением революционных открытий в различных сферах производства и оказания услуг. Шло активное завоевание новых рынков с использованием различных методов экспансии: от агрессии до тихого проникновения в национальные экономические, политические процессы, а также стратегий непрямого влияния и т.п.

На современном этапе развития наблюдается постоянный рост роли и масштабов деятельности транснациональных корпораций, что проявляется в их участии в создании мирового валового продукта, повышении доли международного движения капитала, труда и других ресурсов. Их значимость в мировой экономике подтверждается масштабностью зарубежных операций во всех отраслях и сферах общественного производства.

Основными причинами экспорта прямых зарубежных инвестиций является стремление транснациональных корпораций максимизировать прибыль путем оптимального размещения капитала, сократить уровень расходов и налогообложения, преодолеть торговые, экологические и другие барьеры, диверсифицировать риски, обеспечить технологическое лидерство, получить доступ к природным ресурсам и т.п.

Главными препятствиями в развитии ТНК являются различие интересов компаний и правительств принимающих стран, экономические, политические, валютно-финансовые и законодательные риски.

Несмотря на отсутствие российских компаний в международных базах данных, Россия не может оставаться в стороне от процессов глобализации и транснационализации экономики. Наоборот, она сегодня выступает как страна, принимающая транснациональные корпорации, и в определенной степени испытывает на себе преимущества и недостатки их деятельности, что является предметом дальнейших научных исследований.

Примечания

1. BALES K. Disposable People: New Slavery in the Global Economy, Updated with a New Preface. University of California Press. 2012, p. 198.
2. CORKE-WEBSTER J. Eusebius and Empire: Constructing Church and Rome in the Ecclesiastical History. Cambridge University Press. 2019, p. 98.
3. FRIEDEN J.A., LAKE D.A. & BROZ J.L. International Political Economy: Perspectives on Global Power and Wealth. W.W. Norton & Company. 2017.
4. GEISTER, PH. & HALLONSTEN G. (Eds.). Faithful Interpretations: Truth and Islam in Catholic Theology of Religions. Vol. 2. The Catholic University of America Press. 2021.
5. HEIM L.L. Rewriting the Nation: German-Turkish Transformations of the Bildungsroman. — Journal of Frontier Studies. 2021. No. 6 (2), p. 37—67.
6. HERMIDA O.V. & CASAS-MAS B. The Virtualization of Communications with Relatives. — Journal of Family Studies. 2020. No. 1—24.
7. JANCHEN A. Border Crossing and Self-Placement of Characters with a Migratory Background in Contemporary German Novels. — Journal of Frontier Studies. 2021. No. 6 (2), p. 85—102.
8. KALLIS A. The “Third Rome” of Fascism: Demolitions and the Search for a New Urban Syntax. — The Journal of Modern History. 2012. No. 84 (1), p. 40—79.
9. KOLACZYK E.D. Topics at the Frontier of Statistics and Network Analysis: (Re) Visiting the Foundations. Cambridge University Press. 2017.
10. LEE H., CHOI Y., VAN NGUYEN T., HAI Y., KIM J., BAHJA M. & HOCAOGLU H. COVID-19 Led Virtualization: Green Data Center for Information Systems Research. — Information Systems Management. 2020. No. 37 (4), p. 272—276.
11. LI Y. & CUI Q. Airline Energy Efficiency Measures Using the Virtual Frontier Network RAM with Weak Disposability. — Transportation Planning and Technology. 2017. No. 40 (4), p. 479—504.

Концептуальные структуры развития стратегий глобализации высшей школы

О.Е. Вороничев, Т.Е. Демидова, А.А. Прядехо,
А.П. Тонких, М.А. Худякова

Аннотация. В различных ситуациях концепцию глобализации используют и в позитивном смысле, и в негативном, однако все теоретики согласны с тем, что глобализация оказывает огромное влияние на общество на экономическом, политическом и культурном уровнях. Формирование образовательной политики и, как следствие, воспитание будущей рабочей силы тоже подвергаются влиянию глобализации. Поэтому важно выяснить, как именно влияет глобализация на определение нужного набора умений и навыков для рабочей силы в XXI в. Влияние процессов глобализации на содержание образования как фактора экономического роста еще не полностью исследовано.

Ключевые слова: глобализация, тенденции, образование, вуз.

Abstract. In various situations, the concept of globalization is used both positively and negatively. However, all theorists agree that globalization has a huge impact on society at the economic, political and cultural levels. The formation of educational policy and, as a result, the training of the future workforce are also influenced by the phenomenon of globalization. Therefore, it is important to find out exactly how globalization affects the definition of the right set of skills and abilities for the labor force of the 21st century. The impact of globalization processes on the content of education as a factor of economic growth has not yet been fully investigated.

Key words: globalization, trends, education, university.

Глобализация радикально изменила мир во всех отношениях, в первую очередь, трансформировав мировую экономику, которая теперь стала чрезвычайно взаимосвязанной и взаимозависимой. К тому же глобализация выдвигает требования к обладанию высоким уровнем знаний. Глобальное образование объединяет методы обучения различных мировых образовательных систем. Подобные образовательные инициативы отдают приоритет глобальному доступу к школе, начиная с начального уровня и заканчивая университетским.

Информационное общество и глобальная экономика требуют высокого уровня системного мышления, которое будет рассматривать проблемы целого мира и «экономической экосистемы»¹. Глобализация использует целостный подход к проблемам. Акцент делается прежде всего на развитии навыков критического мышления, креативности и ИКТ-грамотности (ИКТ — информация, коммуникация, технологии). Это будет повышать способность учащихся оперировать символами. Высокопроизводитель-

ная занятость в современной экономике потребует от ученика постоянно манипулировать символами, а именно политическими, юридическими и коммерческими понятиями и цифровыми деньгами. Глобализация совершенствует способность учащихся приобретать и использовать знания, оценивать, получать и применять знания, самостоятельно думать, вырабатывать надлежащие суждения и сотрудничать с другими в контексте анализа новых вызовов будущего.

Образование стало фундаментальным фактором, объединяющим различные государства на всех континентах. И речь идет не только о социально-культурных, языковых или даже цивилизационных аспектах, а прежде всего о новых экономических системах и глобальных рынках товаров, работ и услуг. Образование при этом выступает объединяющим элементом и платформой для налаживания связей и коммуникаций между разными социально-экономическими моделями, становясь самым мощным драйвером развития и модернизации мировой экономики.

Интернационализация прочно вошла в словари высшего образования всего мира. Знание остается международным, а межнациональное сотрудничество и глобальная мобильность студентов продолжают расти. Большинство университетов признают, что международная перспектива для студентов в XXI в. является ключевой ². Без сомнения, интернационализация состоялась и больше не является прикладной частью ландшафта

Вороничев Олег Евгеньевич — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры методики начального образования и педагогического менеджмента ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: voonid@mail.ru; *Демидова Тамара Евгеньевна* — доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры методики начального образования и педагогического менеджмента ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: demidova_te@mail.ru; *Прядехо Алексей Анатольевич* — доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: pr-asam@mail.ru; *Тонких Александр Павлович* — кандидат физико-математических наук, доцент, профессор кафедры методики начального образования и педагогического менеджмента ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского». E-mail: a_tonkih@mail.ru; *Худякова Марина Алексеевна* — кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и технологии обучения и воспитания младших школьников ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет». E-mail: m.hydyakova@mail.ru.

Voronichev Oleg E. — doctor of philology, associate professor, associate professor of the Department of Methods of Primary Education and Pedagogical Management, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: voonid@mail.ru *Demidova Tamara E.* — doctor of pedagogical sciences, associate professor, professor of the Department of Methods of Primary Education and Pedagogical Management, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: demidova_te@mail.ru; *Pryadekho Aleksey A.* — doctor of pedagogical sciences, professor, professor of the Department of Pedagogy, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: pr-asam@mail.ru; *Tonkikh Alexander P.* — candidate of physical and mathematical sciences, associate professor, professor of the Department of Methods of Primary Education and Pedagogical Management of the Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: a_tonkih@mail.ru; *Khudyakova Marina A.* — candidate of pedagogical sciences, associate professor, head of the Department of Theory and Technology of Teaching and Upbringing of Younger schoolchildren, Perm State Humanitarian Pedagogical University. E-mail: m.hydyakova@mail.ru.

высшего образования. Стратегия и политика, международные декларации и академические инициативы свидетельствуют о центральной роли интернационализации в мире высшего образования.

Так, международная мобильность рабочей силы, глобализация экономики и развитие информационно-коммуникационных технологий являются одними из важнейших факторов, способствующих интернационализации высшего образования во всем мире ³. В то же время интернационализация — это одна из составляющих становления глобального образовательного пространства. Безусловно, она стимулирует и развитие отечественной высшей школы ⁴. Россия же долгое время оставалась в стороне от соответствующих процессов интернационализации высшего образования.

В то же время интернационализация высшего образования является процессом биполярным, направленным как на обеспечение внутреннего спроса на качественное образование, так и на экспорт образовательных услуг и интеграцию в глобальную академическую систему на основе соответствия лучшей мировой практике и международным стандартам высшего образования. Неспособность обеспечить соответствие и надлежащий уровень качества образовательных услуг является риском для отечественной системы управления образованием в дальнейшем выйти из конкурентной борьбы на мировом рынке образовательных услуг.

Сегодня интернационализация высшего образования в России происходит скорее фрагментарно, чем комплексно и системно, и не формируется институциональными академическими традициями или текущим контекстом ⁵. Россия, впрочем, только становится на путь приобщения к соответствующим тенденциям, в связи с чем не владеет в достаточной степени механизмами государственного управления процессами интернационализации высшего образования, которые на сегодня имеют в основном самотечный, неконтролируемый характер.

В последние годы интернационализация превратилась из маргинального и второстепенного концепта в глобальный, стратегический и основной фактор высшего образования и общий контекст его развития во всем мире. Интернационализация стала широкой и многоаспектной концепцией, включает множество новых подходов и стратегий в разных и постоянно меняющихся контекстах. Это отражает в том числе терминология, используемая для описания международного измерения высшего образования, развивавшаяся в течение последних десятилетий ⁶.

Россия, однако, в советский период оставалась изолированной и закрытой от прямого влияния внешней среды на внутренние процессы, а об академической мобильности или научном обмене нельзя было и думать. Главным приоритетом высшего образования оставалось обеспечение плановой экономики и военно-промышленного комплекса. Постсоветский же период в основном ассоциируется с тотальным упадком образовательной отрасли и рефлексией по мифу о первенстве советского образования в мире.

Именно международная мобильность, обусловленная процессами глобализации, способствовала интернационализации высшего образования. Международная академическая мобильность, на наш взгляд, является одной из самых распространенных форм и одновременно фактором

миграции населения во всем мире. Она может приобретать различные формы, такие как получение высшего образования, профессий skills up или научный обмен и т.п. В то же время международная академическая мобильность может быть как причиной миграции, так и ее следствием.

Результаты отдельных исследований позволяют сделать вывод, что за последние 40 лет темпы роста мобильности студентов превысили темпы распространения самого высшего образования в общепланетарном масштабе ⁷. Соответствующий восходящий тренд, являющийся стабильно растущим последние десятилетия, наблюдается и сейчас. Так, за рубежом постоянно учатся около 4,6 млн студентов ⁸. При этом предполагается их рост с 1,8 млн в 2000 г. до примерно 7 млн в 2025 г. ⁹

Глобализация «переступает границы пространства и времени» ¹⁰. Используя передовые информационно-коммуникационные технологии, новая система знаний, образования и самообразования должна применять широкий спектр синхронных и асинхронных мероприятий, которые помогут учителю и учащимся эффективно взаимодействовать. Глобализация сталкивается с вызовами и возможностями информационной эпохи. Предприятия, базирующиеся на знаниях, часто жалуются на то, что выпускники не имеют возможности обучиться новым навыкам и ассимилировать новые знания, поэтому познавательная гибкость, инициатива и саморегуляция становятся как никогда важными.

Глобализация требует все большего количества научно и технически вышколенных работников. Развивающаяся экономика страны должна базироваться на знаниях как ключевом факторе производства. Необходимо, чтобы работники обладали высоким уровнем знаний в науке и технике. Процессы глобализации неразрывно связаны с технологическими изменениями, что также выдвигает новые требования к подготовке будущей рабочей силы. Это поощряет студентов работать в командах. Чтобы делать это успешно, студенты должны развивать навыки лидерства, умение идти на компромисс, вести дебаты, отстаивать свои убеждения и участвовать в управлении.

В свою очередь, глобализационный аспект — это процесс индивидуализации учебных планов с помощью изученного ранее спроса относительно определенного типа специалистов с учетом требований глобальных рынков труда.

На сегодня данные процессы напрямую касаются функционирования и развития университетов, так как делают весьма актуальной задачу постоянного распространения нашей национальной культуры, заставляют стандартизировать обучение и, как ни странно, значительно сужают возможности бюджета страны, находясь в прямой зависимости от львиной доли финансирования высшего образования. На высшие учебные заведения возложена основная задача — адаптация к требованиям глобализационной эпохи.

Стоит подчеркнуть, что современный, конкурентоспособный университет должен постоянно учитывать изменения в обществе относительно культурного и научного технического развития, для того чтобы иметь возможность найти себя в реалиях настоящего.

Если спрогнозировать реакцию высшего образования на процесс стремительной глобализации, то его основной задачей будет направление

усилий на укрепление, сохранение и дальнейшее развитие всех учебных заведений, становление их конкурентоспособности с учетом современного экономического состояния, квалификационных характеристик и сохранения национальных особенностей.

Тем не менее существуют определенные образовательные неравенства, значительно влияющие на глобализацию. Среди них: неравномерность доступа к знаниям, современным информационным технологиям, отсутствие должного речевого общения с ведущими партнерами.

Сегодня при продвижении глобализации необходимо брать за основу англо-американскую модель мироустройства, экспансии евроатлантических культурных ценностей, характерных именно для их высшей школы. И здесь основным преимуществом является критическое мышление. Оно способствует формированию творческого подхода к любой человеческой деятельности, а само творчество толкает к развитию демократических основ общения между людьми. Именно поэтому американская культура и ее рациональность и гедонистическое отношение к жизни, активно насаждаемые с помощью средств телекоммуникации, в наше время получили весьма широкое распространение в мире.

Проследить это можно с помощью сайтов Всемирной паутины, 70% из которых находятся именно в Америке. Известно, что английский язык — самый распространенный для общения. Сама по себе культура — «нейтральный» Интернет, обеспечивающий становление быстрой, прямой и неформальной связи, — способствует созданию тесной глобальной информационной среды, в которой препятствовать распространению американской массовой культуры становится невозможным.

Итак, как видим, в период массовой глобализации прослеживается тенденция сближения народов в культурном плане, что способствует распространению однообразия культурного мира, в то время как многообразие и уникальность смещаются на второй план. Следует помнить: глобализация в своем единстве экономических, политических, культурных процессов приводит к сближению экономического развития стран, но не способствует ликвидации образованных ранее разрывов между развитыми и развивающимися странами. Делая однообразным мировой рынок товаров и услуг, она способствует разрушению традиционных способов жизни. Это приводит к снижению уровня образованности российской молодежи путем навязывания свободного посещения занятий и выполнения индивидуальных планов. Благодаря этому, ценности тоталитарного режима отступают, но при этом происходит доминирование политической составляющей сверхдержав. Они способствуют пропаганде свободного выбора действий, тем самым накапливая для себя невежественные кадры, которыми достаточно легко управлять под лозунгом «демократии».

Современные ценности, в основе которых лежит глобализация, хотя и кажутся универсальными, все же являются абстрактными. Реализация основных экономических, политических, рыночных и других аспектов полностью зависит от культурных особенностей нации, и об этом стоит помнить.

В настоящее время быстро прогрессирующая культурная глобализация бросает вызов существующей системе высшего образования России. В последние годы происходят становление и рассмотрение высшего

образования как товара, где его коммерциализация выходит на уровень мирового рынка, не акцентируя внимания на самом качестве образовательных услуг.

Одна из главных угроз для национальной системы высшего образования — появление провайдеров в образовании. При слабом экономическом развитии страны это приводит к усилению «утечки мозгов» за границу. Талантливые молодые специалисты могут быть отобраны еще во время учебного процесса, с дальнейшим продолжением обучения в стране происхождения провайдера. Как результат — быстрыми темпами увеличиваются потоки иммиграции способной молодежи.

Основным потенциалом провайдеров образования является рост глобализации, что объективно ускоряется благодаря действиям Европейского центра по вопросам высшего образования ЮНЕСКО и других международных организаций. Болонский процесс — яркий тому пример. Поэтому странам — участницам процесса необходимо серьезно задуматься о дальнейших возможностях пропагандирования экспорта услуг образования, в том числе с участием образовательных провайдеров, о сочетании традиционных и инновационных форм образования.

Снижение уровня образованности, а также недостаточное укоренение современного мировоззрения общественного сознания негативно влияет на национальную безопасность. Прежде всего, речь идет об обороноспособности, для поддержания которой необходимо иметь современную армию, оснащенную всей необходимой военной техникой. Этого можно достичь благодаря развитию национального военно-промышленного комплекса, что будет свидетельствовать о наличии мощного личного состава вооруженных сил, специалистов промышленной обороны, а также высокого базового и специального уровня подготовки, позволяющего оперативно осваивать новые технические средства.

Примечания

1. МУХАМЕТЗЯНОВА Ф.Г., ЯРУЛЛИНА А.Ш., ВАФИНА В.Р., БИСЕРОВА Г.К. Феномен субъектности студента вуза как индикатора интеграции психологии и педагогики. — Интеграция образования. 2013. № 1 (70), с. 47—52.
2. ГРОМЫКО Ю.В. Российская система образования сегодня: решающий фактор развития или путь в бездну? Образование как политическая технология. М. 2019.
3. ABELSON J.S., SYMER M.M., YEO H.L., BUTLER P.D., DOLAN P.T., MOO T.A., WATKINS A.C. Surgical Time Out: Our Counts Are Still Short on Racial Diversity in Academic Surgery. — American Journal of Surgery. 2018. No. 215 (4), p. 542—548.
4. АРАКЕЛОВ А.В., АЛИЕВА М.Ф. Система образования в условиях глобализации. — Вестник АГУ. 2014. № 4, с. 17—23.
5. ХАРАРИ Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М. 2018.
6. ИВАНОВ В.В., МАЛИНЕЦКИЙ Г.Г., СИРЕНКО С.Н. (ред.) Контуры цифровой реальности. Гуманитарно-технологическая революция и выбор будущего. М. 2018.
7. АРАКЕЛОВ А.В., АЛИЕВА М.Ф. Ук. соч., с. 17—23.
8. МУХАМЕТЗЯНОВА Ф.Г., ЯРУЛЛИНА А.Ш., ВАФИНА В.Р., БИСЕРОВА Г.К. Ук. соч., с. 47—52.
9. ИВАНОВ В.В., МАЛИНЕЦКИЙ Г.Г. Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука. М. 2017.
10. ГРОМЫКО Ю.В. Ук. соч.

Contents

Articles: **M.A. Astvatsurova, D.S. Chekmenev I.N. Kolesnikov, E.V. Davydova.** Historical conditions and factors of transformation of the system of interaction between government and society in Russia at the end of the 20th — beginning of the 21st century; **Wang Xu.** The evolution of Chinese-Soviet cooperation in the field of culture during the World War II; **Yu.V. Shakhin, T.P. Razbeglova, O.A. Miroshnikov.** The first failure of socialist Yugoslavism (1956—1957 literary polemic about a unified Yugoslavian criterion); **T. Abbasov.** On the development of the political situation in the Middle East in the context of American doctrines and the priorities of George W. Bush administration. Diplomacy in History: **V.V. Sinichenko.** To the question of attempts to acquire rifles from Latin America for the Russian army during the First World War; **S.V. Vorobiev, S.S. Vorobiev, T.V. Epifanova, T.V. Kashirina.** “Unequal exchange” in the history of Russia: from rumors and speculation — to the analysis of reliable documents; **R.R. Valeeva-Khakimova, R.I. Guzaev.** The formation of London—Ankara—Tokyo axis and its impact on modern international relations. People. Events. Facts: **V.K. Groshevaya.** Indigenization and Ukrainization of militia workers of the Ukrainian Soviet Socialist Republic in the 20s of 20th century; **D.N. Mansur, V.V. Skorikov, M.A. Molchanova, I.V. Shvedova.** The history of China’s economic development from the beginning of the Ming dynasty to the beginning of the policy of reform and opening up; **A.S. Archugova, A.A. Vobolevich, M.-N.L. Wagner.** Russian-Chinese relations in the context of the Ukraine crisis 2013—2014 on the pages of the Chinese newspaper “People’s Daily”. History and Fates: **A.V. Volodko.** From the history of the Russian abroad. Ivan Ivanovich Ostromyslensky: outstanding contribution to world science; **I.V. Kornilova, A.Z. Nigamaev, A.M. Rafikov.** Fate of Kazan art of the Soviet era. Peoples of Russia: **M.Ya. Mirzabekov, M.K. Nagieva.** Problems of training female teaching staff in 1950s—1960s: gender aspect. From the History of Religions: **Yu.A. Biryukova.** The conciliar movement in Russian Orthodoxy during the Revolution and the Civil War (1917—1922). History and Law: **N.E. Martynenko.** The incompleteness and shortcomings of the criminal law and the advice of Nikolai Stepanovich Tagantsev on overcoming them; **L.I. Belyaeva, Yu.V. Truntsevsky.** On the establishment and activities of the State Institute for the Study of Crime and the Criminal; **Nguyen Ngoc Kien.** Development of the criminal procedural legislation of Vietnam from 1945 to the present. Cultural News: **N.F. Shestakova.** Stereotypical images about Celtic nations in the British visual culture of the middle 18th — early 19th centuries; **S. Akhmedova.** Literary environment during tsarist Russia in Baku; **S.A. Cherkashina, P.Yu. Gurushkin, Yu.G. Babaeva.** Russian-Chinese cultural contacts in Northeast China in the first half of the 20th century. Historiography: **V.N. Shaidurov, V.A. Lomanov.** Germans of the North-West (1918—1939): historiographical aspect; **A.A. Chemshit, E.V. Skrebets, D.A. Chemshit, O.S. Statsenko.** The imperial phenomenon in the context of geopolitics: Western European historiography. International Scientific Cooperation: **A.L. Chupin, T.M. Vorotyntseva, V.L. Abramov, V.Ya. Pishik.** To the question of the structure of research communication. History of Information Technologies and Data Science: **S.I. Belov.** A series of video games “Metro 2033” as a resource for the politics of memory: positioning and efficiency of promoting images of the past. For Teacher of History: **V.A. Berdinskikh.** Russian peasantry and oral history. Contributions: **Z.A. Arsahanova, T.G. Gilyadov, I.V. Afanasyev, Sh.Kh. Sunatullayeva.** The relationship between trade and migration in the history of the world economy; **A.A. Bisultanova, D.S. Ponomarev, V.A. Yelshin, O.V. Chumacova.** Historical and legal formation of transnational corporations for the development of human capital; **O.E. Voronichev, T.E. Demidova, A.A. Pryadekho, A.P. Tonkikh, M.A. Khudyakova.** Conceptual structures for the development of higher school globalization strategies.

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.

Регистрационный номер № 894

Главный редактор П.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова,
А.Н. Цамутали**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 4(1), 2022

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Сайт: <https://voprosy-istorii.ru/>

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 11.04.2022. Формат 70x108^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 580. Заказ 0474-2022. Индекс 70145.

Цена свободная.

000 Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».
125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62
E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>